

*Олег Платонов*

РУССКИЙ  
ТРУД

Москва  
«Современник»  
1991

П37 Платонов О. А.  
Русский труд.— М.: Современник, 1991.— 335 с.  
ISBN 5-270-01281-2

«История советского периода показала, что рабский принудительный труд заключенных ГУЛАГА не идет ни в какое сравнение не только с эксплуатацией рабочих на дореволюционной российской фабрике, но и со всеми ужасами царской каторги», — утверждает Олег Платонов, ученый и публицист, автор оригинальных очерков о народной культуре труда, известный по своим книгам «Воспоминания о народном хозяйстве» и «Цареубийцы».

Он опровергает мифы об извечной лени русского народа, его неумении работать, о принудительном характере труда в России. Исследований, подобных тому, которое провел в этой книге О. Платонов, в советское время не проводилось.

Автор утверждает, что наше будущее зависит от возрождения утраченных трудовых ценностей русского народа.

П 4702010204-000 99-91  
М106(03)-91

ББК 63.3(2)

ISBN 5-270-01281-2

© О. Платонов, 1991



# ТРУДОЛЮБИЕ КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ

## БЕЗ ТРУДА НЕТ ДОБРА

Еще в древности в народной жизни сложился образ крестьянина — богатыря, пахаря, труженика, неразрывно связанного с землей, получающего от нее свою силу. Не случайно одна из главных фигур в русском богатырском эпосе — Микула Селянинович, о котором вся Русь знала, что биться с ним нельзя, так как «весь род Микулов любит матушка сыра земля». Главное в жизни Микулы Селяниновича, согласно былинам, труд, пахота. В его образе олицетворяется сам народ, ибо только Микула может поднять те «сумочки переметные», в которых обретаются «тяга земли». Мощь Микулы Селяниновича подавляет и посрамляет черные силы колдовства. Былина рассказывает, как богатырь Волх Всеславьевич, известный своей силой и «вежеством» (то есть владеющий колдовскими тайнами), при рождении которого «подрожала мать сыра земля; сотрясалося славно царство Индейское, а и сине море сколебалося», вынужден был уступить пахарю Микулушке первенство в труде. Волх Всеславьевич увидел в поле пахаря, который пашет, да с таким размахом, что «ехал Волх до ратая день с утра до вечера, а не мог до ратая доехать». Не утерпел Волх, зовет Микулу Селяниновича поехать с собою в побратимах, и Микула соглашается, но когда пришло время вынимать из земли соху, то ни сам Волх, ни вся его дружина не могли с ней справиться, а только Микула Селянинович одной рукою выдергивает соху из земли и перебрасывает ее за ракитов куст.

Из семей простых крестьян-тружеников рождаются главные русские богатыри, и прежде всего Илья Муромец, которые если уж берутся за работу, то выполняют ее от зари до зари, с полной отдачей и добросовестно. Народное сознание, выражаемое в сказках, пословицах, поговорках, песнях, былинах, не мыслит труд иначе как нравственное деяние, а труженика-крестьянина как главное действующее лицо государства.

«Человек рожден для труда» (имея в виду труд как нравственное деяние), — говорят бесчисленные народные пословицы. «Без труда нет добра», «Труд человека кормит,



а лень портит», «Праздность — мать пороков», «Кто не работает, тот не ест», «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Кто хорошо трудится, тому есть чем хвалиться», «Труду время, потехе час», «Без труда меду не едят», «Труд кормит и одевает», «Терпение и труд все перетрут», «Без хорошего труда нет плода», «Зажиточно жить — надо труд любить», «Работай до поту, так и поешь в охоту», «У работающего в руках дело огнем горит», «Работай боле — тебя и помнить будут доле», «Рукам работа, душе праздник», «Добрые люди день начинают работой», «Работай смелее, будешь жить веселее», «Сегодняшние работы на завтра не откладывай», «У кого работа, у того и хлеб», «Без дела жить — только небо коптить»<sup>1</sup>.

Сегодня мы многое позабыли из нашей истории, и от того, может быть, появляются на страницах печати оскорбительные байки о якобы извечной лени русского мужика, его рабском характере и отсутствии самостоятельности<sup>2</sup>.

Отношение русского человека к труду вырабатывалось в упорной борьбе за освоение новых земель с бесконечным дремучим лесом, в противостоянии ордам многочисленных кочевников. Именно в этой борьбе с лесом складывался его трудовой характер. Чтобы освоить пашню, «приготовить ее к новине», в первый год наши предки обдирали с деревьев кору, подсушивая деревья, в следующем — в один из зимних месяцев производились подсека, рубка леса. Было это очень тяжело. Леса тогда были не такие, как сегодня, а настоящая дремучая тайга. Как только сходил снег и подсыхала почва, срубленные деревья складывали в гигантские костры и поджигали. Время от времени костры передвигали огромными шестами, по всему палу, чтобы выжечь на нем все пни и колоды, а землю равномерно удобрить золою. «Эта адски тяжелая и трудоемкая работа в дыму и копоти, с которой люди каждый вечер возвращались домой обожженные и черные, как из пекла,— пишет очевидец,— а затем надо было еще убрать с расчисти все не успевшие сгореть остатки леса. Именно о такой вырубке и уборке подсеки, как о богатырском подвиге, поется в одной из былин об Илье Муромце:

Пошел Илья ко родителям, ко батюшке  
На тую на работу на крестьянскую,  
Очистить надо пал от дубья-колоды.  
Он дубье-колоды все повырубил...

Распахивать такой нераскорчеванный пал с тысячами корневых оплетений не под силу было бы даже мощному

трактору, а потому его и вовсе не распахивали, а просто сеяли по пожоге, расковыряв кое-где примитивной мотыгой и заделывая брошенные зерна «наволоком», бороной-суковаткой»<sup>3</sup>.

Так наши предки жили не одну тысячу лет, ибо в самом древнем славянском календаре (замененном христианским в X веке) этапы этого труда были увековечены в названиях месяцев. Месяц февраль назывался тогда сечень, ибо именно в это время производилась рубка леса под пашню, а месяц апрель именовался березозоль — в это время сваленный и подсохший лес превращали в золу. Да и вообще в названиях месяцев отражался трудовой характер наших предков. Так месяц уборки урожая назывался серпень или жнивень.

Земледельческий труд в этих условиях — настоящий подвиг, требующий постоянного напряжения, самоотдачи и терпения. Конечно, все это рождало умение к тяжелому упорному труду, самостоятельность, энергичность и инициативу. Историк С. Соловьев отмечает дух предприимчивости, активности, умение концентрировать жизненные силы в борьбе с нелегкими условиями существования, проявляемые нашими предками на ранних этапах истории. Н. Карамзин свидетельствует о способности древних россиян искусно выполнять собственными руками многие виды работ, необходимые для хозяйства.

Русский человек — отмечал историк Иловайский — представлял замечательный образец «характера деятельного, расчетливого, домовитого, способного к неуклонному преследованию своей цели, к жесткому или мягкому образу действия смотря по обстоятельствам...»<sup>4</sup>.

В силу природных особенностей нашей страны труд русских людей носил неравномерный характер. Как писал Ключевский, русский человек знал, «что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убрать с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряженному труду на короткое время, какой может развить великоросс; но и ни-

где в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду»<sup>5</sup>.

Трудовой характер русского человека в устойчивой, традиционной семье культивировался созданием и поддержанием в сознании всех членов трудящейся семьи образа идеального трудолюбивого предка, своим примером прокладывающего дорогу ныне живущим членам семьи. Поэтому трудовая деятельность русского человека всегда осуществлялась с оглядкой на этого идеального предка (или предков), отказаться от заветов которого было изменой или предательством. «Обособленность семьи, ее судьба и благополучие — все это олицетворялось в образе незримого домашнего духа — хранителя, неусыпно заботящегося о благосостоянии хозяйства. Однако он заботился о нем лишь в том случае, если члены семьи сами трудолюбивы и запасливы, если руководство хозяйством семьи в надежных руках. Незримый покровитель семьи, олицетворяющий ее благополучие, ассоциируется в сознании людей в образе предка...»<sup>6</sup> Отсюда неискоренимое чувство связи русских крестьян с предками, почитание их, преклонение перед традициями и стариной. «Добрая старина, святая», — говорил крестьянин. «Что старина, то и деяние», «Старина что диво», «Старина с мозгом».

Послушайте эти пословицы:

«Наши отцы и деды того не делали, да и нам не велели», «Старики, чай, не меньше нашего знали», «Как жили деды и прадеды, так и нам жить велели», «Не сегодняшнее, вчерашнее, да и не нами случилось», «Не нами установлено, не нами и переставится», «Как отцы и деды наши, так и мы», «Отцы и деды не знали этого, да жили не хуже нашего», «Спокон веку, как свет стоит, так исстари повелось», «Пускай будет по-старинному, как мать поставила».

А сколько еще этих пословиц можно привести. Лучшая аттестация для крестьянина сказать: «старинного закалу». А если уж что-то сделать хорошо, то это «тряхнуть стариной», «повытрясти старинушку», ибо «старина посдобнее была».

Многие трудовые качества русского человека, и прежде всего его отношение к труду, сложились еще в дохристианский период. Орудия труда были с ним не только в жизни, но и брались в смертный путь. В древних славянских могильных курганах наряду с оружием, украшениями, различными предметами быта нередко находят и

орудия труда (косы, молотки, серпы и т. д.), что значит: и на том свете наши древние предки не мыслили себя без работы.

Принятие христианства ознаменовало новый этап в развитии труда, внесло в него сильное организующее начало, укрепило его духовно-нравственное ядро. Вопреки формально-догматической трактовке труда как проклятия Божьего отношение к труду в Древней Руси, только что принявшей христианство, носило живой самоутверждающий характер. Идея труда как общепользнего дела, и в идеале — как служение мирским интересам, конечно, родилась в крестьянской общине. Христианский индивидуализм с его установкой на личное спасение, широко господствующий в западноевропейских странах, на Руси распространения не получил, что было, по-видимому, связано с характером русского народа, жившего в условиях общины и имевшего иное понимание жизненных ценностей. Спасение на Руси мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий и, наконец, через подвижничество, одной из форм которого был упорный труд. Рассуждение о труде как проклятии Божиим для абсолютного большинства наших предков оставалось мертвой фразой, иногда произносимой с амвона, но не имеющей ничего общего с реальной практикой отношения к труду. Ибо с самого начала зарождения православия труд рассматривается как нравственное деяние, как богоугодное дело, а отнюдь не как проклятие.

«Бог труды любит», «С молитвой в устах, с работой в руках», — часто повторяет русский человек. «Бог повелел от земли кормиться», «Божья тварь Богу и работает», «Пчела трудится — для Бога свечка пригодится», «Не спрашивай урожай, а паши и молись Богу», «Богу молись, а сам трудись», «Богу молись, крепись, да за соху держись», «Молись Богу, землю паши, а урожай будет». В «Поучении» Владимира Мономаха (XII век), значительно отразившем мировоззрение эпохи, труд — высшее мерило богоугодности человека.

Владимир Мономах не противопоставляет физический и умственный труд; хотя первый для него является необходимой предпосылкой успеха во втором. Знание облагораживает труд, делает человека уверенным и сильным. «Еже было творити отроку моему, — делится своим опытом с наследниками Мономах, — то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокая. На посаднике не зря, ни на биричи, сам тво-

рил, что было надобе, весь наряд, и в дому своем то, я творил есьм». Труд обогащает человека знанием; знание же плодит свободу, сообщает деяниям смысл и истину. Главное же — удовлетворенность собственной жизнью. Любой труд для человека — радость, а труд умственный радость вдвойне: в нем человек обретает спокойствие духа и постигает величие божества<sup>7</sup>.

Трудолюбие, желание старательно и добросовестно работать всегда были главным народным идеалом, определяющим жизнеспособность народа. Как пишет В. Белов: «Все начинается с неудержимого и необъяснимого желания трудиться... Уже само это желание делает человека, этническую группу, а то и целый народ предрасположенными к творчеству и поэтому жизнеспособными. Такому народу не грозит гибель от внутреннего разложения. Творческое начало обусловлено желанием трудиться, жадой деятельности»<sup>8</sup>.

Трудолюбие, старательность, добросовестность — отличительные черты положительных героев русских народных сказок, и наоборот, отрицательные персонажи характеризуются чаще всего как ленивые, неумелые, стремящиеся урвать незаслуженные блага. Причем в сказках положительные черты героев определяют их победу в жизненной борьбе. «Терпение и труд — все перетрут», — говорит крестьянин. В сказках о мачехе и бедных сиротах мачеха посредством трудных и, кажется, невыполнимых работ стремится извести сироту. «Но несчастье только воспитывает в сиротах трудолюбие, терпение и глубокое чувство любви ко всем страждущим и сострадания ко всякому чужому горю. Это чувство любви и сострадания, так возвышающее нравственную сторону человека, не ограничивается тесными пределами людского мира, а обнимает собой всю разнообразную природу... (эта) нравственная сила спасает сироту от всех козней; напротив, зависть и злоба мачехи подвергает ее наказанию...»<sup>9</sup> — пишет исследователь русских сказок А. Афанасьев.

Трудолюбие как главная добродетель крестьянина, добросовестное отношение к труду, ставшее устойчивым обычаем и привычкой, потребность в труде, превратившаяся в один из главных мотивов жизнедеятельности, составили неотъемлемую часть мировоззрения крестьянина.

Таким образом, сельский труд имел ценнейшую духовно-нравственную основу; стремление выполнить работу как можно лучше обуславливалось духовно-нравственной культурой крестьянина.

Среди многих тысяч русских пословиц вы не найдете ни одной, где бы труд воспринимался как проклятие. Бывает, жалуются на тяжелый труд, на господский труд, да и удивительно мало жалуются, хотя жизнь русского крестьянина была очень нелегка, но возвращенное с детства чувство подвижнического отношения к труду не позволяет крестьянину жаловаться.

А зато пословиц, прославляющих трудолюбие и добросовестность в труде, великое множество.

«Скучен день до вечера, коли делать нечего», «Не то забота, что много работы, а то забота, как ее нет», «Будешь счастлив, паши не лениво», «Досуг будет, когда нас не будет», «Не убить бобра, не нажить добра», «Работать — день коротать, отдыхать — ночь избивать», «Маленькое дело лучше большого безделья», «Шевелись, работай — ночь будет короче» (то есть хорошо поспишь от усталости), «Покидай на утро хлеба, не покидай на утро дела», «С ночи сыт не будешь, не печь кормит, а руки», «Лень мужика не кормит», «Не пугай молодца работой, а сыпь ему молу» (то есть что молоть).

Вы думаете, это все? Пословиц, прославляющих трудолюбие и трудолюбивого человека, многие десятки, всех не перечислишь, но вот еще некоторые.

«Сер мужичок, да сердит на работу. И серо, да сбойливо», «Люблю серка за обычай: кряхтит да везет», «О добре трудиться, есть чем похвалиться», «Добывай всяк своим горбом! Нет мошны, так есть спина», «Работай до поту, так поешь в охоту», «Покуда цеп в руках, потуда и хлеб в зубах», «Глаза бояться, а руки делают», «Что потрудимся, то и поедим», «Держись сохи плотнее, так будет прибыльнее», «Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто», «Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится», «Что умолотишь, то и в засек положишь», «Работа лучший приварок. По работе еда вкуснее», «Одна забота — не стала бы работа».

Но одного трудолюбия мало. Нужна еще добросовестность в труде. Вспоминаю мою бабушку (она родилась в крестьянской семье в 1900 году) — выполнить работу плохо, даже если она не виновата, было для нее мукой и стыдом. А сколько возмущения у нее вызывала недобросовестность в труде, у кого бы она ни проявлялась: у ее родного внука или когда видела подобное в кино, по телевизору. «Дело шутки не любит», — впервые эту пословицу я услышал от нее. А недавно, заглянув в книгу Даля, я нашел еще большее число пословиц на эту тему.

«Вразумись здраво, начни рано, исполни прилежно» — эта пословица встречается у Даля несколько раз. «В пол-плеча работа тяжела: оба подставишь — легче справишь», «Поспешай, да не торопись. Что скоро, то не споро», «Взялся за гуж, так не говори, что не дюж», «Не бери ноши сверх мочи, а положат, кряхти да неси», «Десять раз примерь, один раз отрежь», «Хорошо смазал, хорошо и поехал», «Лес сечь — не жалеть плеч», «На скорую ручку — комком и в кучку».

Отношение наших предков к труду как добродетели, как к нравственному деянию ярко выразилось в замечательном памятнике русского быта и литературы XVI века «Домострое». В этой книге создается настоящий идеал трудовой жизни русского человека — крестьянина, купца, боярина и даже князя (в то время классовое разделение осуществлялось не по признаку культуры, а больше по размеру имущества и числу слуг). Все в доме — и хозяева, и работники — должны трудиться не покладая рук. Хозяйка, даже если у нее гости, «всегда бы над рукоделием сидела сама». Хозяин должен всегда заниматься «праведным трудом» (это неоднократно подчеркивается), быть справедливым, бережливым и заботиться о своих домочадцах и работниках. Хозяйка-жена должна быть «добрая, и трудолюбивая, и молчаливая». Слуги хорошие, чтобы «знали ремесло, кто кого достоин и какому ремеслу учен». Родители обязаны учить труду своих детей, «рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей».

Книга проповедует трудолюбие, добросовестность, бережливость, порядок и чистоту в хозяйстве. Очень тактично регулируются трудовые отношения между хозяином и работником.

Труд в хозяйстве русского человека приобретал характер сложного, многообразного ритуала, особенности которого определялись вплоть до мелочей — как мыть, тереть, сушить, скэблить, солить грибы, ухаживать за скотом и т. д. Во многих местах «Домострой» — настоящее пособие по научной организации труда русского крестьянина XVI века (например, глава 32. Как порядок в избе навести хорошо и чисто).

Труд как добродетель и нравственное деяние: всякое рукоделие или ремесло, по «Домострою», следует исполнять приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего — святым образам поклониться трижды в землю — с тем и начать всякое дело. Делать работу надо добросовестно, сосредоточенно, не отвлекаясь.

«А если во время дела какого раздастся слово праздное, или непристойное, или с ропотом, или со смехом, или с кошуномством, или скверные и блудливые речи,— от такого дела Божья милость отступит, и вот уже дело и всякое ремесло и любое рукоделие не с Богом совершается, а Богу во гнев, ибо и людям неблагословенное не нужно и не мило, да и не прочно оно». «Домострой» осуждает недобросовестную работу и обман как грех перед Богом. «Кто в каком рукоделье нечисто готовит или в ремесле каком украдет что или соврет, и притом побожится ложно: не настолько сделано или не в столько стало, а он врет,— так и такие дела не угодны Богу, и тогда их запишут на себя бесы, и за это все взыщется с человека в день Страшного суда». В общем полное созвучие с народной мудростью: «Дело знай, а правду помни», «Дело делай, а правды не забывай».

В XIX веке «Домострой» получил ярлык ретроградного произведения, но скорее всего это было связано с общим отрицанием ценностей древнерусской культуры, непониманием ее духовного богатства, чем с реальными недостатками идеального памятника русского быта. Исследователи этого памятника, в том числе некоторые современные, отказывают ему в духовности, сводя его к сугубо материальной стороне жизни. И нет более ошибочного суждения, чем это. Ибо в «Домострое» проводится идея практической духовности, духовности, неразрывной с материальной стороной жизни, в чем и состояла особенность развития духовности в Древней Руси. Духовность — не рассуждения о душе, а практические дела по претворению в жизнь идеала, имевшего духовно-нравственный характер. Идеи праведного труда, доброты, честности, добропорядочности, любви к ближнему, забота о жизни и условиях труда работников — отражают лучшие качества человека Древней Руси.

Вплоть до начала XX века многие лучшие черты отношения к труду русского человека по «Домострою» сохранялись в монастырях, давших идеальные образцы добросовестной, качественной и эффективной работы.

Исстари русские монастыри (особенно пустынные монастыри) были религиозно-трудовыми братствами, в которых на практике реализовывались трудовые идеалы русского общества.

Как отмечал еще историк Ключевский, древнерусский общежительный монастырь в XIII—XIV веках в процессе своей эволюции превращался в трудовую земледельческую



общину. По задачам иночества, писал В. Ключевский, «монахи должны питаться от своих трудов, свои труды ясти и пити, а не жить подаениями мирян». Среди основателей и собиравшихся к ним рядовой братии пустынных монастырей встречались люди из разных классов общества — бояре, купцы, промышленники и ремесленники, иногда люди духовного происхождения, очень часто крестьяне. Общежительный монастырь под руководством деятельного основателя представлял рабочую общину, в которой занятия строго распределялись между всеми; каждый знал свое дело, и работы каждого шли «на братскую нужду» (выделено мною.— *О. П.*). Устав белозерских монастырей Кирилла и Ферапонта... живо изображает этот распорядок монастырских занятий, «чин всякого рукоделия»: кто книги пишет, кто книгам учится, кто рыболовные сети плетет, кто кельи строит; одни дрова и воду носили в хлебню и поварню, где другие готовили хлеб и варево, хотя и много было служб в монастыре, вся братия сама их поправляла, не допуская до того мирян, монастырских служек. Первой хозяйственной заботой основателя пустынного монастыря было освоение окрестной земли силами собирающейся в нем братии. Пока на монастырскую землю не садились крестьяне, монастырь самостоятельно обрабатывал ее «всем своим составом, со строителем во главе выходя на лесные и полевые работы»<sup>10</sup>.

Все побывавшие на Соловках или Валааме, да и во многих других русских монастырях в XVIII—XIX веках, отмечают их удивительную ухоженность, необыкновенное трудолюбие монахов, сумевших в сложных климатических условиях Севера создать настоящие оазисы. Могли ли это создать люди, считавшие труд проклятьем? Конечно, нет.

«Труд дело святое», — как бы отвечая своим оппонентам, говорили монахи, создавая настоящие образцовые хозяйства, выращивая на Севере южные фрукты, превращая бесплодную каменистую землю в цветущий сад, возводя чуть ли не голыми руками сложные инженерные сооружения.

Хочется передать (в нашем изложении) рассказ писателя Василия Ивановича Немировича-Данченко, побывавшего вместе с богомольцами на Соловках в самом начале XX века.

Монахи с гордостью показывают Василию Ивановичу сооружения соловецких доков.

— Наши из крестьян строили, — говорят они.

— А кто наблюдал за постройкой?

— Тоже монашек из мужичков!

— И техников не было?

— Зачем нам техники: у нас Зосима и Савватий есть. Чего не поймем, они наставят!

И за границей Василий Иванович не встречал сооружения более прочного и красивого. Бока его обшиты гранитом, все до последней мелочи изящно, несокрушимо и удобно. Своими руками монахи построили канал, соединивший доки со Святым озером.

— Ведь это Святое озеро может иссякнуть?

— Нет, Святое озеро у нас связано каналами с другими озерами. Через Святое озеро и резервуар Святого Филиппа в доки идет вода восьми—десяти озер... Мы еще как приспособили: канал, который проводит воду в шлюзы, движет также и машину лесопильного завода!

— Как строился док?

— Днем и ночью строили непрерывно. Днем богомольцы, под присмотром монахов, а ночью одни монахи, сами. А за всеми работами крестьян — монах смотрел!

— Тяжела работа была?

— Нет, многим в это время разные явления были. Подкрепляло это. Мы ведь так: как затомимся — сейчас молитву хозяину обители, ну — как рукой и снимет; или псалом хором споем — и опять за работу.

Немирович-Данченко наблюдает за работой монахов, которые в это время устанавливали в доки пароход. Все это время иеромонах и наместники тянули бечеву и работали наравне с простыми богомольцами. Если в других местах поют «Эй, дубинушка, ухнем», то здесь — псалмы. Понукали ленивых мягко и снисходительно. Не было слышно ни бестолкового крика, ни не идущих к делу советов и замечаний. Все совершалось в строгом порядке.

— А что, кроме ремонта, в доках делаете?

— Как же, теперь пароход «Надежду» сами здесь соорудили. Винты для пароходов делаем. Скоро и машины станем производить. Дай срок — все будет!

— Ну, а с чего наместник работает там вместе с простыми матросами?

— У нас первое дело — пример. Как гостиницу строили — сам архимандрит камни таскал. Кирпичи на тачках возил. Труд — дело святое, всякому подобает. Не трудишься, так и хлеба не стоишь!

— Экое богатство, — удивляется рядом крестьянин. — Видимо, что Промыслом Господним все!

— И что чудно, братец мой, никого не приставлено, а все, как следует, идет!

— Вот, монашек, по-ихнему в больших чинах,— а тоже канат тянет!

Василий Иванович обошел хозяйственные постройки Соловецкого монастыря. Везде чистота, порядок. Работа кипит, но шума не слышно и суеты не видеть. Монахи работают рядом с богомольцами, а начальники работ трудятся вместе с ними.

«Весь этот монастырь показал мне,— делает вывод Немович-Данченко,— чем могло бы быть русское крестьянство по отношению к труду и производительности, если бы попеременно его не давило то иго монгольское, то крепостное состояние»<sup>11</sup>.

Хозяйственное процветание Соловецкого монастыря продолжалось до 1917 года. После революции на базе монастырского хозяйства был создан совхоз, который в короткий срок разрушил всю историческую структуру и хозяйственные связи. Последнюю же точку на уникальном монастырском хозяйстве поставил ГУЛАГ, а точнее, СЛОН.

Древнерусский идеал трудовой жизни долгое время продолжал существовать среди старообрядцев. Старообрядческие общины во многом сохранили трудовые ценности Древней Руси.

Как здесь не вспомнить старообрядческое крестьянское царство на реке Выг. Вплоть до середины XIX века старообрядцы сохраняли здесь древнерусские формы крестьянской жизни. Религиозный центр крестьянского царства располагался в селе Данилово, а в 27 скитах на началах самоуправления вели «мирскую» жизнь тысячи старообрядцев. Каждое поселение обладало полной самостоятельностью; общие дела решались на сходах всех жителей скита. Труд строился на артельных началах и принципах «Домостроя», как святое дело и добродетель. Работали все от мала до велика — расчищали дремучие леса, поднимали целину, строили дома и многочисленные постройки, ловили рыбу, били зверя. Взяв в аренду 13078 десятин земли в Каргопольском уезде, крестьяне-старообрядцы построили там свои фермы-«пустыни», активно занялись хлебопашеством и скотоводством. Продуктивность скота и эффективность использования земельных угодий у старообрядцев были одни из самых высоких в России. Была у выговцев заведена своя мукомольная фабрика, а также медноли-

тейное производство, снабжавшие значительную часть России медными крестами. Не гнушались крестьяне и торговлей — хлебом, маслом, рыбой, звериными шкурами, медными изделиями — в крупных городах России: Петербурге, Москве, Архангельске, Казани, Рыбинске, а также за границей — в Норвегии и др. Для торговли они имели свои суда и пристани. Торговых представителей крестьянского царства все знали как честных и порядочных купцов, торговавших товарами высокого качества и, как правило, более дешевыми, чем у других продавцов.

В XVIII — первой половине XIX века крестьянское царство на реке Выг достигло поразительных результатов, став одним из самых цветущих мест Российской империи. Достаточно сказать, что доход на душу населения был в Выговских скитах во много раз больше, чем в среднем по России.

Кроме хозяйственных успехов, Выгореция, так иногда именовали это крестьянское царство, создала и развивала свои школы, библиотеки, мастерские по переписыванию древних книг, певческое училище и иконописную мастерскую.

Процветание крестьянского царства на реке Выг было разрушено в 1850 году «декретом» Николая Первого, изгнавшего отсюда большую часть старообрядцев и поселившего на их месте переселенцев (в основном деклассированных элементов) из Псковской губернии. В короткий срок богатые и оживленные деревни превратились в ничтожные и запустелые.

Говоря о главном, что составляло сущность русского труда в эпоху его расцвета, следует подчеркнуть, что он никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем трудолюбие было характерным выражением духовности. Очень верно сказано русским педагогом В. А. Сухомлиным, что «отношение к труду является важнейшим элементом духовной жизни человека. Было бы недостаточным и наивным сказать, что трудолюбие воспитывается в процессе труда. Трудолюбие как важнейшая черта морального облика воспитывается и в процессе духовной жизни — интеллектуальной, эмоциональной и волевой. Не может быть трудолюбивым человек, мало думающий, мало переживающий»<sup>12</sup>.

Трудолюбие, добросовестность, старательность, которые мы отмечаем в наших предках, рождались не просто в

процессе выполнения трудовых функций (хотя и это немаловажно), а являлись итогом их богатой духовно-нравственной жизни.

## НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Общеобразовательная подготовка тружеников Древней Руси осуществлялась посредством церковного пастырства и учительства. Понятие труда как добродетели впитывалось в сознание русского человека как со стороны семьи и коллектива, так и со стороны церковного наставничества, ибо каждый труженик был членом того или иного прихода. Традиция церковного наставничества не прерывалась и в период петровских преобразований, во время которых сам царь пытался даже усилить роль церкви в воспитании подрастающего поколения. Новгородский митрополит Иов сообщал в 1710 году, что государевы писцы неволили священников при каждой церкви школы строить<sup>1</sup>.

Обучение трудовым навыкам совершенствования мастерства осуществлялось, с одной стороны, в семье крестьян и ремесленников, а с другой — в общине и артели, непрерывно, в течение всей жизни.

«Передача трудовых традиций по иерархии родственных отношений,— отмечала Марина Михайловна Громыко,— осуществлялась: внутри семьи; через отпочковавшиеся от нее семьи. — по фамильному (родственному) гнезду в пределах данной общины; через отселяющиеся семьи родственников — в другие общины. Распространение по этим каналам шло не только за счет непосредственной преемственности в семье между поколениями, естественно продолжавшейся и в отделившихся и в отселившихся семьях, но и за счет общения родственников, в том числе живущих в разных деревнях»<sup>2</sup>.

Каким образом передавались и закреплялись трудовые навыки подрастающему поколению?

С ранних лет само собой разумеется, что ребенок должен помогать в доме и на дворе. Мальчик держался отца, перенимал его навыки, девочка — матери, помогая ей в работе. Еще свидетельства XVIII века говорят о том, что «мальчики привлекаются к упражнениям в хлебопашестве с семи лет». Во время страды в XIX веке известны случаи работы на полях мальчиков и девочек с десяти лет. Местный священник Шадринского уезда Пермской губернии

рассказывает, что в 50-х годах XIX века мальчики «с пяти лет начинают ездить верхом на лошади и гонять скот на водопой; с восьми лет мальчик зовется борновоолоком и управляет лошадей при распашке и бороньбе земли; в четырнадцать — он хорошо уже владеет косою, серпом, молотилом, топором и принимается за соху. Бедные крестьяне отдают в эти лета детей в срочную работу. Дети женского пола с шести лет садятся за прялку и пасут цыплят; с десяти берутся за иголку и серп, водятся с зыбочными малютками и домовничают во время страды; с четырнадцати лет садятся ткать за красна, проворно жнут и косят. Родители, не имеющие детей мужского пола, сажают своих дочерей, моложе 14 лет, на лошадь, и они заменяют мальчиков-борновоолоков»<sup>3</sup>.

Настоящей школой воспитания трудовых навыков в деревнях были общественные работы-помочи, которые собирались тем или иным крестьянином для быстрого совместного выполнения тех или иных работ — постройки дома, вывоза из леса бревен, приготовления пряжи, а нередко и совместной жатвы, сенокоса, уборки сена, перевоза хлеба с полей. На помочах подрастающее поколение имело возможность перенять трудовые навыки у лучших, сноровистых работников села.

Что давали помочи?

Для подрастающего поколения — выработку трудовых навыков и воспитание трудовых ценностей: отношения к труду как добродетели и презрения к лодырничеству и паразитизму. Для более зрелых крестьян на помочах осуществлялся обмен опытом, перенимались и усваивались самые удачные приемы работы.

А для всего мира вырабатывались стандарты, образцы качественно лучшей работы, а также стандарты качества самой продукции. Исподволь, незаметно складывался и превращался во влиятельную силу общественный контроль за качеством продукции. Снизить качество труда в этих условиях было для крестьянина позором.

Как и многие другие виды работ, общественные работы-помочи велись на началах соревновательности, стремлении показать себя с лучшей стороны. Лучшие работники поощрялись общественным мнением, приобретали уважение односельчан, и одновременно обидному осмеянию и осуждению подвергались лень, неумение, небрежность, недобросовестность в работе. Эмоциональный урок был так значителен, что в самом раннем детстве у ребенка складывалось уважительное, почтительное отношение к хоро-

шему работнику, мастеру и пренебрежительное, презрительное отношение к лодырю и недобросовестному работнику.

Каким образом осуществлялась передача трудового опыта у крестьян, мы уже видели — путем «непрерывного трудового обучения» буквально с младенческих лет. У городских рабочих и ремесленников дело было поставлено так же. Отцы обучали сыновей своему мастерству. И это было не только их право, но их долг и обязанность, нарушение которых вело к наказанию. Нередко городские жители отдавали своих детей на обучение. Срок его составлял 8—9 лет, а ученик, согласно «типовому» договору об обучении, должен быть в это время «во всем послушен, покорен и безответен»<sup>4</sup>.

Кроме того, московское правительство, например, в XVII веке обязывало лучших мастеров брать на выучку назначенных им для этого мальчиков, преимущественно детей казаков и стрельцов. Мастерам на этих мальчиков выдавались деньги на одежду и на прокорм. Ученики жили или у своего учителя, или на частной квартире. От мастеров требовалось, чтобы они «ребят выучили мастерству доброму и открыли дела свои в ученье явно, ни в чем бы в делах своих не скрылись». Так, например, готовились квалифицированные строительные рабочие, которые после обучения заносились в специальные списки и могли быть в любой момент привлечены на строительные объекты Российского государства.

## ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ

«Не то дорого, что красного золота, а дорого то, что доброго мастерства». Да, что особо ценилось в трудовой среде, так это — мастерство и ремесло. Не будет преувеличением сказать — в народе был настоящий культ мастера. Опытному мастеру почет и уважение были обеспечены на всю округу.

«Мастерство везде в почете», — говорили люди. «Работнику полтина — мастеру рубль», «Не работа дорога — уменье», «Мастер один — а подносчиков десять», «Не за шило платят, за правило», «По закладке мастера знать», «В добрую голову — сто рук», «Дело мастера боится», «Всякая работа мастера хвалит», «Мастерства за плечами не носят, а с ним добро».

О мастерах говорили всегда уважительно и с особой теплотой. «Он на все руки мастер», «Золотой человек, золотые руки», «К чему рук ни приложит, все кипит».

Об их необыкновенных возможностях создавались всяческие легенды, порой просто баснословные. Им приписывались сверхчеловеческие качества. Вспомните легенду о Левше, который подковал блоху, но у этого человека был реальный прототип. О таких как раз и говорили: «На обухе рожь молотит, зерна не уронит», «Комар носу не подточит. Иголки не подсунешь» (не подобьешь), «Он из песка веревки вьет».

Профессионализм и мастерство русских ремесленников были очень высоки. Древнерусские «кузнецы по золату и серебру» создавали золотые украшения с цветной эмалью, изящные изделия из серебра со сканью и зернью, красивое оружие, художественную чеканку, высоко ценившиеся во всем мире. Немецкий знаток ремесел Теофил из Падеборна (XI в.), описывая в своих «Записках о различных искусствах» страны, прославившиеся в том или ином мастерстве, назвал на почетном месте и Русь<sup>1</sup>. Мастера, как правило, были грамотны, о чем свидетельствует множество надписей на бытовых вещах, стенах церквей, а также дошедшие до нас берестяные грамоты. Кузнец-оружейник ставил свое имя на выкованном им клинке меча («Людота Коваль»); новгородский мастер великолепного серебряного кубка подписал его: «Братило делал»; Любечанин Иван, токарь по камню, изготовив миниатюрное, почти игрушечное, веретеное пряслице своей единственной дочери, написал на нем: «Иванко создал тебе (это) одина дща»<sup>2</sup>.

Сегодня нас удивляет мастерство архитектурных сооружений Древней Руси, и прежде всего храмов. Но ведь для этого понадобилось создание целой системы подготовки квалифицированных строительных кадров, их учета, предоставление им целого ряда специальных льгот. Строительные мастера в XVII веке не платили податей с земли или добра и не несли никаких личных повинностей, обязательных для тяглова населения (хотя с 1684 г. эти льготы были отменены). Им было разрешено вести мелочный торг и курить вино для личного употребления, что было признаком доверия к ним со стороны правительства. Все дела строительных мастеров и их семей ведали и судили, кроме крупнейших уголовных преступлений, в Каменном приказе. Мастера и подмастерья, находившиеся на службе в Каменном приказе, разделялись на целый ряд специаль-



ностей — градодельцев, городских смышленников (занятых постройками военных сооружений), каменных дел здатель и пр. Некоторые мастера Каменного приказа получали постоянное жалованье, а кроме того, участвуя в какой-либо постройке, — еще и поденную оплату.

Но, пожалуй, больше всего мастеров было в плотничном деле. Об этом свидетельствовали деревянные храмы и дома, стоявшие в русских селах и городах еще в начале нынешнего века (сегодня сохранившиеся в основном только на фотографиях). У плотников была своя проверка мастерства. «Клин тесать — мастерство казать» (сразу вытесать верный клин, без подтески, — такое же мастерство для плотников, как выточенный от руки правильной формы шар для токарей).

Мастерство и мастера ценились как среди ремесленников, так и среди крестьян.

Древние, отточенные до совершенства приемы труда у некоторых крестьян приобретали эстетический характер. Такие мастера в крестьянской среде ценились особо. Г. Потанин, известный русский путешественник, рассказывал, как на Алтае ему довелось познакомиться с одним из таких крестьян. «Особого совершенства этот крестьянин достигал на жнивье, где результат труда его облекался в отточенную форму, доставлявшую эстетическое удовольствие ему самому и зрителям... Он прекрасно вязал снопы, прочно и красиво, и никто не мог лучше его завершить стога. Пашню Петра Петровича (так звали этого крестьянина. — *О. П.*) тотчас можно было отличить от прочих по красоте конических суслонов, которая зависит от пропорциональной завязки верхнего снопа, опрокинутого вниз колосьями и служащего суслону крышей; если перевязка его сделана слишком далеко от жнива, суслон выйдет большеголовый, если слишком близко — наоборот. Петр Петрович избегал обоих недостатков. И шейки всех суслонов приходились у него на одной высоте»<sup>3</sup>.

Знание того или иного ремесла тоже высоко ценилось в народе, но стояло ниже понятия мастерства. Далеко не всякий ремесленник мастер. Это было ясно всем. Да и не каждый ремесленник на это претендовал. Вокруг ремесленника не создавалось такого «культа личности», как вокруг мастера.

«Ремесло за плечами не висит (не тяготит)», «Ремесло не коромысло, плеч не оттянет», «Ремесло пить, есть не просит, а само кормит».

Как бы противопоставляя себя правящим слоям, трудящийся ремесленник говорил, что для него «ремесло вотчина, ремесло кормилец».

«Всяко ремесло честно, кроме воровства», «Знай одно ремесло да блюди, чтоб хмелем не поросло», «Вино ремеслу не товарищ».

Русский крестьянин был не только земледельцем. Истари занимался он разными ремеслами, которые давали ему неплохой приработок. «Живем не без промысла», — говорили крестьяне. Явление это без преувеличения можно назвать крестьянской ремесленной промышленностью, деятельность которой развивалась, как правило, после выполнения сельскохозяйственных работ, а спектр ее был необычайно широк.

В северных губерниях особенно сильно были развиты промыслы по обработке дерева. Крестьяне курили смолу, строили деревянные суда, резали деревянную посуду, прялки и многие другие нужные им вещи.

Многое зависело от места. В Олонецкой губернии повсеместно в деревнях встречали столярные, экипажные, смолодегтарные промыслы. В Каргопольском и Вытегорском уезде крестьяне были известны как хорошие гончары, но занимались также портняжеством, сапожным и кузнечным промыслами.

Пермские крестьяне в Верхотурском уезде занимались изготовлением мебели, а в Красноуфимском — производством сельскохозяйственных орудий. В Шенкурском уезде Архангельской губернии — кожевенно-овчинным промыслом, в Новоладожском уезде Петербургской губернии — выделкой деревянной посуды, а также изготовлением рыболовных снастей и судовых принадлежностей. В Вятской губернии — столярными поделками, изготовлением игрушек, славящихся на всю Россию, ткачеством. Впрочем ткачество было развито широко среди всех российских крестьянок. Не умевшие ткать так и назывались ленивыми неумехами. То же относилось к мужчинам, не умевшим хорошо работать топором.

В центральной России, ближе к Волге, в частности в Нижегородской губернии, крестьяне занимались ложкарным, гвоздарным и валяльным промыслами, в Симбирской губернии — выделкой изделий из лесных материалов, в Саратовской — колесным, экипажным и сапожным делом, а также работали с гончарным кругом. В Оренбургской губернии выделяли многочисленные изделия из козьего пуха — ну, прежде всего, знаменитые Оренбургские плат-

ки, шали, шарфы. Кроме того, вырабатывали кожу, валяли валенки, ткали ковры.

В Астраханской губернии крестьяне выделявали сукно, причем исключительно на самодельных ткацких станах (было оно очень дешево — 9—15 коп. за аршин). А еще большими мастерами были крестьяне этой губернии на варежки, чулки и носки.

Необычайное многообразие крестьянских ремесел можно было увидеть в Московской и примыкающих к ней губерниях. В Волоколамском уезде крестьяне славились изготовлением марли и тканых одеял, сусального золота, столярным и щеточным ремеслами, в Звенигородском — изготовлением скрипок и гитар, столярным, слесарным, ткацким, а также щеточным ремеслом, в Гороховецком уезде Владимирской губернии — вязанием варег и строчкой полотна, в Лихвинском уезде Калужской губернии — изготовлением замков и слесарными работами, в Скопинском и Михайловском уездах Рязанской губернии — кружевоплетением, вышиванием, керамическими поделками, мастерством ладить дерево, экипажным и веревочным ремеслом, в Егорьевске и Спаском — изготовлением кульков и рогож. Впрочем, рогожный промысел, так же как и ткачество, был развит по всей крестьянской России — мешки-то нужны в каждом хозяйстве. Бабушка моя рассказывала, как мой прадед занимался этим промыслом в специально отведенном сарае, снабжая добротными мешками и кулками всю округу.

Некоторые российские села превращались в центры крестьянской промышленности самых разнообразных видов. В слободе Борисовка Грайворонского уезда Курской губернии имелись ткачи, шапочники, сапожники, столяры, изготовители киотов, иконописцы. Ныне это село типично своей захирелостью, о ремеслах и говорить нечего, они заглохли еще в 20—30-х годах. К сожалению, та же картина исчезновения крестьянских ремесел наблюдалась нами во всех перечисленных выше районах нашего Отечества. Я привел только те места, которые в свое время посетил сам во время своих путешествий по России. Одна и та же картина рисовалась перед нами в каждой поездке — крестьянская промышленность погибла в конце 20-х — 30-е годы во время коллективизации. Впрочем, мы забежали вперед.

## НЕУМЕЙКИ И ЛОДЫРИ

Неумелость в труде подвергалась насмешкам, рассматривалась как своего рода нравственный порок. «За безручье (за неуменье) по головке не гладят», «За все берется, да все не удастся», — говорит о таких народ. «За прогул да за неумение нет платы», «Нечем хвалиться, как все из рук валится», «Швец Данило, что не шьет, то гнило».

Да, воистину таким «рук не наставишь». «Всему учён, только не изловчён», «Парень-то тороват, да дела не знат».

О бестолковых работниках говорили: «Ни в дышло, ни в оглоблю. Ни в корень, ни в пристяжку», «Зимой с бороной, а летом в извозе», а о работниках, делавших работу слишком медленно, — «Улита едет, когда-то будет». Крестьянин, который не мог выполнить крестьянской работы, считался последним человеком. Подростков, не умеющих плести лапти, дразнили безлапотниками. Девочек, не сумевших еще в детском возрасте научиться прясть, обзывали непряхами, не умевших выткать кросны — неткахами, не умевших самостоятельно поставить стан «без подсказки матери» — безподставочными. Такое презрительное отношение к неумейкам сохранялось в крестьянской среде всегда. «Видна непряха, коль утла рубаха», «У неряхи и непряхи нет и путной рубахи».

А сколько сарказма, сколько презрения у русского крестьянина было по отношению к лентяям, лодырям, к отлынивающим от работы, не желающим добросовестно трудиться. «Ленивый и могилы не стоит», «Лень добра не сеет», «Лень к добру не приставит», «Пахарю земля — мать, а лодырю — мачеха», «У лодыря что ни день, то лень», «Трутни горазды на плутни», «Хлеб за брюхом не ходит», «За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать — против нас не сыскать», «Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обедать», «Леность наводит на бедность», «У лентяя Федорки всегда отговорки», «Лень перекатная: палец о палец не ударит», «Лентяй и шалопай два родных брата».

«Тит, поди молотить», — говорит лентяю трудящийся крестьянин. А в ответ: «Брюхо болит». «Тит, пойдем пить!» — «Бабенка, подай шубенку». О таких лодырях крестьянин говорит: «У него лень за пазухой гнездо свила», «От лени распух», «От лени мохом оброс», «От лени губы

блином обвисли», «Ленивому всегда праздник», «У него руки висят отболтались», «Пресная шлея (лентяй)», «Ест руками, а работает брюхом», «У него работа в руках плесневеет».

Трудовой крестьянин постоянно насмехается над лодырем. Чем он занимается? — спрашивают труженика о лодыре. «Кнуты вьет да собак бьет», — отвечает крестьянин. «Пошел баклуши бить», «Устроился слонов продавать», «Пошел черных кобелей набело перемывать», «На собаках сено косит», «На собаках шерсть бьет», «Слоном слоняется», «Спишь, спишь, а отдохнуть некогда», «На печи по дрова поехал», «Перековал лемех на свайку», «В лапоть звонить», «Хорошо ленивого за смертью посылать — не скоро придет», «Люди пахать, а он руками махать», «Люди жать, а мы с поля бежать».

Если судить по количеству народных пословиц, то к лодырю и лентяю у русского крестьянина было больше неприязни и даже ненависти, чем к представителям эксплуататорских классов (об «идеологии» лодырей и воспевавших ее «романтиках дна» из числа интеллигентов мы расскажем в своем месте). Да это и понятно. В общинном российском хозяйстве был необходим слаженный труд, начало и окончание работ, вывоз навоза, общественное строительство требовали дружной работы, которой, конечно, мешали отдельные лодыри из крестьянской среды, зачастую превращавшиеся в деклассированные элементы. Поэтому крестьянская мудрость наставляет и предостерегает: «Станешь лениться, будешь с сумой волочиться», «Ленивого и по платью узнаешь», «У ленивого что на дворе, то и на столе», «Спишь до обеда, так пеняй на соседа, что рано встанет да в гости не зовет», «Проленишься, так и хлеба лишишься», «Отсталый и ленивый всегда позади», «Кто ленив сохой тому весь год плохой».

С лодырями и пьяницами боролись очень сурово не только среди крестьян, но и среди рабочих. Петровский наказ 1706 года тульским казенным кузнецам решительно пресекает подобные пороки, предусматривает против них жестокие кары: «А буде кто из мастеровых людей станет пьянствовать непрестанно или каковые являться будут ленивцы, от чего чиниться будет делу... мешкота и непоспешение, и таковым пьяницам и ленивцам чинить наказание, в первые батоги и пени шестнадцать алтын четыре деньги, а буде и потом творити учнут таковая же, чинить наказание батоги жесточие и брать пени по вышесказанному же и держать на чепах (цепи) и в железах дни по

два и по три». И такие порядки были не только в Туле, но по всей промышленной России. Внутренний распорядок работы сибирских заводов предусматривает, чтобы работники не ленились и не пьянствовали. «Надлежит смотреть крепко, чтобы мастера не пьянствовали, отчего имеет быть пуще вред и убыток в заводских делах и таких пьяниц штрафовать, за один день за пьянство вычитать у таких за месяц жалование или что он может за месяц задельно выработать и держать скованных при работе целый месяц и велеть спать в тюрьме, а ежели они того пьянства тем не уймутся... велеть их держать всегда скованных при работе всякого при своей фабрике, а на пропитание давать им один хлеб сухой да квас, покамест не уймутся»<sup>1</sup>. Представьте себе, кто в таких условиях мог бы осмелиться пьянствовать на работе? Только самые отчаянные, деклассированные элементы.

# ТРУДОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ

## ВОЛЬНОСТЬ ВСЕГО ДОРОЖЕ

Если сегодня задать вопрос, когда и в какой стране впервые возникло рабочее самоуправление на предприятиях, то многие ответят, что это произошло после второй мировой войны в одной из западноевропейских стран или США. Специалисты начнут вспоминать шведский или югославский опыт, некоторые заговорят о Герцберге, Макгрегоре, Маслоу, коснутся концепции «производственной демократии», самые дотошные обязательно упомянут Луи Блана с его идеей о социальных мастерских. Но ответы эти будут далеки от истины.

Исторические факты свидетельствуют, что рабочее самоуправление на предприятиях впервые отмечено в России. Одно из известных, но не самых древних свидетельств относится к 1803 году, когда на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга рабочие заключили с владельцем договор, по которому фабрика в течение долгого срока находилась в управлении самих рабочих.

Всего их было 181 человек. Для руководства работ они выбирали из своей среды мастера, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработка.

Рабочие были обязаны выделять из получаемого сырья бумагу установленного качества, которое контролировалось владельцем. Кроме того, рабочие производили за свой счет ремонт фабричных зданий и машин, «кроме знатных в машинах перемен», за это они получали шестую часть стоимости всей произведенной (и проданной) продукции.

Владелец не вмешивался в производственный процесс, но со своей стороны был обязан бесперебойно снабжать рабочих сырьем и дровами. Простой в работах из-за отсутствия сырья компенсировался рабочим за его счет.

Так фабрика просуществовала около 10 лет. Однако сменился владелец. И новому фабриканту — помещице Полторацкой — рабочее самоуправление не пришлось по душе. Она стала всячески притеснять рабочих. В ответ они подали жалобу царю с просьбой взять фабрику в

казнү, а им разрешить по-прежнему самостоятельно управлять фабрикой. Однако последовал отказ<sup>1</sup>.

Вот такой факт доносит до нас наша история. Был ли он единственным? Был ли он случайным? Нет, он не был ни единственным, ни случайным, а имел под собой твердое основание общинных и артельных форм хозяйствования, корни которых уходили в древнейшую историю России.

История доносит до нас многочисленные сведения о том, что важной отличительной чертой трудового характера наших предков было неприятие иерархических структур и авторитарных форм в организации трудового процесса, склонность к демократическим формам жизни и труда. Еще в VI веке император Византии Маврикий писал: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе, их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению... Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена... но... предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей»<sup>2</sup>. «Эти племена... — рассказывает Прокопий из Кесарии, — не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим»<sup>3</sup>. Эти же черты нашего народа выразились в демократическом обычае-вече, которым в Древней Руси называлась сходка жителей одного населенного пункта для решения общих дел. В больших городах вече принимало решения о приглашении или изгнании князя. Поэтому древнерусское вече являлось народной властью, независимой от князя.

В Древней Руси, отмечал еще историк Рожков, характерной формой труда был труд свободных людей в родственном коллективе — семье; род давал территорию семье, свободно ею используемую в ее пределах; племя давало родам племенную территорию, в пределах которой роды могли также свободно передвигаться и временно использовать землю, особенно для охоты, бортничества, а также для скотоводства и отчасти для земледелия. Средний свободный человек того времени пользовался известной степенью обеспеченности, экономической самостоятельности, поскольку он был членом семейного, затем родового и племенного союзов. Это обстоятельство и вольное пользование землей глубоко отложились и прочно залегли в народном сознании. И поэтому русский крестьянин видел зо-



лотой век позади в прошлом и пытался восстановить его<sup>4</sup>.

Княжеские дружины Древней Руси, как доносят до нас источники, были демократическими объединениями, носящими чисто добровольный, своего рода артельный характер. Члены княжеской дружины неоднократно заявляли своему князю, что хотят идти в поход или, наоборот, не желают идти. И князь, по обычаю, почти всегда считался с ними. Многие важные дела решались на собрании всей дружины. Вспомните, как князь Владимир Красное Солнышко советовался со своей дружиной.

Дружинники заключали с князем свободный договор, отношения в дружине, включая самого князя, носили товарищеский характер. Вступление в дружину и выход из нее были свободны.

Еще более широким самоуправляющим началом обладали торговые дружины, имевшие свои транспортные средства (лодки, лошадей), забиравшиеся в очень отдаленные места.

История доносит до нас свидетельства также о земледельческих самоуправляющихся организациях, которые чаще всего смыкались с общиной, но отнюдь не всегда были идентичны ей. Как правило, это была группа крестьян, объединившихся для совместной подготовки земельных участков для сельскохозяйственных работ. Такая артель рубила лес, корчевала пни, выжигала поросли, расчищала, ровняла, рыхлила почву, а впоследствии устанавливала порядок пользования расчищенными участками. Кстати говоря, эти артели под названием «обчих» встречались в отдаленных лесных местностях вплоть до начала XX века<sup>5</sup>.

Самоуправление было широко распространено и в духовной жизни народа. Церковные общины и братства, совместные братчины много значили в развитии народной психологии в Древней Руси.

Среди духовных артелей в России получили распространение так называемые молодежные «складки», устраиваемые в православные праздники, чтобы за общий счет в складчину повеселиться, попить, поплясать.

С глубокой древности зародилась в русском человеке склонность к самостоятельному и вольному труду, отмечал историк Ключевский<sup>6</sup>.

«Вольность всего дороже», — говорит русский крестьянин. «Воля — свой Бог», «Белый свет на волю дан». Крестьянин готов поступиться достатком. «Хотя хлеба крома, да воля своя», «Хотя на хвойке, да на своей вольке», «Хоть хвойку жую, да на воле живу», «Куда хочу, туда и

ворочу», «Своя воля: хочу смеюсь, хочу плачу», «Воля птичке дороже золотой клетки», «Своя волюшка раздолюшка», «Кому надоела своя волюшка, белый свет». И вообще на эту тему великое множество русских пословиц. Но вольный труд это еще не все. Для русского человека важно, чтобы он был самостоятелен. «В два кулака (работать самостоятельно) сподручней», — часто говаривал русский мужик. «Своя работа первый барыш», «Сам пашет, сам орет, сам и денежки берет», «Сам впрягает, сам погоняет, сам в гости идет», «На себя работать не скучно», «Своя рубаха — свой простор, своя и теснота», «Всяк Еремей про себя разумеи», «Не кланяюсь богачу, свою рожь молочу», «На свой пай сам промышляй».

Весьма характерно, что народ разделяет понятие труда и понятие службы. Свободный труд на себя, на свою семью в близком ему общинном коллективе — это одно, а служба, связанная с потерей самостоятельности, это совсем другое. На труд русский человек смотрит с оптимизмом, взгляд на службу более пессимистичен. «Кто служит, тот тужит; а кто орет (пашет), тот песни поет», «Кто больше служит, тот больше и тужит». Отсюда известный идеал «живет не тужит, никому не служит».

Самостоятельный, инициативный труд — труд угодный Богу — труд праведный. Но вместе с тем русский крестьянин не без некоторой гордыни заявляет: «На Бога надейся, а сам не плошай», «На Бога уповай, да без дел не бывай», «Бог-то Бог, да и сам не будь плох».

Самостоятельность русского работника выражалась в том, что он не хотел быть последним в труде, постоянно соревнуясь за свое право быть не хуже других, не стать объектом обычных в таком случае насмешек. В меньшей степени ему было присуще желание быть первым, что было связано с исторически сложившейся в его характере скромностью и нежеланием выделяться.

Боязнь не оказаться последним проявлялась в соревновательности, которой был пронизан труд русских крестьян, особенно если они работали вместе. Классический пример этому — состязание косцов на лугу, заготовка сена, уборка хлеба. Как отмечает В. Белов: «Извечное стремление русского крестьянина не оказаться последним, не стать посмешищем прекрасно было использовано в первые колхозные годы. Да и стахановское движение основано было как раз на этом свойстве. В одной притче мужик, умирая, давал малолетнему сыну наказ: «Ешь хлеб с медом, первый не здоровайся». Только трудолюбивые сыновья узнавали

настоящий вкус хлеба (как с медом), а тот, кто работает в поле, например косец, лишь кивком отвечал на приветствие мимо идущих. Вот и выходило, что любители сна здоровались всегда первыми»<sup>7</sup>.

Склонность к самостоятельному труду, к самостоятельности, независимости от окружающих (что, конечно, не исключало взаимопомощь) проявлялась не только в поведении отдельных людей, но и целых коллективов. Деревня, мир, артель, монастырь стремились все сделать своими руками, создать независимое от внешней среды самостоятельное хозяйство. В этом смысле весьма показательной является заонежская сказка о беззаботном монастыре.

Как-то раз Петр I проезжал по одной местности. Видит надпись: «Беззаботный монастырь». Спрашивает он игумена: «Что это означает?»

Игумен и говорит: «Вот пойдемте, я вам все докажу, из-за чего у нас зовется «Беззаботный монастырь».

В первую очередь провел по полям, по лугам, по скоту; что выращивают — показал — в саду и огороде.

— Но теперь посмотрим, что у нас по хозяйству есть: кузнецы, золотых дел мастера, богомазы. Вот у нас беззаботный монастырь. Мы никуда ни к кому ни за чем не обращаемся, все сами делаем, поэтому у нас и надпись такая, ни об чем не заботимся о другом<sup>8</sup>.

Таков был трудовой идеал «беззаботности» русского человека.

Важнейшей чертой развития промышленности и торговли на Руси было то, что оно осуществлялось на началах трудовой демократии, самоуправления и самоорганизации, отражавших главные принципы существования трудовых коллективов того времени. Крестьянство развивалось в рамках общинного самоуправления, аналогично ему происходило объединение ремесленников по профессиональным признакам на артельных началах.

Уже данные XII века косвенно свидетельствуют о соединении русских ремесленников в корпорации, сходные западноевропейским цехам.

В XIV—XV веках типичной формой организации ремесленников становится «дружина» — артель во главе со «старейшиной» или мастером. Причем дружина была одновременно и производственным коллективом, и общественной организацией, в чем было ее несомненное сходство с крестьянской общиной.

На Руси существовало большое количество различных форм объединения ремесленников, но все они тяготели к

общинному самоуправлению, самоорганизации, порой даже обладали судебными правами. Часто ремесленники одной профессии селились рядом друг с другом, образуя, как, например, в Новгороде, «концы», «улицы», «сотни», «ряды», строили свои патрональные церкви, объединялись вокруг них в «братчины» или «обчины» с правами суда.

Подобные объединения (гильдии, сотни) существовали и у купцов, которые имели право суда и строили свои церкви.

Древними организациями самоуправления городских тружеников были черные сотни и черные слободы, имена которых до сих пор сохранились в названиях улиц (Мясницкая, Кузнецкий мост, Кожевники). Каждая черная сотня составляла объединение ремесленников или торговцев, управляемых подобно сельскому обществу выборными старостами или сотскими.

Сейчас трудно объяснить, почему понятие «черная сотня», бывшая несколько веков формой общественного самоуправления тружеников определенных профессий, приобрело незаслуженно оскорбительный характер. Корни этого уходят в культурно-исторический нигилизм некоторой части нашего образованного общества второй половины XIX века, видевшей в русской действительности только отсталость, невежество, темноту и, более того, воспринимавшей даже современного трудящегося человека через призму «романтики дня» или с позиций нетрудовых и паразитических слоев. Находились деятели культуры, которые неправомерно распространяли отрицательные трудовые характеристики различных обитателей хитровых рынков и спившихся поденщиков на всю трудовую Россию, всегда отличавшуюся добросовестностью, самостоятельностью, высокой активностью в работе. Отсюда и пошли оскорбительные басни о том, что русский человек плохой работник, лентяй, а черная сотня — союз этих невежественных лентяев, противостоящих западноевропейскому прогрессу.

Недаром уже в конце XIX века среди нетрудовых и паразитических слоев населения даже слово «крестьянин» приобретает негативный характер, синоним темного и отсталого. Несколько десятилетий спустя такое же значение вкладывается в слово «колхозник».

У некоторой части нашего населения такое отношение к крестьянину и колхознику сохранилось до сих пор. Недавно мне пришлось слышать, как в личной беседе один режиссер с телевидения за глаза называл несимпатичного ему коллегу «колхозником» и «хлеборобной рожей».

Как осуществлялось рабочее самоуправление ремесленными слободами в Древней Руси, видно на примере Кадашевской хамовной и Тверской-Константиновской хамовной слобод Москвы XVII века.

Слободы эти были ткацкими и изготавливали десятки видов тканой продукции. Каждый член слободы у себя дома обязан был выполнить работу определенного качества и количества. Мастерам и мастерицам выдавалось ежегодное жалованье, состоявшее из двух частей: хлебного жалованья и льняных денег. Хлебное жалованье было платой за их труд, который соответствовал размеру годового урока. Льняные деньги предназначались на покупку сырья — льна.

Собственно самоуправление в слободе осуществлялось 2 старостами, 4 целовальниками и 16 десятскими, избираемыми всем миром один раз в год (о чем составлялась бумага, которая скреплялась подписями избирателей).

Старосты были обязаны заботиться о слободских интересах — «наше слободское всего мира делати и радети», представлять интересы тяглецов перед вышестоящим органом «мастерской палаты» — «государю бити челом обо всем и ходити неоплошно»; разверстывать государевы подати и обложения на цели слободского самоуправления сообразно с жалованьем каждого тяглеца; назначать сборщиков для сбора податей, хранить собранные деньги и расходовать их на мирские нужды.

Со своей стороны слобода должна была слушаться своих выборных, исправно ходить на сходы «какого государева дела и мирского совета» (за неявку на мирской сход «за своим огурством» полагался штраф); платить без ослушания разложенные старостами разметные деньги; не оскорблять старост — «ни бранити их некоторыми позорными словесами» и вообще «не подати их ни в чем, во всем им помогать»<sup>9</sup>.

О деятельности рабочего самоуправления ремесленных слобод древней Москвы дошло до нашего времени немало документов. Как будто доносятся к нам голоса наших соотечественников, выбиравших старосту и целовальников Тверской-Константиновской слободы: «Быть им за нашим выбором... у полотняной казны и великим государем обо всех делах ходить, бити челом неоплошно... а они... люди добрые и с такое дело их будет и верить им в том мочно, то наш и выбор». Или еще запись о мирском сходе Казенной слободы в 1685 году: «...выбрали мы Кондратея Федора сына Шапошника в том, что быть ему Кондратью у

всяких великих государей дел в Казенном приказе и у мирских дел той Казенной слободы в старостах... А он Кондратей человек добрый и пожиточный, и в таком деле верить ему мочно и ходить ему Кондратью за нашим выбором за их великих государевых и за мирским делом... неоплошно и во всем мирском деле радети, а нам его ни в каком деле ни в чем не выдать, а без мирского ведома никакова дела своим изволом не делать»<sup>10</sup>.

Ремесленные самоуправляющиеся организации на Руси носили более демократичный характер, чем в Западной Европе. Цехи в России, писал в XVIII веке французский промышленник Фрибе, не подавляют талантов и не делают помех в труде<sup>11</sup>. В русских ремесленных братчинах, дружинах, артелях нет следов цеховой принудительности, так распространенной на Западе, где запрещалось заниматься ремеслом тем, кто в цех не записан, с точным регулированием цен, количества и качества вырабатываемых каждым ремесленником товаров, с определенной регистрацией взаимоотношений мастеров, подмастерьев и учеников. В Древней Руси эти вопросы были внутренним делом самоуправляющейся организации, которая оставляла право другим организациям и отдельным ремесленникам решать их по-своему. Конечно, это совсем не означало, что некоторые мощные самоуправляющиеся организации ремесленников начинали оказывать негласный диктат в отношении внешнего мира, пользуясь своим монопольным положением.

Конечно, общинные и артельные формы народной хозяйственной и общественной жизни были свойственны не только русскому народу, вместе с тем они имели своеобразный, присущий только ему характер. Как справедливо отмечал профессор Штер: «Общечеловеческое стремление к ассоциации ведет русского крестьянина преимущественно к определенной, особенной, не встречающейся более ни у какого другого культурного народа форме и роду союза».

В отличие от других народов, отмечал исследователь русской артели М. Слобожанин, русский народ неизмеримо дольше удерживает артельные формы, обращаясь к ним на всем протяжении времен от догосударственного быта и до наших дней. И это не потому, что он отстал в культурном и экономическом отношении от других народов. Артель не признает отсталости. Есть отсталые в социально-экономическом отношении народы, которые веками уже не пользуются артельными формами жизни и не возвращаются к

ним. Многие европейские народы, находясь 50—100 лет тому назад приблизительно на той же ступени общественного развития, на которой находится русский народ в настоящее время, тоже не пользовались тогда артелями в своей жизни, как не пользуются и теперь, давно и прочно позабыв о них. Русский же народ удерживает их неизменно, несмотря на все происходящие перемены и в государстве, и в хозяйственном строе, и обращается к ним во все времена. Этот факт,— подчеркивает М. Слобожанин,— устанавливает несомненную склонность к артелям русского народа и побуждает признать за ними значение одного из устоев народной жизни<sup>12</sup>. Соображения, высказанные Слобожанином в отношении артели, в равной степени справедливы и для русской общины. Обе эти формы народной жизни составляли фундамент российской экономики и государственности, обеспечивая им стабильность и устойчивость. Разрушение этих форм означало подрыв всего общественного устройства России.

## КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР

Самым огромным национальным достоянием для русского человека в течение многих веков была община — демократический союз местного самоуправления, трудовой демократии, взаимопомощи и совместного владения землей. Основы существования общины (во всех ее разнообразных видах — вервь, задруга, печище и др.) лежали в «самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины и даже в своей кровной семье хочет видеть общину, товарищество», — писал видный исследователь русской общины Миклашевский. Народное сознание выработало бесчисленное количество пословиц, так или иначе связанных с общиной (миром)\*, которые отражали господствующее значение ее в жизни и судьбах народа. «Никакой мирянин от мира не прочь, от мира прочь не мирянин», «Миром все снесем», «Мирская слава сильна. Мир, община столбом стоит», «Мира не перетянешь, мир за себя постоит», «На мир и суда нет», «На мир ничего не сменяют», «К миру приложился —

---

\* Слово «община» позднего происхождения. Оно возникло путем точного перевода аналогичных иностранных понятий. Русские же крестьяне говорили «мир» или «общество».

головой заложился», «В миру виноватого нет», «Дружно — не грузно, а врозь — хоть брось».

Понятие «мир» для крестьянина отражало всю глубину его духовно-нравственного сознания, олицетворяя не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее — соборное соединение, имеющее характер высшего закона.

Крестьянин говорил так: «мир собирался», «мир порешил», «мир руки давал», «мир выбрал», вкладывая сюда значение не нынешнего профсоюзного собрания, а высшей духовно-нравственной инстанции — «мир крещеный», «мир христианский».

Экономический принцип общины, отмечал А. И. Герцен, полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она представляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины<sup>1</sup>.

Мальтус считал, что право на жизнь имеет только сильнейший, победивший в острой конкурентной борьбе; побежденный в ней не имеет таких прав. Нет! — решительно говорил русский крестьянин. Право на жизнь имеет всякий родившийся на этот свет — гарантией чего является взаимопомощь и взаимная поддержка в общине, которая за много столетий до Великой французской революции жила по принципам свободы, равенства и братства.

Община, писал русский историк и этнограф И. Прыжов, основана на вечном законе о братской любви, на законе, что «Веревка крепка с повивкой, а человек с помощью», «Друг о друге, а Бог обо всех». Мир как одна семья, мнение которой нередко стоит выше писаного закона: «Деритесь, да не расходитесь», «Все за одного и один за всех», «Вперед не забегай, от своих не отставай», «Отстал — сиротою стал», «Хоть назади, да в том же стаде». Сила, связующая мысль, по мнению Прыжова, — общая выгода, общая беда: «Люди — Иван, и я — Иван, люди в воду, и я в воду», «На миру и смерть красна». Личность в общине всецело предана ее интересам: «Где у мира руки, там моя голова», «К миру приложился — головой заложился». Мир являет собой высшую инстанцию для крестьянина, выше которой только царь да Бог: «Мир — велик человек», «Мир — великое дело», «Сто голов — сто умов». В преданности миру залог благополучия и преуспевания, поэтому решениям мира подчиняются беспрекослов-



но: «Где мир да люди — там божья благодать», «Глас народа — глас Божий», «Что мир порядил, то Бог рассудил», «Что миром положено, так тому и быть», «Мир один Бог судит», «Мир с ума сойдет — на цепь не посадишь»<sup>2</sup>.

В народном сознании мир (община) — могучий богатырь: «Коли всем миром вздохнут, и до царя слухи дойдут», «Как мир вздохнет, и временщик издохнет», «Мирская шея толста» (то есть многих спасти может), «Мирская шея туга: тянется да не рвется. Мирская шея жилиста», «Мир по слюнке плюнет — так и море», «Мир сразу не похоронишь».

«Мир силен, — отмечает Прыжов. — Ему нипочем никакое несчастье, никакая нищета: «Вали на мир — все снесет», «Мир — золота гора», «С миром и беда не убыток». Мир силен и несокрушим: «С миром не поспоришь», — говорит народ и при этом гордо спрашивает: «Кто больше мира будет?», «Мир не перетянешь», «Мир заревет, так леса стонут», «Мирская слава звонка», «Мир запоет, так камень треснет», «Собором и черта поборем», потому что «Одному страшно, а миру не страшно», «Не то страх, что вместе, а сунься — на один»<sup>3</sup>.

Самоуправление русских крестьян возникло в процессе освоения огромной территории нашей страны. Множество рек и озер, непроходимые леса и сравнительно малочисленное население, селившееся здесь мелкими деревеньками, между которыми порой пролегали пространства в 100—200 верст. Территория с центром в сравнительно большом населенном пункте называлась крестьянами волостью, а население волости — миром. Волость на своих собраниях-сходах выбирала старосту и некоторых других руководящих лиц, решала вопросы о принятии в общину новых членов и выделении им земель. «В деревне, — писал Н. П. Павлов-Сильванский, — действительная власть принадлежит не представителям царской администрации, а волостным и сельским сходам и их уполномоченным старшинам и сельским старостам...

Волостная община самостоятельно ведала сбор податей, низший суд и полицию. Тиун и доводчик являлись в волость, только когда в ней возникало уголовное дело и начинался спор о границах ее территории с соседними или крупными землевладельцами.

...Значение мирского самоуправления усиливалось высшей выборной должностью сотского, общего представителя этих волостных общин стана. Сотский связывал эти

общины в одно целое, в один земской мир стана. Он являлся посредником между волостным старостой и чиновниками наместника... Свои кормы и поборы чиновничество могло получать только... от высшего мирского представителя — сотского...»<sup>4</sup>

В более поздние времена выборный сотский выполняет полицейские функции: наблюдает за чистотой в селеньях, за чистотой воды в речках, за пожарной безопасностью, за порядком во время торгов, базаров, за продажей доброкачественных продуктов, за проведением торговли с надлежащими свидетельствами и др.

Сход был далеко не единственной формой общественных собраний крестьян. Историк Л. Черепнин рассказывает, как еще в XIV—XV веках существовал обычай «пиров» и «братчины», представлявших собой «коллективные торжественные собрания, во время которых съехавшиеся угощались за праздничным столом. В этих формах проявлялась деятельность сельской крестьянской общины. Во время «пиров» и «братчин» могли обсуждаться крестьянские нужды, решаться мирские дела. «Пир» и «братчина» были одним из средств сплочения крестьянства по отдельным мало связанным еще между собой селениям, разбросанным на огромной территории...»<sup>5</sup>.

Все дани и платежи, разные трудовые повинности налагались княжеской властью на всю волость, а она уж на своих сходах сама решала, как разверстать эти тяготы среди крестьян: «по животам и промыслам», «по силе» каждого хозяйства, а может быть, отбывали те или иные повинности сообща, с круговой порукой всех за каждого, имущего за неимущего, хозяйственных жильцов-волощан за пустые заброшенные участки.

«Кто за сколько душ тянет, столько земли берет», — говорили крестьяне. «По тяге и поле», «В восемнадцать лет жениться, чтобы на тягло садиться», «На мир баран прибыл» (то есть налог, тягота), «Постылое тягло на мир полегло» (при раскладке тягла, которое никто на себя не принимает).

На первых этапах существования волостной общины крестьяне были заинтересованы в привлечении новых членов, — земли много, а чем больше людей, тем податей на одного человека будет меньше. Волость имела свой выборный крестьянский суд, и только важнейшие преступления рассматривались княжеской властью, и то материалы по ним готовились выборными крестьянами волости. Волость обеспечивала удовлетворение духовных потребностей насе-

ления: строила церкви, подыскивала для них священника, определяла их содержание, иногда заводила школы для подготовки грамотеев.

По мере роста населения и числа населенных пунктов волость дробилась на отдельные самоуправляемые общины, избиравшие в волостное управление своих выборных и принимавшие активное участие в разработке «волостной политики».

Проходили столетия, но русская деревня продолжала сохранять сложившиеся в глубокой древности традиционные формы общественной жизни. Еще в начале XX века можно было встретить социальные структуры, существовавшие пятьсот и более лет назад.

Прежде всего, как и в старину, одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество обязательно со своим демократическим собранием — сходом — и своим выборным управлением — старостой, десятским, сотским.

И вот на сходах демократическим путем обсуждались дела по общинному владению землей, расклада податей, приселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительства плотин, сдачи в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц, отлучки и удаления из общины, пополнения общественных запасов на случай стихийных бедствий и неурожая.

На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) демократически регулировались все стороны трудовой жизни села — сроки начала и окончания сельскохозяйственных работ; дела, связанные с лугами («заказы» лугов, выделение вытей, жеребьевки, аукционы); починка дорог, чистка колодцев, строительство изгородей, наем пастухов и сторожей; штрафы за самовольные порубки, неявку на сход, нарушение общинных запретов; семейные разделы и выделы, мелкие преступления; назначение опекунов; конфликты между членами общины и некоторые внутрисемейные конфликты; сборы денег на общие расходы селения.

Крестьянские сходы, их демократизм, гласность, независимый характер выступлений поражали наших интеллигентов. Вот как описывал одну из таких сходов писатель Н. Златовратский:

«Сходка была полная. Большая толпа колыхалась против моей избы. Тут собралась, кажется, вся деревня: старики, обстоятельные хозяева, молодые сыновья, вернувшиеся с заработков в страдное время, бабы и ребятишки. В тот момент, когда я пришел, ораторские прения достигли

уже своего апогея. Прежде всего меня поразила замечательная откровенность: тут никто ни перед кем не стеснялся, тут нет и признака дипломатии. Мало того что всякий раскроет здесь свою душу, он еще расскажет и про вас все, что только когда-либо знал, и не только про вас, но и про вашего отца, деда, прадеда... Здесь все идет на чистоту, все становится ребром; если кто-либо по малодушную или из расчета вздумает отделаться умолчанием, его безжалостно выведут на чистую воду. Да и малодушных этих на особенно важных сходах бывает очень мало. Я видел самых смиренных, самых безответных мужиков, которые в другое время слова не заикнутся сказать против кого-нибудь, на сходах, в минуты общего возбуждения, совершенно преображались и, веруя пословице: «На людях и смерть красна», — набирались такой храбрости, что успевали перещеголять заведомо храбрых мужиков. В такие минуты сход делается просто открытою взаимною исповедью и взаимным разоблачением, проявлением самой широкой гласности. В эти же минуты, когда, по-видимому, частные интересы каждого достигают высшей степени напряжения, в свою очередь общественные интересы и справедливость достигают высшей степени контроля. Эта замечательная черта общественных сходов особенно поражала меня»<sup>7</sup>.

Важное значение на сходах принадлежало старосте, который организовывал сход, наблюдал за порядком, заведовал мирскими делами, а в случае необходимости даже обладал правом арестовать виноватого. «И мир не без начальника», — говаривали крестьяне. «Мир всех старше, а и миру урядчик есть», «Сноп без перевязи — солома» (о старосте).

Своих выборных крестьяне уважали и подчинялись им, но и подходили к ним довольно строго. Кого попало и просто так крестьяне не выбирали. «Сидишь на ряду (в начальниках), не молви «не могу», «Коли сидеть на ряду, так не играть в дуду», «На старосту не челобитчик, а от миру не прочь».

Несколько сельских общин образовывали волость, которая также управлялась демократическим путем. Высшим органом волости был волостной сход, собиравшийся в большом торговом селе и состоявший из сельских старост и выборных крестьян (по одному из десяти дворов). Но это совсем не означало, что на сход не могли прийти и другие крестьяне, желавшие участвовать в волостном собрании. Волостной сход выбирал волостного старшину (как

правило, на три года), волостное правление (собственно это были старшины и все старосты волости) и волостной суд.

Волостное правление вело книги для записывания решений схода, а также сделок и договоров (в том числе трудовых), заключенных крестьянами как между собою, так и с посторонними для волости лицами. Вся бумажная работа велась волостным писарем, который, конечно, был важным лицом в деревне, но крестьянского схода побаивался, ибо всегда мог быть с позором изгнан. Да и волостного старшину крестьяне не больно боялись. Знали, коль старшина начнет злоупотреблять доверием общества, то его в следующий раз не выберут или убавят жалованье.

Кроме руководителей, на крестьянских сходах по мере необходимости выбирали ходатаев по общественным делам, челобитчиков в губернский или столичный город. Такие ходатаи звались мироедами (негативный смысл у этого слова появился позже, а тогда это означало людей, живших на мирской счет во время своей командировки по общественным делам) и каштанами. «Мироед, каштан, а без него не проживешь», ибо «от мира челобитчик, а сам никому не обидчик».

В каждой волости на крестьянском сходе избирался волостной суд из четырех судей — крестьян-домохозяев, достигших 35 лет, грамотных, пользующихся уважением среди односельчан.

В волостном суде, руководствуясь местными крестьянскими обычаями, дела разбирались по совести, склонить спорящих старались к примирению. Конечно, права волостного суда ограничивались мелкими спорами и тяжбами, хотя они могли разбирать дела по мелким кражам, о мотовстве, дела связанные с наказанием пьяниц и других нарушителей общественной нравственности. Волостные суды имели право приговаривать виновных к денежным взысканиям до 30 рублей и к аресту на хлебе и воде до 30 дней. Сколько будущих членов комбедов, руководителей коллективизации, разных сельских деклассированных элементов посидело в кутузке по приговорам волостных судов! Но главным, конечно, было общественное презрение односельчан, чувство неотвратимости нравственного воздаяния, заставлявшее нарушителей крестьянской морали либо исправляться, либо бежать в город.

Бывали случаи, когда народный сход в общине превращался в настоящий суд, а порой просто в самосуд над

ворами и конокрадами. Известны случаи, когда виновных немедленно предавали смерти.

Кстати говоря, общинные формы жизни существовали и в тюрьме, что было даже признано тюремным начальством. Здесь присутствовали все характеристики общины — сход, выборы, общественное мнение, общий суд и наказание, иногда даже в форме смертных приговоров острожного самосуда<sup>8</sup>.

Наряду с самоуправлением, трудовой демократией краеугольным основанием общины служила общественная взаимопомощь и взаимоподдержка. Осуществлялась она прежде всего посредством древней формы совместного труда — помочей.

Долгое время эта форма народной жизни была слабо изучена. Процесс творческого освоения ее, начатый в конце XIX — начале XX века, прежде всего в деятельности Вольного экономического общества, был остановлен в известный нам период, а в дальнейшем осуществлялся очень предвзято. И только сравнительно недавно были извлечены из архивов богатейшие материалы, посвященные жизни русской общины и, в частности, помочам\*.

Помочи — совместный неоплачиваемый труд крестьян, имевший добровольный характер, зачастую принимавший форму настоящего ритуального праздника. В помочах отражалось традиционное чувство взаимопомощи русских крестьян «на основе взаимности, без эксплуатации одного крестьянина другим».

Прежде всего посредством помочей выполнялись работы, необходимые для всего общества (хотя и не все общественные работы считались помочами).

Строились мирские мельницы, школы, общественные магазины, склады, амбары, ремонтировались дороги. Возводились церкви, часовни, колокольни, церковные ограды, рубились дома для священников.

Помочами осуществлялись заготовки дров для церквей, сельских больниц, а также для нетрудоспособных членов общины, вдов и сирот. Помочами же строились дома погорельцам, распахивались поля сельчанам, у которых пала лошадь или у кого мужчины были в рекрутах.

Но, пожалуй, самой распространенной формой помочей было выполнение срочного этапа работ у отдельного хозя-

---

\* Наш рассказ о помочах основан, прежде всего, на материалах, извлеченных из архивов видным исследователем русской общины Марией Михайловной Громыко.

ина. Такие помочи часто проводились в воскресенье или в праздник и заканчивались угощением.

Помочи были очень многообразны как по форме их организации, так и по видам выполняемых работ. Были помочи, на которые обязательно по решению схода являлись все члены общины — как правило, на общественные работы и помощь нетрудоспособным. Другие помочи, называемые поочередными, являлись формой организации совместного труда, согласно которой пригласивший помогать обязан прийти в свою очередь на помочь к каждому у него работавшему и «отрабатывать им по очереди на подобных же помочах». И, наконец, были помочи, которые организовывались отдельным хозяином по личной инициативе. Очередность здесь не устанавливалась, хотя предполагалось обязательное участие хозяина в работах помочан, если в том возникнет необходимость.

В Рязанской губернии Данковского уезда, отмечает П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — «для получения помощи крестьянин... обращается к сельскому сходу, который и постановляет приговоры о помочи. Но иногда по невозможности или по неудобству собрания мира крестьянин обходит своих односельчан, приглашая на помочь, и тогда выезжают на помочь только те домохозяева, которые сами того желают. Охотников выехать бывает достаточно, потому что помочь без угощения не обходится, да и всякий домохозяин помнит, что и он когда-нибудь сам будет нуждаться в помочи»<sup>10</sup>.

Хозяин был любезен и приветлив с помочанами. Он не мог принуждать, указывать, как и сколько кто-либо должен работать. Крестьянская этика исключала также замечание хозяина, если чья-либо работа ему не нравилась. В следующий раз он его просто не приглашал. После работы устраивалось угощение, которое организовывал сам хозяин или кто-то из его семьи; иначе односельчане могли обидеться<sup>11</sup>.

Самыми распространенными помочами были помочи для завершения жатвы, которые имели множество разных названий — дожинки, выжинки, отжинки, борода, бородные, каша, саломата<sup>12</sup>.

Широкую известность имели помочи по вывозке навоза на поле, которые производились по очереди у каждого хозяина.

На вывозку навоза на Псковщине собиралась вся деревня, целыми семьями с женами и детьми. У каждого хозяина лошадь со специальной телегой для вывоза навоза.

Труд распределяется по полу и возрасту: мужчины группами в 5—6 человек грузили большие пласты навоза, сообщая поднимали их двузубыми вилами; дети-повозники, сидя верхом на лошади, доставляли груз в поле; там женщины вилами сваливали навоз, равномерно распределяя его по участку. «В полдень оживленная работа прерывается, все собираются в избу к тому хозяину, чей в данное время возят навоз, и приступают к угощению, которое выставлено хозяином». Подавали пироги, блины, щи с говядиной или сметками и квас. Затем следовал часовой отдых, и снова принимались за работу — пока не заканчивали. В описании отмечалось приподнятое настроение помочан — смех, шутки, остроты. «Хотя толокою (помощью.— *О. П.*) производится работа тяжелая и не особенно приятная, но между тем толока — чистый праздник для всех участников, в особенности для ребят и молодежи»<sup>13</sup>.

Помочи нередко собирались, чтобы заготовить лес для строительства дома. Очевидец их, Куликовский Г. И., в очерке «Олонецкие помочи» рассказывал, что «ехали на 20—30, а то и более лошадях с дровнями. Рубили лес и совместно грузили на дровни. За 2—4 ездки «на деревенской улице воздвигались целые горы бревен, привезенных помощью».

Но и дальнейшая работа по возведению дома не обходилась без помочи. Сруб хозяин рубил самостоятельно, а для подъема сруба на фундамент собирались помочи, называвшиеся вздымки и сдымки. Это был самый ответственный момент в возведении дома. Помочане разбирали готовый сруб, перекладывали его на фундамент, конопатили и получали затем от хозяина угощение — обложейное.

Самый ответственный и завершающий момент работ на этих помочах, отмечал В. Даль, подъем матицы на черепной венец. Поднятую матицу обсевали: хозяин варил кашу, кутал горшок в полушубок и подвешивал к матице. Севец шел по последнему венцу, рассеивая зерно и хмель с пожеланиями хозяевам, затем заходил на матицу и рубил веревку; участники работы садились есть кашу и пили за здоровье хозяина матичное.

Кстати, тот же Куликовский рассказывал, как устраивались массовые помочи по строительству глинобитной печи — печебитье, куда приглашалась, как правило, молодежь. Хозяин ходил по избам, а также встречал сельчан на улице, приглашая всех желающих: «Прошу, пожалуй, на печебитье!» Молодежь привозила глину, мяла ее, укла-



дывала и утрамбовывала — била досками, молотками, утаптывала ногами. Работа шла под песню, а по окончании начиналась пляска и вечеринка. Хозяин угощал парней водкой, а девиц пряниками; это угощение называлось печное.

Кроме традиционных помочей, у крестьян существовали и некоторые другие виды взаимопомощи, и в частности «капустки» и «супрядки», в которых сочетались помочи и посиделки.

На «капустки» собиралась молодежь, чтобы помочь хозяевам заготовить квашеную капусту на зиму. Семьи тогда были большие, и, чтобы их обеспечить капустой, требовалась не одна бочка этого ценного крестьянского продукта. В Сибири в больших селах на «капустку» порой собиралось до 200 человек, а количество обработанных кочанов достигало до 5 тысяч.

«Супрядки» чисто женский вид помочей (хотя могли приходить и мужчины), на которые собирались нередко несколько десятков женщин. Осенью, когда было готово сырье для пряжи — шерсть, лен, конопля, хозяйка рассылала его небольшими порциями знакомым женщинам и девушкам. Между рассылкой сырья и назначением дня супрядок проходил срок, нужный для приготовления пряжи и ниток. О назначении супрядки хозяйка извещала накануне или поутру; к вечеру все «супрядницы» «в лучших нарядах своих» являлись с готовой пряжей и нитками, и устраивались угощения с пением и плясками<sup>14</sup>.

За многие столетия существования самоуправляемых волостных и простых общин (в отдельных случаях состоявших только из одного селения) навык к самоуправлению и взаимопомощи стал национальной чертой и общественной потребностью русских крестьян, с которыми центральной власти и отдельным феодалам приходилось считаться.

В XIV—XVI веках происходит широкая раздача князем тяглых волостных земель вместе с крестьянским населением в поместье в виде платы за службу, а то и вотчины обладания боярам, детям боярским и дворянам. В этих условиях волостная община погибает, так как ее функции переходят к владельцам вотчин и поместий, но, как правило, продолжает существовать обыкновенная община. Вотчинники и помещики, с одной стороны, вынуждены были считаться со сложившейся за многие столетия этой формой крестьянской жизни, а с другой стороны, сохранение обыкновенной общины им было выгодно организационно. Община с помощью круговой поруки выплачивала все

повинности и организовывала выполнение барщинных работ. Таким образом, помещик имел готовую организацию труда, производства и распределения, а крестьянин продолжал существовать в привычных ему формах общественного самоуправления. Вместе с тем волостная община погибла не повсеместно, но продолжала существовать на государственных землях, выполняя вплоть до начала XX века те же самые функции, что и много веков назад.

Как справедливо отмечал Семеvский, попытки уничтожить общинные формы землевладения и общественной жизни крестьян были сравнительно редки даже на помещичьих землях. Во второй половине XVIII века большинство имений состояло на оброке, а в таких вотчинах крестьяне, обыкновенно, совершенно свободно пользовались землей на излюбленных ими общинных началах, почти без всякого вмешательства со стороны помещика. В этом отношении наш крепостной крестьянин находился в несравненно более выгодном положении, чем такой же крестьянин в Западной Европе<sup>15</sup>.

В крупных крепостных вотчинах владелец крепостных и назначенный им управляющий, вотчинная канцелярия или контора, состоявшая нередко из нескольких отделов, были лишь верхним этажом вотчинного управления; по древней традиции, нарушать которую боялись многие помещики, находился нижний этаж управления — крестьянское самоуправление — староста, выборные, десятские, сотские и общий сход, который самостоятельно решал внутренние вопросы общины. Конечно были и злоупотребления. Помещики часто пытались покровительствовать определенным крестьянам, при выборах их на определенные выборные должности, хотя сами в сходах участия не принимали.

Пока земли и угодий было много в крестьянской общине, переделы не производились. Но вот в XVII—XVIII веках в связи с ростом населения землю стали регулярно переделывать между членами общины.

Земля и все другие крестьянские угодья (покосы, луга, леса) раздавались крестьянам поровну. Сначала все угодья делили на равные куски по качеству и степени удаленности от селения — хорошие, средние и плохие. И потом каждый крестьянин, согласно жребию, получал по куску угодий каждого качества и удаленности от селения.

«Дело в шляпе», — говаривали крестьяне, так как жребий тянули из шляпы. Но «Жребий метать, после не пенять», «Жребий — Божий суд». Переделы угодий осущест-

влялись раз в 5—20 лет, обычно в зависимости от «размножения народа». Распределение осуществлялось либо по семействам, либо по тяглам (работающий муж и жена). Таким же образом распределялись между крестьянами и повинности — налоги, а у помещичьих крестьян также барщина или оброк.

Раздел земли в общине носил явно выраженный трудовой характер. Земля принадлежит только тому, кто может ее обработать.

В самой процедуре раздела земли был настоящий ритуал. Для разделов выбирали своего рода комиссию из старожил и земляного старосту, которому давали несколько тягелных помощников. «Комиссия» внимательно следила за тем, чтобы участки были одинакового достоинства, уравнивая худшее качество или неудобство большим количеством земли или компенсацией в другом месте. Обычно начинали раздел с ближайшей земли от гумен: первое, яровое, поле — весной до посева, второе, паровое, — в так называемом междупарье и третье — осенью по уборке ржаного хлеба. На такой раздел каждого поля употреблялось не более трех дней. Порой каждое поле разбивалось на десять и более участков. При разбивке учитывалось важное трудовое правило. Величину участка или полосы земли назначают, «сколько работник одним днем обработать может, что составляет примерно третью долю десятины». Общинная «комиссия» по разделу земли, как правило, делала все сама, не привлекая казенных землемеров. Общинный лад и искусство крестьян производить измерение и передел земли без помощи межевых инструментов определяли ненужность землемеров, потому что крестьяне, по словам тверского помещика Зубова, «между себя учинят раздел» и «в безобидном от одного к другому равенстве, употребляя на то сажени, аршины и даже ступни ног своих»<sup>16</sup>.

Кстати говоря, между официальными переделами крестьяне могли обмениваться участками, снимать непосильный труд с немощных, передавать землю способным ее обработать. Вот, к примеру, в деревне Ямы после смерти мужа его вдове с пятью малыми детьми и с двухдушевым наделом сход решает оставить надел умершего мужа. Вдова отказывается и от надела мужа, и от своего, так как ей это не по силам, даже при коллективной помощи общинников. На освободившийся надел вдовы претендует безземельный Наум Шмонин. А так как с пользованием наделом связана уплата податей, то среди общинников

возникает вопрос, сможет ли Наум Шмонин платить подать, в противном случае пришлось бы платить общине. Кроме бедного общинника Наума Шмонина, в деревне были и богатые, которые, живя в городе и занимаясь торговлей, особо не нуждались в земле. Поменявшись с другими членами общины, они имели наименьший надел, а следовательно, платили и меньше податей. На одном из сходов многие из общинников высказали мысль о том, что неплохо было бы отдать богачам бóльший надел. А те в свою очередь обиделись и прислали посыльного с ответом, что они пересядут только на свои наделы, больше же наваливать мир не имеет права. Возникшее разногласие грозило неприятностями тем крестьянам, которые сидели на чужих наделах, и мир порешил следующее: землю, от которой отказалась вдова, передать Науму Шмонину — все два надела полностью; самой вдове помочь сжать хлеб нынешнего посева, богачей же оставить в покое до другого случая (изложено по рассказу очевидца, писателя Н. Златовратского) <sup>17</sup>.

В получении всех повинностей помещик имел дело не с отдельными крестьянами, а со всей общиной, которая ежегодно платила ему определенно установленную сумму денег. «Всю раскладку сию,— писал помещик XVIII века,— делают крестьяне сами по себе, ведая каждый о другом, сколько может заплатить без тягостей перед другими и по общему мирскому приговору» <sup>18</sup>.

Как все это происходило в деревне, хорошо рассказал русский историк Иван Никитич Болтин. «Положение,— говорит он,— что в селе или в деревне 250 душ мужского люда, кои составляют 100 тягол, что оброку платит вся деревня помещику 1000 рублей, да государственных податей, яко-то подушных, рекрутских и разных мелочных расходов сходит с них 500, итого всего 1500 рублей, и что вся земля той деревни разделена на 120 паев. Из них 120 паев земли раздадут они на каждое тягло по одному, достальные 20 разделяют по себе те, кои семьянистее или зажиточнее других, по добровольному согласию, или по жеребью какая часть пая кому достанется. Имеющие по одному паю земли платят в год по 12 рублей 60 копеек; те же, кои разберут по себе достальные 20 паев, каждый платит разсчисленно, т. е. кто полпая возьмет, тот платит 6 рублей 30 копеек, а за четверть пая — 3 рубля 15 копеек сверх 12 рублей 60 копеек, который каждый за владение целого пая должен» <sup>19</sup>.

При всех расчетах с государством и помещиком крестьяне учитывали стариков, неспособных работать, инвалидов и вдов. Для них либо делались ослабления, либо они вообще не платили повинностей, которые за них вносила община, перекладывая тяготу на плечи тех, кто был способен работать.

Например, если по смерти крестьянина оставалась вдова, то за ней нередко сохранялся надел, который она могла бы обработать с помощью батраков; если же она не могла это сделать, то община платила за нее подати и если и забирала у нее землю, то только на время, до тех пор, пока не подрастут дети.

Для бедняков устраивали запасные участки, из которых им выделяли землю без обязанности вносить общинные повинности.

Из этого же запасного участка выделялось поле для общего посева, жатва и уборка его осуществлялись совместно всеми крестьянами, а хлеб шел в общее гумно. Из мирского хлеба оказывалась помощь старикам, сиротам, остальное же продавалось для уплаты государственных податей.

Из хлеба, собранного миром из общественной запашки, «общество назначает месячину за службу мужей солдаткам с их детьми, буде родственники держать его откажутся, также престарелым и одиноким, пережившим свои семейства, дабы оные не скитались по миру».

Воистину справедливы были пословицы: «На Руси никто с голоду не помирал» (имелось в виду, что в случае чего мир поможет). «Да и за голодного Бог заплатит», — считал крестьянин.

Общественная защита бедных, нетрудоспособных, вдов, стариков, сирот гарантировалась всем крестьянским миром.

История доносит до нас голоса очевидцев разных губерний России.

«Когда же какого-либо крестьянина постигает несчастье, например, выгорит у него дом, то крестьяне из сострадания к нему помогают в свободное от своих работ время, возят ему задаром дрова, с катища — бревна на новый дом и пр. преимущественно в воскресенье» (Вологодская губерния).

«В случае постигшего домохозяина несчастья, например пожара, мир дает бесплатно лес для постройки; если кто заболевает, то мир бесплатно исправляет его хозяйственные работы: убирает хлеб, сено и т. п.» (Новгородская губерния).

«Обработать поле и убрать его у одинокого больного, а также привезти лес на постройку мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из одноклассников под предлогом недостатка лошадей отказывается участвовать в помощи, мир не приступает ни к каким карательным мерам, но общественное мнение осуждает его, а идти против мира редко кто решается» (Тульская губерния).

«...Каждый член общества трудится, выходя на работу для вспашки поля или уборки урожая у захворавшего домохозяина или бедной вдовы, вывозит лес на постройку сгоревшей у кого-либо из своих членов избы, платит за участки, отведенные беднякам, больным, старым, сирым, за отпускаемые им бесплатно: лес на починку избы, материал на изгороди и отопление, хоронит их за свой счет, вносит подати за разорившихся, поставляет лошадей для обработки поля хозяину, у которого они пали или украдены, несет хлеб, холст и прочее погорельцу, поит, кормит, одевает сирот, поселенных в его избе, и многое другое» (Тверская губерния).

Сегодня горько слышать утверждения некоторых публицистов и историков о том, что община была насильственно насаждена помещиками и служила орудием эксплуатации крестьянства. Так публицист В. Селюнин заявляет, что община была «насаждена сверху или по крайней мере укреплена после переворота Ивана Грозного». По Селюнину, община возникла как реакционный инструмент эксплуатации крестьянина, которому помещик не хотел давать участка в личную собственность, чтобы не сачковал (выражение Селюнина) на барщине. «Идеальным решением стала община. Участки, выделенные для прокорма крепостных, принадлежали не семьям, а сельскому обществу... Коллективное землепользование подрезало крылья энергичным и предприимчивым, насаждало унылое, убогое равенство»<sup>20</sup>. Вот такой решительный и безжалостный приговор выносится современным публицистом одной из главных форм народной жизни, в рамках которой рождались, трудились, радовались и умирали многие поколения наших предков. Конечно, можно спорить о том, когда же точно возникла община, но одно совершенно ясно — она не была навязана сверху, а развивалась в русле коренных русских традиций и народных идеалов (таких, как вече, артель, помощь). Суть общин состояла не столько в совместном владении землей и периодическом переделе ее между членами сельского общества (хотя и это было важно —

отражало дорогие для крестьянина принципы справедливости и нестяжательства), сколько в том, что она была формой совместного существования, взаимопомощи, самоуправления и демократического решения общественных и личных вопросов.

Пока крестьянское население было относительно мало-численно, леса были полны дичи и разных даров, а реки кишели рыбой, эта форма вполне устраивала крестьян, отвечала их идеалам. Однако по мере роста сельского населения усиливалось дробление земельных участков, росла чересполосица, ухудшались условия обработки. Все это вступало в противоречия с новыми экономическими требованиями. В 1906 году был принят закон, по которому каждый член общины имел право получать часть общинной земли в личную собственность. Таким образом представлялась свобода распоряжаться наделенной землей по своему усмотрению, правда, сильно ограниченная тем, что продавать землю можно лишь лицам, приписанным к сельскому обществу, закладывать только в Крестьянском банке, а завещать по обычному праву, то есть ближайшим наследникам. Одновременно были проведены мероприятия по землеустройству.

Ликвидировав передел, передавая крестьянам землю на правах личной собственности, закон, как мы видим, не уничтожал общину, которая продолжала выполнять свою социальную и демократическую роль, ибо продажу земли можно было осуществлять только в пределах общины. Заслуга уничтожения общины принадлежит не Столыпину, а сталинской бюрократии.

Нам совершенно не ясно, на каком основании В. Се-люнин считает общину формой обобществленного коллективного труда. Впрочем, зачем ему это нужно, понятно — он хочет увидеть в общине истоки сталинских колхозов. Но ведь факты говорят совершенно о другом. Труд в общине носил свободный, самостоятельный характер, каждый крестьянин работал на своем участке, использовал свои орудия труда, приемы и методы работы, сам сеял и сам собирал свой урожай, распоряжался им по своему усмотрению.

По-иному было в колхозах, где все, вплоть до мелочей, осуществлялось по разнарядке свыше, крестьянин полностью терял свою самостоятельность и связь с результатами своего труда.

Конечно, мы далеки от идеализации общины; процессы, которые происходили внутри нее, были неоднозначны,

и прежде всего обострялось социальное расслоение. Община подвергается активным нападкам и справа и слева. Правительство хочет превратить ее в послушный инструмент взимания налогов, радикальные элементы призывают к ее уничтожению, чтобы ускорить развитие капитализма.

Общеизвестно, что многие деятели русской культуры высоко оценивали значение крестьянской общины в народной жизни. В частности, В. И. Вернадский в своем дневнике писал: «Я глубоко верю в то, что русский... мужик даст настоящую, цельную демократию. Вече — это (основа жизни) среди коренного крестьянского населения». А вот комментатор дневников В. И. Вернадского И. Мочалов думает иначе. Чтение дневников навело его на мысль, что «на протяжении столетий Россия была лишена способности к самоорганизации и саморазвитию... Малоподвижное, консервативное «целое» буквально расплющивало «маленького человека»<sup>21</sup>.

Какое надменное недопонимание основ народной жизни чувствуется в этих словах, истина переворачивается с ног на голову, не говоря уже о том, что извращаются мысли великого ученого.

Саморазвитие и самоорганизация русской жизни многие века осуществлялись в рамках самоуправляющейся общины, и именно она была общественной формой, которая создавала условия для свободы и самостоятельного развития каждого отдельного крестьянина (в городах подобную роль играли самоуправляемые объединения, дружины, черные сотни и т. п.).

Конечно, понятие свободы в Древней Руси (как и в средневековой Европе) отличалось от нынешнего. Свобода носила коллективный характер и определялась принадлежностью человека к самоуправляющейся общине, существовавшей на основе демократических традиций и обычаев и в значительной степени ограждавшей его от феодальных поборов и бюрократического произвола центральной власти.

Распространенное заблуждение некоторых наших современников понимать свободу как абсолютную независимость человека от установленных веками традиций и обычаев общинной жизни вряд ли бы было понято нашими предками, смотревшими на такую независимость как на разнузданность и своеволие, ничего общего со свободой не имевшие. В древнерусской культуре понятие свободы тесно связано с понятием правды и справедливости. Средневековые словари, объясняя значение старых слов, понимают слово



«оправдися» как «свободися». Здесь очень важно понять народный взгляд, отождествляющий свободу и справедливость, определивший условие развития экономической мотивации наших предков. По сути дела, свобода в представлении человека Древней Руси носит высокий духовный характер. «Стремление к гармонии,— пишет исследователь древнерусской культуры В. Колесов,— выражается по древнему образцу: свободен тот, кто живет в пределах собственного мира, в своем кругу, руководствуясь своим мерилom ценности и красоты, пусть даже этот мир и будет в каком-либо отношении и не очень хорош... (но)... этот мир мой, знаком мне, и признаки этого мира выражают именно мое существо»<sup>22</sup>.

Вся жизнь крестьянина в общине обуславливалась чувством соборности, неразрывной связи с окружающими людьми, непротивопоставления своих интересов интересам окружающих. Члены общины знали о друг друге все. Община неформально осуществляла строжайший социальный контроль, цензуру нравов, от которой невозможно было укрыться. На крестьянских сходах решались самые разные вопросы, в том числе семейные. Разбирались взаимоотношения различных членов семьи, родителей и детей.

В этих условиях частная личная жизнь крестьянина (в современном понимании) практически не существовала. Он жил в миру и был человеком мира. Отдельная крестьянская личность растворялась, поглощалась, сливалась с сельским миром. Праздники и похороны, именины и свадьбы справлялись у крестьян всем миром, с миром у крестьянина связывались все радости, горести, успехи, прибыли.

И крестьяне старались держаться вместе, не выбиться из «мира». «Как все, так и мы»,— распространенная крестьянская присказка.

Высокий духовно-нравственный потенциал традиционной крестьянской культуры оставлял мало места для всяких видов духовного разложения. Пьянство в крестьянской среде было чрезвычайным делом. Еще в начале нашего века абсолютное большинство крестьян пили только по праздникам. Были, конечно, на селе пьяницы. Но, как правило, деклассированный люд, глубоко презираемый сельчанами. Рассказы о чуть ли не поголовном пьянстве дореволюционных крестьян являются грубой позднейшей выдумкой. Перед революцией крестьянская страна Россия занимала по потреблению алкоголя одно из последних мест в мире. Потребление алкоголя в России было в шесть раз меньше,

чем во Франции; в пять раз меньше, чем в Италии; в три раза меньше, чем в Англии; в два раза меньше, чем в Германии<sup>23</sup>.

Крестьянин, выросший на традиционных духовно-нравственных ценностях крестьянской общины по своей натуре был глубоко цельным человеком. Цельность крестьянина обеспечивалась всем духовно-нравственным богатством крестьянской культуры, и любые попытки лишить крестьян каких-либо элементов этой культуры неизбежно вели к деградации личности.

Сила и ценность традиционной крестьянской культуры вообще и традиционной культуры труда в частности были настолько велики, что даже ярмо крепостничества, под которое подпала на три столетия почти половина русского крестьянства, не могло вытравить из него качеств трудолюбия, инициативы, самостоятельности, хотя, конечно, заметно сковывало его возможности, ухудшало условия существования.

«Взгляните на русского крестьянина,— восклицал А. С. Пушкин,— есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна, проворство и ловкость удивительны...»<sup>24</sup>

«Русский крестьянин,— писал Герцен,— многое перенес, многое выстрадал; он сильно страдает и сейчас, но он остался самим собою. Замкнутый в своей маленькой общине, оторванный от братьев, рассеянных на огромных пространствах страны, он нашел в пассивном сопротивлении и в силе своего характера средства сохранить себя; он низко склонил голову, и несчастье часто проносилось над ним, не задевая его; вот почему, несмотря на свое положение, русский крестьянин обладает такой ловкостью, таким умом и красотой...»<sup>25</sup>

Великий русский ученый Владимир Иванович Вернадский, признавая огромное могущество и ценность традиционной крестьянской культуры, отмечал в письме к В. Водовозову: «Народная, массовая жизнь представляет из себя нечто особенное, сильное, могучее... (и)... то, что выработано народной жизнью, несомненно, является сильным, прекрасным, могучим и в то же время является таким властным, что я не чувствую себя в силах освободиться от этого, и даже является таким сросшимся со всем существом моим, что я не чувствую желание сбросить эти оковы — мне даже кажется иногда, что это массовое познание является остоном всего моего ума»<sup>26</sup>.

Писатель Глеб Успенский, который также высоко оценивал традиционную крестьянскую культуру, считал, что «расстроить деревню — значит расстроить всю Россию».

«Общинное крестьянское землевладение, господствующее в России, включает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение, так как общинники могут, при известных условиях, вести крупное хозяйство, допускающее множество улучшений... а потому я считаю,— сделал вывод Дмитрий Иванович Менделеев,— весьма важным сохранение крестьянской общины, которая со временем, когда образование и накопление капиталов придут, может тем же общинным началом воспользоваться для устройства (особенно для зимнего периода) своих заводов и фабрик. Вообще, в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному»<sup>27</sup>.

## РУССКАЯ АРТЕЛЬ

Русская артель была добровольным товариществом совершенно равноправных работников, призванным на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того — артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями.

Началом равноправности артели резко отличались от капиталистических предприятий; попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались (в этом плане артель была антикапиталистической организацией). Причем равноправность не нарушалась предоставлением одному из членов распорядительной функ-

ции, так как каждый из членов мог быть назначен товарищами на ее выполнение. В некоторых артелях распорядительная функция выполнялась поочередно каждым из артельщиков. Равноправие, конечно, не означало уравниловки — распределение дохода осуществлялось по труду.

Чисто русской особенностью этой формы труда было также то, что члены артели связывались круговой порукой, то есть каждый из них ручался солидарно за всех остальных, все же вместе за каждого отдельно. Этот признак вытекал из самого понятия об артели как о самостоятельной общественной единице. Эта ответственность друг за друга есть искони отличительный признак артели, доказательством чего служат дошедшие до нас исторические памятники, договоры с артелями, заканчивающиеся указаниями, что ответственность за ущерб и убытки, нанесенные артелью, должна падать на того, «кто будет в лицах», то есть на каждого конкретного члена артели<sup>1</sup>. Все это лишний раз подчеркивало общинное происхождение артели, их кровное родство. Недаром Герцен считал артели передвижными общинами.

Одно время мне было неясно, почему так много пословиц ходило в народе об общине и значительно меньше об артели. А потом я понял, что дело здесь именно в кровном родстве общины и артели. Пословицы, посвященные общине (миру), почти в равной степени распространяются и на артель.

Кстати говоря, общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. Известны случаи, когда целые общины организовывали артель. В Вологодской и Архангельской губерниях были часты случаи, когда целые деревни-общины образовывали артель по обслуживанию почты и переводов. Такие артели сами распределяли работу между своих членов, устанавливали норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу<sup>2</sup>.

Вот почему многие характеристики общины в равной степени справедливы для артели.

Артелью, писал историк Прыжов, называется братство, которое устроилось для какого-нибудь общего дела. Русская артель имеет своего рода семейный характер: «Артель — своя семья». Про большую семью говорят: «Экая артель». Товарищеская взаимопомощь и общее согласие главное в артели: «Артельная кашница гуще живет», «Одному и у каши не спору», «В семье и каша гуще». Поэтому, справедливо утверждает Прыжов, у русского человека

большое скопление людей получает смысл артели: «Народ по улицам артелями бродит»<sup>3</sup>.

«Артельная система,— отмечал Слобожанин,— есть не классовая, а общечеловеческая система, форма же проявления ее — артель — есть союз личностей»<sup>4</sup>.

В артели человек должен был проявить свои лучшие способности, а не просто приложить труд. Демократический характер артели был не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии — признания ими артельных основ. В складочные пиры, в пустынные монастыри, в братства и в вольные дружины могли входить и «лучшие» и «молодые» люди, и смерды, и бояре, и духовные лица, и даже князья.

Итак, артель — самоуправляемый трудовой коллектив. «Артель суймом крепка»,— гласит древняя пословица. Суйм, или сует, — сейм; сходка, общее собрание. Люди объединяются для совместной слаженной работы, где каждый отвечает перед всеми другими. «Артель своя семья», «Артель круговая порука», «У артели брюхо да руки — нет другой поруки», «Что было в артели — все свертели».

Самоуправляющий характер артели вовсе не означает, что у нее нет начальника. «По ватаге — атаман, по овцам — пастух». Артель выбирает его из самых авторитетных членов, понимая что есть вопросы, которые арифметическим сложением мнений не решишь. «Без атамана дукан не дуканят». Нужна твердая воля, выражающая конечные интересы членов артели, но, конечно, не подавляющая их самостоятельности. «Артели думой не владети», ибо «сколько в артели голов — столько умов». Поэтому «один горюет, а один воюет». «Артель ватаманом крепка». Руководители артели, кроме атаманов, назывались еще старостами и большаками.

Да, артель нередко предоставляет своему руководителю широкие права (если она ему доверяет), но и при всех обстоятельствах осуществляет за ним контроль, которого практически не избежнешь.

Профессор Шульц-Геверниц, побывавший в России конца XIX века, отмечает принципиальные отличия русской артели от западноевропейских промышленно-ремесленных объединений. Если западноевропейские ремесленные объединения основаны на индивидуалистических началах, отмечает он, то русские артели охватывают всего

человека, связывая его с остальными членами артели, заказчиками и государством круговой порукой<sup>7</sup>.

Еще одно важное отличие русской артели от западного кооперативного движения в том, что она ставит во главу угла не только материальный интерес (хотя он, конечно, не отрицается), но и духовно-нравственные потребности личности.

Исследователь артели М. Слобожанин считает слово «артель» одного происхождения с древним словом «рота», «ротиться». Образовалось оно, по его мнению, путем перестановки букв по так называемому закону полногласия, все равно как от слова «рожь» производится слово аржаной. Слово «рота» означает: божба, клятва, заклинание, а ротиться — божиться, клясться, заклинать, обетовать, присягать. Военная часть, принявшая присягу, обозначается по-русски и по-немецки тем же словом, только с переменой ударения — рота. У тюркских народов от того же корня производилось и другое слово — «орта», или арта, что уже совсем близко к слову «артель». «Орта» означает община, союз людей<sup>8</sup>. Такое объяснение происхождения слова «артель», на наш взгляд, вполне удовлетворительно, ибо подчеркивает особый характер ее возникновения путем общественного договора, взаимного согласия, выработки общих условий сосуществования, а также задач и целей. Все это скреплялось клятвой по христианскому обычаю на иконе, то есть своего рода присягой.

Древняя артель — добровольный союз нескольких лиц, согласных, то есть солидарных между собой, доверяющих друг другу и скрепивших свои договорные отношения обетом или клятвой содружественных людей, преследующих общую цель свободного проявления каждым своей индивидуальности.

Многие ученые отмечают нравственный характер артелей, развитие которых объяснялось не столько погоней за прибылью, наживой, сколько более высокими духовно-нравственными соображениями взаимопомощи, взаимоподдержки, справедливости в распределении благ, древней склонности к самоуправлению и трудовой демократии.

Что прежде всего привлекало русского человека к артели?

Равноправие, справедливое вознаграждение, товарищеская поддержка, ибо артели были не только деловыми объединениями, но и общественными организациями.

По мнению русского человека, артель, как и община, великая сила. «Артелью города берут». Русские артели

возникали с самыми разнообразными целями. Кроме хозяйственных артелей (земледельческих, промысловых, ремесленных, торговых) существовали артели религиозные (братства), образовательные, воспитательные, общежительские, политические, уголовные и т. д.

Широкое развитие артели объясняет соответствие артельных форм жизни народному духу, «соответствие основных начал нравственности и справедливости, заложенных в артели, духу народа и то непосредственное участие народных масс в артельном строительстве, которое сделало артели действительно русскими, бытовыми, чисто народными союзными организациями»<sup>7</sup>.

Артельный характер жизни, выросший из общинных начал, принимал самые разнообразные формы и названия — складчины, братства, ватаги, дружины, товарищества и собственно артели.

У Даля слово «ватага» обозначает дружную толпу, шайку, артель, временное или случайное товарищество для осуществления разных дел. В X—XV веках летописи упоминают «старейшин древодельских», то есть руководителей артелей плотников. В XII веке строительные рабочие объединяются в «братии» или «братчины», так в то время назывались товарищества, артели. В XII—XIII веках «братии» («братчины») являются производственными и одновременно общественными организациями различных групп городских ремесленников — кузнецов, литейщиков, кожевников и т. д. Иногда артели назывались дружинами. Так, в 1420 году псковичи «наняша мастера Федора и дружину его побивати церковь»<sup>8</sup>. Здесь мастер — руководитель артели, пользующийся авторитетом как хороший специалист, получавший заказ под свою ответственность. Оплата распределялась между членами артели в зависимости от трудового вклада, осуществляясь частично натурой, частично деньгами.

Древняя русская артель складывалась на началах товарищества, как правило, из людей хорошо знавших друг друга, односельчан, уличан.

История донесла до нас немало образцов артельных договоров. Приведем некоторые из них. В XVII веке плотники Карп Федоров и Иван Гордеев «с товарищи» подрядились «зделать 3 дубины длиною 4-х саженьях, а в двух дубинах сделать 8 ступ 2-х аршинных, а третью дубину выгранить в 3 грани и растереть пилами да и кряж зделать по ступе и тех всех будет 10 ступ»<sup>9</sup>. Выполнив эту работу, артель получала определенную договором сумму,

которую делила между собой согласно трудовому вкладу. Хочется особенно подчеркнуть одну «типичную формулировку договора «с товарищи», или «со товарищи». Она подчеркивала равноправный товарищеский характер деятельности членов артели.

Или вот другой артельный договор.

Артели носников (лоцманов) и кормщиков (капитанов) известны были на Сухоне и Двине. Товарищеская солидарность, взаимопомощь определялась в специальных договорах — одинашных записях, — которых сохранилось очень мало. Интересно привести одну из одинашных артельных записей, доносящих до нас живую речь наших предков.

15 марта 1653 (заверено афанасьевским попом и подписано многими подписями).

«Се аз Тотмяна (тотемские — г. Тотма на р. Сухоне — ныне Вологодская область) посадские люди, а нижнесухомские носники, Юрия Тихонова сын Баев, да яз Клим Михея сын да Яз Василий Иванов сын Попов (далее перечисляются еще 17 фамилий)... и все нижнесухонские носники уговорились мы промеж собою мы полюбовно в том, что промеж собою нам носникам в судовом деле друг за друга стоять и не подавать ни в чем. Буде от Тотемских и от Устюжских воевод какая обида будет, не по делу станут в тюрьму садить на Тотьме и на Устюге, а буде которово нас носников в тюрьму посадят оне воеводы на Тотьме и на Устюге, и нам носникам друг за друга стоять и стоять за един человек (выделено мною.— О. П.) и в обиду не давать и государю бити челом и нам носникам, докахместь не выпустят ис тюрьмы, на судах не ходить, ни плавать. А буде тех носников не выпустят ис тюрьмы, и нам носникам из своеие братьи с совету выбрать ходока к Москве бити челом государю в воеводских обидах. А буде который из нас носников не станет друг за друга стоять и в тоя поры почнет на судах ходить и плавать, в кою пору носники в тюрьме сидят, и на нем взять в братью пятьдесят рублей денег. А в те поры государевых казенных судов на носникам не держать ни вниз, ни вверх, и своих братьи носников отпущати на те казенные суды на Меженские на осенные, опричь внешних сплавов, людей и дощаников, которые лодьи и дощаники с хлебом и с иным товаром поплвут в весну. В том мы промеж собою носники одиначную написали»<sup>10</sup>.

Русь долгое время была страной преимущественно деревянных построек, созданных руками многочисленных



плотничьих артелей. Артельные древоделцы были искуснейшими мастерами по обработке дерева. Виртуозные создания их — настоящее искусство. Оно сохранялось в первоизданном виде еще в довоенный период на Севере. Страшные события, прошедшие в нашей стране, уничтожили искусство плотничей артели, почти не стало его живых носителей, и только редкие постройки и храмы, одинокие и забытые, как пирамиды фараонов, рассказывают нам о великих возможностях русской артели.

Строительные плотничные артели являлись классическим образцом деятельности русской артели. Все члены плотничной артели были равноправны, но по степени искусства разбивались на три группы и получали свой заработок в зависимости от принадлежности к каждой из них. Меньше всего зарабатывали ученики, пока не получали должной квалификации. Для этого артель приставляла к ним опытного наставника.

Мелкие артели часто не выбирали старосту (не было необходимости). Зато в крупных артелях, особенно работавших в городах, выбирали даже двух старост. Один отвечал за хозяйство артели. Другой руководил работами, координировал их. Старосты, выполняя свои руководящие функции, не освобождались и от общей работы, выполняя ее наравне с другими артельщиками. Чаще всего плотничьи старосты за свою руководящую работу специальной платы не получали, а только в конце работы им могли по решению артели выделить небольшую премию — «на сапоги».

Другой распространенной областью строительных артелей были каменщики, строившие удивительные сооружения, ставшие образцами высокого искусства для последующих поколений.

История доносит до нас имя старосты каменщиков Василия Дмитриевича Ермолина, работавшего в середине XV века, осуществившего ряд замечательных построек в Москве и других городах России. Артелей каменного дела на Руси известно бесчисленное множество, и были они «духовной силой, которая в течение столетий оказывалась способной воспитывать в недрах своих такие могучие таланты, какими являются эти зодчие, или они в иных отношениях — общественных и экономических — представляли собой такие влиятельные организации, без помощи которых даже могучие таланты не могли пробить себе пути в жизни. ...Строительная артель является перед нами, как большая общественная сила, оставлявшая после себя,

даже в то отдаленное время, столь заметную борозду в социальной жизни»<sup>11</sup>.

Пройдитесь по улицам российских городов, посмотрите на дома, построенные в XVIII—XIX — начале XX века артелями строителей. Высокое качество, надежность просто поражают многих современных строителей, которые зачастую и близко не могут подойти к такому уровню выполнения работ.

В Москве только за сезон 1911 года было построено 3 тысячи пяти- и семиэтажных домов, по мнению специалистов, качество работ было исключительно высокое. Большинство из них до сих пор служит москвичам без капитального ремонта.

Те виды работ, которые делались ранее артелями простых строителей, могут выполнить ныне только строительные рабочие известных зарубежных фирм, да и то не всегда.

Сейчас в Москве ведется реконструкция огромной гостиницы «Метрополь», построенной и отделанной в начале XX века руками нескольких десятков артелей менее чем за четыре года. Всемирно известная строительная финская фирма не может выполнить в полном объеме все виды работ по отделке гостиницы, которые были сделаны в начале века артелями русских столяров. Столярные работы в гостинице (двери, оконные рамы и т. п.) делались разными артельщиками по единым эскизам. Однако каждый член артели работал по-своему, со своими привычками и особенностями, со своим инструментом. В результате получились по-своему неповторимые произведения столярного искусства, которые при нынешней реконструкции были сведены к нескольким стандартизированным образцам.

Яркой иллюстрацией высокой продуктивности артелей является строительство каналов и железных дорог. При помощи самых простых орудий — тачка, лопата, топор, пила — было построено 893 км каналов и 1317 км шлюзованных участков рек. С 1838 по 1917 год строительные артели также безо всяких механических средств провели более 90 тыс. км железных дорог. Великая сибирская дорога протяженностью 7,5 тыс. км была построена за десять лет со средней численностью рабочих 7—8 тыс. человек.

Возьмем к примеру рабочих-строителей Петербургско-Московской железной дороги в середине XIX века. Все они работали, объединяясь в артели человек по 80. С каждой артелью подрядчик заключал отдельный контракт, в кото-

ром оговаривались нормы выработки, продолжительность рабочего дня, условия питания, быта и отдыха. Работали с 1 мая по 1 ноября «если погода не воспрепятствует», в противном случае подрядчики имеют право рассчитать и ранее, не производя плату за остальные дни до срока, по расчету. За дождливые дни плата рабочим не производилась, но продовольствие выдавалось. В артели соблюдалась круговая порука друг за друга. За неявку к началу работ, прогулы, пьянство, самовольную отлучку во время работ на артель накладывается штраф за каждого виновного по 50 копеек серебром в день, а за умерших в пути и не явившихся из-за болезни с артели вычитался задаток.

«Рабочие обязаны выходить на работы с рассветом дня и производить оные поурочно... (Им) полагается со вступлением в работу до 15 августа на обед и отдых времени два часа; при завтраке и на ужине отдых не иметь, с половины же августа и после обеда отдыха не полагается».

Работа была очень тяжелая, ее тяжесть усугублялась злоупотреблениями подрядчиков, стремившихся сорвать куш с рабочих путем различных обсчетов и недоплат. Ежедневно рабочий должен выкопать и перевезти на тачке от 5 до 10, а то и больше тонн грунта. За перевыполнение урока рабочим полагалась повышенная плата.

Жили артели в балаганах, бараках или землянках. За утеранный инструмент вычиталась его стоимость. Нетрезвое состояние и «непослушание» штрафовалось по 50 копеек серебром. Пьянство во время работ было крайне редким явлением.

Особо в артельных договорах определялись условия питания. «Продовольствие или харчи рабочим людям без различия вероисповеданий назначаются следующие: постные дни: каша и каша с постным маслом, полагая то и другое круп 10 фунтов и масла 1 фунт на 10 человек; в скоромные дни каша с говядиной свежей или соленою на каждого человека в сыром ее весе более 300 грамм в день и каша с постным маслом. Хлеба ржаного досыта; но продавать и разбрасывать хлеб, оставшийся от стола, рабочим воспрещается; под опасением взыскания по 10 копеек серебром за фунт и в штраф за каждый раз по рублю серебром». К этому меню питания русских артелей XIX века мы еще вернемся, когда будем говорить о питании русских рабочих 30—40-х годов на стройках коммунизма.

За сезон артельщики (кроме питания) получали 35 рублей серебром, из которых 6 рублей отдавали в виде казенных податей, стоимость дороги на работу и

обратно — 3 рубля, паспорт и разные вычеты еще около 3 рублей. Оставалось на руках около 23 рублей. Конечно, за свой счет рабочий покупал сапоги, одежду, рукавицы, белье. Но даже с учетом этих личных надобностей у него оставалось чистыми около 19 рублей. На эти деньги можно было купить две коровы или лошадь, стоимость пары сапог была 70 копеек, а овчинный полушубок (дубленка) — 2 рубля.

Следует сказать, что, по мнению современников, за такой тяжелый труд плата была недостаточна, хотя и удовлетворяла многих артельщиков. Однако нередко подрядчики, стремившиеся нажиться за счет рабочих, обсчитывали их и не выплачивали деньги. В таких случаях артель снималась с места и уходила, призывая поступать так же и другие артели. Вот что, например, случилось в июле 1850 года. Материалы официального рапорта стоят того, чтобы их привести полностью, так как они отражают артельный дух, артельное стремление к справедливости, артельную ярость по отношению к эксплуататорам, которыми здесь выступают подрядчик Кузьмин и его приказчик Мошенский вкупе с царскими жандармами: «5 числа сего месяца сбежали с пункта работ... (артель)... в числе 80 человек по невыдаче им подрядчиком Кузьминым и К°, 1 числа июля заработной платы и что корпуса жандармов поручик Анисимов с унтер-офицером Семенцом и приказчиком подрядчиков Мошенским отправился за ними в погоню, настигнув их в 15 верстах, где они расположились отдыхать, начал убеждать их возвратиться на место работ объявив при этом, что деньги будут им тотчас выданы, но все рабочие вооруженные дубинками, крикнув ура, двинулись вперед, увидев же, что Анисимов их преследует свернули в болото. Между тем, поручик Анисимов, оставшись на дороге в лесу успел остановить старосту артели, уговаривая его убедить рабочих возвратиться, но они увидев своего старосту, стоявшего у тарантаса, закричали ему: ты нам изменил — и бросаясь к нему, сбили с ног и начали его жестоко бить. Когда Анисимов, видя такое ожесточение рабочих, хотел остановить это буйство, то в это время один из них нанес ему столь сильный удар дубиной, что он упал без чувств, и вся артель закричала: выпрячь лошадей, побьем всех их... (но жандармам удалось бежать)... О происшествии известили местного станового пристава для принятия нужных мер к удержанию артели. Один из рабочих, пойманный приказчиком Мошенским, показал, что он был послан от артели к другой, находя-

щейся близ деревни Кузнецовой для объявления его, что они уже бежали и чтобы они также не мешкали, но как они не приняли этого предложения, то он, возвратясь на работу и не застав уже своей артели, отправился их догонять, и что бежавшая артель должна идти на г. Осташков, почему полковник Виланд приказал Мошенскому ехать туда для удержания артели... Сообщив вместе с сим г.г. гражданским губернаторам: Новгородскому, Тверскому, Псковскому и Витебскому о приостановлении означенной артели рабочих и о возвращении их на место работы... с задержанием зачинщика в остроге... Для отвращения же на будущее время подобного буйства, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о производстве над преступником, посягавшим на жизнь поручика Анисимова, военного суда и о наказании его на линии железной дороги, при собрании рабочих с каждой артели по несколько человек»<sup>12</sup>. Начавшееся по этому делу расследование подтвердило серьезные злоупотребления со стороны подрядчиков. Однако окончилось оно ничем.

Трудолюбию, выносливости членов строительных артелей обязана Россия своими железными дорогами. И наверно, лучше не скажем, чем сказано в стихотворении Некрасова:

Мы надрывались под зноем, под холодом  
С вечно согнутой спиной.  
Жили в землянках, боролись с голодом,  
Мерзли и мокли, боролись с цингой.  
Грабили нас грамотей-десятники,  
Секло начальство, давила нужда...  
Все претерпели мы, Божии ратники,  
Мирные дети труда.

Многое, конечно, поражает нас сегодня, когда мы знакомимся с деятельностью русских артелей. Ну вот, к примеру, артели, расписывавшие церкви. Один из выдающихся памятников национального и мирового искусства церковь Илии Пророка в Ярославле (XVII в.) расписала артель Гурия Никитина со товарищи (15 человек) всего за 80 дней, а это сотни квадратных метров росписей высочайшего класса!

Как же подряжались артели?

И в XVI и в XIX века это происходило почти одинаково. Кликали артельщиков, подрядчиков, старост трудовых артелей. Собирались они на торга, спорили друг с другом до хрипоты, кто дешевле и лучше сделает, и только с торгов артели получали тот или иной подряд. Хотя

часто было и иначе. Подряд на торгах мог получить подрядчик, который уже сам набирал артели на свой страх и риск.

Перед открытием судоходного и рыболовного сезона начиналась борьба между предпринимателями за рабочие руки. Подряжались целыми партиями-артелями и на весь сезон. Если рабочих рук не хватало, артель могла включить в договор плату в 2—3... раза большую, чем обычную. Нанимались, как правило, на хозяйских харчах, заключались письменные договоры, выдавались задатки, и все это при круговой поруке — ответственности всех членов за каждого и каждого за всех.

Старообрядцы, продолжая сохранять трудовые традиции и идеалы Древней Руси, внесли огромный вклад в развитие промышленных промыслов на артельной основе. Все их предприятия строились на артельных началах и скреплялись круговой порукой. В свои артели они старались привлекать единоверцев; административные должности принадлежали также им; во главе предприятий стояли самые заслуженные старообрядцы, выбившиеся из низов, обладавшие сильным природным умом.

И недаром исследователи считают, что в «течение долгого времени лучшая часть населения и рабочих на фабриках и заводах состояла из старообрядцев». В Москве в руках старообрядцев находилась большая часть ткацких мануфактур — льняных, хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных, басонных и позументных. Яркий пример — фабрики Гучковых в Лефортове, со всех сторон окруженные поселками рабочих, преимущественно старообрядцев. Один из попечителей московского Рогожского кладбища Кузнецов организовал производство фарфора, приобретшего общероссийскую и даже мировую известность. Основатель московского Преображенского кладбища Ковылин в конце XVIII века создал ряд кирпичных заводов, хорошее качество продукции которых стало нарицательным по всей стране. А знаменитые морозовские фабрики, начавшиеся в Москве и перебравшиеся в Зуево и Иваново-Вознесенск. В Богородском, Бронницком, Егорьевском и Покровском уездах по течению реки Гуслицы, как раз на стыке Московской, Рязанской и Владимирской губерний, образовались целые старообрядческие регионы, сохранявшие преимущественно артельную организацию труда и трудовые идеалы Древней Руси. Жители-старообрядцы этих местностей создали разветвленные кустарные промыслы. А как не вспомнить, что мукомольное дело во всем Поволжье орга-

низовал старообрядец Бугров и некоторые другие его единовѣрцы. Старообрядец Сапожников организовал на Волге тысячи рыболовных артелей. В Семеновском и смежном с ним уездах Нижегородской губернии производство всей так называемой «горянщины», то есть точеных и резных изделий из дерева, осуществлялось преимущественно артелями старообрядцев или небольшими частными фабриками, но с артельной организацией труда<sup>13</sup>.

Конечно, развитие ремесленного производства на артельной основе было распространено не только среди старообрядческого, но и среди всего русского населения.

Очень часто российские ремесленники объединялись в артели для пользования общими сооружениями, орудиями труда, кузницами и другими техническими средствами. Гончары объединялись, чтобы иметь общий горн, кузнецы — общую кузницу, ткачи — большое светлое помещение, все они да и другие ремесленники — склад для сырья, материалов и готовой продукции. Такие артели обычно назывались подсобными или вспомогательными.

Например, в губерниях, где был распространен гвоздарный промысел, кустари образовывали артельные кузницы, куда входили от 5 до 18 гвоздарей.

Ремесленники-бочары Алатырского уезда Симбирской губернии образовывали артели по 80—90 домохозяев, каждый из которых вносил в артельную кассу до 200 рублей. На эти деньги покупался лес. Артель переселялась на купленный участок, нанимала там квартиру, заводила общий стол. И общими силами начинала валить лес, подготавливать его к производству бочек. Непригодный для бочарного промысла лес продавался на месте, а пригодный погружался на баржи и отправлялся в Самару, Хвалынский, Саратов и другие места, где артельщики изготовляли бочки<sup>14</sup>. Таким образом, масштаб операций артели приобретал широкий характер.

В г. Сурки Лебедянского уезда нынешней Липецкой, а в XIX веке Тамбовской области существовала артель по производству каменных жерновов из 48 человек. Жили члены артели недалеко от каменоломни в землянках, имели общий стол. Были у них свои инструменты, а также специальная кузница для ремонта сломанных инструментов. Работу и все хозяйство артели координировали два выборных старосты, работавшие наравне с прочими артельщиками. Изготавливаемые жернова собирались в общем складе и прямо оттуда продавались окрестным крестьянам.

Артельный дух русских работников всегда принимался правительством как реальность, с которой надо считаться, хотя отношение к нему у разных царей и правителей было неодинаковое. Одни только мирились с ним, другие, их было мало (такие, как Анна Иоановна и Бирон), пытались даже бороться, третьи (Петр I, Екатерина II) стремились поддерживать его.

Правительству приходилось считаться с крестьянскими традициями трудовой демократии и самоуправления. Петр I, а за ним и Екатерина II создали и развивали ремесленные цехи на основах, рожденных еще средневековыми ремесленными артелями, дружинами и братиями. В тех случаях, когда на заводы привлекались крестьяне, то их труд организовывался с учетом их общинных и артельных представлений. Характерный пример — организация внутреннего самоуправления приписных крестьян во время исполнения ими вспомогательных работ на заводах, впервые выработанная князем Вяземским для Ижевского и Воткинских заводов (1763 г.), а затем распространившаяся на другие заводы. Приписные крестьяне, работавшие на заводах, делились на сотни, которые должны были выбирать ежегодно с общего согласия сотника, выборного, старост и по два писчика. Протоколы о выборах за подписью крестьян отсылались в заводскую контору, чтобы она могла знать, с кого требовать исполнения ее распоряжений. Все выборные, по желанию крестьян, могли переизбираться и на следующий год. Крестьянские выборные занимались разбором всяких ссор между крестьянами, назначением работников на определенные виды работ по требованию руководства завода, выбором и отсылкой на завод здоровых и годных людей, если контора будет нуждаться в мастеровых, а также наблюдением за порядком выполнения работ крестьянами. То есть крестьянам давалось полное самоуправление. Если в какой-нибудь сотне явится ослушник, который не только сам не будет повиноваться, но и других станет подговаривать к неповиновению или к какому-либо другому «злу», то таких, не давая им усиливаться, брать под караул, и «ежели злость не велика», то при мирском сходе высечь нещадно; если же окажется какое-либо «злое намерение», то «прописав непорядки», означенного человека отсылать вместе со свидетелями в заводскую контору, которая производит расследование и, если определяет, что «злодейство гораздо велико», отправляет дело виновного в государственный суд. Если при решении какого-либо дела между выборными происходило разногласие,



то его решали все крестьяне на сходе. Если и на сходе не было достигнуто единодушия, то представитель управителя вместе с двумя выборными или сотниками из других сотен должны были вынести решение. Точно так же если случался спор между разными сотнями или между сотней и ее выборными органами, то его решает управитель вместе с двумя сотниками или выборными других сотен<sup>15</sup>.

При Екатерине II дело дошло до того, что даже рабочих из беглых крестьян и беспаспортных организовывали в артели. Указ гласил, что всех их следует «разделить на десятки и к каждому десятку выбрать десятника, к пятидесяти пятидесятника, а ко всем одного выборного, опоручить их кругом, а буде из них по десяткам или порознь будут в состоянии поставить порук и не из между себя, а из посторонних людей, мещан или крестьян... людей надежных, то и сих поручительств принять»<sup>16</sup>.

В XVIII— начале XIX века артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития крупной железоделательной промышленности, которая уже с 1730-х годов обогнала Англию. К 1782 году выплавка чугуна на всех заводах России достигала 7,5—8 млн. пудов, то есть была значительно выше, чем в Англии, Швеции, Франции, Пруссии или Америке. «Не мы ввозили железо из-за границы, а наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн. пудов русского железа. А это доказывает, что и у нас железо производилось дешевле и лучшего качества»<sup>17</sup>. Хорошие результаты наблюдались и в других отраслях. Однако в начале XIX века Россия начинает сильно отставать экономически от западных стран. Одна из главных причин отставания, наряду с тормозящим влиянием крепостного права,— механическое копирование в российской практике западноевропейских форм организации труда, отказ от артельности, ставка на несвойственный русскому народу индивидуализм, превращение работника в «винтик» производства.

Артели, работавшие на российских заводах, выбирали из своего состава старост, старшин и других выборных, а также нередко и писарей для ведения общих дел. По обычаю заводские артели могли решать вопрос наказания своих членов. Виновные в лености, нерадении, небрежности, недобросовестности, пьянстве наказывались своими же товарищами весьма сурово. По словесному приговору артели за перечисленные выше проступки член артели мог быть наказан розгами, а часть причитающейся ему платы

удерживалась в пользу артели. Конечно, такие суровые меры, как наказание розгами, артели вынуждены были применять в крайнем случае. В ряде других промышленных регионов случаи наказания розгами были редки. В очерке олонецких заводов середины XIX века рассказывается, что быт мастеровых в них отличается довольством. «Неиспорченная нравственность и трезвость преобладающие в них достоинства»<sup>18</sup>.

Каким же образом устраивались артельные формы организации труда? Расскажем о Кушвинском заводе на Урале, где артельные формы организации труда существовали в кричном, листокатальном и ударно-трубочном цехах. Ежегодно артели заключали договор, которым определялись отношения как членов артели между собой, так и самой артели к администрации завода. Члены артели получали все необходимые материалы от администрации завода по установленным ценам, производили по своему усмотрению (но под наблюдением заводского мастера) оговоренные объемы работ, а за них получали плату через выборных доверенных. Заработок делился между членами артели соразмерно количеству и качеству их труда.

Впрочем, о том, как устраивались артельные формы организации труда, лучше всего расскажет сам договор, который заключался артелью с администрацией завода. Приводим его основные положения.

«1) Артель обязуется содержать полный состав людей, необходимых для управления доменными печами; 2) содержать сторожей для охраны зданий и машин; 3) припасы получать из заводских запасов по установленной цене; 4) содержание всех машин и поправку их, равно и других заводских сооружений (железных дорог, ворот), принимает на свой счет, кроме капитальных исправлений; 5) инструменты, существующие в наличности, артель получает от завода, в случае же недостатка покупает на свой счет; 6) артель получает по истечении каждого месяца плату... (далее идут установленные расценки)... 7) артель обязуется вести счета и расчеты по шнуровным книгам, которые должны быть всегда открыты для заводоуправления. Из заработка артели поверенный ее на основании рабочего журнала удовлетворяет рабочих платой в установленном размере, а остальные хранятся как запасный капитал, который делится по окончании всех расчетов пропорционально назначенным платам за вычетом двух процентов в кассу горнозаводского товарищества; 8) артель обязуется выплавлять чугун под руководством управления завода и

вообще выполнять все его требования; 9) мастер обязывается наблюдать, чтобы все работы производились своевременно и надлежащим образом; каждый рабочий исправным выполнением своих обязанностей должен помогать мастеру; 10) каждый рабочий, член артели, обязывается служить делу честно и добропорядочно, быть почтительным, вести себя добропорядочно, совестливо исполнять и в свое время оканчивать работу и вообще всеми средствами содействовать пользам завода; в случае каких-нибудь несправедливых и незаконных требований со стороны служащих по заводу обязывается сообщать через доверенного мастера или лично для должного разбирательства управителю завода...»

Далее в договоре перечисляли наказания для членов артели, нарушавших договор и относившихся к работе недобросовестно.

«...11) за каждый день неявки на работу рабочий подвергается взысканию 2-х суточного жалования; в случае повторной же неявки до 3-х раз в месяц виновный может быть исключен из артели; кто явится на работу в нетрезвом виде, тот подвергается тем же взысканиям; вообще за всякое небрежное исполнение своих обязанностей, смотря по важности проступка, виновный подвергается взысканию от 1- до 7-суточного содержания; 12) за неправильное расходование (руды, флюсов, угля) полагается исключение виновного из артели и штраф артели от 3 до 10 рублей, за неправильную сдачу чугуна — исключение виновного из артели и штраф от 5 до 20... рублей, за отливку вещей для себя и для продажи — исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 25 рублей... 14) исключение из артели может быть произведено по приговору 2/3 членов или по предложению управителя, с утверждением горного начальника». Итак, мы видим, что артель обладала широкими правами, однако ее деятельность строжайшим образом контролировалась, а в случае необходимости штрафовалась администрацией. Где, как не в артельных договорах, мы можем встретить в XX веке древнюю русскую формулу труда — «служить делу честно, добропорядочно, совестливо»<sup>19</sup>. Совестливое отношение к труду в этом веке еще не фраза. Но полноценней оно проявляется только в общине и артели.

Хотелось бы привести еще несколько примеров артельных форм организации труда.

Незадолго до революции на Архангельско—Патийском заводе образовалась артель углекопов человек в восемьде-

сят. Все они были связаны круговой порукой, принимали участие в работе по восемь часов в трехсменной очереди. Доходы распределялись между членами по количеству обработанной поденщины два раза в месяц. Если кто из членов хотел добровольно выйти из артели, то был обязан предупредить ее за две недели. Но даже выбывший из артели член оставался ответственным по ее делам в течение трех месяцев со дня выхода. Для руководства артелью была избрана комиссия из тринадцати членов-учредителей<sup>20</sup>.

Еще больше примеров артельных форм организации труда мы находим в XIX веке. В 1861 году к начальнику Гороблагодатских заводов на Урале Грамматчикову пришли представители артели и предложили артельным способом взяться за изготовление ударных трубок для артиллерийского ведомства. Первый такой подряд был выполнен успешно, и более того, трубки, стоившие казне ранее 50—70 копеек, обошлись по 45 копеек. Членами артели были сделаны многие усовершенствования, ручные работы выполнялись механическими средствами. Число членов артели выросло с 60 до 150 человек, кроме того, наняли еще 100 человек. Позднее начальство стало препятствовать самоуправлению рабочих, казенные заказы передали в Петербург, и артель заглохла по не зависящим от нее причинам. Аналогичная артель возникла на Екатеринбургском механическом заводе, где тот же начальник Грамматчиков сам предложил рабочим организовать артель по производству лафетов. Название она получила знаменательное — «Братство» — и вошло в нее 87 человек. Артель должна была брать дрова и уголь из запасов Монетного двора по заготовительной цене, материал же для производства и припасы иметь свои; кроме казенных заказов артель могла работать и по частным заказам, с платой в казну за пользование машинами 6 процентов с суммы заказа<sup>21</sup>.

В 60-х и последующих годах XIX века на Сибирских золотых промыслах широкое развитие получили артели золотодобытчиков. Это было время, когда происходило объединение и измельчание золотых приисков. Поэтому использование артельных форм пришлось как нельзя кстати, оно позволяло экономить на содержании многочисленной администрации, создавая у рабочих особую заинтересованность в результатах своего труда. Артели золотодобытчиков колебались от четырех до восьми человек (иногда в них было только два человека). Общими делами артели заведовали выборные старосты, на обязанности которых была забота о нуждах артели, распределение работ между

членами, сдача золота, наблюдение за правильной записью забираемых в приисковой лавке припасов, передача артели распоряжения приискового управления. Авторы, изучавшие эти артели, отмечали их высокую привлекательность для рабочих. «Кто стал ходить на золотники, тот уже редко возвращается на общие работы, каковы бы ни были привратности золотничной работы. Работая самостоятельно, рабочий чувствует себя свободнее, изменяется даже его способ держать себя и говорить с начальством»<sup>22</sup>.

Древний навык к артельным формам труда и хозяйствования служил предпосылкой к передаче предприятий в руки рабочего самоуправления: коллективам предприятий, объединенных в рабочую артель. Об этом неоднократно говорилось во второй половине XIX века. По мнению великого русского ученого Д. И. Менделеева, побывавшего в конце XIX века на Уральских металлургических заводах, многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

Мы уже рассказывали об опыте рабочего самоуправления на Красносельской бумажной фабрике. Можно привести и другие примеры.

В 1908 году артель из 100 человек взяла в аренду на 25 лет Дедюхинский солеваренный завод. Завод состоял из четырех варниц, нескольких рассоло-извлекательных труб, амбаров и парового двигателя. «Но завод был сдан в жалком, полуразрушенном виде, так что оказался необходимым крупный ремонт. После энергичных строительных работ летом 1909 года была пущена в ход первая варница, затем вторая и третья, и в течение первого же года своей деятельности артельный завод выпустил около полумиллиона пудов соли высокого качества»<sup>23</sup>.

Попытки рабочих взять заводы в аренду и работать там на артельных началах неоднократно отмечались и перед самой революцией. В 1905 году 400 семей рабочих обратились в правительство с просьбой передать им в аренду Нижне-Исетский железоделательный завод возле Екатеринбурга, который государство хотело закрыть из-за его убыточности. Рабочие заявили, что если завод будет сдан им в аренду, то они образуют товарищескую артель по уставу, утвержденному правительством, и займутся производством сортового, листового и кричного железа, механических и кузнечных изделий. Сделать завод из убыточного прибыльным рабочие полагали путем удешевления материалов и уменьшения накладных расходов и таким образом понизить цену вырабатываемого железа до воз-

возможности успешной конкуренции с изделиями частных заводов<sup>24</sup>. Министерство земледелия и государственных имуществ, на имя которого пришло прошение рабочих, отнеслось к нему весьма холодно, скептически считая, что рабочие не смогут создать прибыльного производства. Попытки создать артельное ведение хозяйства на Нижне-Исетском заводе уже были в 1890 году и не увенчались успехом. Министерство также вспомнило неудачный опыт организации артельного хозяйства рабочих механического цеха Воткинского казенного механического завода. Причина неудач развития артельного способа ведения хозяйства крылась в отсутствии действенной поддержки. Товарищеские артели не могли в полной мере получить кредита, им препятствовали в перевозке их продукции, путем различных махинаций негласно бойкотировали ее на рынке. Да и вообще, могли ли развиваться артельные товарищества в условиях господства таких монополистических объединений, как Продамет, словно щупальца спрута схвативший в свои руки почти весь металлический рынок России. Государство же вместо активной поддержки артельных товариществ в этой отрасли ставило их в одинаковые условия с частными предприятиями, действующими путем сговора и закулисных махинаций, и тем самым предопределяло их неуспех.

Земства по мере возможности оказывали артелям помощь в аренде предприятий. Так, Саратовское губернское земство в 1903 году арендовало для артели кустарей-кожевников завод, находящийся в селе Базарный-Карбулак. Объем продукции, выпускаемой этим заводом в месяц, — 2 тысячи рублей. Необходимый оборотный капитал в 7 тысяч рублей был отпущен губернской управой. Земство же вносило арендную плату за завод, ремонтировало его, отапливало и освещало. Сырье также поставлялось земством. Получаемая чистая прибыль за отчислением 3 процентов на капитал, выданный земством, распределялась между членами артели. За целостность имущества, принадлежащего земству, артель отвечала круговой порукой<sup>25</sup>.

Говоря о широком развитии производственных, ремесленных и промышленных артелей, нельзя не упомянуть и о некоторых других их формах.

В 1910-е годы в России возникает свыше 9 тысяч кредитных товариществ (помимо ссудо-сберегательных, которых было 3468), свыше 8 тысяч потребительных обществ и лавок, свыше 4 тысяч сельскохозяйственных крестьянских обществ и товариществ, свыше 200 маслодельных ар-

телей. Всего в 1914 году насчитывалось свыше 10 миллионов членов кооперативов, что вместе с их семьями составляло около 50 миллионов человек.

Кредитные товарищества и кооперативы были заняты не только кредитными, но и хозяйственными операциями — закупками и сбытом, арендой земли, мелиорацией, организацией производства и т. п. Эти кооперативы выросли, главным образом, на средства казны. В 1914 году она вложила в них в виде ссуд свыше 100 миллионов рублей.

Целый ряд кредитных кооперативов был создан специально как артельные предприятия с промысловыми и сельскохозяйственными целями: по металлическим производствам (в Нижегородской, Ярославской, Пермской губерниях), столяров, мебельщиков, корзинщиков, производителей сельскохозяйственных машин и орудий, сапожников, кожевников, гончаров, огородников, хмелеводов, виноделов, маслоделов, табаководов, рыболовов, хлопоководов и многие, многие другие. Среди артелей-производителей сельскохозяйственных машин и орудий особенно прославились Благовещенское кредитное товарищество, снабжавшее своими веялками Европейскую Россию и Сибирь, и Саранинское кредитное товарищество Пермской губернии, известное своими дешевыми, но качественными молотилками.

В Петербурге возник целый ряд кредитных артелей, состоявших почти исключительно из «пролетариев», работавших по найму у хозяев-ремесленников. Это были артели кроватчиков, слесарей, сапожников, столяров.

Конечно, не всем кредитным артелям удавалось выжить в конкурентной борьбе с капиталистическими предприятиями, особенно в условиях крупных городов. Так лопнуло самое крупное по оборотам и числу членов Петербургское кредитное товарищество кроватчиков, оставив после себя значительные долги.

Особое место среди российских кооперативов и артелей занимали сельскохозяйственные общества — садоводства, огородничества, виноградарства, хмелеводства, пчеловодства, молочного хозяйства.

Сельскохозяйственные общества нельзя путать с сельскохозяйственными товариществами, которые создавались для организации производства, подсобных промыслов, организации сбыта и закупок, земельных покупок, аренды земли, мелиорации (903 товарищества в 1913 году). Как сельскохозяйственные общества, так и сельскохозяйственные товарищества в России широкого распространения не получили (всего их было около 4 тысяч). Почему? Прежде

всего потому, что по всей России существовала самая массовая артель в сельском хозяйстве — община, которая выполняла многие из этих функций.

Сельскохозяйственные общества создавались преимущественно с целью подъема земледельческой культуры. С инициативой их создания, как правило, выступали не сами крестьяне, а «земские агрономы, благожелательные земцы, помещики и разного рода деревенские интеллигенты, не чуждые агрономической жилки». Кредита эти общества не имели, коммерческие операции почти не вели.

Характерным примером развития артельного движения в предреволюционный период стал стремительный рост маслодельных артелей Сибири. В отличие от кредитных товариществ, имевших мало корней в истории России, маслодельные артели являлись в чистом виде традиционными формами хозяйствования.

Толчок широкому росту сибирских маслодельных артелей дала Великая сибирская дорога, связавшая Сибирь с крупнейшими центрами страны и Западной Европы. О масштабах этого роста можно судить по таким цифрам: в 1894 году по сибирской железной дороге вывезено 400 пудов масла, а в 1910-м — 3789,7 тысячи пудов на сумму 52 миллиона рублей. Новое сибирское маслоделие стало давать золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность. Нельзя не отметить, что сибирские артели стали источником наживы для западноевропейских капиталистов. «Сибирское «артельное масло», — писал в 1914 году исследователь российской кооперации Н. Катаев, — побывавшее в руках датских контор, является потом на английский рынок под наименованием «датского» масла, причем разница в ценах «артельного» масла и «датского» масла весьма-таки значительна и, конечно, дает солидный плюс к обычному коммерческому барышу. Дорого стоит сибирским «артелям» и пресловутый Лондонский акционерный «Унион», за которым скрывается крупная лондонская фирма Лонсдэйль. Таким образом, сибирские кооперативы все же достаточно изрядно «обрабатываются» капиталистами»<sup>27</sup>.

Сибирские маслодельные артели принадлежали, как правило, зажиточным крестьянам. Деятельность их основывалась на договорах, подписанных всеми участниками и занесенных в книгу сделок и договоров крестьянской волости. Каждый член артели отвечал всем своим имуществом за обязательства артели. В артелях была создана сплоченная организация с жестким внутренним распорядком, стро-



гим учетом и контролем, со штрафами и исключениями из числа членов артели за нарушение условий договора. Разбогатеи, маслодельные артели стали проявлять предприимчивость и в других областях деятельности — открывать потребительские лавки для собственных нужд, склады молочных машин и материалов, сельскохозяйственных машин, орудий, семян, удобрений. Так постепенно на базе маслодельных артелей возникали универсальные производственные, снабженческие и сбытовые кооперативы.

Артельное движение пронизывало все социально-экономические поры России, концентрируя вокруг себя силы, активно противостоящие системе паразитизма и капитализма. Чтобы вполне представить его многообразие разветвленности и переплетений, воспользуемся схемой, составленной М. Слобожанином в его книге «Историческое развитие идей артельного движения». Итак, все российские артели составляют четыре основные группы: I. Духовные. II. Правовые. III. Хозяйственные или экономические. IV. Общежительские.

I. Бытовые артели духовного характера. Они принимали характер: а) религиозный б) развлечений и увеселений в) удовлетворения умственных потребностей (совместная выписка газет, книг, совместный наем учителя и т. п.).

II. Бытовые артели правового характера для поддержания уровня заработной платы, условий труда. По сути дела эти артели содержали в себе задатки рабочих профессиональных союзов.

III. Бытовые артели с хозяйственными экономическими задачами. Сюда относились две самые большие группы российских артелей — промысловые и сельскохозяйственные.

А. Промысловыми артелями и товариществами назывались обычно артельные объединения в области обрабатывающей промышленности.

Они в свою очередь распадались на три крупных группы\*:

IV. Общежительские товарищества и артели объединяли лиц, как занятых производительной трудовой деятельностью, так и не занятых ею.

В дополнение к приведенной картине российских артелей следовало бы выделить то, что Слобожанин,

---

\* См. приложение.

по-видимому, считал само собой разумеющимся выделить артельные формы организации труда на государственных и частных предприятиях. Как мы видели выше, они широко распространились на российских заводах и фабриках одновременно с сугубо индивидуалистическими формами организации производства и труда, насаждаемыми сторонниками «западноевропейской цивилизации». Таким образом, необходимо все время разделять понятие «артель» как предприятие и артель как форма организации труда и производства на государственных или частных заведениях. Поэтому в схему артельного движения Слобожанина вводим еще один, пятый раздел.

V. Артельные формы организации труда и производства на государственных и частных предприятиях (артельный подряд).

В 1915 году Российское министерство торговли и промышленности опубликовало далеко не полный «Справочник об артелях трудовых». Сюда входили сведения об артелях как организациях, но отнюдь не о числе предприятий, применявших артельные формы организации труда. При этом это были артели с утвержденным официальным органом уставом, а у абсолютного большинства российских артелей никаких уставов не было. Так уже повелось.

В этом справочнике значилось 507 артелей, из которых первое место занимали артели грузчиков и крючников — 53, затем шли посыльные и носильщики — 31, а далее строительные рабочие — 25, маляры и живописцы — 24, ночные сторожа и караульные — 15, чертежники, техники, землемеры и т. п. — 13, монтеры и водопроводчики — 8.

Были в этом справочнике 7 артелей газетчиков и продавцов произведений печати, 6 артелей театральных капельдинеров, 6 артелей бухгалтеров и конторщиков, 4 артели парикмахеров, 3 комиссионных и по поставкам служащих, 3 артели дворников и домовой прислуги, 3 артели по убою скота, 3 артели полотеров, 2 артели печников. Кроме того, в этом справочнике числится по одной артели банщиков, водолазов, якорщиков, музыкантов, стенографов и интеллигентных тружеников.

Мы недаром перечисляем все эти артели. Хочется показать их многообразие и разветвленность. А ведь это только небольшая часть артелей, имевших собственный устав.

Отдельно в указанном справочнике значились производительные товарищества. Среди них артели лиц, занятых

в транспортной промышленности — 29, по обработке металлов и изготовлению орудий и машин — 29, официантов, поваров, кондитеров — 29, по изготовлению предметов одежды — 28, обработке дерева — 27, ювелирные — 19, сапожные — 15, переплетные и типографские — 8, кожаные и скорняжные — 8, кирпичные — 4, мраморные — 4, ткацкие — 3.

Большое место в справочнике занимали кустарные артели, среди которых чаще всего встречались сапожные — 19, кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий — 9; а потом шли столярные — 6, ткацкие и кружевные — 3, рогожные — 3, портняжные — 2<sup>28</sup>.

Все чаще и чаще артели объединяются в союзы для того, чтобы противостоять системе частного предпринимательства. В 1914 году возникает Московский Артельсоюз, объединивший 13 артелей, в 1915-м Боровичско—Валдайский союз из 28 артелей.

Наш очерк о русской трудовой артели хотелось бы закончить словами проникновенного исследователя народных форм жизни М. Слобожанина: «Жизнь, конечно, далеко не всегда осуществляла во всей полноте такие именно основы артельных организаций, какие были отмечены нами выше; такими они были в отвлечении, в идеале, созданном народным творчеством, к таким он стремился в своих исканиях правды жизни и, ради этой правды, не мог отказаться от них. В этих идеалах воплощал он не только стремление к улучшению своего материального положения, но и стремление личности к освобождению... к равноправию, к народоправию и сознательности, к уважению человеческого достоинства в себе и других, к дружбе, братству и т. д. Все эти прогрессивные течения, оставшиеся таковыми до сих пор, народ облек без посторонней помощи в понятие об идеальной артели и, естественно, крепко держался за нее и, несомненно, будет неуклонно идти к ней до тех пор, пока она не станет для него действительностью, реальностью. Стремление к лучшему не только в экономическом, но и в нравственном отношении — неизбежно в человечестве, и русский народ, издавна создавший себе идеал этого лучшего, несомненно, никогда не изменит ему. Это было бы противно человеческой природе»<sup>29</sup>. Слова эти прозвучали в самый разгар русской революции, отражая чаяния миллионов наших соотечественников, рассматривавших революцию как попытку возвращения к народным основам, традициям и идеалам.

## ЗАМЕТКИ О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ

Прочитав эти страницы, очень многие доброжелательные и недоброжелательные читатели непременно зададут мне вопрос о крепостном праве и принудительном труде в России. До сих пор в умах многих из нас сохраняется ложное представление о том, что наша экономика чуть ли не всегда основывалась на принудительном труде. А что же было в самом деле? До XVII века хозяйствование на селе осуществлялось вольным трудом крестьян, которые имели возможность перейти с одного места на другое. Крепостное право утвердилось в России в XVII веке, то есть гораздо позднее, чем во многих других западноевропейских странах (Германии, Австрии, Франции, Венгрии и др.), и охватило около половины всех крестьян, остальные продолжали оставаться свободными.

Крестьяне, расселившиеся в северных и восточных областях страны, «сидели», как правило, на государственных землях, платя подати в 4—6 раз больше, чем крепостные, крепостного ярма здесь почти не было.

Иное дело центральные области, где значительная часть земель принадлежала феодалам; здесь крестьяне постепенно попадали в зависимость, хотя вплоть до конца XVI века имели право уйти. Окончательное закрепощение крестьян, живших на землях феодалов, произошло в середине XVII века, когда в неволю попали, кроме самих тяглых крестьян, «сидевших» на владельческих землях, и их дети, ранее считавшиеся свободными.

Особенностью русского крестьянства являлось то, что земли было много, а рабочих рук мало. Это, кстати, было одним из главных препятствий для насаждения крепостного права. Феодал чаще всего охотно ссужал крестьян деньгами на обзаведение на своей земле, но и крестьянин смотрел на это как на выгодную сделку. «Заем под работу,— писал В. Ключевский,— был для бедного человека в Древней Руси наиболее выгодным способом помещения своего труда». Позднее наличие этой ссуды сделалось одним из главных факторов закрепощения.

Но даже в условиях закрепощения крестьян, живущих на помещичьей земле, за крестьянской общиной и ее выборными представителями сохранялось право на самоуправление, на самостоятельное решение хозяйственных и бытовых вопросов, выполнение государственных повинностей (выплата податей, выдвижение рекрутов), регулирование гражданских и семейных отношений, а в ряде случаев

распорядительных функций при выполнении повинностей перед помещиком (больше в оброчных, меньше в барщинных имениях). Вековые навыки самоуправления русского крестьянства использовались все время вплоть до 20-х годов XX века. По закону 1861 года «сельское общество», самоуправляющаяся община стала главным нижним звеном местного самоуправления.

Каких только форм не приобретало крепостничество в нашей стране — от самого дикого произвола и надругательства над личностью крестьянина до чисто символических видов зависимости, когда крепостные сами имели крепостных, а некоторые держали свои фабрики и были, порой, богаче своих господ, выплачивая им огромные оброки.

Но каких бы диких форм ни приобретало крепостничество, оно не было никогда чисто российской чертой, признаком отсталости русского общества, как порой представляют это некоторые современные историки и публицисты. В XVI веке, по мнению публициста В. Селюнина, произошел переворот, приведший к окончательному огосударствлению производительных сил России, который связывается им с установлением крепостного права — Иван Грозный экспроприировал крупных феодалов (физически уничтожив их) и закрепостил крестьян. Рассказывается настоящая детективная история — убил и ограбил. Хотя дело было далеко не так просто. Закрепощение крестьян — объективный процесс развития феодального общества и мало зависит от переворотов и от отдельных личностей, даже великих. Закрепощение крестьян закономерно осуществлялось во всех странах, не минуло оно и нас. В конце XVI—XVIII веков была закрепощена половина крестьянского населения страны, попавшая в зависимость от отдельных феодалов, вторая половина крестьян платила подати государству и вела свободное хозяйство. В обоих случаях трудно говорить о прямом огосударствлении, уместно говорить об абсолютном подчинении подданных монарху, ибо в то время любой из самодержцев мог сказать, как и Людовик XIV: «Государство — это я». Неясно, почему крепостное состояние (принудительный труд) объявлено чуть ли не характерной чертой развития именно русского общества, хотя ни для кого не секрет, что через крепостничество прошли все европейские народы. Во Франции и Италии крепостное право просуществовало до конца XVIII века, в Германии и Австрии — почти до середины XIX века, а в США — до 60-х годов XIX века

существовало рабовладение. Кстати говоря, Россия — единственная страна, в которой не существовало феодального обычая «первой ночи». Эротические подвиги помещиков нередко кончались плохо\*.

Говоря о влиянии крепостничества на народное хозяйство, прежде всего следует отметить, что экономическая психология и поведение народа, отношение к труду и многие черты русского труженика — трудолюбие, самостоятельность, самодеятельность, инициатива — сложились задолго до утверждения крепостного права и приобрели к XVII веку устойчивый характер. Понятно, что крепостническое насилие над народной традицией и идеалом вело к подрыву общественных устоев, дестабилизации общества, вызывало протест широких масс крестьянства. Недаром начало распространения крепостного права совпадает со смутным временем, окончательное закрепощение крестьянских детей — с восстанием Степана Разина, односторонние дарования вольностей дворянству (освобождение их от обязательной службы государству, тогда как крестьянам такое освобождение от службы в пользу дворян не было даровано) — с народным восстанием Пугачева. До 1848 года от 60 до 70 помещиков ежегодно оказывались убитыми своими крестьянами — «ибо таково национальное средство, к которому прибегает русский крестьянин, чтобы выразить свой протест»<sup>2</sup>.

Крепостничество, посягавшее на народные традиции и идеалы, оставило заметный рубец в душе русского крестьянина.

Но было бы в корне ошибочным утверждать, как это делают некоторые зарубежные «специалисты по России», да и отдельные наши соотечественники, что дух крепостной неволи стал чертой национального характера, а желание слепо подчиняться начальнику-господину — неотъемлемым импульсом русского человека. Сегодня они предлагают нам по капле выдавливать из себя раба, не удосуживаясь разобраться: «А был ли раб?», неправомерно распространяя черты, свойственные отдельным личностям (а может быть, и какие-то собственные черты), на всю страну. Идеалом русского крестьянина всегда была само-

---

\* Половина из помещиков, убиваемых своими крепостными, писал Герцен, погибали вследствие своих эротических подвигов. Процессы по таким подвигам были редки: «Крестьянин знает, что суды не уважают его жалоб; но у него есть топор; он им владеет мастерски и знает это тоже»<sup>1</sup>.

стоятельность и воля. На произвол и насилие крестьяне отвечали восстаниями, разгромом усадеб, убийствами извергов-помещиков, разными пассивными, скрытыми формами неповиновения. Наша история (в том числе современная) многократно показывает, что попытки навязать крестьянину чуждую ему психологию слепого подчинения и диктата всегда вызывали в нем чувство протеста, парализовывали его творческую активность, которая проявлялась в условиях самоуправления, самостоятельности и права на инициативу.

Существование принудительного труда в промышленности России было также связано с определенным историческим этапом, который прошли все европейские страны.

Создание условий для развития российской промышленности совсем не означало ее принудительного огосударствления, как представляют это некоторые современные публицисты, видевшие в петровских реформах чуть ли не корни военного коммунизма советского времени, а в деяниях Петра — истоки сталинизма, которые коренятся в русской истории, в вековой темноте и невежестве населения, отсталости общественных институтов, реакционных чертах характера русского народа. Трагедия 30-х и последующих годов понимается этими публицистами не как катастрофическое, сознательное разрушение основ и ценностей народного бытия, а как неотвратимый процесс развития сложившихся в прошлом реакционных закономерностей, вытекающих якобы из принудительного характера труда в нашей стране, насильственного насаждения промышленности государством.

Все эти откровения родились не вчера. Не так уж и давно, правда, в несколько иной форме, они служили для оправдания сталинизма, сейчас же — для его обличения, но и в том и в другом случае они искажают русскую историю.

Характерный пример подобного отношения — уже упомянутая нами статья В. Селюнина «Истоки»<sup>3</sup>. Автор утверждает, что многие негативные явления послеоктябрьского периода, например военный коммунизм, имеют корни в отечественной истории и являются следствием огосударствления производительных сил, живучести предрассудка, что власть государства над производительными силами — безусловное благо.

Насколько соответствуют историческим фактам подобные утверждения? Они им не соответствуют совсем.

Огосударствление производительных сил в России было не выше, чем в странах Западной Европы, распространяясь, как и в них, преимущественно на предприятия военной промышленности, а также на предприятия, имеющие стратегическое значение или обслуживающие двор монарха. Более того, государственная поддержка экономической деятельности пришла в Россию с некоторым опозданием. Предприятия его величества в Великобритании, многочисленные казенные фабрики и заводы времен Кольбера во Франции, множество государственных предприятий германских княжеств — обычное дело для XVII—XVIII веков, и почему-то никто не говорил об огосударствлении производительных сил этих стран.

Развитие промышленных ремесел и предприятий на Руси, как мы уже видели, носило свободный, инициативный характер. Продукция русской кустарной промышленности домонгольского периода была известна во многих странах мира. Только небольшая часть из многих российских предприятий принадлежала царскому двору (государству).

Петр I начинал свою деятельность в стране, уже достигшей определенного развития кустарно-ремесленной и мануфактурной промышленности, а не на пустом месте, как пытаются представлять дело некоторые публицисты. Достигнутые Петром результаты основывались на предыдущих экономических успехах России. Абсолютно неверно утверждение о создании русской промышленности государственными декретами Петра I. В 1718 году — в период самого бурного развития государственной промышленности — доля ее в общей продукции страны составляла несколько процентов. Да и в последующее время, вплоть до 1917 года, доля государственных предприятий в промышленности России возросла незначительно. Даже по производству самого «государственного продукта» — чугуна — на долю казенных заводов приходилось 869 тысяч пудов из 6641 тысячи пудов общей добычи страны, а меди — 28 тысяч пудов из 197 тысяч пудов всей добычи, то есть 13—14 процентов общего производства этой продукции<sup>4</sup>. О каких корнях военного коммунизма можно говорить применительно к Российской промышленности, когда у нас в 1920 году было огосударствлено почти 100 процентов всех отраслей материального производства (кроме сельского хозяйства)?

Селюнин отмечает принудительный характер труда в русской промышленности петровской эпохи. Но это тоже



не совсем так. Исследования академика Струмилина показывают, что на первых русских мануфактурах преобладал вольнонаемный труд<sup>5</sup>. Хотя с привлечением рабочей силы возникали трудности, крестьянство было занято земледельческим трудом, большая часть ремесленников продолжала заниматься своим делом; свободных рук, которые можно было нанять на заводы, в стране было крайне мало. На первых порах предприниматели вынуждены были набирать рабочих из «убогих людей», «из бедных и малолетних, которые ходят на улицу и просят милостыню», «из баб и девок, которые... по делам за вины свои наказаны», из разных уголовных преступников, наказанных по суду, и т. п.

В этих условиях государство начинает приписывать для выполнения заводских работ государственных крестьян, а владельцы крепостных привлекают их к промышленной работе, отрывая от земли.

Однако приписанные к заводу государственные крестьяне обязаны были отработать в принудительном порядке только свой подушный оклад и казенный оброк, что занимало обычно не более 3—4 недель, а весь остальной год работали в своем собственном крестьянском хозяйстве. Крепостные крестьяне частных лиц могли привлекаться в порядке феодальной повинности по обычному праву не свыше 2—3 дней в неделю, а в остальное время работали на себя. Отработав официальные повинности, крестьяне далеко не всегда соглашались трудиться на этих же заводах в порядке вольного найма («доброхотно, а не по принуждению») за оплату, в чем часто их пытались заинтересовать заводчики.

Таким образом, даже при наличии приписных или крепостных крестьян заводчики должны были иметь постоянный вольнонаемный персонал заводских мастеровых и рабочих людей, общее количество которых составляло в середине XVIII века более половины всех работающих, а столетием позже достигло 80%. Причем вольнонаемные составляли основное ядро предприятия, а приписные и крепостные крестьяне зачастую выполняли вспомогательные работы (заготовка дров, подвозка угля, руды и т. п.).

Так что рассуждение о сплошном принудительном труде на российских мануфактурах и заводах является сильным искажением действительности.

Принудительный труд, который хотят сделать непременной чертой русского человека, вообще никогда не был свойствен только России. Как и крепостное право, принудительный труд в промышленности (кстати,

непосредственно связанной с ним) был определен фазой развития, которую в XVII—XVIII веках прошло большинство государств Европы. Вся крупная промышленность на Западе, возникшая в XVII—XVIII столетиях, носила такой же характер производства предметов вооружения или обмундирования армии или изготовления предметов роскоши для двора и придворных, вся она создавалась при помощи «искусственных» мер, вроде выдачи денежных пособий, беспроцентных ссуд, исключительных привилегий, освобождения от налогов, вызова иностранцев для насаждения новых отраслей производства, установления высоких запретительных пошлин на изготавливаемые в стране товары. Последние две меры, отмечает Кулишер, практиковались даже в Англии, хотя других мер она не применяла, не снабжала предпринимателей деньгами, ибо у них имелись достаточные собственные капиталы, полученные в период так называемого первоначального накопления. Другие страны, в отличие от Англии, применяли самые разные меры, чтобы подтолкнуть развитие промышленности, разбудить предприимчивость и инициативу. Кстати говоря, и в результатах деятельности первых российских и первых западноевропейских крупных промышленных предприятий было много общего. И те и другие стали хиреть после того, как «твердая рука» отпустила их. Так, с таким трудом созданная Фридрихом Великим шелковая промышленность к концу его царствования почти совершенно погибла, так же как индустрия, насажденная им во вновь приобретенной Силезии, являлась мертворожденной, и сообщаемые ему в донесениях цифры относительно числа предприятий и рабочих имелись лишь на бумаге, но отнюдь не в действительной жизни. Столь же медленно и плохо прививалась новая крупная промышленность в Австрии XVIII века. В этой стране существовало большое количество предприятий, применявших труд собственных крепостных крестьян — текстильная промышленность в деревнях в значительной мере покоилась на таком несвободном труде. Труд арестантов, преступников, бродяг, сидельцев работных домов, сирот из приютов, который использовался в российской промышленности, был широко распространен во всех западноевропейских государствах. Тюремь, отмечает И. Кулишер, недаром именовались «прядельными домами», они превращались в построенные на коммерческих основаниях и сдаваемые промышленникам в аренду предприятия. Нищих и бродяг всюду ловили и сажали в работные дома, чтобы таким путем создавать новую крупную

промышленность. Те приходские ученики, ужасную эксплуатацию которых мы находим в Англии в начале машинной эры и в защиту которых был издан первый фабричный закон 1802 года, и задолго до того трудились в кустарных мастерских и мануфактурах. Вообще, поскольку мы находим в XVII—XVIII столетиях в Западной Европе централизованные мануфактуры, они в значительной мере работали при помощи принудительного труда<sup>6</sup>.

Широкое распространение принудительного труда в странах Западной Европы отмечалось в XVIII веке и многими другими исследователями. Так, историк Юрген Кучинский, рассказывая об условиях труда во Франции, пишет: «В 1715 г. большинство рабочих в мануфактурах находилось в феодальной крепостной зависимости»<sup>7</sup>. «Рабочий персонал германских мануфактур того времени,— отмечает Туган-Барановский,— состоял преимущественно из разного рода несвободных людей»<sup>8</sup>.

# ИДЕАЛЫ И ИНТЕРЕСЫ

## ДУША — ВСЕМУ МЕРА

В душе наших предков, конечно, прежде всего крестьян, жило чувство справедливости, причем не просто материального воздаяния, компенсации, а чувство высшей справедливости — жить по душе достойно, вознаграждать по совести. К XIX веку сформировался народный идеал справедливости, который был для русского крестьянина своего рода компасом, когда дело касалось труда. Не следует гнаться за богатством, за наживой, преследовать корыстные интересы. Как цель жизни, это считалось недостойным. Главное же — прожить жизнь по-доброму, по правде, достойно.

Мотивы понуждения крестьян к их нелегкому труду имели преимущественно духовно-нравственный характер, освященный традициями и обычаями трудолюбия. Крестьяне глубоко верили в то, что добросовестная, старательная работа неизбежно получает хорошее вознаграждение. Стяжательство, стремление разбогатеть не было свойственно русским крестьянам.

Сознание крестьянина пронизывало чувство долга. Даже в самые тяжелые исторические эпохи это чувство не было рабским подчинением, а моральным мотивом оставался труд как духовно-нравственное деяние, а не как средство получения материальных благ.

Самое большое место в народном сознании занимали представление о душе, стыде, грехе, совести, доброте, справедливости, правде. Об этом можно судить по огромному количеству пословиц и поговорок, которые образуют своего рода кодекс народной мудрости и нравственности, служивший нашим предкам идеалом в жизни и труде.

«Душа — всему мера», — говорили наши предки. «Сердце — вешун, а душа — мера, сердце — пестун, а душа — дядька», «Душа всего дороже», «Душа — заветное дело».

Идеальные отношения между людьми, считал русский человек, должны строиться только «по душе». Он и говорил: «Душа душу знает. Душа с душой беседует, а сердце

сердцу весть подает», «Мы с ним живем душа в душу», «Поговорим по душам».

«Так в душу и вьется»,— осуждал плохого человека наш предок. «Без салыца в душу влезет». А за такое отношение — «с души прет, с души скидывает».

Если кто-то совершал плохой, безнравственный поступок, то ему говорили: «Покривил ты душою. Не пожалел ты души своей. Не криви душой, кривовато на тот свет уйдешь. Впрочем, если нет души, так что хошь пиши».

Мы, конечно, не собираемся утверждать, что все идеалы, жившие в душе наших предков, претворялись в жизнь. Конечно, нет. Было в их жизни немало плохого, но вместе с тем нравственные ориентиры неуклонно указывали им путь в нужном направлении, а люди, жившие несогласно с ними в общественном мнении, стояли очень низко. Плохие люди были как бы заклеены печатью недоверия.

Отсутствие стыда, совести в глазах наших предков рассматривалось как нравственное уродство, таких людей избегали, вокруг них распространялся холодок отчужденности.

«Как не мудри, а совесть не перемудришь», «Совесть с молоточком: и постукивает и подслушивает», «Совесть без зубов, а загрызет», «Береги платье снову, а честь смолоду», «За совесть да за честь — хоть голову снести!»

В понимании наших предков совесть неотделима от стыда. Чувство стыда стоит как бы за спиной русского человека. Стыдно плохо работать, стыдно обмануть, стыдно взять лишнего, стыдно наживаться за чужой счет, стыдно нарушать заповеди.

«В ком стыд, в том совесть»,— твердит народная мудрость. «Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет».

В народном сознании отсутствие стыда означает моральную смерть. «Стыд — та же смерть», «Убей Бог стыд — все пойдет нипочем», «Умри, коли стыда нет».

Недостойно и подло из материального интереса поступаться совестью. И здесь наши предки судили очень строго. «Убей Бог стыд, так будешь сыт», «Стал сыт, так взял стыд», «Стыдненько, да сытненько».

Сердцем, основой нравственных идеалов наших предков были представления о доброте, правде и справедливости. Пословиц на эту тему огромное множество, больше, чем на любую другую, так что можно говорить о настоящем

культе доброты, правды и справедливости, культе доброго человека.

«Доброе дело крепко. Делать добро поспешай» \*, «Доброму везде добро», «Делай добро, и тебе будет добро», «Дай добро и жди добра», «За доброго человека сто рук», «Скорбит человек по человеку», «Добрым делом не кори», «Доброе и во сне хорошо», «Нам добро и всем таково — то законное житье», «Добро сотворить — себя увеселить».

«Свет не без добрых людей», «Люблю того, кто не обидит никого», «Рожь да пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится».

Крестьяне религиозным чувством верили в грядущее царство Добра. В деревянных дворцах его, представлялось им, люди ходят не по-земному. И всюду торжествует справедливость. «Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу», «Добрый человек лучше каменного моста», «Доброму добро, а худому — пополам ребро».

«Тому тяжело, кто помнит зло», «Мста не мзда» (месть не может возместить зла), «Добро не умрет, а зло пропадет», «Добрые умирают, да дела их не пропадают», «Все любят добро, да не всех хвалит оно», «Худо тому, кто добра не делает никому», «Учись доброму, худое на ум не пойдет», «Доброго не бегай, а худого не делай», «Кто зла отлучится, тот никого не боится», «К добру мостись, а от худа пяться», «Кто доброе творит, того зло не вредит».

Много, много раз в народных пословицах звучит мысль о том, что за добро надо стоять горой. «За добро постойшь, а на зло постоим», «Лучше в обиде быть, нежели в обидчиках», «Лучше самому терпеть, чем других обижать», «Сам потерпи, а других не выдай», «Лучше мучиться, чем мучить», «На казнь пойду, а в каты не пойду».

Нет, жизнь прожить следует только по-доброму, по правде, достойно. Народная мудрость проводит эту мысль постоянно. А. Н. Афанасьев в предисловии ко второму изданию 1873 года «Народных русских сказок» отмечает: «...всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного отклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою (на-

---

\* Вспомните русского доктора Гааза, который всю жизнь прожил именно так. Свой жизненный принцип он сформулировал: «Спешите делать добро».

пример... сказка о правде и кривде задает практический вопрос: как лучше жить — правдою или кривою?.. выведены два лица, из которых каждый держится противоположного мнения: правдивый и криводушный. Правдивый — терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастиям, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный, вспоминает, что некогда они были товарищами, и готов помочь ему. Но чувство нравственное требует для своего успокоения полного торжества правды — и криводушный погибает жертвою собственных расчетов<sup>1</sup>.

«Не в силе Бог, а в правде» — эта мысль проходит красной нитью через народное сознание. «Правды не переспоришь», «Правда есть, так правда и будет», «Правда прямо идет, с нею не разминешься, ни обойти ее, ни объехать», «Правда, что шило — в мешке не утаишь», «Все минется, одна правда останется».

Перечитайте еще раз эти пословицы, и вы поймете, почему Гоголь, Толстой и Достоевский родились в России, станут понятны духовно-нравственные истоки их творчества.

## НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ

Мы не зря уделили много внимания духовно-нравственным представлениям наших предков. Понимание их имеет решающее значение для осмысления сознания русского труженика ушедших эпох. В атмосфере почитания идеалов добра, души, справедливости, правды было выношено и получило устойчивый характер нестяжательство. Суть его заключалась в преобладании духовно-нравственных мотивов жизненного поведения и труда над материальными интересами. Нестяжательство было в известном смысле идеологией трудового человека Древней Руси, в значительной степени повлиявшей и на его дальнейшее развитие.

Суть народного понимания нестяжательства: «Лишнее не бери, карман не дери, души не губи» или «Живота (богатства) не копи, а душу не мори».

Человек не должен стремиться ни к богатству, ни к накопительству, человек должен довольствоваться малым.

«Лишние деньги — лишние заботы», «Деньги — забота, мешок — тягота», «Без хлеба не жить, да и не от хлеба (не о хлебе, материальном интересе) жить», «Не о хлебе едином жив будешь», «Хлеб за живот — и без денег живет». Действительно, «зачем душу тужить, кому есть чем жить» (есть хлеб). «Без денег проживу, лишь бы хлеб был», «Без денег сон крепче», «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою».

«Напитай, Господи, малым кусом», — молит крестьянин. «Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век до полна». Нечего завидовать другим, говорит русский крестьянин и подчеркивает: «На людей глядя жить (то есть не по достатку) — на себя плакаться».

Отвергая стяжательство и накопительство, осторожно и с достоинством принимая богатство и деньги, трудовой человек выдвигает свой идеал — идеал скромного достатка, при котором можно и самому жить сносно, и помогать своим близким. «Тот и богат, кто нужды не знат», «Богаты не будем, а сыты будем».

В сознании русского человека понятие достатка, сытости связано только с трудом, работой, личными заслугами. «Как поработаешь, так и поешь», «Каковы сами (как работаем), таковы и сани», «Каков Пахом, такова и шапка на нем», «По Сеньке и шапка», «Каков Мартын, таков у него алтын» (столько заработал).

Русский человек твердо считает, что: «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». Нажива такому человеку не нужна. «Сыта душа не берет барыша», «Лучше жить в жалости, чем в зависти», «Кто сирых питает, тот Бога знает», «Одной рукой собирай, другой — раздавай», «Рука дающего не оскудеет».

«Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад» (то есть поделись с ближним), «Не богат, да гостям рад», «Не надо мне богатого, подай тороватого» (нежадного), «Держи девку в темноте, а деньги в тесноте».

«Беда деньгу родит», — настойчиво повторяет трудовой человек, «Деньги что каменья — тяжело на душу ложатся», «Деньги прах», «Деньгами души не выкупишь» — или еще один вариант этой пословицы: «Деньги — прах, ну их в тартарах». Отсюда понятно, что дало право Ф. М. Достоевскому писать, что русский народ оказался, может быть, единственным великим европейским народом, который устоял перед натиском золотого тельца, властью денежного мешка.

Нет, деньги для трудового человека не являются фети-



шем. «Лучше дать нежели взять». «Дай Бог подать, не дай Бог просить».

Особо вопрос ставится об отношении к чужому имуществу, результатам чужого труда. Посягнуть на них — страшный грех. «Лучше по миру собирать, чем чужое брать». «Лучше попросить ради Христа, чем отнять из-за куста». «Заработанный ломоть лучше краденного каравая». «Хоть в латаном, да не в хватаном».

Для западноевропейского бюргера, наверное, чудовищной бессмыслицей показались бы русские народные пословицы, призывающие жалеть чужое добро. «Не береги свое, береги чужое». «Береги чужое, а свое — как знаешь». А ведь в самом деле было так — чужое добро берегли с большей ретивостью, чем свое.

«В чужом кармане денег не считай». «Пожалей чужое, Бог даст свое». «Кто чужого желает, тот свое утратит». Впрочем, русский труженик говорит и так: «Своего не забывай, а чужого не замай». «За свое постою, а чужого не возьму».

Помните, как Герцен в книге «Былое и думы» рассказывает о крестьянине, который категорически отказался взять с него лишнее? В избе, где Герцен остановился ночевать по пути в ссылку, крестьянин накормил его ужином. Когда утром надо было рассчитываться за трапезу, хозяин запросил со ссыльного пять копеек, а у того самой мелкой монетой оказался двугривенный. Крестьянин отказался принять эту монету, потому что считал великим грехом взять за ужин больше, чем он того стоит.

Писатель В. Белов справедливо отмечает: «В старину многие люди считали Божиим наказанием не бедность, а богатство. Представление о счастье связывалось у них с нравственной чистотой и душевной гармонией, которым, по их мнению, не способствовало стремление к богатству. Гордились не богатством, а умом и смекалкой. Тех, кто гордился богатством, особенно не нажитым, а доставшимся по наследству, крестьянская среда недолюбливала»<sup>2</sup>.

Среди крестьянских мудрецов и бывалых людей бытовали истины, идейно-нравственное содержание которых в переводе на современный язык было примерно таково: «Богатство человека состоит не в деньгах и комфорте, не в дорогих и удобных вещах и предметах, а в глубине и многообразии постижения сущности бытия, стяжании красоты и гармонии мира, создании высокого нравственного порядка».

Человек, который думает только о своих личных материальных интересах, неприятен душе крестьянина. Его симпатии на стороне живущих по совести, справедливости, простоте душевной.

Классическая русская сказка о трех братьях — двух умных и третьем дураке — кончается моральной победой бесребреника, нестяжателя, простодушного младшего брата «дурака» над материализмом и практической мудростью старших братьев.

«...Пожалуй, особое неприятие у многих русских посвященных людей,— отмечает М. Антонов,— вызывала английская политическая экономия, поскольку на Руси с глубокой древности не прививалось понимание богатства, оторванного от нравственности...»

К богатству и богачам, к накопительству русский человек относился недоброжелательно и с большим подозрением. Как трудовой человек он понимал, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Хотя было бы неправильным считать, что им руководило чувство зависти. Нет. Просто стяжание богатства выше своей потребности, накопительство всяких благ выше меры не вписывалось в его шкалу жизненных ценностей. «Не хвались серебром, хвались добром».

Многие в народе считали, что любое богатство связано с грехом (и конечно, не без основания). «Богатство перед Богом — большой грех», «Богатому черти деньги куют», «Пусти душу в ад — будешь богат», «Грехов много, да и денег вволю», «В аду не быть — богатства не нажить», «Деньги копил, да нелегкого купил», «Копил, копил, да черта купил!»

Отсюда выводы: «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом», «Неправедная корысть впрок нейдет», «Неправедная нажива — огонь», «Неправедно нажитое боком выпрет, неправедное стяжание — прах», «Не от скудости скупость вышла, от богатства».

Итак, к богачам трудовой человек относится с большим недоверием. «Богатство спеси сродни»,— говорит он. «Богатый никого не помнит, только себя помнит», «Рак клешню, а богатый мошную», «Мужик богатый что бык рогатый», «Богатый совести не купит, а свою погубляет».

Вместе с тем крестьяне чем-то сочувствуют богатому, видя в его положении нравственное неудобство и даже ущербность. «Богатый и не тужит, да скучает», «Богатому не спится, богатый вора боится». А уж для нравственного воспитания ребенка богатство в народном сознании прино-

сит прямой вред. «Богатство родителей — порча детям», «Отец богатый, да сын неудатый».

Порой неприязнь к богачам доходит и до проклятий: «Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаем!» — гласит одна из народных пословиц.

Да, трудовой человек осуждает несправедливое богатство, как и другую любую форму паразитизма.

С его идеалом скромного достатка больше согласуется бережливость и зажиточность. «Бережливость, — говорит он, — лучше богатства», «Зажиточный лучше богатого», «Береж половина спасения», «Зажиток мешка не дерет», «Зажиток беды не чинит».

«Маленькая добычка, да большой береж — век проживешь», «Копейка к копейке — проживет и семейка», «Домашняя копейка рубль бережет», «Лучше свое побережь, чем чужое прожить».

«Держи обиход по промыслу и добытке», «Не приходом люди богатеют, а расходом», «Кинь добро позади, очутится впереди», «Кто мотает, в том пути не бывает».

«Не о том, кума, речь, а надо взять и беречь», — поучает рассудительный хозяин. «Собирай по ягодке — наберешь кузовок», «Пушинка к пушинке, и выйдет перинка», «В общем, зажиток мешку не порча», «Подальше положишь — поближе возьмешь».

Бережливость всячески поощряется. Но накопительство, жадное стяжание материальных предметов рассматривается как грех, ибо, считает народ, «скупому душа дешевле гроша».

Скупые и скряги, так же как и богачи, подозреваются в сговоре с чертом. «Скупой копит — черт мошну тачает», «Черт мошну тачает — скряга ее набивает», «Кто до денег охоч, тот не спит всю ночь», «Скупые что пчелы: мед собирают да сами умирают».

О таких народ говорил: «У него от скупости зубы смерзлись», «У него в Крещение льду займы не выпросишь», «У него всякая копейка рублевым гвоздем прибила». А общий приговор таков: «Скупому человеку убавит Бог веку».

Осуждая стяжательство, накопительство, жадность, скупость и несправедливое богатство, народное сознание снисходительно относится к беднякам, и более того, симпатизирует им. По-видимому, образ бедняка больше согласуется с народными идеалами, чем образ богача.

«Бедность — святое дело», «У голыша та же душа», «Гол, да не вор; беден, да честен», «Богат, да крив;

беден, да прям», «Лучше нищий праведный, чем богач ябедный».

«Бедность не порок, а несчастье», «Хоть мошна пуста, да душа чиста», «Гол да наг — перед Богом прав», «Бедность учит, а счастье портит», «Убожество учит, богатство пучит».

## КУДА ТОПОР И СОХА ХОДИЛИ

«Работай — сыт будешь; молись — спасешься; терпи — взмилуются». Русский человек знал твердо: источник благополучия и богатства — труд. «Труд — отец богатства, земля — его мать», — говорит древняя пословица. Но труд важнее богатства, ибо последнее (даже если оно добыто праведным путем) не вполне устойчиво; налетел разбойник или иноземный враг и отобрал, вспыхнул пожар, а были они часты в деревянных домах, и от богатства горстка пепла. А труд, навык к нему придает жизни устойчивость, создает твердую основу. Все результаты жизни зависят от труда. «Что посеешь, то и пожнешь. Что пожнешь, то и смолотишь. Что смолотишь, то и смелешь. Что смелешь, то и съешь», «Кто посеял, тот и пожал».

Добросовестный труд — нравственная гарантия благополучия человеческой жизни. Отсюда и трудовая система жизненных ценностей, система, в которой труд занимает первое место, а богатство находится на втором плане.

Народное сознание всегда считало, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, не должна находиться в индивидуальной собственности, а лишь во временном пользовании, право на которое может дать только труд. Большинство русских крестьян не знали частной собственности на землю. Отсюда древний социалистический идеал крестьянина, враждебно относившегося к частной собственности на землю. Земля в крестьянских общинах распределяется по тем, кто ее обрабатывает, кто может приложить к ней свою руку. Отсюда и всеобщая вера русского крестьянина в черный передел, когда вся земля будет вновь переделена между теми, кто ее фактически обрабатывает.

Россия была очень богата землей и лесами и другими природными ресурсами. Еще в XIV—XV веках стояли огромные массивы незаселенных земель, неосвоенных ресур-

сов. В этих условиях владение ресурсами зависело от возможности человека освоить их своим трудом или трудом своих близких и челяди.

Земля — Божья, считал крестьянин, и принадлежать она должна тому, кто ее обрабатывает. Эта основа трудового мировоззрения крестьянина, вокруг которого формировались все его другие воззрения.

Как отмечал исследователь русской общины Ф. Щербина, до конца XVI века обычай свободной заимки земель был главным господствующим обычаем в экономической жизни и отношениях русского народа. Трудовое право русского человека состояло в том, что он пользовался занятым им пространством по известной формуле: «Куда топор, коса и соха ходили». Затрата труда на месте заимки служила в большинстве случаев определяющим фактором владения этой землей<sup>1</sup>.

Еще в XIX веке русский ученый Ефименко отмечал, что в Западной Европе имущественные отношения строились на завоеваниях, насильственном захвате одной части общества прав другой. В России же было иначе — для большей части общества имущественные отношения носили трудовой характер. «Земля не продукт труда человека, следовательно, на нее и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда. Вот то коренное понятие, к которому могут быть сведены воззрения народа на земельную собственность». Аналогичные мысли высказывал князь Васильчиков. В России, считал он, «с древних времен очень твердо было понимание в смысле держания, занятия, пользования землей, но выражение «собственность» едва ли существовало: в летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречаются выражения, соответствующие этому слову»<sup>2</sup>.

Сложившийся общинный принцип ставится в России выше принципа частной собственности. Щербина рассказывает, как в Кадниковском уезде умер крестьянин-собственник, оставив своей жене-старухе несколько десятин земли, приобретенных покупкой. Община, к которой принадлежала старуха, отобрала эту землю в общественное пользование, полагая, что старуха может содержаться за счет мира. «На что ей своя земля,— рассуждали крестьяне,— ее «мир» прокормит и без земли». Старуха пожаловалась в волость, где ей сказали, что мир поступил справедливо, ибо частная собственность превратилась в общинную из-за невозможности трудиться на ней старухе-хозяйке<sup>3</sup>.

Таким образом, в нашем крестьянстве сохранялась гораздо в большей степени, чем на Западе, непосредственная связь между трудящимся и продуктом его труда, сохранялись и юридические отношения особого трудового типа. С почти религиозным чувством крестьянин относился к праву собственности на те земельные продукты, которые были результатом труда человека. Украсть что-либо с поля, будь то хлеб или сено, считалось величайшим грехом и позором. Причем крестьянин четко разделял предметы, являвшиеся результатом человеческого труда, и дары природы. Если кто срубит бортяное дерево (где отдельные лица держали пчел), тот вор, ибо он украл человеческий труд; кто рубит лес, никем не посаженный, тот пользуется даром Божиим, таким же даром, как вода и воздух<sup>4</sup>.

## **РЯДИСЬ НЕ СТЫДИСЬ, А РАБОТАЙ НЕ ЛЕНИСЬ**

Нестыжательство, презрение к погоне за наживой, богатством, конечно, не означало склонности крестьян работать бесплатно. За хорошо выполненный труд полагалась справедливая награда. При этом считалось само собой разумеющимся, что работа должна быть выполнена хорошо, согласно традиционным нормам, обычаям и вековым привычкам крестьянина. Надо хорошо работать и не думать о вознаграждении, оно само собой следует тебе за старательный труд. Народное чувство выработало идеал справедливого вознаграждения, отступление от которого — попытка обмануть, надуть работника — осуждалось как нравственное преступление.

Народная сказка о батраке и купце (попе), пытавшемся его обмануть, во всех вариантах кончается торжеством справедливости и посрамлением нечестного нанимателя.

Если крестьянин, ремесленник один или с артелью нанимался (подряжался) на работу, с нанимателем заключался договор, чаще всего устный, но нарушить его было величайшим грехом, ибо «договор дороже денег».

Договору-уговору, или иначе ряде, придавалось очень большое значение. «Уговор — родной брат всем делам», «Уговорец — кормилец. Ряда — не досада», «Ряда дело хорошее, а устойка (то есть соблюдение уговора) того лучше».

«Язык на сговоре (то есть условия заключения)», «Рядись не торопись,— рассудительно говорит работник,— делай не сердись» или: «Рядись да оглядись, верши не спеши, делай не грехи».

О нечестном нанимателе говорят так: «Он на грош пятаков хочет. С алтыном под полтину подъезжает». Поймав нанимателя на нечестности, работник не доверяет ему впредь.

Если в уговоре ошибка выйдет по твоей вине, отвечать будешь только сам. «Рядой не вырядишь, так из платы не вымозжишь». После уговора менять ничего нельзя. «Переговор не уговор. Недоряжено — недоплачено». В следующий раз умнее будешь.

«Что побьем (руками при договоре), то и поживем. Что ударишь, то и уедешь (увезешь с собой)».

И отсюда в конце договора обязательство: «Он в долгу не останется», то есть заплатит все без остатка, ведь так мы и сегодня говорим.

Справедливое вознаграждение за труд — дело неперенное. И вот тут главную роль играют для крестьянина деньги как мера труда. «Без счета и денег нет. Деньги счет любят, а хлеб меру. Деньги счетом крепки». Деньги для крестьянина не золотой телец — объект поклонения, а средство счета.

«Счет не обманет. Счет всю правду скажет», «Доверять-то доверяй, но и проверяй», «Не все с верою — ино с мерою». Впрочем, «кому как верят, так и мерят».

«Мера — всякому делу вера, счет да мера — безгрешная вера». В расчетах не должно быть исключений. «Счет дружбы не портит. Дружба дружбой, а денежкам счет». Чаше счет, крепче дружба.

Подчеркивая трудовой характер своего заработка, русский трудовой человек говаривал: «Трудовая денежка до века живет (кормит, служит)», «Трудовая денежка всегда крепка», «Трудовая денежка плотно лежит, незаработанная ребром торчит».

Преобладание моральных форм принуждения к труду над материальными совсем не предполагало уравниловки в распределении, а наоборот, исключало ее. Для крестьянина считалось безнравственным заплатить равную плату и мастеру, и простому работнику. Качественный труд должен вознаграждаться значительно выше. «Работнику полтина, мастеру рубль».

Стоял ли вопрос об уравнительном распределении среди крестьян? Стоял, но только в том случае, если все они

выполняли работу одного объема и одного качества в общине на помочах или общественных работах, а также в артелях. В таком случае крестьяне говорили: «Тем добро, что всем равно», «Всякому по Якову», «Что миру, то и Спире. Что миру, то и мирянину», «Что миру, то и бабину сыну», «Что тебе, то и мне. Что мне, то и тебе». «Что всем, то и одному. Что одному, то и всем», «Варлам, пополам; Денис, поделись!»

В остальных случаях уравнительные отношения считались безнравственными, так как нарушали трудовые принципы крестьянства и поощряли лодырей.

«Каков работник, такова и плата», «По работе и плата», «По товару и цена», «Каждому да воздастся по делам его».

«За бесплатно» работник трудится только на общественных работах и помочах. В остальных случаях полагается материальное вознаграждение. Работу «за спасибо» работник всерьез не принимает. «Спасибом сыт не будешь», «Спасибо не кормит, не греет», «Спасибо домой не принесешь», «Из спасибо шубы не сошьешь». Рабочий человек смеется: «Подали спасибо, да домой не донес!»

Нет, работника надо заинтересовать и материально. Некоторые пословицы в этом очень категоричны. «Не бей мужика дубьем, бей его рублем», «Не бей мужика дубиной, попробуй полтиной», «Не учи дубцом, поучи рублем», «Не торопи ездой, торопи кормом» (то есть заинтересуй материально).

Больше всех зарабатывали мастера своего дела. Однако и мастеру заплатить просто так, не за дело не полагалось. Покажи работу, а потом проси плату. «Честь честью, а дело делом», «Честь по заслугам». По заслуге молодца жалуют, а по отчеству чествуют. В общем — «по заслугам и почет. Каков есть, такова и честь». «Не место красит человека, а человек красит место».

## **СКОЛЬКО ЗАРАБАТЫВАЛИ НАШИ ПРЕДКИ?**

Один из самых распространенных мифов в истории труда в России — миф о нищенской оплате трудящихся по сравнению с западноевропейскими странами.

Возник он в конце XIX века и усиленно пропагандировался российскими либералами и социалистами как подтверждение их тезиса о вековой культурной и экономиче-



ской отсталости России. Утверждение о нищенской оплате труда в России стало общим местом, своего рода аксиомой, не требующей доказательств.

В 20-е годы нашего века этот якобы бесспорный исторический факт решил проверить замечательный русский экономист и статистик С. Г. Струмилин. Он поднял архивные материалы, произвел необходимые расчеты и пришел совсем к иным выводам. Оплата труда в России была далеко не нищенской, а ее уровень во многих случаях был даже выше уровня оплаты труда основных западноевропейских стран.

Данные свидетельствовали о том, что еще в древности в России сложился довольно высокий уровень оплаты труда. Митрополит Макарий в своей «Истории русской церкви» приводит историческое предание о Ярославе Мудром, решившем в середине одиннадцатого века построить Георгиевскую церковь в Киеве, но вначале не нашедшем достаточно строителей.

Князь спросил: отчего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куны на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит «за труд по ногате на день»<sup>1</sup>.

Следует сказать, что за ногату в те времена можно было купить целого барана. Кому-то эти сведения могут показаться нетипичными. Это была, скажут, «комсомольская стройка» с завышенными расценками. Однако подобный уровень оплаты подтверждается и в «Русской правде». В статье «О покое вирном», определяющей, сколько вирнику следовало взять деньгами и натурой при исполнении своих обязанностей, следует ссылка: «То ти урок Ярославль». А за ней читаем: «А сей урок мостьникам: аще помостившие мост, взяти от дела ногата, а от городничичи ногата». Таким образом, работник получал за каждую городню одну ногату и одну куну, а сверх того, на прокорм деньгами или натурой: хлеб, мясо, рыбу, пшено и солод (на пиво или брагу). Паек довольно обильный, отмечает С. Г. Струмилин. Однако не только квалифицированные городские работники получали такую высокую плату. Батрачка в деревне XII века получала за сезон (обычно с конца апреля и до октября), кроме содержания на хозяйских харчах, гривну кун, или 20 ногат, то есть могла купить 20 баранов<sup>2</sup>. Для сравнения скажем, что оплата рядового поденщика в Англии XIII века составляла в неделю 34 килограмма пшеницы<sup>3</sup>, то есть была

(если рассчитать по эквиваленту) ниже оплаты русского рабочего.

В псковской летописи сохранились сведения о постройке каменной стены в городе Гдове. Зарплата работников на этой стройке составляла 1,5 новгородских деньги в день. По ценам новгородских писцовых книг XV века за эти деньги можно было купить полбарана или около 24 кг ржи. Хотя уровень оплаты в два раза ниже, чем в XII веке, но выше оплаты труда во Франции XV века. Здесь за дневную плату чернорабочего можно было купить либо около 4 кг говядины, или 22 кг ржи<sup>4</sup>.

Герберштейн, путешествовавший по России в первой четверти XVI века, писал, что рядовой поденщик получал 1,5 московской деньги, а ремесленник 2 деньги в день. За две деньги тогда можно было купить около 5 кг пшеницы, или около 8 кг ржи, или до одной четверти барана, что было в среднем намного выше заработка английского поденщика<sup>5</sup>.

Сколько же получали русские рабочие в XVII веке? Имеющиеся сведения, относящиеся к 1674 году, говорят о том, что средний заработок в день рабочих-металлистов составлял для мастера 57 копеек, для подмастерья — 38 копеек, для работника — около 10 копеек. В год это выражалось, считая 250 рабочих дней в году, для мастера — 145 рублей, для подмастерья — 95 рублей, для работника — 25 рублей. По тем временам, учитывая дешевизну продуктов, такая оплата была достаточно высокой, пожалуй, одна из самых высоких в мире. Ведь на эти деньги даже работник мог купить в день не менее 50 кг ржи, а уж мастер был очень зажиточным человеком<sup>6</sup>.

Достаточно высокий и устойчивый уровень оплаты труда (прерываемый, конечно, периодами засух, неурожаев, войн и общественных смут) наблюдался в XVII веке и у сельскохозяйственных рабочих. Так, исследователь С. Тхаржевский определил, что поденная заработная плата наемных крестьянских работников-мужчин в 1640 году в Курской и Воронежской областях России при пахоте, жнитве и молотье составляла 10 денег (5 копеек) в день; а женщина-жнея получала поденно 3 копейки. На эти деньги крестьянин-мужчина мог купить 24 кг ржи, а женщина — 15 кг. Почти через триста лет — в 1909—1913 годах — средняя заработная плата русского сельхозрабочего в этих же местах была 96 копеек в день у мужчин (поднимаясь во время уборки хлеба в Воронежской губернии до 1 рубля 10 копеек) и 61 копейка у

женщин. Таким образом, рабочий-мужчина мог купить на свой дневной заработок (исходя из цены ржи в 1910—1913 годах — 68,7 копейки) около 23 кг ржи, а женщина — около 14 кг. Итак, отмечает С. Тхаржевский, за 300 лет мы почти не видим перемены: поденный корм сельхозработника XVII века приблизительно равен (чуть выше) поденной заработной платы сельхозработного начала XX века в тех же самых местах<sup>7</sup>.

Теперь проанализируем положение крепостных крестьян. Ведь прежде всего к ним относится утверждение о нищенской оплате труда в России.

Но и здесь данные свидетельствуют несколько об ином.

Экономическое и имущественное положение русских крепостных крестьян в среднем было лучше положения крепостных крестьян в странах Западной Европы, и прежде всего Германии и Франции.

Видный исследователь положения русского крестьянства Семевский провел подробное сопоставление повинностей, которые платили или отрабатывали крепостные крестьяне в России и зарубежных странах и сделал вывод, что эти повинности были примерно одинаковыми. Однако русские крестьяне имели два важных преимущества — гораздо больше земли и различных угодий на душу сельского населения, а также определенную социальную защищенность в форме крестьянской общины. Как правило, крестьянин не мог быть обезземелен или стать нищим, ибо во многих случаях община помогала своим нуждающимся крестьянам. В России не было такого имущественного расслоения крестьянства, как в Европе, где богатство небольшой части сельского населения покупалось ценой батрачества и обезземеливания абсолютного большинства крестьян<sup>8</sup>.

Русские крестьяне в отличие от западноевропейских имели гораздо больше земли. В середине XVIII века даже на помещичьих землях средний душевой надел составлял 12 десятин, куда входили пашни, покосы, усадебные земли, лес.

В первой половине XIX века среднедушевой надел крестьян снизился в связи со значительным ростом населения и составлял, по нашей оценке, не менее 7 десятин. Хотя колебания здесь были огромные. В разных уездах Новгородской губернии на душу приходилось от 5 до 16 десятин. Но в некоторых, даже густонаселенных районах, например в Тверской губернии, крестьяне иных помещиков имели по 15—20 десятин на душу<sup>9</sup>.

Перед отменой крепостного права были собраны подробные сведения о количестве земли, находившейся в распоряжении помещиков и предоставленной в пользование крестьянам. Оказывается, что в 1860 году в Европейской России из 105 миллионов десятин земли, принадлежащей помещикам, 36 миллионов десятин было предоставлено крепостным крестьянам, а 69 миллионов десятин находилось в распоряжении помещиков. Крепостных крестьян без дворовых считалось 9,8 миллиона душ мужского пола, то есть на душу крепостного крестьянина приходилось в среднем по России 3—4 десятины земли, хотя по отдельным губерниям были и колебания. Так, в Курской губернии на душу крепостного крестьянина приходилось 2,8 десятины, в Тульской — 2,4, в Астраханской — 8, в Олонецкой — 7<sup>10</sup>. Приведенные цифры на душу населения следует увеличить в 2—3 раза, и получаем средний размер земельного участка, приходящегося на хозяйство — 6—12 десятин, что значительно превышало средний размер хозяйства, находящегося в личном пользовании, и было нередко равно и даже превышало размер фермерского хозяйства во Франции того же времени. И это в России середины девятнадцатого века, в условиях возрастающей нехватки земли!

Но вернемся в XVIII век. В это время самой высокой оплатой труда в западноевропейских странах славилась Англия. Однако уровень оплаты труда рабочих в ней значительно отставал от оплаты труда российских рабочих. Если в 1767 году рядовой английский рабочий мог купить на свою дневную зарплату 6 кг зерна, то русский рабочий — 10—11 кг. Говядины на свой заработок английский рабочий мог купить в два раза меньше, чем русский. В целом уровень оплаты труда русского рабочего в XVIII веке был в два раза выше английского и почти в три раза выше французского<sup>11</sup>.

В России сложилось так, что большинство рабочих на городских фабриках и заводах являлись членами сельских общин и имели землю. Фабриканту, чтобы привлечь их к работе на фабрику, нужно было платить больше, чем они могли заработать на земле.

Возьмем, к примеру, Сестрорецкий оружейный завод в Петербурге. Здесь в 1728 году мастера получали 120—240 рублей в год (а иностранные мастера намного больше), подмастерья — 60 рублей, кузнецы — от 12 до 24 рублей. Кроме того, большинство рабочих получали продукты — муку и крупу.

Почти через полтора столетия, в 1860—1867 годах, заработок рабочих-металлистов Сестрорецкого завода составлял для стволоделов — 135 рублей в год (52 коп. в день), для кузнецов — 86—113 рублей в год (32—43 коп. в день), для замочников и литейщиков — 106 рублей в год (40 коп. в день), для шлифовщиков — 128 рублей в год (48 копеек в день), для столяров — 116 рублей в год (44 копейки в день)<sup>12</sup>.

Для конца XIX — начала XX века у нас есть сведения о заработках рабочих-металлистов по 17 петербургским заводам. В среднем они составляли на одного рабочего за год (в 1891 году) 359 рублей (или 1 руб. 25 коп. в день), в 1901-м — 431 рубль (1 руб. 50 коп. в день) и в 1904-м — 471 рубль (1 руб. 60 коп. в день)<sup>13</sup>.

В середине XIX века по России путешествовал замечательный немецкий ученый барон Гакстгаузен, посетивший большое количество российских предприятий и изучивший систему оплаты труда на них. Вывод его был таков — «ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России,— писал он,— в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее»<sup>14</sup>.

Перед самой революцией в феврале 1917 года обуховский сталелитейный завод в Петербурге определил минимальный прожиточный минимум среднего рабочего. Он равнялся для рабочего семейства из трех человек 169 рублям, из которых 29 рублей шли на жилье, 42 рубля — на одежду и обувь, остальные 98 рублей — на питание.

Интересно привести перечень минимальных потребностей рабочего, на которые расходовался этот бюджет. Жилье состояло из одной жилой комнаты и кухни, причем оплата за квартиру включала стоимость освещения и отопления.

Одежда и обувь состояли из сапог — 20 рублей пара (из расчета по одной паре в год на человека), галош — 6 рублей (одна пара в год на человека), комплект носильного платья — 60 рублей (полтора комплекта в год), верхнее платье — 120 рублей за комплект (по одному на три года).

Минимальный месячный бюджет на питание состоял из расходов на: молоко — полторы бутылки в день по 35 копеек за бутылку; 2,1 кг сливочного масла по 6,5 руб. за

килограмм; 2,1 кг других жиров по 3,2 руб. за кг; мясо или рыба (чередовались через день): 100 граммов мяса (20 копеек) на каждого члена семьи, 200 граммов рыбы (20 копеек); ежедневно на всех примерно 1 кг ржаного хлеба (17 копеек), около 600 граммов пшеничного хлеба (30 копеек), 820 граммов картофеля (20 копеек), около 600 граммов капусты кислой (30 копеек), около 600 граммов крупы разной (22 копейки), полтора яйца, около 3,7 кг сахара (2 рубля 70 копеек).

В бюджет не вошли расходы по стирке белья, передвижению, расходы на лечение, культурные цели, а также спиртные напитки и табак.

Для сравнения приведем размеры среднемесячных заработков, которые получали рабочие на обуховском заводе в 1917 году: рабочие первой категории (самые квалифицированные) — 400 рублей, II категории — 350 рублей, III категории — 300 рублей, IV категории — 225 рублей и V категории — 160 рублей<sup>15</sup>.

Академику Струмилину удалось также доказать, что и в начале XX века заработки российских рабочих в крупной и средней промышленности были одни из самых высоких в мире, занимая второе место после заработков американских рабочих. Вот ход его рассуждений: «Средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 г. достигал 573 долл. в год, 11,02 долл. в неделю или 1,84 долл. в день. В пересчете на русскую валюту по паритету дневной заработок американского рабочего составлял 3 руб. 61 коп. золотом. В России по массовым данным 1913 г. годовой заработок рабочих деньгами и натурой достигал за 257,4 рабочих дня 300 руб., т. е. не превышал 1 руб. 16 коп. в день, не достигая таким образом и трети (32,2%) американской нормы. Отсюда и делались обычно выводы о резком отставании уровня жизни российских рабочих от американских стандартов. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получаются другие». При сравнении розничных цен на важнейшие пищевые продукты оказывается, что они стоят в США в три раза дороже, чем в России. Опираясь на эти сравнения, академик Струмилин делает вывод, что уровень реальной оплаты труда в промышленности России следует оценить не ниже 85 процентов американского.

Таким образом, уровень оплаты труда в промышленности России был достаточно высок и опережал уровень оплаты труда в Англии, Германии, Франции<sup>16</sup>.

Высокий уровень оплаты труда в промышленности вполне соответствовал сравнительно высокой (для того времени) доле оплаты труда в национальном доходе, составляя в 1908 году около 55 процентов, то есть опять-таки был близок американскому.

Кстати, весьма показательным для понимания экономического положения российских трудящихся является потребление мяса и мясных продуктов, составившее в 1913 году 70,4 кг в год на человека (в США — 71,8). Еще более высоким потребление мяса было в городах Российской империи — в среднем 88 кг на душу населения, при этом в Москве — 87, в Петербурге — 94, во Владимире и Вологде — 107, в Воронеже — 147. Еще больше мяса потреблялось в городах Сибири и Дальнего Востока<sup>17</sup>.

Так что же обеспечивало относительно высокий уровень оплаты труда и потребления российских тружеников в течение многих веков?

Ответ на это прост — изобилие земли и природных ресурсов, а главное — трудолюбие народа.

# НАРОДНЫЙ ТРУДОВОЙ КАЛЕНДАРЬ

## ПАХАРИ И МУДРЕЦЫ

Вся жизнь русского крестьянина от рождения до смерти, день за днем, в будни и праздники была действием, осуществляемым по незыблемым законам бытия, где все события и дела текли по руслу многовековых обычаев и традиций, высоких нравственных понятий, среди привычных, необходимых и зачастую доведенных до эстетического совершенства вещей: «Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди... Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям,— все это отсеивалось временем» (В. Белов).

Веками были выработаны незыблемый ритм и нормы труда — согласование отдельных этапов трудового процесса, режим дня, соотношение, начало и завершение сезонных работ. Работа крестьянина в поле велась со старанием и любовью и порой превращалась в настоящее священнодействие. «Почти все трудовые дела сплетались у сельского жителя с природой, а природа ритмична: одно вытекает из другого, и все неразрывно между собой. Человек всегда ощущал свое единство с природой. Это в союзе с нею он создавал сам себя и высокую красоту своей души, обращенную к культуре труда»<sup>1</sup>.

Даже неграмотный крестьянин зачастую владел таким богатейшим миром высокохудожественных образов, накопленных поколениями его предков — предания, сказки, песни, пословицы, поговорки, обычаи и традиции, что зачастую духовно и эстетически был более развит, чем городской ремесленник или рабочий, читавший газету «Копейка» и дешевые журналы. Многие из этих образов складывали народный трудовой календарь.

Воскресенье — свято, понедельник — черный, втор-



ник — потворник, среда — постница, четверток — перчит, пятница — корячится, суббота — делу почин.

Огромное трудолюбие русского крестьянина вовсе не означало, что он был фанатик труда, готовый работать с утра до ночи, без передыху. Крестьяне в своей среде настороженно относились к таким фанатам, ибо знали, что от чрезмерного труда, от штурмовщины в работе неизбежно возникают срывы. Работать надо слаженно и ритмично. Лишнюю работу на себя не взваливать. «Ретивая лошадка недолго живет», «Ни на какое дело не называйся и ни от какого дела не отказывайся», «На дело не набивайся и от дела не отбивайся».

Труд и отдых должны ритмично чередоваться. «Делу время — потехе час». Каждому дню полагается свой труд — «Время времени не работает», «Сегодняшней работы на завтра не покидай», «За все братья — ничего не сделать».

Веками был установлен трудовой распорядок дня, недели, года, которому крестьянин неукоснительно следовал. Вехами и регуляторами трудового распорядка русского крестьянина были народные приметы, привязанные, как правило, к дням памяти определенных святых или праздникам. Чуть ли не каждый день крестьянского года расписывался по делам, и «расписание» это было настоящей наукой — очень непростой, требующей высокой традиционной культуры, духовно-нравственной грамотности, внимательности, сообразительности и, наконец, просто хорошей памяти, чтобы ориентироваться в сотнях примет, их последовательности и сочетаниях. Усвоению этой науки способствовала отточенная веками афористичная и пословичная форма изложения, хорошо запоминающаяся и связанная с повседневной жизнью крестьянина. Познакомимся с ней на основе материалов, собранных В. Далем<sup>2</sup>.

Крестьянский трудовой календарь начинался весной. Крестьянин вставал с восходом солнца, рассказывает русский этнограф. Потянется он раза два на своем жестком ложе-скамейке, зевнет, перекрестит рот, осенит себя трижды крестным знаменiem, положит три поясных поклона — в рабочий день ему некогда много молиться — и, как спал, в рубахе и портах, взяв на случай полушубок, идет в поле. Любит он землю, свою кормилицу. В поте лица он пашет ее, не жалеет своих сил, раскидывает на пару навоз, старательной рукой бросает зерно. Он любит землю, потому что земля кормит его. И работает он в поле с раннего утра до позднего вечера, от зари до зари<sup>3</sup>. Поле-

вые работы в Центральной России начинались на Юрьев день, или Егория Храброго (23 апреля) \*, Егорья Вешнего. Дел у крестьян неспор. Егорий с ношей (то есть с заботами), а Никола с возом. На Юрья коней крестами кормят. Гони животину на Юрьеву росу. Прикармливают коровушек в поле. Юрий — праздник пастухов: их дарят и кормят в поле мирской яичницей. В поле стадо сгонять и Егория окликать. Храбрый ты, наш Егорий, ты спаси нашу скотину! Выгоняют в первый раз скот в поле вербою с Вербного воскресенья. На Егорья запахивают пашню. Ранний посев ярового — с Юрья. Ранний горох сей до Георгия, поздний после Георгия. Ранний яровой посев с Егория, поздний с Еремея (1 мая). Яровое сей до Егорья. Сей рассаду до Егорья, будет капусты доволe. Юрий пирогом, а руки батогом (батогом; выгоняют скот). С весеннего Егорья по Семенов день либо по Покров — сроки заключения договоров; сроки торговцев, сделки и наймы.

Егория считали самым могущественным покровителем домашнего рабочего скота. В этот день нельзя было работать на лошади, ибо Егорий — самый великий «конский» праздник. Служили молебн скоту, который «сгоняли к Божьему храму, святили, а потом выгоняли в поле». Однако если погодные условия не подходили к официальному дню праздника, первый выгон скота переносился на подходящий день, но проводился также торжественно.

«Благослови Бог почин!» — говорил русский крестьянин, начиная дело. «Благослови Бог встать, а ляжем и сами», «Все дело в почине», «Почин всего дороже», «Берись дружно, не будет грузно, началом и сваи бьют». Взгляд на труд как на высшее действие, непосредственно связанное с небесными силами (не только христианскими, но и даже языческими), заставляет крестьянина начинать свой трудовой год по определенному ритуалу. От того, как начнешь год, по мнению крестьянина, зависел успех дела. Чаще всего весенние работы начинались с общественного молебна, на который собирались все члены общины. Зачин работы объявлялся по решению общины. В Московской губернии членов общины собирали на сходку, на которой бросали жребий — кому делать «засев», то есть кто должен засеять свою борозду первым, а также принимался порядок дальнейшего ведения работ. Выбранный на сходке крестьянин засеивал свою полосу на следующее утро. В Ка-

---

\* Здесь и далее все даты народного трудового календаря приводятся по старому стилю.

лужской губернии зачин делался после сходки, на которой избирали человека, имеющего «легкую руку». Выборный, перекрестившись перед иконой, поклонившись на четыре стороны, делал борозду через загоны всех хозяев.

В некоторых уездах Калужской губернии община заказывала крестный ход во время посева. В поле ставили стол, на нем чашу с освященной водой, свечи, ковриги хлеба; перед столом стояли полукругом крестьяне, державшие иконы в руках, а напротив — священник с причтом и за ними все остальные крестьяне. После молебна священник брал из севалки горсть сборной ржи (от каждого двора в севалку засыпалась горсть зерна) и бросал на пашню. Затем он двигался краем поля, в сопровождении дьячка, несущего чашу с водой, поперек всех полос (загонов) и кропил, а следом за ним шел крестьянин-засевщик, выбранный на сходке, и сеял<sup>4</sup>.

Май холодный — год хлебородный.

Еремея-запрягальника (пророка Иеремию), Яремника (1 мая). На Еремея по ранней росе иди на посев. Еремея подыми сетевое (1 мая) и Еремию (Ермия) отпусти сетевое (31 мая, то есть начало и конец посева). Сей неделю, после Егория, да другую, после Еремея. Крестьяне считали, что когда они и их лошади приходят в изнурение, тогда пророк Иеремия впрягается впереди животных и сам заканчивает их работы.

В Сибири в день праздника Еремея-запрягальника крестьяне отправляли молебны, святили земледельческие орудия, чтобы «кошуну и лиходеи не вредили им своими дьявольскими заговорами». После обеда или чаепития хозяин зажигал свечу, сохранившуюся еще с Пасхи, или затепливал свечки перед образами; все молились, присаживаясь ненадолго в молчании, потом делали по три земных поклона; член семьи, выделенный для первого посева, испрашивал у старшего благословения и направлялся в сопровождении всей семьи к воротам. Сеятель должен был перед первым посевом помыться в бане и одеться во все чистое. В некоторых местностях перед посевом крестьянин избегал половой близости с женой, поселившись под навесом амбара или в каком-нибудь сарайчике или шалаше. «Выезд сеятеля от ворот в поле сопровождался рядом примет (нельзя переехать ему дорогу), а иногда и наговорами перед лошадью. На пашне он тоже делал все в строгом порядке, который диктовался производственной целесообразностью, сочетавшейся с ритуальной торжественностью»<sup>5</sup>.

**Борис и Глеб (2 мая)** — барышдень. Торговцы стараются что-нибудь продать выгодно, чтобы весь год торговать с барышом. Борис и Глеб сеют хлеб. Пришел Борис — сам боронись. Этот день также был связан с посевом.

**Ирина-рассадица (5 мая)**. Рассаживают рассаду, приговаривая: «Не будь голенаста, будь пузаста; не будь пустая, будь тугая; не будь красна, будь вкусна; не будь стара, будь молода; не будь мала, будь велика». На Ирину худая трава из поля вон (выжигают покосы, луга).

**Иов-горошник, россеник (6 мая)**. Сеют горох; приходи на белые горохи. Сею, сею бел горох: уродися мой горох, и крупен, и бел, и сам-тридесят, старым бабам на потеху, молодым ребятам на веселье.

На **Ивана Богослова (8 мая)** пекут обетные пироги, на угощение странников и нищих.

**Никола Вешний (9 мая)**. Средний посев яровых, сади картофель. Городи городьбу (околицу, забор) после Николина дня. Выгоняют лошадь на починки, на пашницу, на ночной подножный корм. Ребята празднуют ночь с лошадьми в поле.

На **Симона Зилота (10 мая)** земля-именинница: грех пахать. Сей пшеницу на Симона Зилота — родится, аки золото. Копают коренья на зелье.

На **Сидора Сиверко (14 мая)** и все лето таково.

Первый посев льна.

На **Пахомия (15 мая)** теплого, бокогрея — поздний посев овса и пшеницы.

Семь дев (18 мая) сеют лен. На Ивана долгого сажай огурцы. Если дубовый лист развернулся, то земля принялась за свой род.

**Фалалея Огуречника (20 мая)**. На Леонтия и Фалалея сади огурцы.

**Олены длинные льны (21 мая)**. На Олену сей лен. Матери Олены — ранние льны и поздние овсы. Ярицу, лен, гречу, ячмень и позднюю пшеницу сей с Оленина дня. Оленин день; сади огурцы. Льны Олене, огурцы Константину.

После матери Елены (Олены) ребятам «запрещали скакать: к этому времени все зерновые посеют — земля беременна». «Нам бабушка запрещала бить по земле палкой, как только траве быть — не бейте, ребяташки, землю — она, матушка, теперичи брюхата, скоро травы даст».

**Иванов день (25 мая)**. Поздние яровые посевы пшени-

цы. Травы и коренья (лечебные) кладут под Иванову росу.

В некоторых деревнях сохранялся древний обычай: после посева с сохами и, поставив коней головами в одну сторону самим пахарям, кататься на спине, подражая лошадям, по пашне, приговаривая трижды: «Пашня, пашня, хлеба нам дай, а силу нашу отдай».

**Феодосия-колосьяница** (29 мая): хлеб колосится. Гречушница. Сев гречи. Скоту дают понемногу хлебного корма, чтоб плодился. В семицкий четверг либо в троицкую субботу сей ячмень.

На **Исакия** (30 мая) змеи скопляются, идут поездом на змеиную свадьбу (на работе будь осторожен). Сажают бобы, приговаривая: «Уродитесь, бобы, и круты и велики, на все дома, на старых и малых».

**Еремея** (Ермия) (31 мая) опусти сетевое, покинь сетевое (севалку).

**Июнь** ау — закрома в амбарах пусты.

С **Митрофания** (4 июня) сей лен и гречу.

С **Федорова** дня (8 июня) пошла навозница.

**Петра Капустника** (12 июня). Запоздалый капустник: последний посев огурцам и посадки рассады.

**Акулина-гречушница** (13 июня). Гречу сеют либо за неделю до Акулины, либо неделю после Акулины. Праздник каш. Мирская каша для нищей братии.

На **Тихона** (16 июня) солнце идет тише. Конец поздних яровых посевов. Толока (помочь) на навозницу. Вози на пар.

**Аграфена-купальница** (23 июня): начало купания травы в соку; сбор лечебных кореньев. Накануне Ивана Купалы собирают лечебные и знахарские коренья и травы. Обетная каша, складчиной. Общее купание с песнями.

**Ивана Купала** (25 июня). Жгут костры. Первый покос. На Рождество Крестителя собирают лекарственные травы.

На **Тихвинскую** (26 июня) ягоды поспевают. Сбор ягод.

С **Петрова** дня (27 июня) красное лето, зеленый покос. Доставай (ладь) косы и серпы к Петрову дню. С Петрова дня пожня (покос, косьба). Петровка-навозница. Межипарье, междупарье. В Петров день барашка в лоб. До Петрова взорать (вспахать), до Ильина заборонить, до Спаса (16 августа) засеять.

«Приходит праздник Петра и Павла, а с ним и новая забота крестьянину, — пишет очевидец. — На низких

местах трава созрела, «хочет косы». Вся деревня от мала до велика берется за косы. На утренней заре уже деревня пуста. Все мужское население высыпало в луговины и на облоги. Спешно работает мужик: он торопится скосить, пока не взошло солнышко и не высушило травы. В один звук сливается звяканье десятков кос. Ровными рядами ложится трава. Крепко работают сухие, жилистые руки крестьянина. Взятый из дому полушубок остался далеко позади него. Утро свежее, ядреное, а косцу жарко; расстегнулся ворот его рубахи, крупные капли пота выступают на лбу, на висках, на груди; крестьянин косит без усталости, чтобы задолго до полудня кончить работу»<sup>6</sup>.

Июль — на дворе пусто, да на поле густо. Начинается страда. Сбил сенозорник спесь, что некогда на полати лечь. Собьет спесь, как неколи присесть. Не топор кормит мужика, а июльская работа.

В день Казанской, праздник Казанской Божьей матери (14 июля)— покос. В огородах гряды полют, вырывают корневые овощи. В день Казанской весь червец собирают под один куст. «Казанская,— пишет очевидец,— приносит новые заботы; но заботы эти бабьи; это бабий праздник. Рожь созрела, колос налился и нагнулся к земле. Бабы оставляют ребятишек, оставляют печные горшки, вынимают из клетки серпы и отправляются в поле. Но эта работа иного рода. Жарко идет косьба; она требует крайнего напряжения мышц. Медленно работают жницы, и только русская песня оживляет работу».

Пророк Илья (20 июля) лето кончает, жито зажинает. Илья-пророк разъезжает по небу на огненной колеснице. Первый сноп. Рожь поспевает к Ильину дню, убирается на Успеньев. Новая новина на Ильин день. Завязать Илье борю (древний обычай, кончив жниво, оставляют клочок на будущий урожай). «Завивание бороды» — завязывание последних колосьев в поле — древнейший крестьянский обряд. Несколько колосьев оставляли на последней полосе поля несжатыми; их связывали и обращали колосьями к земле. У основания несжатых колосьев пололи траву и укладывали хлеб и соль, а относились к этому месту как к предмету священному...

К Ильину дню заборанивай пар. К Ильину дню хоть кнутом прихлыстни, да заборони. (Или в том же смысле: «До Ильи хоть хлыстом захлещи»). До Ильина дня сено сметать, пуд меду в него накласть. Илья-пророк в поле копны считает. Коли к Ильину дню рожь убрана, то новый посев оканчивай до Флора и Лавра; а коли рожь по-

спевает позже, то и сей позже до Семена дня. Ильинская соломка — деревенская перинка. С Ильина дня защипывают (собирают) горох, а репу с Ивана Постного (29 августа). На Ильин день скота не выгоняют в поле (боясь грозы или змей, которых в это время много), перегоняют пчел, подчищают ульи, подрезывают первые соты. Богат, как ильинский сот. Ранняя подрезка сотов.

Давайте немного отвлечемся и отметим важную мысль, что трудовой характер сознания русского крестьянина неразрывно переплетался с отношением к труду как своего рода священнодействию, и отсюда понимание труда как меры богоугодности человека. Трудовой распорядок, трудовой ритм русского крестьянина неразрывно связан с именами святых и церковных праздников. Чаще всего крестьянин даже в XIX веке не говорит просто, что он должен сделать то-то и то-то, а связывает это с высшими почитаемыми понятиями — Илья зажинает жито, с Петрова дня пожня (покос), Петровка навозница, Ирина рассадница (рассаживает рассаду) и т. д. Понятия трудовые и понятия священные сплетаются воедино, создавая неповторимое мироощущение, в котором работа становится не просто трудом, а своеобразным действием, служением высшим силам, а человек с таким мироощущением является не просто работником, а действующим лицом всеобщей священной истории, торжественно несущим высокое предназначение. Впрочем, продолжим дальше.

Третий Спас (15, 16 августа). Первый Спас — на воде стоят, второй Спас — яблоки едят, третий Спас — на зеленых горах холсты продают.

Успенние. Успенщина, оспожинки, госпожинки, вспожинки, дожинки, обжинки. Окончание жатвы, складчины, братское пиво. Именинный сноп (последний).

Жнивка, жнивка, отдай мою силку: на пест, на колотило, на молотило, на кривое веретено (приговаривают женщины, катаясь по ниве).

До Успения пахать — лишнюю копну нажать. На Успенние огурцы солить, на Сергия капусту рубить. Озимь сей за три дня до Успения и три дня после Успения. До Петрова дня взорать, до Ильина заборонить, до Спаса посеять.

С Фролова дня (18 августа) засиживают (т. е. работают при огне) ретивые, а с Семена (1 сентября) ленивые. На Фрола и Лавра лошадиный праздник (кропят лошадей и пр.). Сей озимь от Преображения до Фрола. Коли до Фрола не отсеешь, Фролы и родятся (цветочки).

На Лупа (23 августа) — льны лупят. Коли брусника поспела, и овес дошел (отбронел).

Наталия-овсяница (26 августа) — косят овес.

Моисея Мурина (28 августа). Скирдницы. Хлеб складывают в одонья, клады, склады.

Ивана Предтечи, постного (29 августа). Круглого не едят, щей не варят (кочан напоминает голову).

На Марину Магдалину (22 июля) в поле не работают — гроза убьет. На Марию вынимают цветочные луковицы.

Борис и Глеб (24 июля) — поспел хлеб.

На Макария (25 июля) — нижегородская ярмарка-именинница.

На Пантелеймона целителя (27 июля). Николы Кочанского — вилки в кочни завиваются.

На Калиника (29 июля) туман — припасай закрому про овес с ячменем. Рожь, посеянная на Силу и Силуана (30 июля), родит сильно.

В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять. В августе серпы греют, вода холодит.

На первый Спас (1 августа) святи колодцы, святи венки хлебные. Лошадей купают. Защищают горох. Готовь гумна, овины. Паши под озимь, сей озимь. Заламывают и подрезывают соты. Авдотья-малиновка — собирай малину.

На Стефана (2 августа) поят лошадей через серебро.

Евдокии огуречницы (4 августа). Собирай огурцы.

Заклинают жнивы на все четыре стороны (5 августа).

Пришел Спас — всему час: плоды зреют (второй Спас — 6 августа). До второго Спаса не едят никаких плодов, кроме огурцов. Со второго Спаса едят яблоки, засевай озими. Яровое поспекает ко второму Спасу. Подрезывают соты; снимают плоды. Встреча осени. Осенины. Провожают закат солнца в поле с песнями.

На Предтечу не рубят капусты, не срезают мака, не копают картофеля, не рвут яблок, не берут в руки косаря, топора, заступа. Последние стлища на льны.

Сентябрь. Сиверко, да сытно.

Симеона Летопроводца (1 сентября) — севалка (севош-ни) с плеч. Последний посев ржи. Начало посиделок, суп-рядок, засидок, досветок. Солят огурцы.

Бабье лето — бабий праздник и бабьи работы. Первый праздник псарных охотников; выезд в отъездное поле. По-стриги и сажание на коня отрока, при переходе из младенчества (в четыре года — первое рабочее крещение будущего работника).



**Луков день** (8 сентября). Убирают пчел, собирают лук.

**Вздвигенье** (14 сентября), хлеб с поля двинулся, последняя копна с поля. Начало капусткам, капустниц, капустинских вечеров (длятся две недели, совместная заготовка капусты).

**Никита Гусепролет** (15 сентября). Стригут овец и бьют гусей.

**Фекла-заревница** (зареве от осенних огней — 24 сентября). Замолотки. Именинный овин (первый). Начинают по утрам молотить с огнем. На заревницу хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам — каши горшок.

**На Сергия** (25 сентября) капусту рубят. Капустки.

**На Савватия-пчельника** (27 сентября) убирают улья в омшеники.

**На Григория** (30 сентября) жгут старую солому из постелей, набивают новую.

**Покров** (1 октября) — первое зазимье. Свадьбы. Срок наймам и сделкам. На Покров закармливают скотину пожинальным (последним) снопом и с этого дня ее держат дома. Сбор последних плодов. Батюшка Покров, натопи нашу хату без дров! Захвати тепла до Покрова (ухить, вычини избу). Не ухитишь (избу) до Покрова — не будет такова. Топор сохе первый пособник.

**Аврамия-овчара** (29 октября) — праздник овчаров. **Анастасия-овечница**.

**Ноябрь**. Братчины, козмодемьянское пиво.

**Козьма и Дамиан** (1 ноября) с гвоздем.

Вот тебе, бабушка, **Юрьев день** (26 ноября). Крепки ряды (договоры) Юрьевым днем.

**Декабрь**. Пророк **Наум** (1 декабря) наставляет на ум (отдают в ученье детей). **Варвара** (4 декабря) мостит, **Савва** (5 декабря) гвозди острит, **Никола** (6 декабря) прибывает.

**Никола Морозный** (6 декабря). Красна никольщина пивом и пирогами (Никольщина — самый общий храмовый праздник русских тружеников). На Николин день во всяком доме пиво. Цены на хлеб строит никольский торг.

**Спиридоньев день** (12 декабря), подымайся вверх (приговаривают садовники, встряхивая яблони).

**Святки**: славят Христа, ходят с вертепами, со звездой, гадают.

Неотъемлемой частью трудового календаря русского крестьянина были крестьянские ремесла, отхожие

промыслы, которыми они занимались преимущественно осенью и зимой.

С первыми морозцами крестьяне тянулись в российские столицы и крупные губернские города, где составляли основной персонал строительных профессий — столяров, плотников, штукатуров, каменщиков, строительных черно-рабочих, а также занимались извозом. Большое количество крестьян направлялось на Волгу, обслуживая ее огромное рыбное, транспортное и складское хозяйство — бурлаки, грузчики, работники на рыбных ватагах, матросы и поденщики.

А какое огромное значение в народном хозяйстве России играли крестьяне из Ярославской губернии, где 20—30 процентов мужского сельского населения (76 процентов его составляли крепостные) уходило на промысел в Москву, Петербург, Ригу, Ревель, Казань. Ярославцы-трактирщики, половые, сидельцы в лавках, дворники, калачники, сбитеньщики, извозчики, каменщики, лоцманы, коноводы, штукатуры, плотники, портные, сапожники, чернорабочие, банщики — вот только самые основные профессии, которые осваивали ярославские крепостные<sup>7</sup>. Ярославская губерния этнически являлась одной из самых характерных русских губерний. Именно ее имели в виду этнографы Сырнев и Педашенко, когда писали: «Нет такого занятия, нет такой профессии, к которым бы не приспособился сметливый, сообразительный, оборотливый великорус... В одной лишь Ярославской губернии различных видов отхожего промысла насчитывается свыше 150. Необыкновенной способностью отличается население этой области и к торговле...»<sup>8</sup>. Но мы снова отвлеклись.

Первого января, на Васильев день — гадания; варят кашу, щедрование, обсыпают зерном. Уроди, Боже, — молятся крестьяне, — всякого житю по закрому, на весь крещеный мир. Василий — покровитель свиней, в этот день свиную голову на стол.

На Сильвестра (2 января) окуривают курятник, заговаривают лихоманку.

Крещенский вечер (5 января). Яркие крещенские звезды породят белых ярок. Крещенский снег собирают для беления холстов.

На Богоявление день теплый, хлеб будет темный (то есть густой). Звездистая ночь на Богоявление — урожай на горох и ягоды.

Петра-полукоорма: вышла половина зимнего корма (16 января). Коли есть метла да костра — будет хлеб до

Петра; а синец да звонец — доведут хлебу конец (название разных сорных трав).

**Аксинья-полухлебница, полузимница (24 января).** Какова Аксинья, такова и весна. Озимое зерно пролежало в земле половину срока до всхода. Половина старого хлеба съедено. Половина срока осталась до нового хлеба. Метель в полузимницу — сметет корм.

**Февраль** — широкие дороги. Бокогрей. Февраль три часа дня прибавит. На **Сретенье** (2 февраля) кормят (закармливают) племенных птиц.

**На Симеона** (3 февраля) — саламата на двор. Расчиная починки (чинят летнюю сбрую).

**На Онисима** (15 февраля) овчары окликают звезды, чтобы овцы ягнились.

В марте курица из лужицы напьется: март похоронит, август схоронит (хлеб: похоронит в землю, схоронит в закром).

**С Евдокии** (1 марта) Плющихи первые оттепели; сеют капусту. Какова Евдокия, таково и лето. Коли на Евдокию холодно, скот кормить лишние две недели. Пришли Евдокеи — мужику затеи (забот в марте у крестьянина становится все больше и больше).

**На Федота** (2 марта) — занос, все сено снесешь.

**Герасим Грачевник** (4 марта) грачей пригнал. Грач на нос садится (на пашне).

**Сорок мучеников** (9 марта) — сорок птиц прилетают. Гречу сеять пропусти сорок морозов после сорока мучеников.

**На Феофана** туман — урожай на лен и коноплю. Если в этот день лошадь заболит, то все лето работать не будет.

**Алексея Божьего человека** (17 марта). Алексей — с гор вода. На Алексея теплого доставай улья. Покинь сани, сряжай телегу. Сани на поветь. День гусиных боев, спускают гусаков.

**Дарьи грязные пролубницы** (19 марта). Холсты белят. Стели кросна по заморозкам.

**Благовещенье** (25 марта) — птиц на волю отпущенье. На Благовещенье хорошо ловить рыбу. Выносят пчел. Отбивай омшеник, доставай улья. Под дымом не сидят (то есть не готовят горячего и выходят спать в сени и клетки). Накануне Благовещенья сеют горох, сжигают зимние постели (солому) и перебираются спать в клеть.

**Гавриила Архангела** день (26 марта) — выверни оглобли из саней.

**Матрена-наставница** (27 марта). Отбирают половину репы для семян. Снова напоминают — покинь сани, возьми воз!

**Апрель. Мария** пустые щи (1 апреля). Пришел **Федул** (5 апреля), тепляк подул — растворяй окна. Родиона ледолома. Уставь соху: пашня под овес.

**Ирина-рассадница** (16 апреля): сей капусту на рассадниках (срубках).

**Зосимы пчельника** (17 апреля): расставляй улья на пчельнике.

**Козьма** (18 апреля) — сей морковь и свеклу.

**Ветхопещерник** (19 апреля) — обновляй новину (холст). Вот тебе, матушка, весна, новина (говорили, расстилая холсты).

В марте — апреле крестьяне праздновали Пасху, праздник, имевший для трудового процесса на селе магический смысл. В крестьянском сознании Пасха — Воскресение Христа — ассоциировалась также с воскресением (прорастанием) зерен для будущего урожая: скорлупу от пасхальных яиц вместе с крошками от разговения добавляли в зерно для посева, в некоторых селах на второй или третий день Пасхи, когда «к нам в дом приходит Богородица — местный причт ходил из избы в избу с иконами креста, двенадесятых праздников и Богородицы. В каждом доме перед иконами ставили зерна, предназначенные на семена, а на столе — хлеб и яйца»<sup>9</sup>.

Мы привели здесь только самые ходовые вехи и приметы трудового года русского крестьянина. А в реальной жизни их было тысячи, в разных вариациях (даже у Даля их во много раз больше, чем мы привели), и народ столетиями жил, повторял и совершенствовал свой трудовой распорядок. «Я вот работал, как отец мой работал, отец мой работал — как дед работал. И вот эта самая ниточка традиций тянулась и дотянулась до нас», — рассказывал народный мастер А. Ершов. Но стремление сохранить традицию, следовать заветам предков, конечно, не означало уничтожение творческого начала. Напротив, многообразие наработанных жизнью народных вех и примет создавало условия для самого широкого творчества новых поколений, которые в свою очередь еще больше расширяли эти условия. Уже упомянутый нами выше мастер отмечает: «...я работаю, как мой отец работал, да не совсем так. И мой отец тоже работал, как дед, да не совсем как дед. У нас у каждого свое есть, но ниточку-то мы держим»<sup>10</sup>.

## СКОЛЬКО РАБОТАЛИ НАШИ ПРЕДКИ?

Русские крестьяне работали с восхода до захода солнца. Совсем не часто устраивались в работе небольшие перерывы. Высокая интенсивность труда поддерживалась установленным ритмом и чередованием работ. Напряженный труд в течение рабочего дня в значительной степени компенсировался праздниками и воскресеньями, общее количество которых составляло на селе, по данным министерства земледелия на начало XX века, 120—140, а то и более дней в году, причем порядка 74 выходных приходилось на время сельскохозяйственных работ — с апреля по сентябрь<sup>1</sup>.

Больше всего праздников устанавливалось церковью. Если в сельской церкви было два-три престола, то число престольных праздников, отмечаемых окрестными деревнями, увеличивалось.

Храмовый праздник на русской земле всегда считали праздником всей общины.

Община организовывала пиршество по определенному ритуалу. Празднование храмовых праздников продолжалось несколько дней. Нередко продолжительность празднования находилась в зависимости от урожая. Так, Покров в урожайный год отмечался 5—6 дней, в обычный год — 2—3 дня, в неурожай — 1 день<sup>2</sup>.

Особое место занимали так называемые заказные праздники в целях предотвращения какого-либо бедствия — града, болезни, пожара.

Кроме того, отмечались царские высокаторжественные дни, а также мирские праздники — молебствия на полях, гульба по случаю получения мирских доходов, проводы новобранцев, празднования свадеб и т. д.

Число праздников и воскресных дней у ремесленников было, как правило, не меньшим, чем у крестьян, и подчинялось установленному ритму народной жизни.

Обилие праздничных дней в дореволюционной России не было чем-то особенным для христианской страны. Как свидетельствуют уставы средневековых ремесленных цехов, на протяжении всего западноевропейского католического мира <sup>1</sup>/<sub>3</sub> года протекала в обязательном отдыхе для мастеровых<sup>3</sup>.

Крестьянская трудовая культура выработала целую систему ограничений и запретов на работу в праздничные и воскресные дни. Нередко за нарушение налагался денежный штраф в пользу общины. В одни праздники

категорически запрещалось работать, в другие — разрешались отдельные виды работы. Нередко в праздники разрешались совместные мирские работы, но запрещалась работа отдельно от мира. Чаще всего нельзя было делать любую работу вне дома, тогда как мелкие домашние работы допускались: шитье — женщинам, подготовка сельхозорудий — мужчинам.

Кстати говоря, и крепостные крестьяне, как правило, имели те же праздничные и выходные дни, что и государственные крестьяне. Принуждать крестьянина работать в праздничные и воскресные дни запрещалось законом и жестоко осуждалось традицией. Помещик, осмелившийся на это, мог плохо кончить. Самой распространенной продолжительностью времени работы на помещика было два-три дня в неделю, хотя некоторые помещики пытались увеличить это число и до четырех дней<sup>4</sup>.

Несколько иначе, чем на селе и среди ремесленников, обстояло дело в промышленности.

Здесь число праздничных и воскресных дней было меньше, составляя в разные времена 100—110 дней.

На Совещении представителей петербургских машиностроительных и механических заводов (как частных, так и государственных, всего около 69), состоявшемся в январе 1905 года, через две недели после известных кровавых событий, был отмечен более короткий рабочий год русских рабочих по сравнению с западноевропейским. На заводах по механическому производству продолжительность рабочего дня находилась в пределах от 57 до 67 часов в неделю, ниже 57 часов — единичные случаи, по 57 часов работало 13 заводов частных и 6 казенного артиллерийского ведомства, 57,5 часа — 8 заводов, в том числе два казенных морского ведомства, свыше 57,5 часа — 23 завода, то есть одна треть. При таких условиях общая годовая продолжительность рабочего времени, принимая во внимание большое число праздничных дней в России, составит около 1775 рабочих часов. В Англии, при продолжительности рабочего дня в 9 часов, в механическом производстве число рабочих часов в год составляло около 2700, в Германии, где число праздничных дней было гораздо меньше, чем в России (6 праздничных дней, кроме воскресных), в то время только еще ставился вопрос о 10-часовом рабочем дне<sup>5</sup>.

Да, все данные говорят о том, что продолжительность рабочего времени в России была не выше, а во многих случаях и ниже, чем в других странах.

Так, если уж брать самую высокую цифру средней продолжительности рабочего времени петербургских рабочих — 59,3 часа в неделю, то в книге проф. И. Озерова «Политика по рабочему вопросу в России за последние годы» (М., 1906. С. 295—299) находим интересные сопоставления с зарубежными странами. У кузнецов в кораблестроении в США продолжительность рабочей недели, составляя 58,7 часа, медленно, без скачков сокращалась — 59,6 (1890) до 58,6 (1903). Продолжительность работы котельщиков в США составляла 59,2 часа; в Англии 54 и 53,7 часа; в Берлине — 64 и 60 часов; во Франции 63 и 61,5 часа; в Бельгии продолжительность оставалась неизменной — 60 часов<sup>6</sup>. И еще не забывайте, что в России, по сравнению с этими странами, было больше праздничных дней.

Итак, перед самой революцией продолжительность рабочего года в России составляла в промышленности в среднем около 250, а в сельском хозяйстве — около 230 дней. Для сравнения скажем, что в Европе эти цифры были совсем иными — около 300 рабочих дней в год, а в Англии — даже 310 дней. В Англии не работали 52 воскресенья и 3 так называемых парламентских понедельника<sup>7</sup>.

# ПЛОДЫ ТРУДОВ НЕУСТАННЫХ

## СТРАНА ГОРОДОВ

Допетровская трудовая Русь долгое время рисовалась определенными историками как сонное, застойное царство темноты и невежества, населенное заспанными лентяями, дикарями-варварами и соловьями-разбойниками. Считалось, что настоящая экономическая история страны началась с преобразований Петра, что русская промышленность носит «колониальный характер» и перенесена сюда с Запада. Пережитки этих воззрений сохраняются до сих пор в произведениях некоторых писателей и публицистов, хотя, как мы уже видели выше, нет ничего нелепее и беспочвенней этих утверждений.

Древнюю Русь называли страной городов: при князе Владимире их было 25, перед нашествием Орды — 271, в царствование Ивана Грозного — 715, при царе Алексее Михайловиче — 923. Были среди них и очень большие по тем временам города. Наверно, не случайно русской княжне Анне Париж XI века показался большой деревней, а спустя несколько веков англичанин Р. Ченслер отмечал в 1554 году, что Москва по размерам превосходит Лондон.

Самой населенной частью каждого древнерусского города был промышленно-ремесленный посад, обслуживающий разнообразной ремесленной продукцией не только горожан, но и жителей окрестных сел и деревень. В крупных городах уже в XI—XII веках насчитывалось более сотни различных ремесленных производств — кузнечных, гончарных, кожевенных, ювелирных, сапожных, прядильных, оружейных и многих других. Названия промышленно-ремесленных специальностей запечатлелись в именах городских улиц и районов: Житная улица (Новгород), Кожемяк (Киев), Гончарный конец (Новгород), Бронная улица (Москва) и др.

Академик Б. Рыбаков в книге «Ремесло Древней Руси» отмечает, что в XIV—XV веках русские ремесленники работали как на заказ, так и на рынок, то есть уже тогда ремесло превращалось в мелкое товарное производство. Большинство ремесленников работало в мастерских. «Ремесленники, работавшие по найму, со-



ставляли только часть (и притом меньшую) городских ремесленников».

Археологические раскопки свидетельствуют о значительных масштабах и ассортименте промышленно-ремесленных производств. Комментируя новгородские раскопки ремесленных мастерских XIV—XV веков, Л. Черепнин пишет: «О массовом характере продукции новгородских сапожников свидетельствует обилие кусков кожи, найденных при раскопках (свыше ста тысяч). На массовый сбыт, по-видимому, было рассчитано и ювелирное производство (выделка украшений из меди и ее сплавов). Об этом можно судить по большому количеству обнаруженных в Новгороде обрезков листовой, полосовой и проволоочной меди. Отрыты также тигли (30 с лишним), литейные формы (15 штук), ювелирные молотки, зубила, пинцеты, бородки, волочила. Широко распространены кузнечные изделия: серпы, косы, ножницы, напильники, пилы, долота, скобели, стамески, сверла, топоры, тесла, ножи и т. д. Стандартизация наблюдается в косторезном деле (очень однородны гребни, которых найдено несколько сотен). Хотя не вскрыты мастерские новгородских стеклоделов, но большое количество бус среди материалов новгородских раскопок говорит о значительном масштабе их производства<sup>1</sup>.

К XVII веку русские ремесленные предприятия в основном обеспечивали страну изделиями металлообрабатывающей, деревообрабатывающей, кожевенной, гончарной, легкой и пищевой промышленности. Медленно, но неуклонно осуществлялось развитие технического прогресса, выражавшееся в росте специализации, выделении отдельных операций в самостоятельные производства. По далеко не полным данным в XVII веке в Москве насчитывалось не менее 259 ремесленных специальностей, в Ярославле — 218. Так, среди мастеров кузнечного дела выделялись такие узкие специалисты, как ножовщики, замочники, шильники, косари, гвоздари, часовщики. В Устюжне-Железнопольской на посаде еще в конце XVI века насчитывалось 119 мастеровых, занятых делом железа, в том числе 66 молотников, 34 кузнеца, 12 угольников, железники, укладники, гвоздари, котельники, сковородники, замочники. В древних источниках перечисляются многочисленные кузнечные мастерские: в Москве около 1641 года — 152, в Новгороде в 1583-м — 112, в Серпухове в 1552-м — 63, в Холмогорах в 1620-м — 63, в Нижнем в 1620-м — 49, в Вологде в 1627-м — 49, в Сольвычегодске в 1653-м — 48, в

Великом Устюге в 1626-м — 47, в Калуге в 1626-м — 44, в Туле в 1625-м — 38, в Переяславле в 1597-м — 38, в Муроме в 1637-м — 17, в Соликамске в 1623 году — 16. Как правило, по несколько кузнечных мастерских было в самых маленьких городах, по крайней мере по одной во всех селах. Металлообрабатывающие мастерские использовали отечественное кричное железо и в редких случаях шведское или английское. Существовали многие сотни кустарных домниц, некоторые из них были оснащены по последнему слову техники своего времени — «вододействующими» самоковками.

История доносит до нас сведения о русских часовых мастерах, создававших по тем временам настоящие чудеса техники — часы псковского святогорского монастыря XV века, часы соловецкого монастыря, изготовленные в XVI веке мастером Семеном Часовиком, часы в царском селе Коломенском, изготовленные в 1637 году мастером Оружейной палаты Петром Высоцким. Зачастую были такими мастерами простые кузнецы, например поморский кузнец Федор Юдин или устюжский кузнец Шумило Вырачев, которые прославились тем, что построили в разных городах Руси сложные механизмы боевых башенных часов.

На тульских металлургических заводах в середине XVIII века используется сверлильный стан (сверлили «водою» пушечные стволы), что на много десятилетий опередило изобретение зарубежных механиков.

В 1479 году в Москве был построен литейный пушечный завод, просуществовавший несколько столетий. В 1637 году в нем работало 136 рабочих (что по тем временам было очень много), отливавших ежегодно до 200 и более пушек и разной другой продукции. По сообщению из Москвы Кобенцеля, посла Максимилиана II, там в XVI веке имелось всегда наготове не менее двух тысяч орудий, так что московская артиллерия уже тогда, по его оценке, занимала первое место среди других европейских государств. «Наша артиллерия,— пишет академик Струмилин,— не впервые является лучшей в европейском и мировом, пожалуй, масштабе. Такое количество орудий предполагает уже довольно значительное производство в стране, тем более что они не только не ввозились в Россию, но даже вывозились за границу. В частности, в 1646 году было вывезено в Голландию 600 пушек». В историю вошли прославленные мастера пушечных дел Андрей Чохов, Григорий Наумов, Яков Дубинин, Мартьян Осипов и дру-

гие. Кроме Москвы, пушечные заводы существовали и в других городах, в частности в Пскове.

Наряду с пушечным делом существовало сильно развитое оружейное дело, центром которого в XVII веке была Оружейная палата, изготавливавшая многие тысячи мушкетов, карабинов, пистолетов. Издавна в России существовали и пороховые заводы, некоторые из них очень большие. Во время пожара одного из них в XVI веке погибло 200 человек рабочих.

Все это свидетельствует о том, что уже в XV—XVI веках в России возникли первые русские предприятия, которые в XVII веке приобретают более широкое распространение. Создание крупных предприятий осуществлялось на базе уже имеющихся ремесленных и рабочих кадров.

На Урале в 30—40-е годы XVII века на Пыскорском медеплавильном заводе использовалось вододействующее колесо, а в 60-х годах работал железоделательный завод братьев Тумашевых на реке Нейве. Возникает целый ряд заводов металлургической и металлообрабатывающей промышленности в Тульско-Каширском районе, а также возле Олонца. В Казани, Ярославле, Тобольске возникают кожевенные мануфактуры, в районе Соликамска — свыше 200 солеваренных предприятий. Развивается ряд мануфактур, принадлежащих царскому двору — Хамовный, Печатный, Монетный дворы, «Мастерская палата».

По ориентировочным заниженным оценкам из более полумиллиона жителей, живших в городах в середине XVII века, по крайней мере 150—200 тыс. составляли ремесленники (включая членов их семей). Кроме того, к ним следует добавить тысячи сельских кузнецов. Конечно, сюда не относят еще по крайней мере сотни тысяч крестьян, занятых различными видами кустарных промыслов.

Особой стороной экономической жизни древнерусского города была торговля. Кильбургер, побывавший в Москве в царствование Алексея Михайловича, отмечал, что все москвичи «от самого знатного до самого простого любят купечество, что есть причиной того, что в городе Москве помещается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы ином целом княжестве».

Некоторые города по внешнему виду напоминали пестрые торговые ярмарки. Широкое развитие торговли отмечалось и в более ранние времена. Иностранцы, побывавшие в Москве XV века, особо отмечают изобилие съестных продуктов, что свидетельствовало о широком развитии

товарных отношений среди крестьян, а отнюдь не о господстве натурального хозяйства. По описанию венецианца Иосафата Барбаро, «зимой привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук». «Изобилие в хлебе и мясе так здесь велико,— отмечает Барбаро,— что говядину продают не на вес, а по глазомеру». Другой венецианец, Амвросий Контарини, также свидетельствует о том, что Москва «изобилует всякого рода хлебом», и «жизненные припасы в ней дешевы». Контарини рассказывает, что каждый год в конце октября, когда река Москва покрывается крепким льдом, купцы ставят на этот лед «лавки свои с разными товарами и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе». На рынок, расположенный на реке Москве, купцы и крестьяне «ежедневно в продолжение всей зимы привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы». В конце ноября обычно «все окрестные жители убивают своих коров и свиней и вывозят их в город на продажу». «Любо смотреть,— пишет Контарини,— на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах»<sup>1</sup>.

Ремесленными изделиями торговали в лавках на рынках и в мастерских. Уже в глубокой древности ряд дешевых массовых товаров, изготавливаемых городскими ремесленниками (бусы, стеклянные браслеты, крестики, пряслица), распространялись купцами-коробейниками по всей стране.

Русские купцы вели большую торговлю с другими странами. Известны их поездки в Литву, Крым, Кафу, Азов и др. Предметом торговли были не только сырье и продукция добывающих промыслов, вывозившаяся из Руси (пушнина, лес, воск), но также изделия русских ремесленников (юфти, однорядки, шубы, холсты, седла, стрелы, саадаки, ножи, посуда и др.). В 1493 году Менгли-Гирей просит Ивана III прислать ему 20 тысяч стрел. Крымские царевицы и князья обращались в Москву с просьбой о присылке панцирей и других доспехов. Позднее в XVII веке огромная торговля русскими товарами шла через Архангельск — в 1653 году сумма вывезенных товаров через порт этого города за рубеж составляла свыше 17 млн. рублей золотом (в ценах начала XX века).

Масштабы русской торговли поражали иностранцев, посещавших нашу страну в XVII веке.

«Россия,— писал в самом начале XVII века француз Маржарет,— весьма богатая страна, так как из нее совсем не вывозят денег, но они ввозятся туда ежегодно в большом количестве, так как все расчеты они производят товарами, которые имеют во множестве, именно разнообразными мехами, воском, салом, коровьей и лошадиной кожей. Другие кожи, крашенные в красный цвет, лен, пеньку, всякого рода веревки, кавиар, то есть икру соленой рыбы, они в большом количестве вывозят в Италию, далее соленую семгу, много рыбьего жира и других товаров. Что касается хлеба, то хотя его очень много, они не рискуют вывозить его из страны в сторону Ливонии. Сверх того, у них много поташа, льняного семени, пряжи и прочих товаров, которые они обменивают или продают, не покупая ничего чужеземного на наличные деньги, и даже император... приказывает платить хлебом или воском».

Уже в XVI—XVII веках Россия обладает сильно развитой торговой сетью. В городах, посадах, селах, возле монастырей, на ярмарках ведут оживленную торговлю многие тысячи купцов и торговцев, идет интенсивный обмен товарами между отдельными районами страны, то есть возникает всероссийский рынок, связывающий воедино хозяйственный механизм отдельных производителей и регионов. Центром всероссийского рынка становится Москва, которую с торговыми целями посещают тысячи русских и зарубежных купцов. Я. Рейтенфельс, побывавший в московских торговых рядах в 80-х годах XVII века, пишет: «Одним взглядом можно увидеть здесь в одном месте дорогие меха разного рода, в другом — колокола, топоры, подсвечники и иные металлические изделия, в третьем — ножи, рукавицы, чулки, ковры, завесы и разные ткани. Особый ряд занимают масло, сало и ветчина, особый — свечи и воск, особый, наконец, — разные изделия из дерева... в меховом — шубы и шапки. В одном месте выставлены лечебные разные зелья и травы, в другом — запоры, ключи, гвозди, далее — шелк нитками, канитель, украшения для девиц, браслеты — все в особом месте»<sup>2</sup>.

Несмотря на увеличение производительности труда, экономический рост России допетровского времени осуществлялся преимущественно экстенсивным путем вовлечения в хозяйственный оборот новых земель и ресурсов, что обуславливалось огромным земельным простором, богатством лесов и недр.

## ОТ ПЕТРА ПЕРВОГО ДО ПЕТРА СТОЛЫПИНА

Петр Первый — царь-плотник, царь-мастеровой, царь-артельщик, воплотивший в себе лучшие трудовые качества русского человека, оставивший после себя теплую память в народе, как о дельном и справедливом правителе, одним из первых понял, чем грозит стране дальнейшее экстенсивное развитие. В годы его детства еще были живы люди, видевшие польскую интервенцию, на его глазах крепла угроза целостности России с севера и юга.

Патриархальный механизм хозяйственного развития уже не мог обеспечить России должную обороноспособность и статус независимой державы. Петр обращается к опыту Западной Европы, сумевшей к тому времени сделать рывок к новой технике и технологии.

Нет, это был не перелом в народной жизни России, а поворот ее в новом направлении в русле народных основ, традиций и идеалов.

Изучение петровских преобразований позволяет понять, что Петр не копировал вслепую зарубежный опыт, а использовал его применительно к российской действительности, опираясь уже на сложившиеся общественные институты, общинное самоуправление и землепользование (которые он начал очень умело использовать при сборе подушной подати), самоуправление купцов и ремесленников (которое он укрепил в демократическом духе, объединив их во влиятельные профессиональные корпорации).

Но главное, на что сделал ставку Петр Первый — на использование творческой инициативы и самостоятельности русского хозяина и работника. Петр создал благоприятные условия для реализации его лучших качеств и не ошибся. Конечно, он не стеснялся, когда это нужно было, привлекать к делу и иностранцев, но их вмешательство носило второстепенный, вспомогательный характер. При прочих равных условиях царь предпочитал отечественных специалистов и для этого в массовом порядке посылал их учиться за границу.

Характеризуя петровские перемены, историк Ключевский справедливо отмечал, что Петр взял из старой Руси силы, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические средства. Фабрика и завод при Петре являются преемниками древнерусского монастыря: подобно последнему, они получают значение нравственно-исправительных учреждений. Замечательно точно русский

историк подмечает духовно-нравственный характер труда, свойственный Руси и продолженный Петром.

«Мысли, смутно мелькавшие в лучших умах XVII столетия о необходимости предварительно поднять производительность народного труда, направив его с помощью технического знания на разработку нетронутых естественных богатств страны, чтобы дать ему возможность нести усиленные государственные тяготы,— эта мысль была усвоена и проводилась Петром как никогда прежде, ни после него... Он внес в народнохозяйственный оборот такое количество нового производительного труда, которое трудно взвесить и оценить»<sup>1</sup>.

«Своими реформами и творческой инициативой,— пишет академик Струмилин,— Петр Великий впервые открывал широкую дорогу индустриальному предпринимательству. И на этот путь, вполне естественно, прежде всего вступили твердой ногой выходцы из тех самых трудовых низов, которые получили свою подготовку в области так называемых «народных» ремесленно-кустарных промыслов Московской Руси. Вот почему во главе петровских заводов и мануфактур оказалось так много бывших кузнецов и всякого иного рода тяглецов».

Из более двух сотен петровских заводов (в том числе примерно сорока крупных мануфактур) только единицы возглавлялись иностранцами или дворянами. Так, крупные мануфактуры возглавляли до дюжины «купецких людей», три «тяглеца», целовальник Тимофей Филатов, придворный комнатный истопник Алексей Милютин, дворцовый служитель Родион Воронин, посадский человек И. Комаров, кожевенный мастер Пахомов, «красносельцы» Симоновы и другие разночинцы. Среди более мелких предпринимателей встречалось немало крепостных крестьян на оброке.

Таким образом, прав был историк С. Соловьев, отмечавший, что петровские преобразования есть дело «народное, а не лично принадлежащее одному Петру», в них массы активных сознательных участников, а не стадо, «бессознательно идущее туда, куда его гонит чужая воля».

Для развития промышленности создаются специальные правительственные органы — Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия,— которые разрабатывают программу мероприятий содействия промышленному развитию, осуществляемую отнюдь не административными методами, а путем предоставления разнообразных привилегий и льгот. Частные предприниматели для устройства фабрик и заводов

получали ссуды без процентов; их снабжали инструментами и орудиями производства; предоставлялось освобождение от государственной службы, подсудность особому суду, временные льготы от податей и пошлин, беспошлинный привоз из-за границы машин и инструментов. Многие крупные мануфактуры обеспечиваются гарантированными государственными заказами, а если какой-то товар казне не был нужен, то его сбыт обеспечивался высокими пошлинами или даже полным запрещением ввоза иностранного товара.

Как мы уже видели выше, важной особенностью российской крупной промышленности с момента ее зарождения было широкое использование близких и понятных для народа артельных форм организации труда. Работа в таких артелях распределялась среди ее членов по общему согласию. Заработная плата выдавалась не отдельным рабочим, а выборному старосте артели, который распределял ее по взаимному согласованию между членами артели. Зачастую члены артели имели общий стол; пища варилась в огромных котлах в артельных кухнях за общий счет. В тех или иных формах артельная организация труда на фабриках и заводах просуществовала вплоть до революции (хотя ее удельный вес постоянно снижался).

Д. Менделеев, побывавший в 60—80-х годах XIX века на уральских металлургических заводах, отмечал широкое распространение артельных форм ведения хозяйства. По его мнению, многие из этих заводов могли быть переданы с надлежащим контролем артельно-кооперативному хозяйству.

Опора на лучшие качества русского работника, использование его инициативы и предприимчивости дали поразительные результаты, которые можно с полным основанием назвать промышленной революцией. Количество промышленных предприятий (без ремесленных мастерских) только за XVIII век увеличилось в 10—12 раз, достигнув к 1801 году 2423 предприятий с числом занятых почти 100 тысяч человек. По ряду экономических показателей Россия вышла на самые передовые рубежи. Прежде всего это относилось к металлургической промышленности.

Е. Тарле в работе «Россия и Запад» приводит данные французских источников относительно того, что Россия екатерининской эпохи была экономически развитой страной. Цифры ввоза и вывоза в 1785 году свидетельствовали, что торговый баланс сводился в пользу России. Для последней Франция является выгоднейшим рынком сбыта



продуктов земледелия и промышленности. Академик Тарле полагал, что нет оснований считать, что Россия екатерининской эпохи сколько-нибудь отстала в индустриальном отношении от наиболее передовой страны европейского континента Франции.

Подобные же высказывания встречаются и у иностранцев, посещавших и изучавших Россию в XVIII веке. По мнению Левека, русским удаются фабрики и ремесла; они настолько даровиты, что сравниваются или превзойдут в отношении индустрии другие народы, если получат свободу. Шторх писал, что в России возникло множество фабрик и заводов, потребности действительные и воображаемые бесконечно возросли<sup>2</sup>.

В XVIII веке русская черная металлургия опередила сначала Англию (в 1725 г.), а затем и Швецию и заняла по выплавке чугуна первое место в мире — почти 10 миллионов пудов на 149 заводах в 1800 году. Немецкий историк металлургии Людвиг Бек, говоря об уральских домнах на рубеже XIX века, называл их не только «величайшими древесноугольными доменными печами континента», но и наиболее производительными и экономичными по расходу топлива на единицу продукта, более производительными, чем любые другие печи, не исключая английских<sup>3</sup>. Высокое качество и дешевизна русского железа сделали его желанным для многих зарубежных стран. Уральское железо идет, в частности, в Англию, Францию, США, а общий итог вывоза достигает к концу XVIII века около 4 миллионов пудов, из которых половину забирали англичане. Русское железо значительно ускорило промышленный переворот в Англии. И не только железо, но и дешевое и чрезвычайно прочное сукно, прекрасной выделки юфть, добротные полотна, веревки, канаты, сало, смола и другие русские товары высоко ценились на мировом рынке в XVII веке.

А какие открытия делали народные умельцы! В Англии первая паровая машина Уатта двойного действия, послужившая основой промышленного переворота в этой стране, была создана в 1785 году, а в России аналогичная двухцилиндровая паровая машина построена уральским механиком Ползуновым на двадцать лет раньше. Еще в петровскую эпоху механик Андрей Нартов разрабатывает копировальные токарные станки с механическим суппортом, заменяющим руку человека, тогда как аналогичное изобретение Генри Моудсли появилось в Англии почти через столетие. Чесальные и прядильные машины Родиона

Глинкова на несколько десятилетий опередили появление механического льнопрядения в западноевропейских странах, а плющильные машины для проката шинного железа появились в 1723 году на Урале раньше изобретения Дж. Пейна — прокатных вальцов для отжатого железа.

Поддерживание народной инициативы и предприимчивости в XVIII веке шло по пути отмены ограничений. Если при Петре еще существовали некоторые ограничения и стеснялась свобода торговли, то уже при Екатерине II ликвидируется необходимость получения «разрешительных указов» на открытие нового предприятия, и устройство всякого рода промышленных заведений объявлено совершенно свободным для всех. Одновременно объявляется об уничтожении монополий («монополии за вредни») и введение полной свободы торговли («всякому торгу свободно быть надлежит»). Историки отмечают «исключительную яркость» этого периода по «необычайной интенсивности процесса индустриализации» и «по роли в нем частного капитала». Развитие частной инициативы в области торговли и промышленности подняло с самых низов многие тысячи предприимчивых людей. Так, в районах старинного ткачества — Ярославской, Костромской, Владимирской губерниях посадские и крестьянские дети, начиная с кустарной светелки ручного ткача или набойщика, постепенно создают крупные текстильные предприятия, эксплуатирующие (порой просто нещадно) многие тысячи своих земляков. Весьма характерно, что большая часть русских промышленников-миллионеров вышла из крестьян или посадских людей, тогда как в западноевропейских странах — из купцов и дворян. Да посмотрите сами! Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Гарелины, Грачевы, Шорыгины, Бардыгины, Разореновы, Зимины, Коншины, Балины, Горбуновы, Скворцовы, Миндовские, Дербеневы, Локаловы, Дордоновы, Сеньковы, Клюшниковы, Елагины, Заглодины, а еще раньше Демидовы, Баташевы, Масоловы и многие другие.

Широкое развитие частной инициативы снизу породило мощное промышленное движение крестьян и жителей городских посадов, выразившееся в огромном росте домашней крестьянской и кустарно-ремесленной промышленности. Исторически сложилось так, что в русской промышленности произошло своего рода разделение сфер обслуживания товарами. С одной стороны, развитие крупной промышленности, ориентированной преимущественно на зажиточного и богатого горожанина, дворянство, царский

двор, а также вывоз за границу. С другой — бурный рост домашней крестьянской и кустарно-ремесленной промышленности, ориентированной на широкие народные массы, на все многообразные нюансы их потребительского спроса, требующего создания огромного ассортимента продукции. Конечно, со второй половины XIX века крупная промышленность резко расширяет свой рынок, проникая в толпу крестьянства. Тем не менее домашняя крестьянская и кустарно-ремесленная промышленность удерживает значительную часть покупательского спроса простого народа, обслуживая потребности, выполнить которые крупная промышленность не могла или считала невыгодным. Немаловажную роль здесь играло и то, что крестьянство с его огромной многообразной традиционной культурой зачастую предпочитало покупать более близкую ему по выполнению продукцию кустарно-ремесленной промышленности, чем обезличенную и усредненную фабричную продукцию. Изделия кустарного производства, как правило, были и дешевле фабричных, хотя нередко такая дешевизна в условиях конкуренции с фабричной достигалась путем самозексплуатации кустарей.

Корни домашней крестьянской и кустарно-ремесленной промышленности уходят в глубину нашей истории и основываются прежде всего на неискоренимом трудолюбии русского крестьянина, не умеющего сидеть без дела долгие зимние дни после выполнения сельскохозяйственных работ. Так уж сложилось, что в большинстве крестьянских изб кто резал из дерева, кто пряд, кто шил, кто мастерил изделия из металла сначала для себя, для своей семьи, близких и родственников, а потом уже и на продажу. Последнее распространилось позднее, когда людей на селе стало много, а земли мало, приработок стал нужен. А когда царь Петр заменил все денежные и натуральные повинности единым денежным налогом, кустарные промыслы стали одним из важных средств для уплаты этого налога.

Между кустарями и крупной промышленностью постоянно шла ожесточенная конкурентная борьба, и некоторые фабриканты «буквально вопили истошным голосом о своей «гибели» и невозможности работать при низких ценах кустарных изделий».

Гжатский купец Жуков, видимо, сильно пострадавший от кустарей, писал в слезной записке Николаю Первому: «В уезде образовались промышленники, называемые прасолами, разносчиками, ходебщиками и мужиками-фабрикантами, которые производят, не платя никакой гильдейской

повинности, торговлю... Сверх того, в уезде существуют крестьяне-подрядчики, которые берут для выделки миткали и плисов... При дворах имеют они рабочие светлицы, а за недостатком таковых раздают основу по деревням... а потому фабриканты, старавшиеся об улучшении изделий, производством своим почти вовсе теперь не занимаются, ибо дело их перешло в руки крестьян... Подобными же промыслами занимаются и в разных уездах кругом Москвы и во Владимирской губернии, особенно в Шуйском уезде — там почти все крестьяне или фабриканты, или разносчики... В одном селе Иванове крестьяне привозят на рынок до 50 тысяч штук миткалей... Теперь прибыльных торговцев, вышедших из крестьян и мальчиков, гораздо больше двух третей против пригородных московских жителей...» Мы видим, крестьяне, работавшие на дому, и кустари зачастую были и продавцами своих изделий, что позволяло им еще более успешно конкурировать с крупной промышленностью.

В первой половине XIX века домашняя, кустарно-ремесленная и мелкая промышленность давала основную часть промышленной продукции, а к началу XX века, по разным оценкам, от 18 до 30 процентов всей промышленной продукции (и до половины промышленной продукции широкого потребления).

Перед революцией на 22 тысячи крупных предприятий существовало свыше 100 тысяч мелких промышленных заведений кустарного типа (на которых, кроме хозяина, работали чаще всего один или два человека), а кроме того, великое множество кустарей-одиночек и крестьян-надомников. Несмотря на постоянный нажим крупной промышленности, мелкие, кустарные, надомные предприятия удерживали многие из своих позиций на рынке, а по численности росли быстрее, чем крупные предприятия. В отдельных районах мелкая и кустарная промышленность даже вытесняла крупную, и это при наличии самой высшей в мире концентрации крупного промышленного производства!

О чем это говорило? Во всяком случае, не об отсталости, как это пытаются представить некоторые экономисты, а о том, что значительная часть разнообразного потребительского спроса широких народных масс не могла быть удовлетворена посредством крупного производства, требовалось активное развитие местной, мелкой, кустарно-ремесленной и надомной промышленности, которая в большей степени отвечала потребностям крестьянской культуры каждой отдельной местности, позволяла уследить за

прихотливым изменением спроса, обслужить традиционные потребности народа. Это и определяло ее живучесть и конкурентоспособность. Крупная и местная кустарная промышленность не противостояли друг другу, а взаимно дополняли, будучи двумя необходимыми частями народно-хозяйственного механизма, каждая из которых по-своему выросла из потребностей народа и была развита его инициативой.

К началу двадцатого века миллионы кустарей, мелких торговцев для сохранения своих позиций все шире обращаются к различным кооперативным формам объединений, причем преимущественно к таким формам, которые позволяли им получать материальную поддержку, ссуду, кредит без ограничения производственной самостоятельности.

Развитие частной инициативы путем отмены различных ограничений и запретов сопровождалось активной государственной политикой таможенного тарифного регулирования, имеющего преимущественно охранительный характер. Это означало ограничение допуска на русский рынок тех иностранных товаров, которые были способны серьезно конкурировать с отечественными изделиями. Конечно, это где-то ослабляло волю к действию русских промышленников, но вместе с тем было неизбежно в условиях сохранения феодальных пережитков, не всегда позволявших на равных конкурировать с западными товарами...

Было в России место, куда ежегодно в августе со всех концов страны, со всего света стекалось огромное количество людей. Загодя сюда плыли баржи и пароходы, шли поезда, тянулись бессчетные обозы и караваны, нагруженные самыми разнообразными товарами. Как по взмаху волшебной палочки, в короткий срок возникало бесчисленное множество различных магазинов, лавок, складов, трактиров, гостиниц, увеселительных заведений (театров, цирков, балаганов), между которыми неторопливо, степенно бродили многие десятки, а порой даже сотни тысяч человек, присматривая товары, прицениваясь, торгуясь. Находилось место при впадении Оки в Волгу, в городе Нижнем Новгороде и называлось Нижегородской Макарьевской ярмаркой, а в просторечии — Макарием или Макарьевской.

Кого только здесь не встретишь — русские промышленники и купцы, многочисленные маклеры и торговые агенты, кяхтинские торговцы чаем, армяне, торгующие калмыцкими тулупами, хивинцы и бухарцы, продающие хлопок, немцы, англичане, французы, индийцы и тут же оборотистые местные кустари, крестьянские

коробочники и офени со своим ремесленным и мелочным товаром.

Здесь можно было купить или договориться о покупке почти любого товара, производимого в России, заключались многочисленные сделки — от мелких до многомиллионных, долгосрочных; наряду с крупнооптовой, не гнушались мельчайшей розничной и даже разностной торговлей. Все это в самых «демократических условиях» — только выкладывая денюжки. Высшие технические новинки и традиционные кустарно-ремесленные изделия, сырье, материалы и готовые фабричные товары, красиво упакованные на любой вкус.

Сколько промышленных и торговых задумок затевалось здесь, сколько договаривались между собой кустари и ремесленники, а сколько сколочено артелей и товариществ.

В конце XIX века Нижегородская ярмарка являлась одним из главных регуляторов экономической жизни, отражая общий тонус хозяйственного развития страны. Именно здесь в большей степени формировался баланс между спросом и предложением, производством и потреблением главных российских продуктов. На ярмарке отдельные самостоятельные части, отрасли, виды деятельности гигантского хозяйственного механизма России связывались в одно целое, координировались, получали общественное признание или недоверие, определялись направления развития по крайней мере на год вперед.

Современники подчеркивают совершенно исключительную роль этой ярмарки, которая по своему значению и размаху сравнивалась только со всемирными выставками, нередко опережая их по масштабу торговых оборотов «своим значением как в торговле, так и вообще в народном хозяйстве, — и не только в русском, но и всемирном хозяйстве, — Нижегородская ярмарка, без сомнения, далеко превосходит все ныне существующие во всем свете подобные ярмарочные или временные торжища. Такова она и в качественном отношении, своею экономической силою в движении народного хозяйства (своим влиянием на развитие разных его отраслей и на все его обороты), а также в количественном отношении, — размерами своих торговых оборотов и ценностью всех здесь покупаемых и продаваемых, сюда привозимых и отсюда развозимых товаров, количеством своих посетителей, и, наконец, величиною своего географического района действия»<sup>4</sup>. Нижегородская ярмарка, корни которой уходили в глубокую старину, задавала тон 18,5 тысячи местных ярмарок, существовавших

во все времена года по всей России в семи тысячах населенных пунктах<sup>5</sup>; эти ярмарки играли там роль такого же экономического регулятора и распределителя местного сельского хозяйства, ремесла и промышленности. Одна ярмарка следовала за другой, перерастала в третью — на Николу, на Спас, на Успение, на Покров в губернских, уездных, штатных, заштатных городах, а также в больших селах при монастырях. Зимой сибирская ярмарка в Ирбите, осенью Крестовско-Ивановская в Пермской губернии, весной — Алексеевская в Вятской, летом — Караванная в Казанской и много, много других. Нижегородская ярмарка, прошумев шесть положенных недель в сентябре, как бы переезжала в Москву, где до конца месяца продолжался макарьевский торг и съезд покупателей, часто называемый вторым Макарием.

Огромное количество ярмарок и их исключительное значение в хозяйственном механизме было обусловлено историческими особенностями России, и прежде всего свободным, инициативным характером развития хозяйства, складывания промышленных ремесел и предприятий, чуждым централизму и административному нажиму. Для миллионов «участников» народного хозяйства ярмарка была самая понятная, доступная и привлекательная форма хозяйственного общения, развивавшаяся в рамках народных традиций и обычаев.

В 1829 году в Санкт-Петербурге была открыта Первая всероссийская мануфактурная выставка, которая вплоть до революции проходила раз в четыре года попеременно в разных городах. Со второй половины XIX века Россия начала принимать активное участие во всемирных выставках с разнообразным ассортиментом своих изделий, а международные жюри всегда давали отличные отзывы о наших промышленных успехах. Экспертиза всемирных промышленных выставок показывала, что по качеству многих товаров, например изделий бумагопрядильного и бумаготкацкого производства, парчи, глазета, кумача, изделий из серебра и золота, Россия не только не уступала другим странам, но и порой опережала их.

Темпы развития русской промышленности были просто поразительны. С 1802 по 1881 год численность фабрик (без мелкого и кустарного производства) увеличилась с 2423 до 31173, а численность рабочих — с 95 до 771 тысячи. Только за 1804—1863 годы (даже при наличии крепостного права) производительность труда увеличилась почти в пять раз<sup>6</sup>, что означало, по выражению академика

С. Струмилина, настоящий промышленный переворот, переход от мануфактуры к механизированной фабрике.

Особый этап промышленного развития приходится на конец XIX — начало XX века, ознаменовавший коренную структурную перестройку российского промышленного потенциала. В стране наблюдается подъем, созидательный энтузиазм. Иван Бунин в «Жизни Арсеньева» писал: «Россия... жила жизнью необыкновенно широкой и деятельной, число людей работающих, здоровых, крепких все возрастало в ней». Осуществляется ряд целенаправленных государственных мер по стимулированию развития промышленности — предоставление кредитов и различных льгот, освобождение от налогов, протекционизм в отношении отечественных товаров, высокие таможенные пошлины на ввозимую из-за границы промышленную продукцию, организация промышленных выставок и музеев.

Важнейшим мероприятием, значительно содействующим улучшению положения рабочих, являлись меры по регламентации условий фабрично-заводского труда и учреждению с этой целью фабричной инспекции. В 1886 году вышел закон о найме рабочих на фабрики, подчинивший внутренний распорядок работы на фабриках надзору фабричных инспекторов.

На фабриках, имеющих более 100 рабочих, вводится бесплатная медицинская помощь, охватывающая 70 процентов общего числа фабричных рабочих (1898 год). В 1903 году вводится закон о вознаграждении потерпевших от несчастных случаев на производстве, обязывающий предпринимателя выплачивать пособие и пенсии потерпевшему или его семье в размере 50—66 процентов содержания потерпевшего. Вводится страхование по болезни, организуются больничные кассы.

В 1880-е годы практически во всех крупных городах Российской империи возникли ремесленные профессионально-технические училища — всего их было 160. Одновременно при 464 начальных училищах существовали ремесленные классы, значительное число училищ было организовано при частных фабриках и заводах — 219 с 312 классами. Все это позволило значительно повысить качество рабочей силы в промышленности, хотя и здесь были значительные трудности с устройством на заводы бывших крестьян.

Отношение к труду этих новых рабочих, вчерашних крестьян, сохраняет все черты крестьянской культуры труда — трудолюбие, старательность, добросовестность. Но



именно эти черты становятся источником самой беззащитной эксплуатации.

Воспитанный на трудолюбии, генетически «запрограммированный» на старательность и добросовестность, неопытный в городских житейских вопросах, бывший крестьянин попадает в тяжелую кабалу и превращается в средство для наживы предпринимателей. Продолжительность рабочего дня в этот период — 10—14 часов в сутки; плохие условия труда и быта — довольно характерная картина жизни рабочих вплоть до конца XIX века. Бывший крестьянин или крестьянский сын становился придатком машины, фабричным винтиком. Неудовлетворенность таким трудом вызывала у рабочего чувство протеста, толкала его на саботаж, пьянство, прогулы, забастовки, социальный протест.

Стремительный рост забастовочного движения, банкротства и разорения заставили задуматься многих предпринимателей. В результате условия труда на крупных предприятиях начинают несколько улучшаться. Поднимается вопрос об учете национального характера труда, делаются попытки использовать склонность рабочих к самостоятельному осмысленному труду, на отдельных предприятиях вводятся элементы рабочего самоуправления.

России принадлежит приоритет в разработке вопросов научной организации труда<sup>7</sup>. Еще задолго до Ф. Тейлора, в 60—70-е годы прошлого столетия, в Московском высшем техническом училище разрабатываются и внедряются рациональные методы обучения кузнечному, токарному, слесарному и другим «искусствам». В 1870 году училище на мануфактурной выставке в Петербурге было удостоено золотой медали «за отличное выполнение всех выставленных предметов... и преимущественно за почин в весьма высоком деле систематического обучения ремеслам, входящим в круг деятельности механиков...»

Через два года училище было удостоено четырех больших золотых медалей «за выставленные учебные коллекции и машины...». В 1873 году на Всемирной выставке в Вене училище за свои учебные пособия получает Медаль преуспеяния.

Однако первыми применять русскую методику в широкой практике начали в США. В Массачусетском технологическом институте было построено специальное здание для учебных мастерских, в которых преподавание трудового обучения должно было вестись по русской системе. Здесь вышла об этой системе специальная книга. Москвичи, «по

высочайшему разрешению», изготовили и послали в дар Массачусетскому институту набор учебных пособий по программам МВТУ. Вслед за Массачусетским технологическим институтом русской системой заинтересовались Пенсильванский и Вашингтонский университеты. В 1884 году три американских города — Чикаго, Толедо и Балтимор — организовали школы по типу массачусетских, а в 1885 году их примеру последовали Филадельфия и Омаха. Американцы так оценивали русскую систему: «Сберегает время и деньги».

В России раньше, чем в Европе и Америке, началось теоретическое изучение рабочих движений человека (И. М. Сеченов). Профессор Савин издает книгу «Резание металла», оцененную в западноевропейской литературе наравне с трудами Тейлора. Создается русская школа научной организации труда — М. Арапов, М. Беспрозованный, П. Богодаров, А. Гастев, В. Железнов; образуется даже специальное издательство во главе с инженером Л. Левенстерном, развернувшим «невиданную даже для европейских стран агитацию за принципы научной организации труда». В «Русском богатстве», в «Мире Божьем», в «Журнале для всех» появляются статьи о научной организации труда.

Однако на практике внедрение научной организации труда развивалось медленно. Известны успешные попытки внедрения научной организации труда на Уральских заводах, и в частности в Лысьве, на заводе П. Семенова в Петербурге.

Перед первой мировой войной в России было восемь заводов, применявших в той или иной форме научную организацию труда, тогда как во Франции был зарегистрирован лишь один. Более широко научная организация труда начинает применяться на оружейных заводах в военное время.

При всех выгодах научной организации труда, его национальная специфика учитывалась слабо. Рационализация труда на первых порах способствовала превращению человека в придаток машины, подавляя его самостоятельность и инициативу, что неизбежно вело к неудовлетворенности трудом.

Своекорыстные интересы российской буржуазии, делавшей ставку на эксплуатацию исконного трудолюбия бывшего крестьянина, тормозили проведение многих реформ в области труда, повсеместно осуществленных во многих западноевропейских странах.

«Насилие» над национальным характером, подавление самостоятельности (однообразие работы, отрыв крестьянина от земли, культурных корней) стало причиной возникновения у многих недавних крестьян неприязненного отношения к заводскому труду.

В предреволюционное десятилетие в промышленности осуществляется коренное техническое перевооружение. Темпы производственного накопления в конце XIX — начале XX века составляли 15—20 процентов национального дохода. Капитальные вложения в промышленность росли гигантскими темпами. Только за 1885—1913 годы крупные акционерные предприятия увеличили свои фонды в 11 раз, несколько медленнее росли фонды мелких и средних предприятий. Средний рост производственных фондов составлял за 1885—1913 годы 596 процентов, или 7,2 процента в год, то есть был выше, чем в США.

Ускоренными темпами осуществлялась механизация производства. Если в 1860 году в нашей промышленности работало механического оборудования на 100 млн. рублей, то в 1870 году — уже на 350 млн. рублей, а в 1913-м — почти на 2 млрд. рублей, ежегодно обновлялось около пятой части технического парка машин.

Что, все это — за счет иностранных вложений? Вопреки распространенному мнению о рабской зависимости России от иностранного капитала доля его составляла только около 14 процентов всех промышленных капиталов, то есть не больше зарубежных вложений в основных западноевропейских странах, что было связано с общей тенденцией к интернационализации капитала.

Отечественные предприниматели определяли всю промышленную политику России. Иностранцы, как правило, допускались в те промышленные отрасли, куда наша отечественная буржуазия еще «побаивалась» вкладывать свои капиталы. В стране было достаточно внутренних средств, чтобы вложить их в промышленность. Так, в 1885—1913 годы прибыль по отношению к основному капиталу составляла 16 процентов, а реальный прирост основных капиталов достиг 7,2 процента, а кроме прибыли существовали и другие источники образования основного капитала в промышленности.

Начиная с 1876—1880 годов, вплоть до 1913 года, Россия имела непрерывный активный торговый баланс. С 1886 по 1913 год она вывезла товаров на 25,3 млрд. золотых рублей, а ввезла только на 18,7 млрд. рублей, то есть обеспечивала приток золота и валюты на 6,6 млрд.

рублей<sup>8</sup>. И как здесь еще раз не вспомнить и не поклониться русскому крестьянину, который своим упорным трудом, нередко недоедая сам, кормил своим хлебом Европу, в значительной степени обеспечил приток золота в страну и тем самым в известном смысле финансировал промышленность из своего кармана.

В начале XX века концентрация промышленного производства в России была самая высокая в мире; 53 процента промышленных рабочих трудились на предприятиях с числом занятых свыше 500 человек, тогда как в США этот же показатель составлял 33 процента. А на предприятиях с числом рабочих свыше тысячи человек в нашей стране было занято 44 процента рабочих — в два с лишним раза больше, чем в промышленности США. Средний размер заводов, численность персонала была свыше 1000 человек, составляя в Германии 1980 рабочих, в США — 1940, а в России — 2480. Заводов-гигантов с числом рабочих свыше 5 тысяч в Германии было 12, а в России только в Петербурге их было 14, а всего по стране — 35! Большая часть предприятий по стоимости основных фондов носила корпоративный, акционерный характер, то есть сколачивала свой капитал путем продажи акций.

Темпы роста производства средств производства предреволюционной России были в два раза выше темпов роста легкой и пищевой промышленности. В результате удельный вес производства средств производства достиг 43 процентов всей промышленной продукции; 63 процента оборудования, необходимого в промышленности, производилось внутри страны и только немногим более трети ввозилось из-за границы<sup>9</sup>.

Упор на развитие лучших качеств русского работника, развитие самостоятельности и инициативы вкупе с высокой технической оснащенностью предприятий крупной промышленности обусловили коренные качественные сдвиги в эффективности хозяйства и, прежде всего, в бурном росте производительности труда. Еще за 1804—1863 годы при переходе от мануфактуры к фабрике (даже при наличии тормозящего влияния крепостного права) производительность труда в промышленности возросла почти в 5 раз. После 1863 года темпы производительности труда понизились, но продолжали расти неуклонно вплоть до 1913 года, составляя в среднем около 2 процентов в год<sup>10</sup>. Всего за 1804—1913 годы производительность труда в промышленности увеличилась более чем в десять раз. Не в сере-

дине, как принято думать, а в начале века начали мы бороться с США за лидерство в экономике, причем тогда мы имели реальные шансы выиграть это единоборство, ибо по темпам роста промышленной продукции и по темпам роста производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив по ним стремительно развивающиеся США. За 1880—1910-е годы темпы роста российской промышленности превышали 9 процентов в год. С момента отмены крепостного права до 1913 года объем промышленного производства вырос в 10—12 раз. По отдельным показателям темпы роста продукции были просто гигантскими — выплавка стали увеличилась в 2234 раза, добыча нефти — в 1469, добыча угля — в 694, продукция машиностроения и металлообработки — в 44, производство химической продукции — в 48 раз.

Быстрое развитие промышленного производства при неуклонном росте производительности труда обусловили снижение розничных цен на промышленные товары с 1867 по 1912 годы. Явление это было просто поразительное, ибо в большинстве стран развитие капитализма сопровождалось сильной инфляцией. У нас же общий рост цен (включая продовольственные товары) осуществлялся незначительно, отставая от роста производительности труда. Именно это вкупе с положительным торговым балансом позволило стране иметь в течение нескольких десятилетий устойчивую золотую валюту, о которой мы сегодня вождеденно мечтаем, глядя на золотые царские десятирублевки.

Уровень безработицы в России 1900—1910 годов был значительно ниже, чем в других странах, не превышая 1—2 процента силы даже в Москве и Петербурге.

Стремительный рывок в промышленном производстве России в конце XIX — начале XX века по своим масштабам мог быть сравним с так называемым «японским экономическим чудом» после второй мировой войны. И ничего удивительного в этой аналогии нет — как Россия, так и Япония обеспечили себе небывалый промышленный успех соединением традиционной национальной культуры хозяйствования и труда с внедрением западноевропейской техники и технологии.

К началу первой мировой войны Россия перестала быть преимущественно сельскохозяйственной страной: в 1912 году сельское хозяйство дало продукции на 6,1 млрд. рублей, а промышленность — на 5,6 млрд. рублей. Промышленная продукция России широко выходит на мировые рынки.

Вместе с тем по объему промышленного производства Россия еще значительно отставала от США, Франции, Великобритании и Германии, занимая пятое место в мире. Хотя специалисты, основываясь на анализе промышленных мощностей и экономических ресурсов России, а также среднегодовых темпов роста продукции, предсказывали выход России к 1930-м годам на передовые мировые рубежи хозяйственного развития.

Председатель Совета министров России П. А. Столыпин сказал в своей программной беседе с сотрудниками газеты «Волга» в 1909 году: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». «Наша главная задача,— отмечал Столыпин,— укрепить низы, в них вся сила страны, их более 100 миллионов».

## НА ПЕРЕЛОМЕ

### РАЗРУШЕНИЕ ИМЕНЕМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В XIV—XV веках в Европе произошла духовная кристаллизация двух по сути дела противоположных жизненных идеологий. Одна из них воцарилась в Западной Европе под названием гуманизма, другая — в Восточной Европе, прежде всего на Руси, под названием исихазма (умного, духовного делания). Разным было и экономическое ядро этих идеологий. Исихазм (духовное делание) делал упор на развитие духовно-нравственных начал жизни, гармоничное развитие человека и природы, нестяжательство материальных благ.

Гуманизм, будучи великой жизнеутверждающей идеей, вместе с тем фактически провозглашал примат материального над духовным, стяжание материальных благ и чувственных удовольствий как жизненный принцип, которому должна служить вся Вселенная. Возвеличивание человека в гуманизме было прежде всего возвеличиванием сильных и богатых, для которых все остальное человечество и природа становились средством достижения материального благополучия и получения удовольствий.

Конечно, в чистом виде обе эти идеологии никогда не существовали, но своими определяющими идеями оказали огромное влияние на формирование общественного сознания на Западе и Востоке. Развитие исихазма ограничивалось рядом объективных исторических условий. Идеи гуманизма на практике реализовывались в представлениях буржуазного прагматизма, а позднее марксизма. В конечном счете эти представления встречались в одном темном тоннеле технократического отношения к миру. Огромные богатства жизни в этих представлениях суживаются до примитивных технико-организационных основ материального благополучия, комфорта, вещизма.

Русская философская мысль во многих случаях отвергает идею западноевропейского прогресса как преимущественно научно-технического, материального прогресса. Этой идее русская философия противопоставляет идею преобразования жизни через преодоление греховной природы человека. Н. Бердяев и С. Булгаков, Н. Гоголь и

Ф. Достоевский, В. Соловьев и Е. Трубецкой, Н. Федоров и П. Флоренский так или иначе проводят эту мысль. Русский богослов архимандрит Илларион (Троицкий) в статье «Прогресс и преображение» писал: «Идеал православия есть не прогресс, но преображение... Новый завет не знает прогресса в европейском смысле этого слова, в смысле движения вперед в одной и той же плоскости. Новый завет говорит о преображении естества и о движении вследствие этого не вперед, а вверх, к небу, к Богу». Единственный путь преображения — в искоренении греха в самом себе: «Не вне тебя правда, а в тебе самом, найди себя в себе, подними себя в себе, овладей собой и узришь правду. Не в вещах правда эта, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою».

Трудно сказать, в какой степени исихазм повлиял на складывание духа нестяжательства в сознании многих русских людей, проще отметить, что идеология исихазма упала на подготовленную почву, усилив духовно-нравственные начала общественного сознания, и вместе с тем сама заново родилась как новый плод из старого семечка.

Одновременно с кристаллизацией общественных идеологий происходило и утверждение разных хозяйственных систем, моделей хозяйственного развития.

В странах Западной Европы складывается модель хозяйственного развития, которую можно условно назвать «индивидуалистической». Она была основана на жесткой конкуренции, индивидуализме в проявлении жизненных интересов («Каждый сам за себя»), отлаженной иерархобюрократической организации, необходимой в условиях острой конкурентной борьбы. Система эта складывалась в условиях крайнего дефицита экономических ресурсов и значительного перенаселения. Эффективный и качественный труд в этой системе стимулировался преимущественно материальным интересом.

Хозяйственная система, сложившаяся на Руси, резко отличалась от западноевропейской. Огромные земельные просторы и неисчислимые природные богатства Руси были важными предпосылками, определившими процесс развития народного хозяйственного механизма и экономического поведения населения.

Разбросанность его по огромной территории (требующей к тому же постоянной защиты от внешних посягательств), необходимость принятия самостоятельных решений и вместе с тем постоянная нужда в объединении вы-



работали самостоятельного, самоотверженного, инициативного и трудолюбивого хозяина, действующего в рамках самоуправляющихся объединений (общин, артелей, дружин, сотен). Особенностью этих объединений было то, что их коллективные начала, основанные на обычае и традиции, не подавляли самостоятельность хозяина.

Повторяемый многими столетиями стереотип хозяйственного поведения закрепился в национальном характере, проявляясь, как мы видели выше, в склонности к экономической самостоятельности, трудовой демократии, гражданскому самоуправлению на местах.

Таким образом, сложившаяся на Руси модель хозяйствования основывалась на традиционных ценностях крестьянской общины, артели, взаимопомощи, нестяжательства, трудовой демократии, местном самоуправлении и поэтому может быть названа общинной. Эффективный и качественный труд в этой системе обуславливался прежде всего духовно-нравственными представлениями человека, моральным авторитетом коллектива, в котором он трудился.

Каждая из названных выше хозяйственных моделей имела свои корни, свои перспективы развития и свою шкалу координат, тесно связанную с жизненной идеологией Руси и западноевропейских стран. Ни одна из этих систем не была ни лучше, ни хуже другой; каждая имела свои преимущества и недостатки, присущие любой, естественно возникшей хозяйственной системе.

Приоритет главных жизненных ценностей и радостей человека Древней Руси был не на экономической стороне жизни, не в стяжании материальных благ, а в духовно-нравственной сфере, воплощаясь в высокой своеобразной культуре того времени. «Чем ближе мы возвращаемся к Древней Руси и чем пристальнее мы начинаем смотреть на нее... тем яснее для нас, — отмечает академик Д. С. Лихачев, — что в Древней Руси существовала своеобразная духовная культура — культура невидимого града Китежа, как бы «незримая», плохо понятая и плохо изученная, не поддающаяся измерению нашими «европейскими» мерками высоты культуры и не подчиняющаяся нашим шаблонным представлениям о том, какой должна быть «настоящая культура». И вопрос здесь не в противопоставлении этих двух великих культур, взаимодополняющих и взаимообогащающих друг друга, а в правильном понимании шкалы координат и критериев их оценки, которые нельзя сводить ни к чисто экономическим, ни к чисто духовно-нравственным критериям.

В отличие от России, западноевропейские страны значительно раньше исчерпали возможности экстенсивного развития: сильно сказывалось аграрное перенаселение, шла жесткая конкурентная борьба за экономические ресурсы, сотни тысяч европейцев покидали свои страны в поисках лучшей жизни за рубежом, новых земель и колоний. Жесткая конкурентная борьба в условиях ограниченных экономических ресурсов вырабатывала индивидуализм, культ бережливости и накопительства, способствовала созданию бюрократическо-иерархических систем, упорядочивавших стихию конкурентной борьбы.

Именно эти обстоятельства определили модель экономического развития западноевропейских стран на ближайшие столетия. В результате уже в XV—XVI веках основные западноевропейские страны начинают переходить на интенсивный путь экономического развития, создания интенсивных технологий и качественно новых технических средств и вооружений. Московские государи также осознавали необходимость перехода страны на новый этап экономического развития, но наталкивались на противодействие западных правительств, запрещавших ввоз в Россию наиболее передовой техники и вооружения, а также приезд специалистов. Как писал В. Ключевский, «если в Москве сознавали важность торговых связей с Западом и для упрочения их добивались приморской гавани, то так же ясно понимали выгоды от этого для Москвы и ее соседи, стараясь всеми мерами помешать ей в достижении ее целей. Московский государь,— писал Сигизмунд Август польский Елизавете Английской,— ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву; ибо сюда привозят не только товары, но и оружие, до сих пор ему не известное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и самые художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех; Вашему Величеству небезызвестны силы этого врага и власть, которой он пользуется над своими подданными; до сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности и не знал искусств; но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет — неизвестно».

Итак, на Руси и в Западной Европе сложились две принципиально разные системы общественного сознания и хозяйственного развития, каждая из которых имела самоценное значение. Любые попытки оценивать каждую из этих систем, прибегая к шкале координат, сложившихся в

другой системе, были в корне неправильны и просто порочны, равнозначные оценке, скажем, веса тела при помощи мер жидкости.

Тем не менее в отношении Руси это явление начинает распространяться довольно широко. С позиции западноевропейских понятий и представлений она оценивается как страна отсталая, невежественная, а ее самобытность трактуется как недоразвитость и темнота.

Эпизодически с XIV—XVII веков, нарастая в XVIII и приобретая угрожающий характер в XIX веке, рядом с традиционной народной культурой, народными основами жизни и хозяйствования возникает идущее сверху движение за их отрицание. Сначала незначительная, а затем преобладающая часть высшего правящего слоя и дворянства России начинает предпочитать народным основам жизни заимствованные преимущественно из Западной Европы формы и представления.

Первые известные случаи связаны с попытками проникновения в Россию западной католической церкви. С легкой руки католических иерархов, потерпевших в России XV века крушение надежд на господство, создаются мифы о безнадежной темноте и невежестве русских, сыгравшие свою роль в становлении правящего класса западнорусских земель. Отрицание народной культуры широко проявилось со второй половины XVII века как явление, неверно и несправедливо связываемое с именем Петра (ибо дело Петра носило народный характер). Но деяния Петра стали своего рода отправным моментом, с которого интенсифицировались все народные и антинародные процессы русского общества.

«С Петра I,— пишет видный русский социолог П. Лавров,— московское служилое сословие преобразовалось в чиновничество по внешнему европейскому образцу, но без европейского содержания... Для русского крестьянства этот служилый класс московского царства и петербургского императорства все решительнее закрывался с дальнейшим ходом истории. Крестьянство было все более закрепощено и при отсутствии возможности политического развития принуждено было все тщательнее сохранять в себе традиции сельского мира и сельской громады, традиции артельной солидарности как единственное средство отстоять, хотя бы в некоторой мере, свое экономическое благосостояние... (Крестьянство.— О. П.) все более отделялось от господствующего класса не только экономическими интересами, не только легальным бесправием, но самыми

формами культуры (выделено мною.— О. П.)... Оно было и осталось единственным сословием в государстве, сохранившим традицию элементарной местной организации общины, громады, мира, артели, но эта организация обращалась все более в фискальное средство, в орудие деморализации масс; она все суживалась и атрофировалась».

Высший правящий слой и дворянство все более стремились опереться на внешний авторитет западноевропейского политического, экономического и социального опыта, порой просто механически копируя некоторые западные представления и формы.

«У нас... более чем где-нибудь,— пишет Даль,— просвещение сделалось гонителем всего родного и народного... ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва свое, насильственно переносили к нам все в том виде, в каком оно попадалось им на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском...»<sup>1</sup>

Крепостное право пришло в Россию сравнительно поздно, когда у крестьян уже сложились черты национального характера, выражаемого прежде всего самостоятельностью и инициативой в рамках традиций и обычаев самоуправляющейся общины. Чтобы удержать в узде крестьян, правящие слои должны были вступить в настоящую войну с народом. А на войне как на войне — культура противника отвергается. Правящий слой шаг за шагом отказывается от многих ценностей народной культуры, отечественных обычаев и идеалов, заменяя их представлениями и понятиями, заимствованными из-за рубежа. Причем речь шла не о стремлении к творческому освоению и взаимному обогащению равноценных культур России и западноевропейских стран, а о прямом вытеснении народной культуры как якобы отсталой и отжившей. Процесс этот был тяжелым и болезненным, утраты просто катастрофическими. На несколько столетий для многих поколений были «закрыты» допетровская литература и музыка, древнерусская архитектура, иконопись, живопись. Шедевры мирового значения считались бледными примитивами, заимствованиями, жалкой мазней и только во второй половине XIX века начали снова «открываться» как произведения великого искусства. Самобытная русская культура на несколько веков становится Золушкой в родном доме, ей отказывалось в праве на общечеловеческое значение, которое признавалось только за западноевропейской культурой. Такое явление не могло не вызвать протеста.

«Русский народ,— писал К. Аксаков,— имеет прямое право, как народ, на общечеловеческое, а не через посредство и не с позволения Западной Европы. К Европе относится он критически и свободно, принимая от нее лишь то, что может быть общим достоянием, а национальность европейскую откидывая... Европеизм, имея человеческое значение, имеет свою и очень сильную национальность... Итак... с одной стороны, так называемые славянофилы стоят за общечеловеческое и за прямое на него право русского народа. С другой стороны, поборники Западной Европы стоят исключительно за европейскую национальность, которой придают всемирное значение и ради которой они отнимают у русского народа его прямое право на общечеловеческое».

Привычка видеть в русской жизни только отсталость сказалась в не меньшей степени и в отношении народной культуры труда и хозяйствования. Правящие круги, особенно с конца XVIII века, относились ко многим народным формам труда и хозяйствования, в частности к общине и артели, как к чему-то варварскому, архаичному и скорее терпели их, чем признавали.

Так сложились в российской действительности два параллельных течения, которые сосуществовали и даже взаимодействовали друг с другом, редко пересекаясь, но если уж пересекались, то почти всегда трагически. В хозяйственной практике шло противостояние народной традиции работать самостоятельно и инициативно в условиях самоуправления объединения тружеников и навязываемых извне принципов индивидуализма, материальной жадности, бюрократическо-иерархического управления. Вместе с тем местное самоуправление и трудовая демократия подвергаются все большему давлению со стороны централизованной бюрократической системы.

Однако нельзя сказать, что у народных основ хозяйствования не было защитников среди передовой отечественной и зарубежной интеллигенции.

В общинном, артельном духе русского народа большинство отечественных мыслителей и общественных деятелей видело ключ к решению многих экономических и социальных вопросов. Хотя, к стыду нашего образованного общества, к серьезному рассмотрению русской общины оно обратилось только в середине XIX века после сенсационного «открытия» этого удивительного древнейшего явления немецким исследователем России бароном Гакстгаузеном. Этот немецкий барон стал первым сознательным исследо-

вателем и пропагандистом сохранения русской общины. Он не отрицал некоторых невыгодных ее последствий для развития сельского хозяйства, но считал возможным устранить их, не касаясь самого принципа общины.

Наиболее последовательными защитниками народных основ жизни были славянофилы. Общинность и артельность, по их мнению, являются основой государственного и общественного строя России. Община гарантирует равенство жизненных условий в массе народа, земледелец является и землевладельцем. В то время как Запад обманывает низшие классы призраком формальной свободы, Россия обеспечивает их лучше, а именно — фактической свободой и самостоятельностью в рамках традиций и обычаев самоуправляемой общины. Так как русский народ, благодаря общине, навеки обеспечил для себя землю, то в противоположность разьедаемым социальной болезнью западноевропейским народам он является юным носителем будущего. Община — самое ценное наследие, удержанное русским народом от истории. С ним народ вступил на мировую сцену, чтобы выполнить свою историческую миссию: установить общественную организацию на место общественной анархии, которую оставит сходящая со сцены Европа<sup>2</sup>.

Отстаивая право России на собственный самобытный путь, обусловленный особенностями предыдущего развития, славянофилы нередко подвергали критике западноевропейские установления и порядки. Здесь у некоторых из них терялась последовательность суждений, ибо западноевропейской нигилистической критике русских порядков с односторонних позиций Запада они порой противопоставляли нигилистическую критику западных порядков со своих односторонних позиций. Забывалось главное — право каждого народа на свой, может быть, единственно правильный путь культурного, экономического и социального развития, а не противопоставление одного пути другому, объявление одного из них отжившим, а другого прогрессивным.

Главная заслуга славянофилов в том, что они с полной определенностью поставили вопрос об использовании национальных особенностей и самобытности народа, выражаемой в его традициях, обычаях и идеалах, как обязательном условии успешного социально-экономического развития страны. К сожалению, в то время в правительстве и в значительной части образованного общества преобладающей была точка зрения «западников» на развитие форм жизни и хозяйствования.

«Как ни близко знал я своих земляков-крепостных рязанских крестьян,— писал П. П. Семенов-Тянь-Шанский,— как ни доверчиво относились они к своему... барину, но все-таки в беседах об их быте и мировоззрениях, в заявлениях об их нуждах было что-то недоговоренное и несвободное, и всегда ощущался предел их искренности...»<sup>3</sup> Правда, Семенов считал, что в этом сказывалось влияние крепостного права. Конечно, было и это, однако причина была глубже. Русские крестьяне смотрели на своих господ как на иностранцев, что зачастую было именно так по культуре, воспитанию, языку. В XVII веке разница между крестьянами, дворянами, боярами и даже князьями определялась размером их богатства и количеством челяди. Культура, язык, воспитание (у всех слоев преимущественно церковное) были общими для всех. То же самое мы наблюдаем и в других странах. Границы русской общины становятся тем естественным бастионом, за которым русский крестьянин пытался сохранить свою национальную культуру. Естественно, в таких условиях противостояния, защиты своего национального уклада крестьянин, по словам Герцена, видел в полицейском и в судье — врага, в помещике — грубую силу, с которой ничего нельзя поделать и только в самом крайнем случае — убить.

Итак, отношение к народной культуре со стороны правящих кругов было отрицательным. Но это еще полбеды. Самое же трагичное — в том, что подобное отношение к народной культуре испытывала значительная часть российской интеллигенции.

В смысле культуры и образования она была ближе к правящим слоям, чем к народу. Понятие «европейски образованный человек» воспринималось ими как похвала, как критерий личного достоинства. Воспитанная на понятиях западноевропейской культуры, она в значительной степени не понимает многие ценности национальной русской культуры, остается глуха к национальным нуждам народа. Точнее и справедливее сказать, что российская интеллигенция эти народные нужды воспринимает слишком обще, через абстрактные и общечеловеческие представления (скроенные по западноевропейской мерке). Характерной чертой значительной части русской интеллигенции, писал Н. Бердяев<sup>4</sup>, было то, что она лишена всякого национального чувства и национального сознания. Трудно назвать другую страну, где разрыв между великой народной культурой и культурой значительной части интеллигенции был так резок и глубок, как в России. Кстати

говоря, великие представители русской интеллигенции — Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский и другие — этот разрыв остро ощущали. Хотя, конечно, их самих нельзя обвинить в отрыве от народа. Великие русские писатели всегда протестовали против бессмысленных разрушений национальной культуры именем европейской цивилизации. «Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации,— писал Гоголь Белинскому.— Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы Вы определили, что такое нужно **разуметь** под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен, и красный, и всякий, и все готовы друг друга съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация?»

Но отрицание национальной русской культуры именем европейской цивилизации продолжалось весь XIX век. И именно поэтому в глазах народа многие представители российской интеллигенции были вроде иностранцев, «немцев». Народ продолжал жить своей жизнью, следовать своим традициям, обычаям и идеалам, а интеллигенция существовала в своем узком, оторванном от жизни и, можно еще сказать «сектантском» мире. Недаром понятия «нигилизм» и «нигилисты» родились именно в России. Идеи бессмысленного мракобесного разрушения национальных основ развивались в среде интеллигенции, жившей под знаменем европейской цивилизации.

«Жизненные интересы народа,— замечал русский историк академик В. П. Безобразов,— не прикасаются к «движению идей», которое происходит в живущем над их головами оторванном от них мире «интеллигенции»; народ оставался чуждым этому миру, узнавая только изредка из газет «о злобах дня» в этом мире. Иначе было, например, в Германии, где реальный рабочий вопрос, действительные условия быта рабочих масс служат жизненной почвой для социально-демократической агитации». Безобразов замечает, как чуждость народа интеллигенции после убийства 1 марта 1881 года царя Александра II переросла в настоящую враждебность. С тех пор народ, отмечал Безобразов, даже неграмотный, стал обращать на «нигилистов» серьезное внимание, которым прежде их не удостаивал. После этого убийства крестьяне в деревнях стали озиаться по сторонам, подозревая каждого неизвестного приезжего, чтобы как-нибудь не пропустить «злодеев». «Но все-таки



вся эта мрачная сфера революционной агитации и политических преступлений остается для нашего народа совсем посторонним, как бы чужеземным миром; из него происходят как бы только насильственные вторжения в народную жизнь и посягательства на ее святыню, совершенно непонятные народу иначе, как какие-то иноземные набеги»<sup>5</sup>.

«Длительным будничным трудом,— писал Бунин,— мы (интеллигенция.— *О. П.*) брезговали, белоручки были, в сущности, страшные. А вот отсюда, между прочим, и идеализм наш, в сущности, очень барский, наша вечная оппозиционность, критика всего и всех: критиковать-то ведь гораздо легче, чем работать. И вот:

— Ах, я задыхаюсь среди всей этой николаевщины, не могу быть чиновником, сидеть рядом с Акакием Акакиевичем,— карету мне, карету!

...Какая это старая русская болезнь (интеллигентов.— *О. П.*), это томление, эта скука, эта разбалованность — вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на крылечко и перекинуть с руки на руку колечко!»

Жажда все совершить одним махом, критиканский зуд, жажда разрушить все — «до основания, а затем...» определяли многие черты образованного общества.

С болью в сердце пишет Бунин об оторванности значительной части интеллигенции от народа, об ее безразличии, невнимании к народным нуждам. Ибо ей, «в сущности, было совершенно наплевать на народ,— если только он не был поводом для проявления их прекрасных чувств,— которого они не только не знали и не желали знать, но даже просто не замечали лиц извозчиков, на которых ездили в какое-нибудь Вольно-экономическое общество. Мне Скабичевский признался однажды:

— Я никогда в жизни не видел, как растет рожь. То есть, может, и видел, да не обратил внимания.

А мужика, как отдельного человека, он видел? Он знал только «народ», «человечество». Даже знаменитая «помощь голодающим» происходила у нас как-то литературно, только из жажды лишний раз лягнуть правительство, подвести под него лишний подкоп. Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была»<sup>6</sup>.

Может быть, где-то Бунин и сгущает краски, но в главном он был прав. Оторванность от народа ощущалась во многом, и это особенно проявилось в период революции.

Хотя совершенно неверно считать, что в образованном обществе не было искреннего движения в сторону крестьянства, рабочих. Мы знаем многочисленные случаи беззаветного служения и жертвенности. Но тем не менее разность культурных установок и «языков», разность образов и представлений, которыми жили образованное общество и крестьянство, препятствовала их плодотворному диалогу. И немало представителей образованного общества это чувствовали и понимали, горько ощущая свою неспособность к такому диалогу.

«Со своей верой при своем языке,— писал видный русский этнограф С. В. Максимов,— мы храним еще в себе тот дух и в том широком и отвлеченном смысле, понимание которого дается туго и в исключение только счастливым и лишь по частям и в частностях. Самые частности настолько сложны, что сами по себе составляют целую науку, в которой приходится разбираться с усиленным вниманием и все-таки не видеть изучению конца и пределов. Познание живого сокровенного духа народа во всей его цельности все еще не поддается, и мы продолжаем бродить вокруг да около. В быстро мелькающих тенях силимся уяснить живые образы и за таковые принимаем зачастую туманные обманчивые призраки и вместо ликов пишем силуэты»<sup>7</sup>.

К концу XIX века в глазах многих представителей российской интеллигенции деревня представляется в безнадежно черном цвете как царство темноты, невежества, отсталости, а крестьяне — как какие-то непонятные существа. Даже для самых талантливых литераторов русский мужик — что-то странное и незнакомое. Так, Андрей Белый в очерке «Арбат» пишет: «Капиталист», «Пролетарий» в России проекция мужика; а мужик есть явление очень странное даже: Лаборатория, претворяющая ароматы навоза в цветы; под Горшковым, Барановым (Белый приводит фамилии арбатских лавочников.— О. П.), Мамонтовым, Есениным, Ключевым, Казиным — русский мужик; откровенно воняет и тем и другим: и навозом, и розою — в одновременном «хаосе»; мужик существо непонятное; он какое-то мистическое существо, вегетариански ядущее, цвет творящее из лепестков только кучи навоза, чтобы от него из Горшковских горшков выпирать: гиацинтами! Из

целин матерщины... бьет струйная эвритмия словес: утонченнейшим ароматом есенинской строчки...»<sup>8</sup> Какое надменное, высокомерное отношение к крестьянству сквозит в словах А. Белого, представляющего себя выше мужицкой культуры, а на самом деле просто трагически оторванного от родных корней, а вернее, связанного с ними лишь опосредованно, и каждая из множества этих деформированных связей притупляет остроту и жизненность его творчества. Отсюда и парниковый характер, безусловно, талантливой музыки А. Белого.

Однако наиболее характерным примером непонимания крестьянской культуры может служить изображение деревни в рассказе А. Чехова «Мужики». Здесь крестьяне наделяются самыми отрицательными чертами, какие можно найти в человеческой природе. Они безнадежно грубы, тупы, нечестны, грязны, нетрезвы, безнравственны, живут несогласно, постоянно ссорятся, подозревают друг друга. Рассказ вызвал восторг легальных марксистов и интеллигентов либерального толка и резкий протест демократически настроенных деятелей русской культуры. Крайняя тенденциозность, односторонность и ошибочность оценок русского крестьянства отмечалась еще в момент выхода этого рассказа; тем не менее написанный талантливым пером, он стал своего рода хрестоматийной иллюстрацией к образу крестьянина и всегда приводится в пример людьми, враждебными русской культуре, когда заходит речь о российской дореволюционной деревне. Подобный показ крестьянской жизни вызывал у многих желание идти и учить крестьянина, как ему жить. «Прочитайте «Мужиков» А. Чехова,— писал критик Фингал,— и вы в миллионный раз убедитесь, что в деревню идти надо, но не за тем, чтобы учиться, а чтобы учить...»<sup>9</sup> Прошло немного времени, и эти самонадеянные критики, закосневшие в своем непонимании крестьянской жизни, пошли окриком и свинцом учить крестьян жить, но об этом позднее.

Произведения, подобные чеховским «Мужикам», вызывали резкий протест в русском обществе. За публикацию этого рассказа Чехов чуть ли не был забаллотирован на собрании членов Союза взаимопомощи русских писателей. Лев Толстой оценивал рассказ Чехова «Мужики» как «грех перед народом. Он (Чехов) не знает народа». «Из ста двадцати миллионов русских мужиков Чехов взял только темные черты. Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать»<sup>10</sup>.

Да, это был грех перед народом, но и величайшая трагедия значительной части российской интеллигенции.

## ИДЕОЛОГИЯ БОСЯКОВ И «РОМАНТИКА» ДНА

Праздношатающийся человек без ремесла и без дела, по-нашему, тунеядец, был для Древней Руси явление довольно редкое. Такой человек мог жить либо на милостыню, либо воровством. Как закон, так и народное нравственное чувство давило его со всех сторон, не давая развиваться. Именно поэтому на Руси таких лиц было сравнительно мало.

Хотя, конечно, исторические источники доводят до нас сведения о многочисленных нищих, живших при церквях и монастырях в больших городах и получавших по христианскому обычаю обильную милостыню. Как правило, это были увечные инвалиды, калеки, убогие, неспособные работать люди. Но вот к ним, эксплуатируя христианское чувство народа, примазываются настоящие лодыри и тунеядцы, не желавшие работать. Этой категории людей государство объявляет войну. Царь Федор Алексеевич повелел нищих, способных трудиться, определять на работу, а их детей учить всяким ремеслам. В 1691 году законы указывают забирать «гулящих» людей, которые, «подвязав руки, також и ноги, а иногда глаза завеса и зажмуря, и притворным лукавством просят на Христово имя» и отправлять их по месту жительства и определять к делу, а если они снова нарушат, то бить кнутом и ссылат в дальние сибирские города на казенные работы. В 1718 году выходит новый указ, в котором говорится, что тунеядцев, пойманных в первый раз, бить батожем нещадно, в другой раз бить на площади кнутом, посылать в каторжные работы (на шахты, рудники и т. п.), а баб — в шпингауз, а ребят — учить мастерствам<sup>1</sup>.

В 1736 году против тунеядства выходит еще один указ. «Ежели из купечества и из разночинцев подлые неимущие пропитания и промыслов мужеска пола, кроме дворцовых Синодальных и Архиерейских и монастырских и помещиковых людей и крестьян, а женска пола, хотя бы чьи они ни были, скудные без призрения по городам и по слободам и по уездам между двор будут праздно шататься и просить милостыни, таких брать в губернские и воеводские канцелярии, записывая по силе прежних указов отда-

вать на мануфактуры и фабрики; кого те фабриканты принять похотят, и давать им фабрикантам на них письма, дабы там за работу или за учение пропитание получали и напрасно не шатались... и тем отданным на мануфактурах и фабриках быть мужеска пола до 5 лет, а по происшествии 5 лет отпускать их с пашпортами». По указу 1753 года «шатающихся и бродящих по миру» мужик-тунеядцев, годных в военную службу, велено отдавать в солдаты, а негодных — на фабрики без указания срока их пребывания там<sup>2</sup>.

Но никакие репрессии не могли остановить процесс собирания в больших городах лодырей и бездельников, не желающих трудиться, предпочитающих праздность. Чувствуя себя неуютно в трудовой среде на селе, эти люди в городах тоже объединялись, и нередко в особые артели.

Известны артели нищих, бурлаков и даже разбойников («ножевые» артели). Например, в Москве хорошо были организованы артели нищих, которые, как рассказывал И. Прыжов, жили в отдельных домах или в подвалах и чердаках домов, имели общий стол и часто едва ли не жен. По милости ежедневных сборов, которые, по словице «досыта не накормят, а с голода не уморят», нищие вели более или менее обеспеченную жизнь. У них есть чай, а придешь в гости — угостят и водочкой (эту сторону дела Прыжов хорошо знал, так как, занимаясь историей кабаков в России, часто их посещал, так сказать, с «научными целями»), у иных водятся и денежки. Артелью управляет избранный общим голосом староста. Доступ в артель имеют свои да знакомые, а чужого не пустят<sup>3</sup>.

Именно в этой нетрудовой и босяцкой среде рождалась и развивалась своя нетрудовая «босяцкая» культура со своим языком и фольклором и, естественно, неистребимым презрением к труду.

Если подавляющее большинство трудящихся России восхваляло труд, то нетрудовые босяцкие элементы ненавидели его и издевались над ним.

«Работа не волк — в лес не убежит», — характерный пример их фольклора. Или тут же еще несколько вариантов: «Дело не медведь, в лес не уйдет», «Дело не сокол, не улетит», «Работа не черт, в воду не уйдет».

Да, говорили они: «Птица не сеет, не орет, а сыта живет», «Всех дел не переделаешь», «Гулять — не устать, а дней у Бога вперед много», «Запьем, так избу запрем, а что в избе — в кабак снесем», «Пьем да посуду бьем; кому не мило — тому в рыло».

Именно в их среде родилась надежда на авось: «Эх, куда кривая не выведет», а также рассуждения типа: «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше».

Это о себе они говорили: «Пьян да умен — два угодыя в нем», «Пей да людей бей, чтобы знали, чей ты сын», «Русский человек и гульлив и хвастлив», «Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь».

Где-то в середине XIX века происходит в известном смысле сближение идеологии босячества и некоторой части российской интеллигенции, ибо те и другие стояли на основах отрицания народной трудовой культуры. Именно в этом сближении и сочетании родились уголовно-троцкистские воззрения на русский народ.

Впрочем, в формировании этих воззрений приняли участие два сравнительно узких слоя российской интеллигенции.

С одной стороны, слой людей, не знавших России, не понимавших ее богатейшей культуры, не чувствовавших родства с ней, видевших в ее истории только примеры своих национальных обид и утеснений. Причем ошибки или даже преступления царского правительства объяснялись представителями этого слоя отсталым характером русского народа, его темнотой, дикостью и невежеством.

С другой — слой российских интеллигентов, сблизившихся с босяцкой нетрудовой средой, выражавший мировоззрение деклассированных элементов страны, по-своему романтизируя эти паразитические элементы общества (босяков, обитателей хитровых рынков и даже уголовных преступников, видя в них жертву социальной системы). В любой нации существуют паразитические элементы, не желающие работать и постоянно противопоставляющие себя творческому большинству населения. Любая нация всегда сдерживает рост этих элементов, пресекая их развитие. У нас же произошло иначе. Разочаровавшись в трудящемся крестьянстве, не принявшем чужую социальную философию, разрушение именем европейской цивилизации, некоторые российские социалисты начали делать ставку на те малочисленные слои населения, которые, по их мнению, были более отзывчивы на «революционную пропаганду». Да и идти к ним было недалеко. В любом кабаке или ночлежке можно было найти готовых «революционеров» (челкашей, обитателей хитровок, романтиков «дна»), всей своей жизнью отрицавших общественные устои. Именно с тех времен для определенной части российских социалистов деклассированные и уголовные элементы стали «соци-

ально близкими». Именно им были созданы условия наивысшего благоприятствования, и именно они стали опорой троцкистско-сталинского уголовного режима на островах ГУЛАГа под тем же названием «социально близких». Трудовой паразитизм деклассированных элементов воспринимался в подобной среде как героический социальный протест; нежелание работать — как своего рода забастовка; пьяное прожигание жизни — как жертва за какую-то неосознанную идею.

Именно такую мысль несла пьеса М. Горького «На дне», которой так восхищались представители российского образованного общества. Лодыри, бездельники, расточители становятся положительными героями. Их немного, но вокруг них создается ореол мучеников. Девяносто процентов населения, настоящие труженики, крестьяне России, представляются темной массой по сравнению с челкашами. И — о парадокс! — наступает момент, и о трудовых качествах русского работника начинают судить именно по этим деклассированным элементам, искусственно созданным «положительным героям». Дешевая романтика «дна» сбивала с толку даже выдающихся литераторов, заставляя видеть в обитателях «дна» типичных представителей трудовой России. Так, например, И. Бунин писал: «Ах эта вечная русская потребность праздника! Как чувственны мы, как жаждем упоения жизнью, — не просто наслаждения, а именно упоения, — как тянет нас к непрестанному хмелю, к запою, как скучны нам будни и планомерный труд» <sup>4</sup>.

Создателем мифа о героической сущности презираемых народом челкашей, певцом романтики «дна» и восхваления «социально-близких» элементов стал Максим Горький.

Трудно найти более антинародные и антирусские книги, чем произведения Горького «Несвоевременные мысли» или «Если враг не сдается, его уничтожают».

Во время великого голода в России в 1921 году Горький заявил, что «из 35 миллионов голодных большинство умрет». В его понимании это была реализация принципа «все, что ни делается, все к лучшему». В книге, выпущенной в Берлине в 1922 году, он писал: «...вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... И место их займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей» <sup>5</sup>.

Нужно ли более убедительное объяснение со стороны «инженера человеческой души» Горького для обоснования предстоящего в 30-х годах геноцида — «раскрестьянивания». Да, для чего беречь этих глупых и диких людей!

Русский народ, по Горькому (наблюдение из его общения с деклассированными элементами) — азиатская стихия, жестокий и хитрый травленный зверь, вечно бунтующий раб, который из отупения и покорности выходит не в свободу, а в анархический разгул, в хамство, обалдение и гульбу. Русский человек, полагает Горький, тяготеет к равенству в ничтожестве — из дрянной азиатской догадки, что быть ничтожеством проще, легче. Поэтому русский головоотяп вечно ищет виноватых на стороне. Он ищет врагов где угодно, только не в бездне своей матерой глупости.

С каким-то злорадным сладострастием пересказывает эти пассажи Горького критик Лев Аннинский в статье «наши старики», главный смысл его комментариев — вот она истина! (Привет «Нашему современнику» от «Огонька») <sup>6</sup>. Этим он подчеркивает, что традиции антирусского нигилизма тянутся из того же клубочка, что и перед революцией. Но об этой смердяковщине мы еще поговорим позднее.

Сейчас нам важнее выявить воззрения «романтиков дна» на русскую культуру труда. Как вы понимаете, они обуславливаются общим отношением к народу — к его «жуткой темноте», «невежественности», «культурному идиотизму». И вот его вывод: «...русский человек в огромном большинстве плохой работник. Ему неведом восторг строительства жизни, и процесс труда не доставляет ему радости; он хотел бы — как в сказках — строить храмы и дворцы в три дня и вообще любит все делать сразу, а если сразу не удалось — он бросает дело. На Святой Руси труд... подневолен... отношение (русского человека) к труду — воловьё»<sup>7</sup>. Этот приговор был с радостью подхвачен и разнесен представителями той самой праздной или паразитической среды, против которой он, по сути дела, был направлен. Более того, этот ошибочный вывод стал точкой отсчета для теоретических построений некоторых российских социал-демократов, задав заранее ложные предпосылки, — мол-де русские лентяи, — их еще надо учить работать, учить добросовестному отношению к труду. Примерно с 1918 года эти построения стали базовыми для трудовых представлений троцкистов — но об этом позднее.

Сразу после революции Горький выдает еще целый ряд глобальных обобщений такого рода. Все беды не в том, что народу навязывают чужой ему уклад жизни и формы хозяйствования, а в том, что русские не умеют добросовестно работать. «Костер зажгли, — пишет Горький, — он го-



рит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира... А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен сентиментализма... В этом мире дело оценки человека очень просто: вы... умеете работать?.. Не умеете?.. Тогда... вы лишний человек в мастерской мира. Вот и все. А так как россияне работать не любят и не умеют (выделено мною.— О. П.) и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем...»<sup>8</sup>

Горький, на наш взгляд, был очень далек от понимания исконной русской культуры — для него она сводилась к церковности, к какому-то бессмысленному бунту или волшебству. Весьма примечательно его отношение к мыслям известного нижегородского миллионера старообрядца Н. А. Бугрова, своим трудом и предприимчивостью сколотившего большие капиталы.

Даже Горький подметил, что в отношении Бугрова к труду было что-то религиозное: «О работе он (Бугров) говорил много, интересно, и всегда в его речах о ней звучало что-то церковное, сектантское. Мне казалось, что к труду он относится почти религиозно, с твердой верой в его внутреннюю силу, которая, со временем, свяжет всех людей в одно необоримое целое, в единую разумную энергию — цель ее: претворить нашу грязную землю в райский сад». Не понимая духовной сущности отношения этого старообрядца к труду как святому делу, характерному для мировоззрения Древней Руси, Горький пытается объяснить это по-своему, со своих каких-то поверхностно-западноевропейских технических позиций. Бугров для Горького — «фанатик дела» (то есть дело ради дела, создание вещи ради вещи — западное представление о прогрессе), человек, «которому необходимо с достоинством заполнить глубокую пустоту своей жизни». На этом примере видна вся глубина пропасти, которая разделяла Горького и коренную крестьянскую Россию, непонимание им коренных ценностей древнерусской культуры, на месте богатства которой он видел только пустоту. Недаром Бугров отметил характерную черту рассказов Горького: «...как будто о чужих вам, не русских людях, но как будто и родственно?» Прожалуй, это было противоречие, свойственное немалою части российских интеллигентов — вроде бы и свои, а думают и пишут о своих соотечественниках как о чужих.

## РАЗРУШЕНИЕ ОБЩИНЫ

Первые известные нам попытки разрушить общину относятся к 60-м годам XVIII столетия. Они осуществляются агрономами, ссылавшимися на пример европейских государств, особенно на Пруссию. Возражения этих агрономов против общины, и прежде всего общинного владения землей, основывались на общих соображениях о вреде общины с агрономических позиций без понимания внутреннего содержания этой древней формы народной жизни.

Известный исследователь русского крестьянства Семевский в очерках истории крепостного права приводит рассказ о событиях, происшедших в 1792 году в некоторых государевых вотчинах, крестьяне которых жаловались на порядки. Когда жалобы крестьян в некоторых имениях дошли до Великого князя Павла Петровича (будущего Павла I), он приказал поставить их в такое же положение, в каком находятся английские фермеры, и взыскивать с них ничтожную арендную плату; крестьяне были снабжены всеми орудиями для хозяйства, и к ним назначили наставников для обучения земледелию. От такой жизни и учения крестьяне взвыли, умудрились в течение двух лет продать свою собственность, после чего не смогли уже платить арендную плату и просили позволить им жить по-старому<sup>1</sup>.

Внук Павла Первого Александр Первый 20 февраля 1803 года издал Указ о свободных хлебопашцах, смысл которого носил либерально-западнический характер и не отвечал общественным и хозяйственным условиям жизни страны.

Согласно этому Указу крестьяне по добровольному договору с помещиком за выкуп или как-то иначе получали свободу, но не на правах общинной собственности, как жили многие столетия их предки, а на правах частной собственности. Предусматривалось, что раздел земли между крестьянами будет осуществлен с выдачей каждому плана его участка с подписью уездного землемера. Таким образом, крестьянин получал право свободно распоряжаться землей (завещание, продажа, дарение и т. д.) с единственным ограничением: не дробить участки менее 8 десятин, а также право залога недвижимости и вступления во всякого рода залоговые обязательства. Свободные хлебопашцы становились подчиненными местным властям и административно и судебно, выходя из подчинения общины. Все это неизбежно вызывало конфликт между индивиду-

альным и общинным началом. Как справедливо отмечалось, «взнос денег за выкуп земли внедрял в сознание крестьянина мысль, что он является собственником земли, пропорционально величине взноса». С этим убеждением не могла согласовываться уравнительная разверстка земли, практикующаяся в русской деревенской общине. Оно исключало равное распределение земли при неравенстве взносов и устройство переделов по мере прироста душ<sup>2</sup>. Отказ от привычных форм жизни вызывает у крестьян много вопросов и конфликтов по поводу разверстки повинностей, уплаты долгов, поставки рекрутов. Больше всего смущало крестьян нарушение принципа уравнительности в пользовании землей.

К сороковым годам XIX века Указ о свободных хлебопашцах фактически потерпел полный крах — западноевропейский принцип индивидуалистической хозяйственной деятельности «разбился об общинный порядок крестьянского хозяйства».

Особой страницей среди попыток разрушения русской общины было введение военных поселений при том же Александре Первом. Почти за сто лет до Троцкого была сделана попытка милитаризовать русское село, превратив крестьян в солдат трудовых армий. Попытки эти, естественно, потерпели неизбежный крах. Крестьяне яростно сопротивлялись навязыванию им чужеродных форм жизни. В дело пошли штыки и картечь, деревни брали приступом, непокорных запарывали шпицрутенами.

Однако не только государственный механизм пытался посягаться на древние обычаи крестьян. А. И. Герцен рассказывает, как дворяне, по большей части прибалтийских губерний, пытались вводить европейскую парцеллярную систему раздела земель и частную собственность. Но все эти попытки проваливались и обыкновенно заканчивались убийством помещика или поджогом его усадьбы<sup>3</sup>.

Посягновения на древние обычаи общины продолжались весь девятнадцатый век, но, как правило, кончались безуспешно, разбиваясь о крестьянскую солидарность. Хотя, конечно, немалую роль в сохранении традиционного крестьянского уклада играл здравый смысл многих русских ученых и организаторов сельского хозяйства, которые восставали против бездумного копирования западного опыта, предлагая учитывать национальную самобытность.

Герцен и Чернышевский, Менделеев и Вернадский, Берви-Флеровский и Ермолов и многие, многие другие отмечают необходимость сохранения общинных форм

хозяйствования, предупреждают о страшной беде, которая может последовать с их уничтожением.

«Ничего не надо делать,— говорил в 1903 году знаток русской общины А. В. Еропкин,— ничего не предпринимать, а предоставить общине правильное естественное развитие; начальный опыт западноевропейских государств на родине и на Востоке пусть послужит поучительным уроком неудачных правительственных реформ и мероприятий по отношению к общинной форме землепользования. Современная поземельная община в России, несмотря на давнишнее изучение ее, доселе остается, однако, неисследованной статистически на пространстве всей империи. Этот существенный пробел сам по себе является достаточным, чтобы признать всякие решительные реформы по отношению к общине преждевременными и малообоснованными»<sup>4</sup>.

Общинные крестьянские хозяйства, по мнению Менделеева, могли представить незаменимые выгоды при коренных улучшениях нашего крестьянского хозяйства, потому что при нем могут вводиться улучшения на сравнительно больших площадях, а на малых запашках сделать этого нельзя, без коренного же улучшения, вроде травосеяния, разведения корнеплодов, глубокой вспашки и т. п., нельзя ждать крупных успехов в нашем крестьянском хозяйстве<sup>5</sup>.

О пагубности бездумного копирования западноевропейских форм хозяйствования писал министр земледелия России крупнейший ученый А. Е. Ермолов. «На Западе,— указывал он,— нам можно заимствовать только частности, отдельные приемы и способы культур, вывозить из-за границы машины, скот и т. п., пользоваться основными началами сельскохозяйственной науки, которые — одни для целого мира, но затем мы должны создавать свой собственный строй хозяйства, сочетая отдельные элементы производства так, как того требует относительное значение их при наших условиях, и стремясь к установлению между этими элементами нормального взаимодействия, которое одно может повести к достижению возможно высшего в данное время чистого дохода».

Успешно может существовать только то хозяйство, которое организовано сообразно местным условиям, а не то, которое ведется на заграничный лад по образцу западноевропейских. Самые лучшие образцы ведения хозяйства, переносимые на российскую почву, приходили к неминуемому банкротству.

Ермолов в качестве примера бесплодности перенесения на российскую почву западноевропейских систем хозяйст-

ования рассказывает нам об имении англичанина Джонсона в Самарской губернии.

В конце 70-х годов XIX века этот богатый англичанин во время путешествия по Волге прельстился естественными богатствами края и купил большое имение при селе Тимашево. В нем он решил завести образцовое имение на английский лад. Ермолов рассказывает, как радовались многие, высказывая свое мнение в газетах, что наконец-то русские помещики и крестьяне увидят, как можно вести дело на «правильных, рациональных основаниях». Богатый англичанин вложил в хозяйство огромные капиталы, купил и послал в имение несколько паровых молотилок, жатвенных машин, всевозможных плугов различных усовершенствованных систем, построил сахарный завод. Хотя прежде чем дело было пущено в ход, Джонсон засомневался в успешности предприятия и уступил его другому не менее богатому англичанину. На вспаханной плугом чуть не до аршина глубины и затем искусственно орошенной самарской почве, рассказывает Ермолов, пошли могучие бурьяны, которые заглушали посевы, а свекла погибала от морозов то весной, то осенью. Денег в имение вкладывалось все больше и больше, но вместо прибыли получали только убыток и вместо образцового ведения хозяйства, которое ожидалось от англичан, получился только образец того, как не следует вести дело. В конце концов сахарный завод закрылся, плуги, скот и машины, а затем и само имение были проданы с молотка и куплены удельным ведомством, которое возобновило хозяйство уже на основе учета местных особенностей. Таким образом, подчеркнул Ермолов, не помогли ни паровой плуг, ни английские капиталы, когда дело было поставлено неправильно, без знания местных условий<sup>7</sup>.

В 1889 году Министерство внутренних дел и Государственный Совет обеспокоились «фактическим безвластием в сельских местностях», «призрачностью» правительственного надзора за крестьянским общественным управлением и нашли, что «без ущерба для спокойствия и порядка в государстве» крестьянское самоуправление впредь «не может быть оставлено без бдительного надзора правительственных органов». А посему, чтобы обуздать самоволие крестьянских общин и в лице их создать «близкую населению твердую правительственную власть, самодержавие распорядилось ввести в деревне должность земского начальника, контролирующего жизнь общины»<sup>7</sup>.

Была нарушена многовековая традиция своего рода суверенитета крестьянской общины. Уезд разбивался на земские участки, и в каждый участок назначался земский начальник, подбиравшийся, как правило, из местных, получивших образование дворян-помещиков и утверждаемый министром внутренних дел по представлению губернатора. Земский начальник начинает осуществлять надзор над теми сторонами жизни крестьян, которые раньше не подвергались вмешательству центральной власти — крестьянское общественное управление, волостной суд, состояние мирских денег, хозяйственное благоустройство и нравственное преуспеяние крестьян. Земский начальник приобретал невиданную прежде административную власть и, более того, становился судьей для всего местного населения, решал дела по спорам и искам не свыше 500 рублей, а также дела об обидах и оскорблениях. Земские начальники являлись частью бюрократической машины царского режима, совсем не зависели от населения, над которым они надзирали. Отсюда многочисленные злоупотребления властью с их стороны и недовольство крестьян их деятельностью.

В 1903 году специальным законом был отменен один из основополагающих принципов общины — круговая порука, ослабляя зависимость крестьян от решения мирского схода и крестьянского самоуправления, и вместе с тем усиливая зависимость крестьян от местных административных властей.

По новому закону сельское общество освобождалось не только от ответственности по платежам своих неисправных членов, но и от всякого участия во взимании окладных сборов. Роль, которую ранее выполняли органы крестьянского самоуправления, взял на себя назначаемый государством земский начальник с подвластным ему волостным старшиной и сельским старостой. Земский начальник был поставлен даже выше уездного крестьянского съезда.

Крестьяне, отвечавшие за свои долги перед миром, теперь были поставлены лицом к лицу с государственной властью, от чиновников которой зависело, какие меры и взыскания принять по отношению к недоимщику. Сход является на сцену только в том случае, когда власти уже решили ликвидировать хозяйство недоимщика. За общиной признавалось лишь преимущественное право аренды полевого надела недоимщика; во всем остальном и эта крайняя мера взыскания, недоимок всецело зависит от уездного крестьянского начальства.

Умаление прав общины привело к значительному территориальному расширению полномочий местной администрации в 62 тысячах селений в 46 губерниях Европейской России<sup>8</sup>.

Ну а следующим актом была столыпинская реформа, которую, однако, не следует интерпретировать только в отрицательном смысле.

По-видимому, замысел П. А. Столыпина реформировать земельные отношения в русском сельском хозяйстве имеет корни в исследованиях его старшего брата Д. А. Столыпина, который еще в 70-х годах XIX века высказал соображения, ставшие главной идеей столыпинской реформы.

В 1906 году был принят Указ 9 ноября (ставший с некоторыми изменениями законом 14 июня 1910 года), согласно которому каждый домохозяин, владеющий надельной землей в общине, имел право требовать укрепления в его личную собственность причитающейся ему части земли. Выделенная земля становилась не семейным владением, как прежде, а личной собственностью домохозяина, который мог распорядиться ею по собственному усмотрению. Однако продавать землю крестьянин мог только лицам, приписанным к общине, закладывать только в крестьянском банке, а завещать по обычному праву — ближайшим наследникам<sup>9</sup>.

Отмена переделов и передача земли в личное владение (а подчеркиваем, не в частную собственность) домохозяев, конечно, не означали разрушение общины. Ведь земельные переделы были не главным и не единственным признаком общины. Вспомните, еще в XVII—XVIII веках во многих местах земельных переделов не было, отсутствовала необходимость в них, ибо земли было много. И тогда в течение многих веков и после 1906 года община была в чистом виде демократическим союзом местного самоуправления и взаимопомощи, хотя, конечно, всегда испытывала посягательства на эти свои права\*.

Привыкший жить в своей среде среди представлений и взглядов, ему понятных, крестьянин болезненно воспринимал любые отклонения от них. В условиях отказа от народных основ, традиций и идеалов, привычной ему шкалы ценностей, лишения самостоятельности, крестьянин

---

\* Троцкий о столыпинской реформе сказал так: если бы она была завершена, то «русский пролетариат не смог бы прийти к власти в 1917 году».

становился медлителен и непонятлив, что воспринималось как косность, темнота и заботистость.

Община угасала. «Дорожка глохнет, так и мир (община) сохнет», — говорили крестьяне.

Потеря самостоятельности и «суверенитета» общины способствовали ее разложению, развитию в ней разных негативных явлений. В некоторых общинах крестьянские сходы превращаются в проформу, а порой становятся оружием в руках небольшой части богатеев. «Крестьянская сходка — земская водка», — замечает новая крестьянская поговорка. «Мир сутки стоял, небо подкоптил и разошелся», — жалуется крестьянин на неспособность самостоятельно решать дела в новых условиях.

А отсюда новый элемент крестьянской жизни «Мир на дело сошелся виновного опить (гибельный обычай): вместо правосудия, например, за потраву, приговаривают поставить миру ведро водки. «Эта вина стоит полведра вина» (присужденное на сходке).

В феврале 1881 года Вера Засулич обращается с письмом к Карлу Марксу, в котором просит его изложить свои мысли по поводу русской общины и о том, существует ли историческая необходимость для всех стран света пройти через горнило капитализма. Менее чем через месяц Засулич получает ответ.

А далее начинается настоящая детективная история. Засулич и Плеханов (оба умерли после 1917 года) вместо того, чтобы обнародовать это письмо, спрятали его и, более того, всегда отрицали, что оно вообще было. Письмо «нашлось» только через сорок два года, в 1923 году, в архиве Аксельрода, и впервые опубликовано в Берлине. Каковы же были мотивы скрывать «письмо Маркса, касавшегося столь живо волновавшего русские революционные круги вопроса»? Д. Рязанов, побывавший в 1889 году в Швейцарии, вспоминает<sup>10</sup> рассказы — иногда фантастические — о переписке по поводу русской общины, которая завязалась между группой «Освобождение труда» и Марксом. Циркулировали даже совершенно невероятные анекдоты о каком-то личном столкновении между Плехановым, отрицавшим общину, и Марксом, защищавшим ее.

Впрочем, и сам Д. Рязанов (кстати, тот самый, который в 1918 году произнес известную фразу: «Россия — страна мужицкая, солдатская... дурацкая»), познакомившись с черновиком этого письма еще в 1911 году, не поспешил его обнародовать, о существовании письма еще в 1913 году знал Н. Бухарин и, видимо, другие вожди. Но



потребовалось еще десять лет, чтобы с письмом Маркса познакомилась русская общественность.

Да что же было в этом письме, которое так тщательно скрывали от русской общественности почти полвека? А то, что в нем Маркс утверждал, что не существует исторической неизбежности для России проходить тот же путь, который прошли западноевропейские страны, у нее свой, самобытный путь, обусловленный особенностями исторического развития и прежде всего наличием сельской общины, еще существующей в национальном масштабе, которая является элементом ее превосходства над странами, поработоченными капиталистическим режимом.

У российских марксистов, начиная с группы «Освобождение труда», сложилась на этот счет иная точка зрения. Они отвергали самобытный путь России и видели его в развитии преимущественно общих всем народам интернациональных черт. Крестьянская культура по их шкале ценностей находится неизмеримо ниже, чем, скажем, рожденная капитализмом пролетарская культура. Культурно-исторические ценности 90 процентов крестьянского населения страны рассматриваются не как точка отсчета, а нигилистически — как старье, ветошь, от которых надо скорей избавляться, чтобы надеть новое ультрамодное платье. Национальные обычаи, традиции и идеалы — временная надстройка, которую легко изменить, если дать людям другие формы жизни. Существует абсолютный закон развития формации, и что значат для него какие-то периферийные обычаи, традиции и идеалы?

Итак, Маркс обращается к русским марксистам:

«...«Историческая неизбежность»... процесса (экспроприация земледельцев) ...точно ограничена странами Западной Европы...

...В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность.

...Специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России (выделено нами. — О. П.), однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить

тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития».

В черновиках письма видно, как серьезно и подробно Маркс изучил этот вопрос и даже конкретизировал его: «...сохранение сельской общины путем ее дальнейшей эволюции совпадает с общим движением русского общества, возрождение которого может быть куплено только этой ценой. Даже с чисто экономической точки зрения Россия может выйти из тупика, в котором находится ее земледелие, только путем развития своей сельской общины; попытки выйти из него при помощи капиталистической аренды на английский лад были бы тщетны; эта система противна всем сельскохозяйственным условиям страны»<sup>11</sup>.

Мы видим мудрую логику Маркса, подчеркивающего самобытность российского пути развития через общину, позволяющего добиться наименьших издержек для народа. Зачем повторять чужой путь, к тому же идущий в обход, когда есть свой прямой, выработанный тысячелетним развитием?! По сути, Маркс предостерегает русских революционеров от культурно-исторического нигилизма, отрицающего культурно-историческое наследие народа.

## АРТЕЛЬ ИЛИ КАПИТАЛИЗМ?

Разрушение народного уклада жизни во имя европейской цивилизации еще более активно, чем на селе, осуществляется в городах. Артель и артельные формы организации труда рассматриваются многими предпринимателями и интеллигентами с позиции западноевропейских представлений: в лучшем случае с этнографическим любопытством. Без творческой поддержки со стороны образованного общества артельные формы «ветшали», теряли способность к совершенствованию и обновлению применительно к новым условиям. Не то было на Западе. Там народные формы производства и труда поддерживались образованным обществом, совершенствовались исходя из требований времени. Лишенная возможности постоянного обновления, русская артель ставилась в условия неблагоприятные по сравнению с западноевропейскими формами хозяйствования, что давало еще один повод говорить об ее отсталости и архаичности.

Прежде всего и государство, и предприниматели пытаются ограничить главный принцип артели — ее самостоятельность и автономность на производстве.

Еще в 1706 году некоторые артели, связанные с выполнением государственных заказов или работавшие на государственных заводах, были жестко регламентированы, особенно в вопросах дисциплины. В наказе старосте тульских казенных кузнецов говорится: «А буде кто из тульских кузнецов или из оружейных мастеров тебе, старосте со товарищи, в чем послушен не будет, таковых брать на братцкий (артельный.— *О. П.*) двор и чинить наказание батоги»<sup>1</sup>. Так возникает противоречие между свободными ремесленниками и старостами артели, делившими часть государственного аппарата,— противоречия, рождающие неминуемый конфликт.

Артели, существовавшие в 30-х годах XIX века в золотой промышленности, подвергаются давлению со стороны администрации и государства. Согласно закону 1838 года хозяин предприятия мог назначить в артель старосту, рабочие же выбирали в помощь ему двух выборных. Артельное руководство из старосты (по сути дела приказчика хозяина) и двух выборных имело право подвергать расправе — «умеренного домашнего исправления» (посечь)— рабочих, составляющих артель, которые были виновны в лени, нетрезвости, участии в запрещенной карточной игре, а также буйных и пытавшихся бежать. Кроме розог в количестве не более ста ударов, предусматривалось удержание в пользу артели части платы виновных<sup>2</sup>.

В годы бироновщины в России был принят воистину антинародный указ о том, что все мастеровые, обученные какому-нибудь мастерству и находившиеся со времени издания указа на фабриках, прикреплялись «вечно» к своим настоящим владельцам. «А буде кто из... определенных ныне на фабрики явятся невоздержанные и ни к какому учениб не прилежные, тех самим фабрикантам по довольном домашнем наказании объявлять в Коммерц-Коллегию или в Контору, откуда по свидетельству фабрикантскому и мастеров за такое их непотребное житье ссылатъ в ссылки в дальние города или на Камчатку в работу, чтобы другим был страх; а ежели в ссорах или драках или пьяные где взяты будут... тех не держать нигде ни одного дня и не убытка отсылать на фабрики и оным фабрикантам самим чинить им наказание при других их братьи»<sup>3</sup>. Насильственное прикрепление мастеровых к фабрикам, попытка стимулировать труд страхом вызвали волну возмущения и

протеста по всей промышленной России. Однако даже в этих условиях правительство не осмелилось посягнуть на народные, артельные формы организации труда. Они продолжали существовать на большинстве фабрик и заводов Российской империи, в определенной степени смягчая смысл названного выше антинародного закона. Решение значительной части дел оставалось в ведении самой артели и решалось демократическим путем на артельных сходах.

Искажение артельной идеи, спекуляции на артельном навыке русского народа всячески используются разными капиталистическими элементами. «Рядом с артелями,— отмечает знаток народных форм хозяйствования Ф. Щербина,— существуют и другого рода формы, уклонившиеся от своего чисто артельного характера и представляющие, так сказать, одну внешнюю оболочку безо всякого содержания. В таком виде эти формы служат только средством для наживы различного рода кулаков и рядчиков... Дело в том, что большинство описываемых артелей (лжеартелей. — О. П.) ютятся главным образом в городах, как, например, в Одессе, Николаеве, Севастополе, Херсоне, Таганроге, Ростове-на-Дону, Екатеринославле, Керчи и пр., а городские работы отдаются большей частью с подряда». То есть размывание, искажение артельной идеи происходит прежде всего не в центре, а на русских окраинах. Хотя было бы неправильным считать, что эти процессы не происходили и в центре.

Мы уже приводили мнение Д. И. Менделеева о необходимости передачи российских заводов на Урале в руки артельно-кооперативного хозяйства. Такого же мнения придерживался Берви-Флеровский. Спасти Россию от экономических и социальных неурядиц, писал Флеровский относительно горной промышленности, можно только передачей промыслов и заводов в руки заводских артелей. Между различными артелями будет конкуренция. Капиталист тут совершенно излишний, от него нужно избавиться при первой возможности<sup>4</sup>.

Но, к сожалению, большинство российских промышленников стояли на иных позициях. Развитие капиталистического предпринимательства в России носило особо хищнический характер. Как бы ощущая свою нестабильность и близость конца, капиталистические предприниматели нередко стремились сорвать куш любой ценой, зачастую экономя на условиях труда и быта рабочих. Положение рабочего класса России во второй половине XIX века стало «притчей во языцех» не без оснований. Условия жизни и

быта некоторых слоев рабочих, особенно неквалифицированных, были очень плохи (хотя, если сравнивать их с условиями труда в аналогичный период развития капитализма в западных странах, они мало отличались от них, и более того, как мы уже убедились, по уровню оплаты были даже несколько выше). Число смертельных случаев на производстве в горной промышленности в России конца девятнадцатого века значительно превышало соответствующие показатели Франции, Бельгии, Великобритании, но не намного отличались от такой страны, как Пруссия. Вместе с тем производственный травматизм и смертность на предприятиях России конца XIX века были не выше Англии середины XIX века, то есть были связаны с определенной ступенью развития промышленности.

Система штрафов, налагаемых на рабочих, была почти не известна в России до XVIII—XIX веков. Она принесена и получила развитие вместе с насаждением индивидуалистических форм организации производства и труда. В самом деле, в артельных формах организации труда многие проблемы решались круговой порукой, и самой страшной карой было исключение из артели на мирском сходе. Русский работник, вырванный из привычных ему общинных, артельных форм существования, терялся в новых, чуждых ему хитросплетениях производственной жизни. Штрафы обрушивались на него со всех сторон.

На фабрике Пешкова в Московской губернии на стенах висело такое объявление: «Кто поступил на фабрику, тот не имеет права выхода за ворота, за нарушение правила штраф 1 рубль; или: «Так как фабричные дозволяют себе беспокоить хозяина — просить денег, то предупреждаю — выдача денег ранее (установленного срока) не будет; осмелившийся спросить раньше будет разочтен совсем». На заводе Мартына опоздавший на 15 минут штрафовался в десятикратном размере стоимости этого рабочего времени, а опоздавший на 20 минут и более — в пятидесятикратном. На писчебумажной фабрике Панченко за каждый час опоздания вычиталось как за два дня, а в 3-х типографиях — за каждый час как за три дня. На одной фабрике — штраф в 3 рубля за неприличные слова. На кирпичном заводе Якунчикова за опоздание на 15 минут вычиталась плата за целый день; если рабочий ляжет не в «назначенном для того месте» — штраф от 50 копеек до 1 рубля. Во Владимирской губернии встречались штрафы за перелезание через фабричный забор, за охоту в лесу, за сборище нескольких человек в одну кучу. А на многих фабриках

встречалась только одна лаконичная статья — «замеченные в нарушении фабричных правил штрафуются по усмотрению хозяина»<sup>5</sup>. Какое отношение могли вызывать эти штрафы у русского работника? Только протест, устойчивую неприязнь к администрации, в которой рабочие видели не просто отвлеченных эксплуататоров, но настоящих личных врагов.

Фабрика, построенная на западноевропейских основах, разрушала не только привычный уклад работников, но и ломала, уродовала самих работников — нарушала жизненный ритм, ослабляла здоровье.

Если при артельных формах хозяйствования и труда работники — плотники, пильщики, землекопы, возчики дров и чернорабочие — зимой работали по 7—8 часов, летом по 13—14 часов, а в среднем за год около 10 часов в сутки, то на фабриках и заводах, устроенных по западноевропейскому образцу, рабочих заставляли работать по 12 часов в сутки. Распределение этих часов, писал Пажитнов, — таково, что после 6 часов работы — 6 часов отдыха, затем снова 6 часов работы и 6 часов отдыха. Спать днем в условиях жилищной скученности рабочий не мог, при ночной же смене из 6 часов можно было урвать часа 4, не более. Поэтому получалось, что в большинстве случаев рабочие спали настоящим сном в одну неделю 4 часа в сутки, а в другую только урывками, случайно и не всегда. А ведь потребность человека во сне составляет в среднем 8 часов в сутки. Результатом недосыпания было ослабление всех жизненных сил рабочего, плохой аппетит, потеря спокойствия, нервность, раздражительность, вспыльчивость. Можно ли удивляться картине трудовой жизни русской фабрики не из худших, которая была нарисована в докладе на торгово-промышленном съезде в 1896 году. При входе на бумагопрядильную фабрику свежий человек поражается двумя, на первый взгляд несовместимыми, явлениями: это, с одной стороны, опрятность и чистота фабричных зал, доходящая иногда до изысканности, блеск машин, теплый и сухой воздух, а главное — такая легкость работы, что даже женщины и дети работают без особого напряжения физических сил, это скорее гулянье, чем труд. Другое поражающее явление — это вид рабочих; они худосочны, ростом малы, корпус недостаточно развит, все части тела как-то миниатюрны... Словом, это какие-то пожилые дети или молодые старики. Первое впечатление свежего человека, к сожалению, оказывается не случайным явлением, а повсеместной действительностью. Фаб-

рично-заводской рабочий, действительно, всегда и везде один и тот же; таким вы увидите его на любой фабрике<sup>6</sup>.

Наступление на сложившиеся у русского населения традиции и обычаи осуществлялось и путем запрещения праздновать вошедшие в жизнь народа праздники. Правящие круги и образованное общество считало, что их слишком много и что большую часть следует отменить, оставив, как в Англии, всего несколько праздников, а число рабочих дней в году довести с 230—250 до 300 (как в Западной Европе). При этом забывалось, что в народе сложился определенный трудовой ритм и то, что большое количество праздников компенсировалось более продолжительным и интенсивным трудом в течение рабочего дня.

Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности России предлагает вопреки установившимся традициям и православным обычаям в праздничные дни разрешать работу.

В решениях совещания говорилось, что «необходимо синодальному обер-прокурору обратиться с предложением к Святейшему Синоду, чтобы он обязал священников вести среди народа пропаганду за отказ от праздников, чтобы священники всеми средствами старались «располагать прихожан к труду, отклоняя всячески от разорительных для их хозяйств празднований...»<sup>7</sup>. Однако церковь на это не пошла.

Итак, живым тысячелетним формам артельного хозяйствования, народного самоуправления, совместного владения землей правящий режим противопоставил бюрократический, чиновничий диктат. Классовый антагонизм был еще более усилен особенностями развития капитализма, поступательное движение которого чаще всего шло вразрез со сложившимися народными традициями и обычаями.

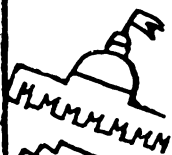
В этих условиях спасти народные основы жизни, общину и артель могла только революция. «И в то время как обескровливают и терзают общину, обеспложивают и истощают ее землю, литературные лакеи «новых столпов общества» иронически указывают на нанесенные ей раны, как на симптомы ее естественной неоспоримой дряхлости, и уверяют, что она умирает естественной смертью и что сократить ее агонию было бы добрым делом... Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция... Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом

превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя»<sup>8</sup>.

Да, главным импульсом надвигающейся революции, отвечавшей чаяниям трудовой России, было возвращение к народным основам, традициям и идеалам. Революция должна была смести все наносное и чужеродное, открыв дорогу возрождению народного уклада жизни. И многие лучшие умы России ставили вопрос именно так. Великий русский ученый Д. И. Менделеев писал: «Ближайшим русским идеалом, отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа, по мнению моему, должно считать общину, согласно — под руководством лучших и образованнейших сочленов — ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общественном руднике... Фабрика или завод около каждой почти деревни, в каждой почти помещичьей усадьбе — вот что одно может, по моему крайнему разумению, сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным. И к постепенному достижению этого идеала я не вижу ни одного существенного препятствия ни в быте народном, ни в общих русских условиях...»<sup>9</sup>.



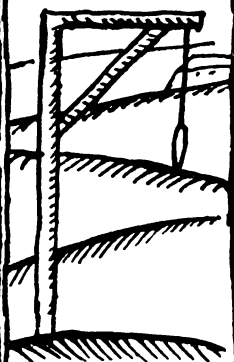
## РАЗДЕЛ 12



В МОСКВЕ: Ц  
КАГАНОВИЧА В  
РАЗРЕШИТЬ ЗАДАЧУ  
МОСКВА-РЕКИ ПУТЕМ  
С ВЕРХОВЬЯМИ ВОЛ



ПОВЕНЕЦ  
АР  
ИЗ ЛЕНИНГРАДА В  
НАША СТРАНА ТЕ



Пало-Коргская плотина

# ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ОЖИДАНИЙ

## ДВА НАЧАЛА РЕВОЛЮЦИИ

Одной из главных причин падения правящего режима в 1917 году стала его безнадежная оторванность от народных идеалов, от основ национальной жизни. Обреченность правящего класса и значительной части образованного общества состояла в том, что они не принимали в расчет и, следовательно, не могли плодотворно освоить многие духовно-нравственные ценности народной жизни и национального трудового опыта. Воспитанное на западноевропейской культуре, большинство представителей правящего класса (хотя далеко не все) с презрением и недоверием относилось к народу, видело в его культуре и эстетике преимущественно невежество и темноту. Поэтому для крестьян и рабочих дворянство и буржуазия были не только эксплуататорским классом, но и людьми другой культуры, активно противостоящими духовно-нравственным ценностям народной жизни.

Революция со всей остротой поставила вопрос о возвращении к народным основам, традициям и идеалам как столбовой дорожке развития. Жизнь настоятельно требовала учета сложившейся исторически национальной модели ведения хозяйства и трудовой деятельности. Однако в реальной жизни сложилось так, что эти идеи стали фоном революции, а отнюдь не ее компасом.

Сегодня со стороны, издалека легче увидеть, что в смертельной схватке тех далеких лет все российские социалисты говорили о народном благе, но не все они однозначно относились к основам жизни народа, его традициям и идеалам, не все понимали жизненную необходимость учета национальной модели ведения хозяйства.

В русской революции боролись два взаимоисключающих начала — творческое, национальное, российское и разрушительное, антинациональное, отчасти заимствованное с Запада, отчасти отражавшее идеологию нетрудовых, босяцких слоев общества.

Первое требовало всемерного использования самостоятельности и инициативы широких масс трудящихся, сложившихся в истории народа социалистических принципов

и идеалов, учета национальной модели хозяйствования и трудовой деятельности. Второе — отвергало исторический опыт народа, делало ставку на методы принуждения и насилия при навязывании широким массам не совсем понятных для них форм жизни, исходя из утопических схем идеального общества. О пагубности отрицания народных основ труда предостерегали многие русские мыслители. В частности, Н. Бердяев, имея в виду именно этот нигилизм, предупреждал, что материалистический социализм не в силах организовать труд, он его дезорганизует, так как отрицает иерархический строй труда. Он разрушает духовные основы труда<sup>1</sup>.

Принятый правительством в первый день Советской власти декрет о земле, безусловно, соответствовал народным традициям и идеалам. Суть его сводилась к четырем главным положениям: ликвидации помещичьего землевладения, национализации земли, передаче земли в распоряжение крестьянских организаций и уравнительному землепользованию. При обсуждении декрета о земле Ленин высказал важную мысль, которая могла определить столбовой путь в развитии революционных преобразований, если бы она твердо проводилась в жизнь как им самим, так и его политическими наследниками: «Жизнь — лучший учитель, она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одной стороны, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам...»<sup>2</sup>

Понимая недопустимость пути строительства социализма «сверху», руками только революционного меньшинства, Ленин отмечал, что «построить коммунистическое общество руками коммунистов — это ребячья, совершенно ребячья идея»<sup>3</sup>. «Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров...) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров... Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы...»<sup>4</sup> «Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества»<sup>5</sup>.

Еще до революции Ленин предлагал в вопросах труда основываться на силе всесторонней самостоятельности и самодеятельности масс, демократии, гласности, авторитете общественного мнения, добровольного коллективного

объединения людей, «сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения»<sup>6</sup>, и в этом смысле его воззрения были созвучны идеалам традиционной крестьянской культуры.

Порядок и дисциплина труда декларировались Лениным как сознательный и добровольный почин самих трудящихся. Порядок и дисциплина не подавления и принуждения, а «дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы...»<sup>7</sup>.

В новое трудовое общество Ленин считал необходимым взять всю культуру прошлого, ибо социалистическая культура не является выскочившей неизвестно откуда. Ее появление подготовлено всей многовековой мировой культурой, законным наследником которой она выступает. «Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»<sup>8</sup>.

Особенно внимательным и осторожным, считал Ленин, надо быть в отношении крестьянства, признавая за многими его представителями вековую трудовую мудрость. «Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства. Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю *и не сметь командовать*. Вот правило, которое мы себе поставили»<sup>9</sup>, — писал В. И. Ленин.

Призывы Ленина учесть особенные условия жизни крестьянина, учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать теоретически создавали основу для сохранения традиционной крестьянской культуры — главного национального богатства страны. Учитывая склонность крестьян к существованию в кооперативных, артельных, общинных формах организации тружеников, Ленин отмечал большое значение кооперации с точки зрения «перехода к новым порядкам, возможно более простым, легким и доступным для крестьянина».

Однако нам не хотелось бы идеализировать взгляды Ленина на народные основы труда в новую историческую эпоху. Они были достаточно противоречивы. Вот, на наш взгляд, главные из этих противоречий. Как и прочие социал-демократы, начиная от Плеханова и Засулич, Ленин, в отличие от Маркса, считал крестьянскую общину отжившей и отсталой формой социальной жизни и не видел в

ней никаких перспектив. Намеренное противопоставление крестьянским общинным сходам комитетов бедноты и местных Советов (как правило, сколоченных «сверху») привело к резкому усилению классовой, сословной розни, нездоровому обострению борьбы между трудовыми и нетрудовыми слоями деревни. Передача власти в руки бедноты и люмпен-пролетариев рассматривалась большинством крестьян как поддержка лодырей и нетрудовых элементов, оказывая деморализующее влияние на всю народную культуру труда.

Нельзя согласиться и с утверждением Ленина о том, что «русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями<sup>10</sup>». Приведенные нами выше реальные исторические факты говорят об ином. В этом представлении руководителя партии сказывался общий для большей части российской социал-демократии взгляд на русского работника через призму люмпен-пролетарских слоев.

Кстати, в свое время по поводу характера русского человека у Ленина с Горьким произошел другой разговор. Как писал сам Горький: «Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими...

На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети... заметил:

— Наши работают бойчее.

И когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

— Гм, гм, а не забываете ли вы России, живя на этой шишке?»<sup>11</sup>

Но, конечно, главное противоречие состояло в том, что, несмотря на декларативное провозглашение добровольного, самостоятельного, свободного труда в России, революционное правительство, возглавляемое Лениным, осуществляет ряд мероприятий, в корне подрывающих народные основы труда — вводится всеобщая трудовая повинность, осуществляется милитаризация труда, а позднее организуются еще и трудовые армии.

«Субботники, трудовые армии, трудовая повинность — вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда», — заявлял Ленин. Выступая на заседании Президиума ВСНХ 1 апреля 1918 года, он требует усиления кар за несоблюдение трудовой дисциплины, вплоть до тюремного заключения. Принуждение, считает он, следует применять не только к эксплуататорам, но и к рабочим и крестьянам — «карать беспощадно», «не жалеть

диктаторских приемов». Система тейлоризма, которую Ленин до революции объявлял «научной системой выживания пота», в советское время рекомендуется им для внедрения в социалистическое производство. Однако справедливости ради надо заметить, что главным теоретиком «социалистического» преобразования русского труда был не Ленин, а Троцкий<sup>12</sup>.

## ТРОЦКИЙ — ТЕРРОРИЗМ И КОММУНИЗМ

В 1920 году Лев Троцкий в книге «Терроризм и коммунизм» дал всестороннюю картину развития труда в новую историческую эпоху. В приводимом ныне обширном отрывке из этой книги по сути дела формулируются основные принципы труда, многие элементы которых использовались не только в гражданскую войну, но и в 20—50-е годы и, более того, частично дошли и до нашего времени.

«Организация труда,— писал Троцкий,— есть по существу организация нового общества: каждое историческое общество является в основе своей организацией труда. Если каждое прошлое общество было организацией труда в интересах меньшинства... то мы делаем первую в мировой истории попытку организации труда в интересах самого трудящегося большинства. Это, однако, не исключает элемента принуждения во всех его видах, в самых мягких и крайне жестких (здесь и далее выделено мной.— О. П.).

По общему правилу, человек стремится уклониться от труда. Трудолюбие вовсе не прирожденная черта: оно создается экономическим давлением и общественным воспитанием. Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное. На этом его качестве, в сущности, основан в значительной мере человеческий прогресс, потому что если бы человек не стремился экономно расходовать свою силу, не стремился бы за малое количество энергии получать как можно больше продуктов, то не было бы развития техники и общественной культуры... Не нужно, однако, делать отсюда такой вывод, что партия и профессиональные союзы в своей агитации должны проповедовать это качество как нравственный долг. Нет, нет! У нас его и так избыток. Задача же общественных организаций как раз в том, что «леность» вводится в определенные рамки,

чтобы ее дисциплинировать, чтобы подстегивать человека...

Ключ к хозяйству — рабочая сила... (кстати, вот откуда пошла традиция называть человека рабсилой.— *О. П.*). Казалось бы, ее много. Но где пути к ней? Как ее привлечь к делу? Как ее производственно организовать? Уже при очистке железнодорожного полотна от снежных заносов мы столкнулись с большими затруднениями. Разрешить их путем приобретения рабочей силы на рынке нет никакой возможности при нынешней ничтожной покупательной силе денег, при почти полном отсутствии продуктов обрабатывающей промышленности... Единственным способом привлечения для хозяйственных задач необходимой рабочей силы является проведение трудовой повинности.

Самый принцип трудовой повинности является для коммуниста совершенно бесспорным: «Кто не работает, тот не ест». А так как есть должны все, то все обязаны работать... Наши хозяйственники и с ними вместе профессионально-производственные организации имеют право требовать от своих членов всей той самоотверженности, дисциплины и исполнительности, каких до сих пор требовала только армия... Рабочий не просто торгуется с советским государством,— нет, он подчинен государству, всесторонне подчинен ему, ибо это — его государство... Рабочее государство считает себя вправе послать каждого рабочего на то место, где его работа необходима.

Меньшевики выступают... против трудовой повинности. Они отвергают эти методы как «принудительные». Они проповедуют, что трудовая повинность равносильна низкой производительности труда... Это утверждение подводит нас к самому существу вопроса. Ибо дело, как мы видим, идет вовсе не о том, разумно или не разумно объявить тот или другой завод на военном положении, целесообразно ли предоставить военно-революционному трибуналу право карать развращенных рабочих, ворующих столь драгоценные для нас материалы и инструменты или саботирующих работу. Нет, вопрос поставлен меньшевиками гораздо глубже. Утверждая, что принудительный труд всегда малопроизводителен, они тем самым пытаются вырвать почву из-под нашего хозяйственного строительства... Ибо о том, чтобы перешагнуть от буржуазной анархии к социалистическому хозяйству без революционной диктатуры и без принудительных форм организации хозяйства, не может быть и речи... Плановое хозяйст-

во немыслимо без трудовой повинности (!!!.— О. П.).

Что свободный труд производительнее принудительно-го — это совершенно верно по отношению к эпохе перехода от феодального общества к буржуазному. Но надо быть либералом... чтобы увековечивать эту истину и переносить ее на эпоху перехода от буржуазного строя к социализму... Весь вопрос в том, кто, над кем и для чего применяет принуждение.

Трудовая повинность имеет принудительный характер, но это вовсе не значит, что она является насилием над рабочим классом. Если бы трудовая повинность натыкалась на противодействие большинства трудящихся, она оказалась бы сорванной и с нею вместе советский строй...

Русский капитализм, в силу своей запоздалости, несамостоятельности и вытекающих отсюда паразитических черт, в гораздо меньшей степени, чем капитализм Европы, успел обучить, технически воспитать и производственно дисциплинировать рабочие массы. Эта задача сейчас целиком ложится на профессиональные организации пролетариата. Хороший инженер, хороший машинист, хороший слесарь должны иметь в Советской Республике такую же известность и славу, какую раньше имели выдающиеся агитаторы, революционные борцы, а в настоящий период — наиболее мужественные и способные командиры и комиссары... Наши трудовые мобилизации не войдут в жизнь, не укоренятся, если мы не захватим за живое все, что есть честного, сознательного, одухотворенного в рабочем классе.

Более глубокие слои... вышедшие из крестьянской толщи... еще слишком бедны инициативой. Чем болен наш русский мужик — это стадностью, отсутствием личности, то есть тем, что воспело наше реакционное народничество, что восславил Лев Толстой в образе Платона Каратаева: крестьянин растворяется в своей общине, подчиняется земле. Совершенно очевидно, что социалистическое хозяйство основано не на Платоне Каратаеве, а на мыслящем, инициативном, ответственном работнике. Эту личную инициативу необходимо в рабочем воспитывать...

...Путь к социализму лежит через высшее напряжение государства. И мы с вами проходим как раз через этот период... Никакая другая организация, кроме армии, не охватывала в прошлом человека с такой суровой принудительностью, как государственная организация рабочего класса в тягчайшую переходную эпоху. Именно поэтому мы и говорим о милитаризации труда»<sup>1</sup>.



По сути дела, воззрения Троцкого на переустройство труда в новую историческую эпоху отражало мировоззрение паразитических, деклассированных, босяцких слоев общества. Именно для этих слоев труд был проклятием, а лень осью жизни. В их представлении нормальный человек может трудиться только по принуждению из-под палки. Нравственные ценности русского крестьянина, и прежде всего трудолюбие как добродетель, были совершенно непонятны и даже дики для этих слоев. Золотой век для них — это время, когда можно будет не работать, а только наслаждаться вечной праздностью. Недаром Троцкий говорит о лени как о двигателе прогресса. Социалистический лозунг освобождения труда мыслится им как освобождение от труда. Золотая мечта лодырей и паразитов.

Именно поэтому Троцкий всегда был враждебен русскому крестьянству, начисто отрицал его культуру. Он писал: «Мужицкая основа нашей культуры — вернее бы сказать, бескультурья — обнаруживает все свое пассивное могущество». Это могущество традиционной крестьянской культуры Троцкий и его последователи «огнем и мечом» пытались уничтожить, подавить «косность широких слоев отсталой народной массы». И это была борьба не просто людей, а двух противоположных идеологий — трудовой и нетрудовой (паразитической).

В идеях Троцкого в чистом виде проявилось утопическое стремление к созданию всеобъемлющей, всезнающей, всепонимающей централистской системы административного диктата, сочетающейся со всеобщей милитаризацией труда, бюрократизацией и натурализацией распределения и обмена, огосударствлением профсоюзов. Именно он стал одним из главных инициаторов проведения этой системы в жизнь. Крах этой системы он объяснял не принципиальной ее порочностью, а низкой культурой населения России, которая еще не доросла до столь «совершенных» форм хозяйственного развития. Вот что он сам рассказывал на XI партийном съезде: «Мы начали в хозяйственной политике крутым и непримиримым разрывом с буржуазным прошлым. Раньше был рынок — упраздняется, свободная торговля — упраздняется, конкуренция — упраздняется, калькуляция коммерческая — упраздняется. Что вместо этого? Централистский верховный священный ВСНХ, который все распределяет, все организует, обо всем заботится: куда машины, куда сырье, куда готовые продукты, — он из единого центра через свои ответственные органы реша-

ет, все распределяет. Мы на этом плане осеклись. Почему? Потому что оказались недостаточно подготовленными... А если бы не осеклись? Или другими словами: если бы другой рабочий класс на известной стадии своей диктатуры имел бы возможность, по своей культурной подготовке, перейти к этому централистическому государственному упразднению рынка, конкуренции, калькуляции и к замене этого единым хозяйственным планом, все охватывающим и все предусматривающим... тогда огосударствление профсоюзов и плановое руководство социалистическим хозяйством означали бы две стороны одного и того же процесса».

Абсолютное непонимание традиционной крестьянской культуры было для Троцкого не случайным. В истории страны он видел только отрицательные стороны — темноту, невежество. Прошлое России, да и вообще русский народ Троцкий просто презирал. «Россия приговорена своей природой на долгую отсталость», — заявлял он. «Ни один государственный деятель России никогда не поднимался выше третьеразрядных имитаций герцога Альбы, Меттерниха или Бисмарка». Вообще Россия для Троцкого — «провинциальное захолустье», в котором не было ничего ценного, а только «варварская жестокость самодержавного государства, ничтожество привилегированных классов, лихорадочное развитие капитализма на дрожжах мировой биржи, выморочность русской буржуазии, упадочность ее идеологии, дряньность ее политики». Российское «третье сословие», заявлял Троцкий, «не имело и не могло иметь ни своей Реформации, ни своей Великой Революции. Российская история, по мнению Троцкого, не дала в прошлом ни Лютера, ни Фомы Мюнстера, ни Мирабо, ни Дантона, ни Робеспьера». Вся русская культура лишь «поверхностная имитация высших западных моделей и ничего не внесла в сокровищницу человечества»<sup>2</sup>.

Как маркиз де Кюстин, Троцкий предлагает строить Россию заново, прежде всего очистив ее от всякого «исторического хлама», называемого некоторыми отсталыми людьми «культурно-историческим наследием». Что делать с такими отсталыми людьми, Лев Давидович знает точно. «Враждебные государству элементы, — пишет он, — должны направляться в массовом порядке на объекты строительства пролетарского государства». Большая часть пятнадцатого тома собрания сочинений Троцкого посвящена милитаризации труда, которая должна осуществляться путем превращения производственных районов в миллионные дивизии, объединения военных округов с производственными

ми подразделениями. На важнейших объектах он предлагает создавать «ударные батальоны, чтобы они повысили производительность личным примером и репрессиями...».

Позднее, в 1925 году, Троцкий предлагает экономическую политику «сверхиндустриализации», ставит вопрос сверхтемпов развития. Успехи восстановления,— писал он,— подводят нашу страну к «старту», с которого начинается подлинное экономическое состязание с мировым капитализмом, а потому особое значение приобретает проблема темпов. По его подсчетам, совокупность преимуществ, которыми располагала Советская власть, позволяла вдвое-втрое, если не больше, ускорить промышленный рост, по сравнению с дореволюционной Россией. Речь, следовательно, шла примерно с 18—20-процентном ежегодном увеличении промышленной продукции. Естественно, такой рост мог бы быть осуществлен только за счет безудержной эксплуатации деревни и по сути дела предусматривал гибель значительной части крестьянства. Сталин и его соратники подвергли критике это предложение Троцкого, что не помешало им через несколько лет задать темпы еще более высокие и выматывающие.

## БОЛЬШЕВИКИ ИЛИ КОММУНИСТЫ?

Троцкий был самым ярким выразителем разрушительных, антинародных, антинациональных, антирусских тенденций революции. Но отстаиваемые им воззрения были совсем не оригинальны и уходили глубоко корнями в теоретические споры российских социалистов XIX века и, более того, развивались независимо и до, и после него. Не зная этих споров, нельзя понять всех дальнейших событий, которые произошли в сфере труда в советское время.

Довольно характерным явлением, отражающим настроения определенной части русских революционеров, была деятельность Петра Никитича Ткачева. Осознавая идеалы крестьянства, он вместе с тем сокрушался, что после победы революции русский крестьянин, «разрушив учреждения чуждые, враждебные привычным ему формам общежития, уничтожив всех своих непосредственных врагов, захватив в свои руки их достояние, он, более свободный, более довольный, более обеспеченный, возвратится в свою «святая святых»— в свой «мир», в свою общину, к своей семье. Его внутренний мир, обветшалые, традиционные формы его жизни останутся нетронутыми, он любит их, он

дорожит ими, и он не прикоснется к ним ни единым пальцем». По мнению Ткачева, пассивной, консервативной силе народа необходимо революционное меньшинство, которое научит народ жить и покажет, куда ему идти. «Мы не должны,— отмечает Ткачев,— мы не имеем права возлагать на народ чересчур больших надежд и упований. Нечего говорить глупости, будто народ, «предоставленный самому себе», может осуществить социальную революцию, может сам наилучшим образом устроить свою судьбу... Народ — необходимый факт социальной революции, но только тогда, когда революционное меньшинство возьмет в свои руки дело этой революции, когда оно постоянно будет направлять и руководить как революционными, так и консервативными силами народа»<sup>1</sup>.

Социал-демократы пошли еще дальше. Если названный выше автор в какой-то степени признавал значение общины и артели, то многие социал-демократы неоправданно сужают это значение, объявляя общину орудием государства и фискальным инструментом казни. А так как община — орудие государства, то поддержка ее равносильна поддержке царского режима и ведет к отдалению срока социальной революции. Аналогичным образом социал-демократы видели опасность в поддержке артельного и кооперативного движения. По их мнению, крестьянство и пролетариат могут попасть под влияние правых оппортунистов, которые будут направлять их по пути реформ, отклоняя от революции, затемняя классовое сознание.

Мы уже рассказывали, как Плеханов и Засулич вплоть до своей смерти скрывали от других русских революционеров письмо Маркса, в котором тот отмечал, что для России не существует исторической необходимости проходить все те же фазы развития, которые прошла Западная Европа, и то, что русская крестьянская община является точкой опоры социального возрождения России и даже элементом превосходства России над другими капиталистическими странами. Совершенно очевидно, что Плеханов не был согласен с этими выводами Маркса. Отмечая «тупость» русских крестьян, ошибочно видя в них только опору царского режима, Плеханов заявлял, что «кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации». Оспаривая роль русского крестьянства в революции, он, подобно Ткачеву, уповает на революционное меньшинство. «Необходимость участия массы в великих исторических событиях

обуславливает собою,— пишет Плеханов,— необходимость воздействия на эту массу более развитых, более нравственных личностей»<sup>2</sup>. Это нужно для того, чтобы менее развитую, чем революционное меньшинство, народную массу, ее экономику согласовать с умозрительными идеалами передовой интеллигенции, которая, конечно, лучше понимает, что надо народу, чем сам народ. «Передовая революционная интеллигенция» «изверилась в народ», так как его идеалы оказались несозвучны идеалам этой интеллигенции. Потому она вступает в намеренное противоречие с «народной экономией», надеясь привести ее в соответствие со своими идеалами<sup>3</sup>.

И если еще в 60—70-е годы XIX века интеллигенция пытается творчески освоить основы и идеалы народной жизни, то примерно с 80-х годов начинает преобладать противоположное стремление — учить народ жить. Согласно сложившейся схеме, крестьянская жизнь рассматривается только в темном свете — в противоположность городской жизни, представляемой тоже мрачно, но с несомненным проблеском надежды, которую несет новый нарождающийся класс — пролетариат. «Идиотизм» деревенской жизни противопоставляется явному превосходству городской культуры и прогрессивности пролетариата. Предвзятое изображение крестьянской жизни как темной и отсталой на долгие годы становится общим местом для многих представителей русского образованного общества.

Еще задолго до революции российские социалисты разработали умозрительную схему будущего народного хозяйства, отвечавшую их понятиям об идеальной хозяйственной системе. В учебнике известного социалиста А. Богданова «Краткий курс экономической науки», первое издание которого относится к 1897 году, а последнее, пятнадцатое, — к 1924-му, наиболее ярко и систематично изложены основные принципы построения социалистического хозяйства, которые, без сомнения, разделялись большинством всех российских социалистов. «Тип организации (народного хозяйства.— *О. П.*),— излагается в учебнике,— не может быть иным, как централистическим, но не в смысле старого, авторитарного, а в смысле иного научного централизма. Его центром должно являться гигантское статистическое бюро, на основании точных расчетов распределяющее рабочие силы и средства труда, т. е. вырабатывающее и проводящее единый хозяйственный план для всей экономической системы». Национальный характер, особенности народной жизни в этой схеме в расчет

совсем не принимаются. Хозяйство рассматривается безотносительно к исторически сложившимся хозяйственным связям. Более того, считается, что «масштаб организации (народного хозяйства.— О. П.) с самого начала должен быть мировой или близкой к мировому, чтобы новое общество не зависело в своем производстве и потреблении от обмена со странами, не вошедшими в него...» Движущей силой хозяйственной системы социалисты мыслят не материальные и моральные стимулы, а товарищескую дисциплину, которая, пока общество не воспиталось в духе коллективного труда, включает и принуждение. Общественная собственность на средства производства предполагает общественно организованное товарищеское распределение на уравнительной основе.

От Богданова, как мы уже видели сами, всего один шаг до уже рассмотренных нами представлений Троцкого и его школы. Для них не существует ничего святого, ничего вечного.

Какой там учет национальных традиций и идеалов! Прочь этот хлам. Да здравствует реорганизация человека и общества, мы господа всему!

«Наши коммунисты,— отмечал писатель Пришвин,— истинные властелины всей природы, всего органического труда... Европа с наукой — слуги социализма (все ихнее мы покупаем за лес). Такое хомо-центрическое мировоззрение, вероятно, является продуктом европейского индустриального безверия, поддержанного и обращенного в веру русской революции (изнанка этой веры: жить хочется)»<sup>4</sup>.

Троцкист Гольцман на V Всероссийской конференции профсоюзов (ноябрь 1920 года) высказывает следующее кредо: «Другой способ (способ воздействия на рабочих) — это способ принуждения, способ реальной политики, которая не останавливается ни перед какими методами — как методами поощрения рабочих, так и методами принуждения, беспощадной палочной дисциплины по отношению к рабочим массам, которые нас тянут назад. Мы не будем останавливаться перед тем, чтобы применить тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые неспособны понять наши тенденции»<sup>5</sup>.

А каковы их тенденции, троцкист Гольцман рассказывает в своей книге «Реорганизация человека» — превращение людей в роботов и винтики производства. «Труд и отдых чередуются по предначертанной программе, обеденное время регулируется сигналом. Стихия быта заменяется его рационализацией. В питание и отдых врывается поэзия

машинистов. Наступает в наиболее изощренной форме... механизация жизни»<sup>6</sup>.

Гольцман провозглашает бесплодное потребительство, объявляя потребление целью жизни. Необходимо «расширить количество предметов, подчиненных человеку».

Задача организации потребления и по сути дела задача жизни в том, чтобы не упустить ни одного атома материи. Природа дана для удовлетворения потребностей человека. Все для человека. Никаких святынь. Святотатство всегда было лозунгом жизни. Вся древняя культура хлам. Прочь ее. Пожившему человеку не грех и умереть.

Психология босяков и кочевников, философия мировой шпаны отравленной патокой растекается по России, противопоставляя древней культуре бесплодные лозунги, stravливая поколения, нарушая преемственность.

В 20-е годы теоретические положения троцкизма поддерживал и развивал Е. Преображенский. Абсолютизация «социалистического монополизма», отождествление планирования с политикой высоких цен, предложение сверхвысоких темпов роста, а главное, теоретическое обоснование эксплуатации государством досоциалистических форм хозяйства (читай: крестьянства.— *О. П.*) пронизывает экономические труды этого видного троцкиста, бывшего тогда членом коллегии Наркомфина. «Товарное производство,— писал он в 1923 году,— мы противопоставляем социалистическому плановому хозяйству, рынок — бухгалтерии социалистического общества, цены — трудовым издержкам производства, товар — продукту». Напор капиталистического монополизма, утверждает Преображенский, может встретить преграду лишь в социалистическом монополизме. «Забастовка покупателей — вот предел для государственного планирования в том случае, если цены государства превышают известный уровень, приемлемый для частного рынка... Наоборот, когда платежеспособный спрос частного рынка превышает размеры государственного производства, рамки хозяйственного маневрирования государства расширяются, расширяются возможности накопления за счет частного хозяйства, государство является хозяином в назначении цен в пределах от себестоимости производства до исчерпания всего платежеспособного спроса».

...Когда читаешь воспоминания второй жены видного политического деятеля и экономиста Н. Бухарина, еще больше понимаешь трагедию некоторых российских революционеров, придерживающихся взглядов о возможности построения социализма путем отрицания народных основ

при помощи насилия и затянутых в зловещий механизм огромной бесчеловечной машины, созданной при их же активном участии.

«Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью,— писал Н. Бухарин,— является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Было ли это программное заявление Бухарина случайным в его деятельности? Конечно, нет. Оно было обусловлено всей суммой его представлений о том самом «человеческом материале», из которого ему хотелось создать нового человека. А материал этот, по мнению Бухарина, был крайне плох и несовершенен. Чтобы усовершенствовать этот материал, необходимо было превратить страну в «фабрику с массовой переделкой людей», одной из распространенных разновидностей которой стал концентрационный трудовой лагерь.

В многочисленных работах Бухарина вы не найдете положительных упоминаний о традиционной крестьянской культуре, о ценности культурно-исторического наследия России. Если Ленин, хотя и неоднократно критиковал отрицательные стороны исторического прошлого России, но всегда высоко оценивал русскую культуру и считал необходимым использовать ее богатый потенциал в строительстве социализма, то Бухарин видел в старой культуре, как правило, только отрицательное. В своих скандально знаменитых «Злых замечках», ставших своего рода манифестом культурно-исторического нигилизма и переплюнувших в русофобских настроениях самого маркиза де Кюстина, Бухарин писал: «Где в настоящем у нас... «рабское прошлое»?

Оно — в темноте

Оно — в мордобое

Оно — в пьянстве

Оно — в матершине

Оно — в дряблости, неуважении к труду, хулиганстве

Оно — в «ладанках» и «иконках», «свечках» и «лампадах»

Оно — в остатках шовинизма...

Оно — в свинском обращении с женщиной

Оно — во внутренней разнузданности, в неумении работать над собой, в остатках обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы»<sup>7</sup>.



В этих строках весь Бухарин вместе со своим методом — выхватывание из огромного многообразия и богатства народной культуры отдельных отрицательных черт и возведение их в абсолют, а затем, отталкиваясь от этого умозрительного абсолюта, построение оторванных от жизни теорий.

В самый разгар троцкистско-сталинских экспериментов в экономике в 1934 году, Бухарин восторженно заявляет на XVII съезде ВКП(б): «Вся страна превращается в великую социалистическую фабрику с массовой переделкой людей, с небывалым стилем оперативной конкретной работы. Если вспомнить, что не так давно наша страна слыла страной Обломовых, страной азиатских, рабских темпов труда, и если посмотреть на нашу страну теперь, то мы увидим те гигантские изменения, тот гигантский прыжок, который мы сделали за последнее время». Речь на этом съезде Бухарин закончил безудержным восхвалением «фельдмаршала пролетарских сил, лучшего из лучших — товарища Сталина».

Неверие в народ, презрение к его культуре пронизывали значительную часть верхушки нового правящего режима. Неудачи, провалы политики объяснялись этой частью «верхов» отсталостью и «головотяпством» народа. Как отмечал в своих дневниках М. Пришвин, именно «эти слова употребляют вообще и все высшие коммунисты, когда им дают жизненные примеры их неправильной, жестокой политики. Помню, еще Каменев на мое донесение о повседневных преступлениях ответил спокойно, что у них в правительстве все разумно и гуманно. «Кто же виноват?» — спросил я. «Значит, народ такой», — ответил Каменев<sup>8</sup>.

Да что бухарины и каменевы, многие видные поэты и писатели того времени соревновались друг с другом, кто напишет большую пакость о народном укладе жизни, крестьянской культуре труда и быта.

«Мы, пролетарские поэты... объявляем жесточайшую войну кулацким идеологам «Расеюшки — Руси» (Клюеву и Клычкову. — О. П.), — заявлял А. Безыменский.

Мужику в нынешнее время цена — грош, глумился над крестьянством Демьян Бедный. «Я не певец мужицкого труда, — витийствовал он, — не стану ему делать рекламу. Пора с него снять амальгаму, фальшивую позолоту, махнуть рукой на такую работу! Не работа — беда...»

Пусть это оскорбительно, — поймите.

Есть блуд труда, и он у нас в крови, —

писал поэт О. Мандельштам в 1931 году<sup>9</sup>.

Сегодня, когда читаешь и перечитываешь высказывания и рассуждения российских социалистов, сторонников построения социализма «сверху», путем отрицания народных основ, становится ясно, что Сталин был совсем не оригинален в своей практике. Все, что получило развитие в период Сталина, уже давно вызрело в умах определенной части российских социалистов и было теоретически разработано Троцким, Бухариным и другими подобными «идеологами».

Сталин, так же как Троцкий и Бухарин, видел в прошлом России только темноту и отсталость. В самый разгар коллективизации, когда по всей стране стоял голод, умирали без хлеба миллионы людей, лагеря и пересыльные пункты были переполнены крестьянами, Сталин заявляет: «История старой России состояла... в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную»<sup>10</sup>. Впрочем, при таком понимании предшествующей истории Сталин естественно утверждает, что «в прошлом у нас не было и не могло быть отечества». Культурно-исторический нигилизм был для «великого кормчего» не временной политикой, а убеждением всей жизни. Когда в 1934 году группа деятелей советской культуры обратилась к Сталину с просьбой сохранить выдающийся памятник мировой и национальной культуры Сухареву башню в Москве, он ответил, что «советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества, чем Сухарева башня».

В вопросе отношения к крестьянству Сталин полностью солидаризировался с мнением Троцкого. Они оба рассматривали крестьянина как объект политических манипуляций с узкокласовых позиций, как дойную корову индустриализации.

«С крестьянством,— говорил Сталин на июльском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 года,— у нас обстоит дело в данном случае таким образом. Оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых.

Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии... нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога...»<sup>11</sup>.

«В глазах Сталина,— пишет в своих воспоминаниях Хрущев, — крестьяне были вроде отбросов. У него не было никакого уважения к крестьянству и его труду. Он считал, что крестьян можно заставить работать только путем нажима. Жми, дави и силой забирай, чтобы кормить города».

Главная задача преобразований в деревне, по мнению Сталина, состоит в том, чтобы «переделать крестьянина, его психологию, его производство в духе сближения с психологией рабочего класса (выделено мной — О. П.), в духе социалистического принципа производства».

Сталин противопоставляет город и деревню, объявляет город центром прогресса, а деревню очагом отсталости, который можно разрушить путем «насаждения» передовых социалистических отношений. «Социалистический город,— писал «великий кормчий»,— может вести за собой мелкокрестьянскую деревню не иначе, как *насаждая* (курсив Сталина.— О. П.) в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый социалистический лад». Слово «насаждать» и его различные производные встречаются в речах и трудах Сталина множество раз, всегда противопоставляясь «самотеку» (то есть движению «снизу») роста социализма в деревне. Преследуется «самотек» и в промышленности. В 30-х годах «самотек» в снабжении промышленности кадрами из деревни заменяется принудительным оргнабором. «Насаждая» социализм сверху без учета национальных основ, традиций и идеалов, Сталин чувствует, что крутом зреет сопротивление. Отсюда и его тезис об усилении классовой борьбы по мере продвижения вперед по пути социализма. «Уничтожение классов,— пишет он,— достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственности, а через ее максимальное усиление».

Так шаг за шагом вырабатывалось теоретическое обоснование гигантской административной системы с соответствующим репрессивным аппаратом; объективно неизбежного при строительстве социализма метода отрицания народных основ. Этот метод «искоренения» и «насаждения» вполне можно было назвать еще методом испанских конкистадоров или тупиковым путем к социализму, за обочиной которого остались огромные неиспользованные возможно-

сти многих десятков миллионов наших соотечественников.

Почему же все-таки возобладал путь строительства социализма методом отрицания народных основ, традиций и идеалов? Путь заведомо тупиковый и катастрофический, как это стало очевидно в наше время.

Главное, конечно, состояло в том, что определенная часть российских социалистов плохо или совсем не знала русской истории: они видели в ней только темноту и отсталость, были безнадежно оторваны от народа, замечая в нем преимущественно отрицательные черты, и поэтому не могли разглядеть ни своеобразия развития России, ни огромной ценности ее культурно-исторического наследия. Для них строительство социализма означало строительство здания с нулевого цикла, а предварительно нужно уничтожить все, что находилось на этом месте раньше. Многие из них были лишены чувства Родины, любви к Отечеству (эти слова они воспринимали только с усмешкой) и поэтому без сожаления разрушали культуру, с которой они не чувствовали никакого родства. Как справедливо отмечал Н. Бердяев, «русская революционная интеллигенция была лишена всякого национального чувства и национального самосознания»<sup>12</sup>.

Такая оценка справедлива и по отношению к М. Горькому. «Цель новых людей,— заявлял он,— освободить трудовые массы от древних суеверий и предрассудков расы, нации, класса, религии, создать всемирное братское общество, каждый член которого работает по способности, получает по потребности»<sup>13</sup>.

Бесперспективность троцкистско-сталинского пути к социализму теперь очевидна. Можно уничтожить старые здания и сооружения, но нельзя уничтожить традиции, обычаи, характер народа, формируемые столетиями. Народ ценой неисчислимых духовных и физических потерь перемолол чуждый ему троцкистско-сталинский режим и в настоящее время отторгает его. Примитивная, утопическая и изуверская «антикультура», которую троцкистско-сталинский аппарат пытался выдавать за социализм, столкнувшись с высокими духовно-нравственными ценностями народной культуры, с подлинными ценностями народного социализма, рассыпается в прах, хотя и пытается цепляться за жизнь, маскируясь под другими формами.

Впрочем, ответ на вопрос: почему же возобладали идеи строительства социализма путем отрицания народных основ, традиций и идеалов, дал Ленин в 1922 году на XI партсъезде — причина в низкой культуре правящей

партии, в отрыве многих ее представителей от культуры широких народных масс. «Экономической силы в руках пролетарского государства России,— говорил Ленин,— совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет...

...Нас учили: бывает, что один народ завоюет другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчиненными чужой культуре<sup>14</sup>.

Народ тоже по-своему чувствовал это противоречие между творческими национальными и разрушительными антинациональными силами революции. В повести Б. Пильняка «Голый год» дед-знахарь Егорка так высказывает свое отношение к революционным событиям: «Нет никакого интернационала, а есть народная русская революция, бунт — и больше ничего. По образу Степана Тимофеевича.— «А Карла Марксов?»— спрашивают. Немец, говорю, а стало быть дурак.— «А Ленин?»— Ленин говорю, из мужиков, большевик, а вы, должно, коммунысты... Мужикам — землю! Купцов — вон! Помещиков — вон, шкурники! Учредилку — вон, а надо совет на всю землю, чтобы все приходили, кто хочет, и под небом решали... Чтобы были вера и правда. Столица — Москва. Верь во что хошь, хоть в чурбан. А коммунистов — тоже вон!— большевики, говорю, сами обойдутся».

А ведь сколько раз крестьяне на полном серьезе ставили вопрос: мы за большевиков, но против коммунистов. Крестьяне «нутром» понимали, где свои, а где чужие.

## «НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА»

«С вековой тишиной русской деревни решительно покончено,— писал очевидец событий 1917 года,—

происходит коренная ломка, великая переоценка ценностей всего и во всем.

Зажиточные, «справные» хозяева нервничают. Они ржут не только скот, но и кур, так как ждут не то их конфискации, не то регистрации.

...Крестьянская психология того времени — богатых крестьян и немалой части середняков... колеблется и мечется между радостью, что помещичьи земли перешли к крестьянину, надеждой на какой-то неопределенный неформулируемый, «свой», крестьянский порядок вещей и опасением, что эти достижения пойдут прахом и что-то новое, что начинает строиться,— это не совсем понятное новое — окажется не «своим», не коренным крестьянским».

Конечно, крестьян радовало, что им удалось получить землю на привычной им основе уравнительного землепользования по трудовой или потребительской норме. Крестьянская община на некоторое время ожила, шумели крестьянские сходы, на которых обсуждался вопрос о передаче земель. Чаще всего землю делили по количеству едоков, кое-где — по числу работников или по дворам, или путем прирезки земли хозяйствам бедных крестьян. Однако уже летом 1918 года начались тревожные процессы разрушения краеугольных принципов общины — самоуправления и трудовой демократии. В деревню направляются продотряды для изъятия якобы излишков хлеба, которых на самом деле не было. В 1917 году в армию было мобилизовано примерно 40 процентов мужского населения в рабочем возрасте: отсюда сокращение посевных площадей и продукции сельского хозяйства.

Для поддержки продовольственных отрядов и установления в деревне новых порядков издается декрет об организации деревенской бедноты, снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями за счет других частей деревни. По этому декрету в деревне создаются комитеты бедноты из числа сельских пролетариев, полупролетариев, люмпен-пролетариев, бедняков да и просто разных деклассированных элементов. Следует вспомнить, что в 1917—1918—1919 годах в деревню переходит на жительство большое количество горожан, живших когда-то на селе, но потерявших с ним связь и вот в годы революции вернувшихся, чтобы пережить голод.

Членам комбеда, которые, естественно, не представляли интересов коренной деревни, предоставлялась почти

полная власть и масса привилегий, и прежде всего право на бесплатное получение значительной части зерна, полученного при изъятиях у своих односельчан. Сельский мир, сельская община раскалывалась на две неравноправные части: пролетарские и люмпен-пролетарские комбеды, поддерживаемые силой оружия, и огромную массу коренного крестьянства, оказавшегося в бесправном положении.

На практике дело осуществлялось так. Приходил в деревню вооруженный до зубов продотряд. Сходились на собрание сельские пролетарии, полупролетарии, люмпен-пролетарии, бедняки. Из них руководство продотряда подбирало комбед. Члены комбеда (нередко настоящие деклассированные, уголовные элементы) указывали продотрядовцам, у кого из сельчан есть зерно. Под угрозой оружия осуществлялось изъятие зерна, часть которого поступала в пользу комбеда. Нередко количество зерна, поступавшего в пользу комбедов, достигало половины. Например, в Усманском уезде Тамбовской губернии из реквизированных продотрядом 6 тысяч пудов хлеба 3 тысячи поступили в пользу комбеда.

С начала 1919 года начинается осуществляться система продразверстки, т. е. принудительного изъятия у крестьян значительного количества продовольствия. Продразверстка обеспечивалась путем круговой ответственности волости, и должна была выполняться любой ценой — даже если у крестьян не оставалось продовольствия на прокорм семьи. Всего, фактически безвозмездно, было изъято 615 млн. пудов зерна. Свободная торговля хлебом была запрещена. Крестьяне, имевшие хлеб, но уклонявшиеся от сдачи его государству, объявлялись врагами народа и даже предавались суду ревтрибунала. В волостях было введено заложничество крестьян, отвечавших жизнью за немедленный сбор и ссыпку «излишков» хлеба.

По данным 33 губерний в 1918 году было 315 тысяч членов комбедов и 117 тысяч коммунистов, членов сельских ячеек. Это ничтожно малая цифра. Ибо в то время коммунистом мог стать безо всяких формальностей любой сельский пролетарий или бедняк.

В сельском мужском населении 16—59 лет комбедовцы составляли 2,2 процента, а члены партии — 0,8 процента. В общей же численности сельского населения доля комбедовцев была крайне незначительной — 0,5 процента, а доля членов партии — 0,2 процента.

Деятельность комбедов разрушила относительный мир, существовавший в крестьянских общинах. От неумения, от

предвзятости, от прямой корысти, от желания покуражиться комбедовцами было совершенно огромное количество злоупотреблений — произвольных конфискаций имущества, зерна и продуктов, бессмысленных арестов и жестокого обращения с односельчанами. За очень короткий срок комбеды сумели снискать к себе всеобщую ненависть коренного крестьянства и в начале 1919 года были официально распущены, хотя на самом деле продолжали существовать под вывеской местных Советов.

В законе о социалистическом землеустройстве, изданном в 1919 году, вся земля объявлялась единым государственным фондом и декларировалось, что право на эту землю получает тот, кто землю обрабатывает. На практике же государство, становясь собственником всей земли, распределяло ее через своих чиновников по их усмотрению. Идеальной формой землепользования объявлялись совхозы, коммуны, артели, товарищества, а на все виды единоличного землепользования предлагалось смотреть как на отживающее явление. Более того, развитие этих последних форм намеренно тормозилось. Крестьяне теряли право самостоятельного выбора. Кстати, политика бездумного предпочтения развития сельскохозяйственных коммун не шла им на пользу. Бедняки, люмпен-пролетарии, бывшие горожане, объединившись в коммуны, получали инвентарь, скот из помещичьих усадеб, ссуды, освобождение от налогов и самое главное — большое количество земли (на одного человека) и теряли стимул к эффективному труду. Начинали паразитировать. Проедать и пропивать полученный инвентарь, скот и ссуды.

Вот, например, история, рассказанная Б. Пильняком<sup>1</sup>. Несколько братьев вернулись из города, где ранее служили дворниками, и в бывшей помещичьей усадьбе устроили коммуну, собрав вокруг себя неимущих односельчан, и даже «охватили» членов помещичьей семьи. Присвоили весь инвентарь, лучшие земли. Сами практически не работали, а держались начальниками (председатель, секретарь, завхоз). На них работали неимущие односельчане (кто погорел, кто просто нищий).

Жили члены коммуны в двух домах и бане. Один дом — дача 12x12 из четырех комнат и кухни — занимали три брата с женами и их родственниками; в этом доме чисто. Второй дом: 11x14, людская изба, одна комната, окно заткнуто тряпками, живут 23 человека; в этом доме — грязно, низко, темно, все старики и старухи босы и спят вповалку.



Члены коммуны обладали значительной частью земли и имущества.

		Коммуна	Деревня
число людей .....	31		75
число домов .....	3		18
пахотные земли (десятин)	200		72
засеяно озимых (десятин)	24		20 (больше не позволялось иметь)
лошадей .....	31		75
коров .....	13		12
свиней .....	8		—
инвентарь .....		веялки,	сохи,
		плуги	бороны
питание .....		едят	кошки,
		с мясом	щавель

Деревня сдавала по разверстке: зерно, мясо, яйца, шерсть, картофель. Коммуна ничего не сдавала. «Мужики на коммуну смотрели косо, злобно, недоверчиво, сторонились коммуны». Таких коммун в годы гражданской войны было немало, и получили они печальную славу.

Увлечшись конфискациями и карательными мерами, пролетарская власть на селе не сумела выполнить самого главного — подвинуть коренное крестьянство к обобществлению хозяйства. Несмотря на значительную поддержку и льготы, на призыв к обобществлению, откликнулось незначительное число крестьян. К концу 1920 года в коллективные хозяйства и коммуны объединилась только 131 тыс. человек. Причем половина из них были не крестьянами, а горожанами, бежавшими из голодного города. Число же колхозников-крестьян составляло около 0,5 процента сельского населения<sup>2</sup>.

Коммуны провалились потому, что были псевдонародными формами труда, как правило, выдуманными людьми, не знавшими крестьянской жизни. На практике многие из них стали формой паразитирования пролетарских, люмпен-пролетарских и босяцких элементов. Проев и прожив имущество коммуны, члены ее разбегались в разные стороны, не оставив доброй памяти в народе.

В 1918 году были национализированы все денежные накопления, находившиеся в банках и кредитных учреждениях. В результате этого шага крестьянство потеряло

сотни миллионов золотых рублей (в довоенных ценах). В этом же году был принят декрет о единовременном чрезвычайном налоге на городскую и сельскую буржуазию в размере 10 миллиардов рублей. Только по официальным данным, налогом было обложено 10—12 процентов сельского населения, хотя на самом деле еще больше. На места спускалась разнарядка, и под угрозой арестов, расстрелов, конфискаций крестьян вынуждали платить налог. Сбор налогов в деревне возлагался на комбеды, и они осуществляли его по своему усмотрению, порой обкладывая им даже неугодных бедняков. Как жаловались сами крестьяне, «из уезда говорят: роди и клад, и многих разорили с этим налогом»<sup>3</sup>.

Бонапартистское поведение комбедов, массовые конфискации, реквизиции, грабительские налоги расстроили сельское хозяйство гораздо больше, чем военные действия. Вместе с тем сказывался огромный дефицит рабочей силы. Посевные площади сокращались. Имея земли больше, чем до революции, крестьянство не было заинтересовано в расширении запашки, так как боялось конфискаций и реквизиций. В 1921 году производство зерновых составило 30 процентов от уровня 1913 года, а производство мяса снизилось почти в 4 раза<sup>4</sup>.

Резко сократился доход на одно крестьянское хозяйство. Уровень жизни понизился почти наполовину. Значительно изменился состав деревни. Преобладающая часть богатых, зажиточных и средних крестьян была разорена. Удельный вес богатых и зажиточных крестьян, составлявший до революции 25% населения, уменьшился до нескольких процентов (в пределах 5). В центральных районах России, где конфискации, реквизиции, контрибуции и пр. применялись особенно сурово, число оставшихся богатых и зажиточных крестьян было крайне мало. Больше всего богатых и зажиточных крестьян сохранилось в Сибири.

Наряду со значительным снижением удельного веса зажиточных и богатых крестьян, существенно сократилось число средних крестьян, хотя одновременно понизилось число беспосевных. Но самой значительной закономерностью этого времени было огромное увеличение малопосевных хозяйств (т. е. главным образом бедняков), которые до войны пополняли свой бюджет посторонними заработками.

В 1920 году по уровню дохода на одно крестьянское хозяйство (если принять за критерий довоенный период)

преобладающая часть крестьян могла быть отнесена к разряду бедняков и середняков, живших на границе прожиточного минимума.

Могли ли крестьяне спокойно сносить наступление на свой уклад жизни, родные традиции, обычаи и идеалы? Конечно, нет. Уже летом развивается и ширится мощное народное движение в защиту коренного крестьянского уклада жизни, за право быть самостоятельными и независимыми от произвола центральной власти. Только по официальным данным ВЧК, с июля по ноябрь 1918 года в России отмечено 108 крестьянских (как тогда писали — «кулацких») восстаний. В 1918 году «только в 20 губерниях центральной России вспыхнуло 245 крупных антисоветских мятежей»<sup>5</sup>. Гражданская война превращается в отечественную войну крестьян за народную свободу и независимость. И чем сильнее проводится политика «раскрестьянивания», тем серьезнее и мощнее становится отпор со стороны крестьян. В марте 1919 года командующий 1-й армией народной республики Стрекопытов провозглашает «строительство новой народной власти». Восставшие образуют повстанческий комитет, который отменяет продразверстку и чрезвычайные налоги. Восставшие требовали: 1) вся власть Учредительному собранию; 2) сочетание частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности; 3) железные законы об охране труда; 4) проведение в жизнь гражданских свобод; 5) земля народу; 6) вступление русской республики в Лигу Народов<sup>6</sup>.

В 1920—1921 годах «центр РСФСР был охвачен почти сплошным кольцом крестьянских восстаний от приднепровского Махно до приволжского Антонова»<sup>7</sup>. Крестьянские восстания приобретают организованный характер, повстанцы объединяются в армии, насчитывающие иногда многие десятки тысяч человек. В конце 1920 года армия Махно на Украине (в ней активно участвовало и русское крестьянство) насчитывала 40—50 тысяч бойцов; крестьянская армия Антонова на Тамбовщине и в Воронежском крае объединяла 50 тысяч человек; в информационном отчете Кубано-Черноморского обкома ВКП(б) отмечалось, что весной 1921 года в области формировались целые повстанческие армии; в Ишимском уезде Западной Сибири повстанческая армия достигала 60 тысяч бойцов; широкие повстанческие движения существовали и в других губерниях Сибири и Урала — Тюменской, Челябинской, Екатеринбургской, Тобольской и др. «Первая армия правды»

Сапожкова, воевавшая в Поволжье, насчитывала 1800 штыков, 900 сабель, 10 пулеметов, 4 орудия<sup>8</sup>.

Общее число участников крестьянского повстанческого движения было больше, чем число солдат и офицеров белой армии. Эта великая народная сила объединяла коренное и наиболее работоспособное крестьянское население. Разгром повстанцев предreshался их раздробленностью и изолированностью друг от друга, отсутствием опыта широкой политической деятельности. Крестьянских богатырей били поодиночке, навалившись со всех сторон, как лилипуты на Гулливера. Трагедия состояла еще и в том, что в кровавом подавлении крестьянских восстаний участвовали одурманенные троцкистской пропагандой крестьяне в солдатских шинелях, которые думали, что они воюют с извергами рода человеческого, разбойниками и убийцами — именно так представлялись всему миру крестьянские повстанцы, отстаивавшие свой древний порядок и уклад жизни.

Борьба с крестьянством, преследование и уничтожение его наиболее активных слоев привели село к катастрофе, поставили сельских жителей на грань вымирания. Изношенные сельскохозяйственные орудия не восстанавливались, поголовье рабочего скота сокращалось. Средний размер сельскохозяйственного инвентаря, приходившегося на одно крестьянское хозяйство, снизился, по самым ориентировочным оценкам, на 50 процентов против довоенного<sup>9</sup>. Число голов скота упало примерно на 30 процентов. Железный плуг, получивший широкое распространение перед революцией, начал вытесняться старинной деревянной сохой.

В результате гражданской войны, голода и эпидемических болезней погибло не менее 8 млн. крестьян. Общий уровень крестьянского населения по сравнению с довоенным периодом снизился. В результате тотальной троцкистской пропаганды у части крестьянства была подорвана вера в народные основы, традиции, идеалы.

Комментируя события первых лет революции, В. Короленко в письме М. Горькому замечал, что в нашей стране искоренялась «самая трудолюбивая часть народа», «самые трудоспособные элементы народа, самые разумные и знающие сельское хозяйство преследовались и убивались».

Голод, поразивший страну в начале двадцатых годов, был, по мнению Короленко, не стихийным, а объяснялся всеобщим развалом сферы труда и трудовых отношений — «нарушен естественный порядок труда, вызваны вперед

худшие элементы, самые нетрудоспособные, и им дан перерыв, а самые трудоспособные подавлены. Теперь продолжается то же, если не прекратится, можно ждать голода и на будущий год и дальше»<sup>10</sup>.

И голод не заставил себя ждать. Подобного Россия не знала за всю свою историю: только по официальным данным, от голода и его последствий на селе умерло около 5 млн. крестьян<sup>11</sup>.

## **ОТ ВСЕОБЩЕЙ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ ДО МИЛИТАРИЗАЦИИ ТРУДА**

В самом начале 1918 года в России вводится всеобщая трудовая повинность<sup>1</sup>. В этом же году взамен прежних удостоверений личности, паспортов вводятся трудовые книжки. Для так называемой буржуазии (понятие, трактуемое в то время весьма расширительно, включающее значительную часть крестьян и интеллигенции) под страхом тюремного заключения устанавливается обязательная явка на все работы, куда бы их ни послали местные власти. Не реже раза в месяц в трудовой книжке делается пометка о выполнении владельцами книжек возложенных на них общественных работ и повинностей<sup>2</sup>.

К концу 1918 года все граждане России теряют право на добровольный выбор труда и в случае необходимости могут быть переведены с одной работы на другую<sup>3</sup>. Более того, допускается принудительный перевод из одной организации в другую больших групп работающих. В новом Кодексе законов о труде так и говорится: «Для исполнения срочных общественно необходимых работ, если не находится достаточного количества лиц, желающих добровольно эти работы выполнять... можно постановить о переводе целой группы трудящихся из организации, где они работают, в другую организацию, расположенную в той же или иной местности». В порядке очередности записи безработных в Отделе распределения рабочей силы их могли принудительно направлять на работу в другую местность.

Таким образом, людям, имеющим склонность к самостоятельному труду на добровольной основе, навязывалась принудительная система труда, выйти из которой человек не мог не только из-за угрозы тюремного заключения, но и еще в большей степени из-за угрозы голодной смерти. По крайней мере в городах все источники получения

продуктов питания были взяты новой властью в свои руки. Продовольствие распространялось по карточкам. Но чтобы получить эту карточку, человек должен был официально прикрепиться к какой-то работе. Если хочешь жить, иди работать туда, куда тебя посылает новая власть. Таким образом, человек полностью терял свою свободу и становился всецело зависим от воли новой власти. Если работа тебе не нравилась и ты отказывался от нее из чувства протеста — значит, ты терял право на получение хлебной карточки, а, следовательно, и право на жизнь.

В июле 1918 года петроградский комиссариат продовольствия вводит классовый паек для различных групп трудового и «нетрудового» населения. 4 категории пайков по «трудовому признаку»: 1 — для рабочих тяжелого физического труда, 2 — для остальных рабочих и служащих по найму, 3 — для лиц свободных профессий, 4 — для нетрудовых элементов. Неоднократно поднимается вопрос о лишении пайков «кулацких» и «буржуазных» элементов, которые трактовались очень расширительно.

Развитие пайковой системы шло одновременно с жесткой централизацией оплаты труда в сторону всеобщей уравнительности и обезлички. Централизованное установление общеобязательных норм и систем оплаты с жесткой регламентацией условий труда возникло сразу же после революции. В 1919 году вводится единая для всей страны тарифная сетка с 35 разрядами и соотношением крайних разрядов 1:5. По первым 14 разрядам тарифицировались рабочие, а с 15-го разряда — инженерно-технический персонал.

Следующим шагом реорганизаторов, доводящих до абсурда идею всеобщей централизации системы оплаты труда, стало «Общее положение о тарифе», подписанное Лениным в июне 1920 года<sup>4</sup>. Документ устанавливал общие для всей страны нормы выработки, которые исходили из данных о некоей средней производительности труда. Декрет подробно расписывал тарифные ставки, нормы и порядок оплаты и премирования труда. Декларируя повышение производительности труда, опираясь на абстрактные утопические посылки, декрет на самом деле способствовал уравниловке, обезличке и дальнейшему падению производительности труда. К концу периода военного коммунизма зарплата была натурализована. Продукты выдавались рабочим и служащим по карточкам и твердым ценам, а в конце 1920 года — бесплатно. Бесплатно выдавалась также производственная одежда, бесплатными были различ-

ные коммунальные услуги и транспорт. По исчислениям С. Г. Струмилина, в 1920 году заработная плата натурой была в 12 раз больше ее денежной части, то есть создавалась идеальная уравниловка<sup>5</sup>.

Подобная политика не могла не вызвать самого широкого протеста трудящихся. На заводах и фабриках проходили забастовки и митинги. Но многие из них жестоко (и нередко кроваво) подавлялись «по законам» военного времени.

В стране возникает огромное количество концентрационных лагерей с принудительным трудом, куда стараются упрятать не только представителей буржуазных слоев, но и всех несогласных с «трудовой» политикой новой власти. Листаю пожелтевшую газету «Известия» за 31 декабря 1918 года.

«О концентрационных лагерях.

Президиум Московского совета утвердил положение о концентрационных лагерях для выполнения необходимых общественных работ.

В лагере подлежат заключению все обвиняемые или обвиненные в различных преступлениях, за исключением наиболее тяжких, как-то: разбоев, грабежей, убийств, предумышленных убийств, контрреволюционных преступлений, заговоров, шпионажей и т. д.

Кроме того, в концлагерь направляются лица без определенных занятий и незарегистрированные на бирже труда, а также зарегистрированные на бирже труда, но отказавшиеся от работ не по специальности, трудоспособные члены семей, бежавших к белогвардейцам, советские работники, советские служащие и военные служащие за проступки по службе и театральные барышники.

На каждое лицо, препровождаемое в концлагерь, составляется направляющим учреждением препроводительный бланк, с указанием преступления или проступка, а для осужденных и срок заключения.

Труд работающих в концлагере оплачивается соответственно ставками профессиональных союзов. Продовольственный пай для работающих устанавливается в размере для лиц, занимающихся физическим трудом». Как говорится — комментарии излишни.

В феврале 1919 года концентрационные лагеря объявляются «школой труда». В выступлении Ф. Дзержинского на 8-м заседании ВЦИК говорится: «Я предлагаю оставить... концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для

тех, кто не может работать без известного принуждения, или если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д. Таким образом, предлагается создать школу труда (выделено мной.— *О. П.*), и по поводу этого есть следующее предложение: «ВЧК предоставляется право заключения в концентрационный лагерь...»<sup>6</sup>. Предложение пламенного революционера было принято, «школы труда» стали «успешно» развиваться. Интересен начальствующий состав этих «школ», созданных для «отсталого» российского населения. В сборнике «Действующие распоряжения по местам заключения» (Москва, 1920 г.) приводятся распоряжения и циркуляры, подписанные начальником Главного управления местами заключения Наркомюста РСФСР Ширвиндтом (его сменил Апетер); зам. начальника — Корнблитом, начальниками отделов — Бехтеревым, Бродовским, Голенкевичем, Гольцом, Кесслером, Якубсоном; инспекторами — Блаубергом, Войцицким, Миллером; председателем Центральной распределительной комиссии заключенных — Сольцем (позже стал помощником А. Вышинского); консультантом — Утевским.

Принудительный труд практикуется повсеместно под страхом тюрем и расстрелов. В февральском постановлении Совнаркома за тот же 1919 год мелькают выражения типа: «...взять заложников из крестьян с тем, что если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны»<sup>7</sup>.

В 1919—1920 годах вольный наем рабочей силы объявляется буржуазным предрассудком и как форма привлечения рабочей силы ликвидируется, заменяясь распределением по нарядам и трудовыми мобилизациями. Вся рабочая сила была поставлена на учет «по головам». Специальные постановления правительства объявляли потребность рабочей силы определенных специальностей по отраслям промышленности. Устанавливалась разрядка, а дальше уже люди с наганами или солдаты с винтовками обеспечивали «доставку» рабочей силы в необходимое место.

В эти же годы в стране активно внедряются идеи «единой трудовой школы». Однако правильные, здравые по своей сути идеи соединения обучения с производительным трудом доводятся до абсурда и приобретают принудительный характер. Вместо гармоничного сочетания обучения и производительного труда упор делается на так называемые «трудовые процессы». В школьных инструкциях проводится мысль, что учебные предметы должны иметь только слу-



жебную роль по отношению к производительному труду. Большая часть времени используется не для освоения учебных предметов, а для работы в производственных, преимущественно кустарно-ремесленных, мастерских и «общественно полезного труда» по благоустройству городов, сел, общественных садов и парков. Школьников на эти работы водили как солдат на учения под страхом дисциплинарных наказаний. Подобная трудовая муштра и принудительность воспитывали отвращение к труду, а пренебрежение учебными программами порождало неучей. Опыт «единой трудовой школы» первых лет революции еще раз показал, как можно дискредитировать хорошую идею, используя для ее претворения в жизнь негодные средства.

Введение всеобщей трудовой повинности, развитие в государственном масштабе принудительного труда ударили по самым трудоспособным, активным, самостоятельным и предприимчивым работникам. Для них такая система труда была невыносима, так как подрывала их изначальное духовное состояние. Производительный труд в этих условиях был невозможен.

Уже в мае 1918 года председатель ВЦСПС М. Томский отмечает, что «падение производительности труда в настоящий момент дошло до той роковой черты, за которой (вернее, на которой) грозит полнейшее разложение и крах»<sup>8</sup>. Рабочие бросают фабрики и заводы, покидают города, обосновываются в деревне. На первом съезде совнархозов А. Гастев констатирует нежелание рабочих работать: «По существу, мы сейчас имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский (выделено мной.— О. П.)»<sup>9</sup>. Рабочие, несогласные трудиться принудительно и на условиях уравнилельного распределения, объявлялись «ненастоящими» рабочими, прокравшимися кулацкими элементами, а в лучшем случае пролетариями, зараженными мелкобуржуазной психологией, для перевоспитания которых были созданы «школы труда» — трудовые лагеря.

К концу гражданской войны идея принудительного труда доводится до логического завершения в системе милитаризации труда. «Мы,— писал Троцкий,— мобилизуем крестьянскую силу и формируем из этой мобилизуемой рабочей силы трудовые части, которые приближаются по типу к воинским частям... Рабочая масса должна быть

перебрасываема, назначаема, командироваема точно так же, как солдаты». Одновременно милитаризации подвергается труд рабочих. На III Всероссийском съезде профсоюзов в апреле 1920 года Троцкий заявил: «Верно ли, что принудительный труд всегда непродуктивен? Мой ответ: это наиболее жалкий и наиболее вульгарный предрассудок либерализма». На IX съезде РКП(б) Троцкий объявляет, что каждый должен считать себя «солдатом труда, который не может собой свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит — он будет дезертиром, которого карают»<sup>10</sup>. Организируются массовые мобилизации по трудовой повинности, вырабатываются планы с установлением числа мобилизованных, местом их сосредоточения, размером трудовой задачи и количеством необходимых орудий труда. Лица, уклонившиеся от трудовой мобилизации, привлекаются в уголовном порядке.

После окончания гражданской войны часть солдат организуют в трудовые армии, которые как настоящие военные части направляются на объекты государственного значения; распределение работ в них осуществляется принудительно-приказным способом, а оплата труда — по пайковой системе. Первая трудовая армия формируется на Урале, чуть позднее возникают Донецкая, Кавказская, Поволжская, Петроградская, Сибирская, Туркестанская, Украинская и Центральная. Вдохновителем и руководителем создания этих трудовых армий был все тот же Л. Троцкий. В начале 1920 годов численность трудовых армий достигала пяти миллионов человек, выполнявших самые различные виды работ в промышленности, на транспорте и даже в сельском хозяйстве. Милитаризация труда парализовала народные основы труда, разрушила его духовное содержание, сломала сложившиеся трудовые отношения. Страна была ввергнута в катастрофу невиданного масштаба прежде всего в результате «всеобщего развала сферы труда и трудовых отношений». Сельское хозяйство — отброшено лет на сто назад. Выработка промышленной продукции сократилась в семь раз, производительность труда — в четыре раза.

Попытка насаждения принудительного труда в государственном масштабе, противная характеру и психологии народа, потерпела неизбежный крах. По всей стране ширилось повстанческое движение за возвращение к народным основам, традициям и идеалам, за свободный труд, за народные понятия справедливости и счастья. Гражданская

война к 1920 году превратилась в крестьянскую войну за свой коренной порядок жизни. Те же самые идеи как костер разгорались в городах, знаменуясь забастовками и восстаниями рабочих Москвы, Петрограда, Воткинска, Ижевска и др. Народное движение поддерживали восставшие моряки Кронштадта. «Здесь в Кронштадте,— говорилось в обращении восставших,— заложен первый камень третьей революции... Эта новая революция всколыхнет и трудовые массы Востока и Запада, являя пример нового социалистического построения, противопоставленного казенному коммунистическому «творчеству», убеждая воочию зарубежные трудовые массы, что все творившееся у нас до сего времени волею рабочих и крестьян не было социализмом»<sup>11</sup>.

## НЭП

В октябре 1921 года ВЦИК выносит решение о прекращении трудовых мобилизаций и переходе к методам добровольного привлечения рабочей силы через биржи труда. По мере того как страна понемногу приходила в себя от страха и голода, начинали оживать замороженные, загнанные «в подполье» народные трудовые обычаи, традиции и идеалы.

Прежде всего оживают и развиваются общинные и артельные формы труда. Система насильственных изъятий продуктов сельского хозяйства — продразверстка — была заменена продовольственным налогом, который был значительно ниже продразверстки. Крестьянам разрешили свободно продавать результаты своего труда. Ответственность за уплату продналога возлагалась на отдельного хозяина, а применявшаяся при разверстке предшествующих лет круговая ответственность волости отменялась. Такой шаг положительно сказался на крестьянском хозяйстве. Появилась материальная заинтересованность, посевы стали расширяться, поголовье скота расти.

Но самой главной радостью для крестьян стала возможность выбирать ту форму землепользования, которая казалась им наиболее целесообразной и которую они считали наиболее подходящей по природным и экономическим условиям.

Каждое земельное общество (по-старому община) получило право избрать любой способ землепользования по постановлению большинства его членов (достигших

18-летнего возраста). Среди способов землепользования, из которых предлагалось сделать выбор, были: а) общинный (с уравнительными переделами земли между дворами); б) участковый (с правом каждого двора на землю в виде чресполосных, отрубных или хуторских участков); в) товарищеский (с совместным использованием земель членами общества, составляющими сельскохозяйственную коммуны, артель или товарищество с общественной обработкой земли) и г) смешанный (с различными способами землепользования по разным хозяйственным угодьям)<sup>1</sup>.

Наряду с правом выбора землепользования крестьяне получили возможность аренды земли и применения наемного труда.

Хотелось бы отметить трудовой характер землепользования. Формально он был еще более последователен, чем во время столыпинской реформы (кстати, закон о трудовом землепользовании 1922 года сравнивали со столыпинской реформой). В 1910-е годы домохозяин мог землю продать, зарастить лесом, мог просто запустить в пустырь. Новый закон ставил обязательным условием, чтобы домохозяин полностью использовал землю, постоянно вел хозяйство, и тогда земля останется у него. Как только он прекращал вести хозяйство, так терял всякое право на землю, хотя бы она и была выделена из общественных земель к одному месту<sup>2</sup>.

Оживает артельное движение. В годы военного коммунизма, несмотря на громкие лозунги, оно развивалось слабо. Зато в 20-е годы артели растут, как грибы, охватывая самые различные отрасли и виды деятельности.

Если в 1919 году насчитывалось 1722 промышленных артели, то уже в 1922 году — 12 тысяч, в 1923-м — 20, в 1925-м — 38 тысяч. Значительная часть артелей объединилась в союзы, которых в 1922 году насчитывалось 254 с 5153 входящими в них артелями, объединявшими 622 тысячи членов. А через год возникло еще более ста артельных союзов<sup>3</sup>.

Многие артели уже не ограничивались мелким и кустарным производством, а приобретали характер средних и крупных предприятий.

Знаменитая Павловская артель, основанная в 1890 году и состоявшая из 13 членов, в 1920-е годы выросла из мелкой кустарной организации в большую фабрику, имевшую несколько корпусов, оборудованную двигателями, машинами и станками. Общее число членов артели достигло 324 человек.

В середине 20-х годов Московский союз производительных артелей арендовал у Совета народного хозяйства несколько фабрик и заводов, передав их членам артелей: механический проволоочно-гвоздильный завод, фабрика металлических изделий, гребенная фабрика, текстильно-галантерейная, парфюмерная<sup>4</sup>.

Производительность труда во многих артелях и кооперативных предприятиях 20-х годов была выше производительности труда государственной промышленности (по сопоставимому кругу мелких предприятий). Артели постепенно завоевывают мелкую промышленность. Всего в 1928—1929 годах в мелкой промышленности кооперировано 29,5 занятых. Процент кооперирования по районам с высокой концентрацией промыслов был еще выше: в Ленинградской области — 33 процента, в Иваново — 46, в Московской области — 56<sup>5</sup>.

В 20-е годы ведутся многочисленные разработки по научной организации труда, создаются специальные учреждения, выпускаются тысячи трудов. Идет непрекращающийся творческий спор. В начале 20-х годов П. М. Керженцев образует Лигу «Время-НОТ». Директор Центрального института труда (ЦИТ) А. К. Гастев провозглашает: «Развивай свои способности, тренируйся, совершенствуйся!.. Мы все время говорим: двигайся вперед, активизируйся, достигай!»

В трудах ЦИТ и других исследовательских учреждений того времени делаются открытия, разрабатываются направления развития, к которым за рубежом пришли гораздо позже. Практически все направления западной буржуазной науки о труде (гуманизации труда, производственной демократии, качества трудовой жизни и др.) в той или иной степени разрабатывались советскими учеными 20-х годов. Эти идеи были оплодотворены жадой обновления перестройки, рождены творческим началом революции. Полноценное развитие личности, создание условий для совершенствования мастерства, проявления самостоятельности, повышения знания, отказ от авторитарных форм управления и организации труда — характерные черты творческих поисков того времени, к сожалению не успевшие широко развиваться. В книге «Поэзия рабочего удара» А. Гастев говорит о двух главных целях, которые более всего занимали его — биоэнергетика и органоэнергетика. «Заразить современного человека особой методикой к постоянному биологическому совершенствованию, биологическим починкам и переделкам — такова первая задача.

Дать высшую организационную конденсацию, дать способы организационных прививок для всей жизни, выраженной в ее сложном, огромном комплексе,— задача вторая».

Внеся огромный вклад в понимание творческого содержания и развития труда, Гастев, да и не только он, практически не учитывал национальную специфику труда, национальные характеристики российского труженика. В этом смысле он также находился в плену ложных представлений, что «русский человек плохой работник» и «лентяй», и основывался на наблюдениях за какой-то узкой группой рабочих, подвергнувшихся процессу отчуждения труда.

До нас дошел плакат об одном из публичных выступлений А. Гастева:

Институт труда при ВЦСПС, Голубой зал 1-го Дома Союзов (Б. Дмитровка, 1). В воскресенье, 13 марта 1921 г., в 12 часов дня Алексей Гастев прочтет доклад на тему:

### Трудовая культура.

#### Тезисы

1. Лень и спячка — зараза России.
  2. Трудовая паника — обратная сторона лени.
  3. Надо бороться за равную трудовую выдержку.
  4. Голая проповедь о приятности труда — дика и некультурна.
  5. Надо прививать не «вкус» к труду, а тренировку.
- Вход свободный<sup>6</sup>.

Можно ли называть ленью и спячкой тяжелый упорный труд десятков миллионов крестьян, кормивших всю Россию и позволявших вывозить часть сельскохозяйственной продукции за границу? Конечно, русскому крестьянину не хватало техники, а порой и умения читать и писать, но его земледельческое искусство, умение напряженно и споро работать не отрицается ни одним из исследователей крестьянства. Ни «вкус» к труду, ни тем более тренировку крестьянину прививать не требовалось, ибо для подавляющего большинства из них труд был воспринятой с молоком матери добродетелью.

Приведенные выше воззрения Гастева на «лень» и «спячку» трудовой России отражали его непонимание огромных ценностей традиционной крестьянской культуры труда и вытекающую отсюда неспособность использовать ее в строительстве социализма.

В 20-х годах, как чума, продолжают развиваться симптомы отрицаний народной культуры труда. Америка, американская техника, Форд, Тейлор — становятся моделью, кумирами для поклонения. Отрицание народной культуры всячески поощряется с самого верха. Сталин говорит о сочетании «русского революционного размаха и американской деловитости». Уже упомянутый нами Алексей Гастев провозглашает: «Возьмем буран революции — СССР. Вложим пульс Америки и сделаем работу, выверенную, как хронометр». Троцкист Л. Сосновский объявляет, что надо искать «русских американцев», людей, которые «умеют работать таким темпом и с таким напором и нажимом, каких не знала старая Русь». Дошло даже до того, что некоторые крестьянские поэты начали воспевать Америку; Петр Орешин, например, писал: «И снится каждой полевой лачуге чудесный край — железный Нью-Йорк».

Возникают, по сути дела, бредовые идеи превращения сельского хозяйства в ряд гигантских фабрик с тейлоризированной организацией труда (агрогородов), в которых практически не оставалось места для традиционной крестьянской культуры.

От рассуждения «о лени и спячке» трудовой России один шаг до теоретических постулатов Троцкого, о «культурном идиотизме» русского крестьянства. Этот постулат считался фактом, не требующим доказательств, и применялся многими политиками и культурными деятелями того времени. В частности, М. Горький неоднократно использовал этот «термин» в своих статьях<sup>7</sup>.

Да что Горький, вся государственная политика 20-х годов рассматривает крестьян как людей второго сорта. Правительство стремится выкачать из деревни как можно больше средств, лишает крестьян права самоуправления, передав руководство деревней в руки пролетарских и босяцких элементов.

Продовольственный налог был ниже продовольственной разверстки, хотя для разоренных гражданской войной крестьян он был по-прежнему обременительным. Налог на крестьянское хозяйство дифференцировался в зависимости от размеров обрабатываемой земли. Богатые и зажиточные крестьяне облагались во много раз сильнее, чем маломощные и малоимущие. В 1923—1924 годах высшая ставка превышала низшую в 10 раз, причем понятие «богатый и зажиточный крестьянин», как правило, намного отличалось от соответствующего понятия в дореволюционный период. В 20-е годы зажиточным назывался энергичный

крестьянин, ведущий хозяйство с определенным достатком, по довоенным категориям — середняк.

Пролетарские, полупролетарские и люмпен-пролетарские слои села освобождались от налога. В 1923—1924 годах от уплаты продналога полностью или частично были освобождены 5,9 млн. хозяйств. Преобладающая часть налога падала на коренного крестьянина.

Кроме налога, крестьяне были обязаны выполнять так называемые трудовые повинности. По разнарядкам сверху крестьян направляли на ремонт и строительство дорог и сооружений, заготовку дров, перевозку грузов на собственных лошадях и т. д.

Несмотря на разрешение денежного оборота, в первые годы нэпа крестьянство во многих местах не желало принимать обесцененные рубли. Торговля в деревне шла по реальному эквиваленту — на хлеб, на пуды, на фунты. Каждая сделка непременно переводилась на хлебное исчисление: «Например, баба принесла в кооператив 10 фунтов белых грибов и хочет обменять их на ситец, но надо сначала и ситец и грибы перевести на ржаные единицы, а потом уже менять».

С самых первых дней хваленного нэпа политическое руководство берет курс на эксплуатацию крестьянства путем несправедливой перекачки созданного им продукта в пользу государства, на содержание партийного аппарата, репрессивных органов и армии. Теоретики партии разрабатывают концепцию развития социалистического накопления за счет эксплуатации досоциалистических форм хозяйства (то есть крестьянского хозяйства), путем перекачки средств через высокие налоги и цены в государственную казну. Так, Е. Преображенский писал: «Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, то есть тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности». Используя незащитное положение крестьян, государство назначало на товары, необходимые крестьянскому хозяйству, непомерно высокие цены. Так, если в 1913 году, чтобы купить



плуг, крестьянин продавал 20 пудов зерна, то в 1923-м — 150 пудов; покупка косилки обходилась соответственно в 150 и 847 пудов; жнейки — в 120 и 704 пуда. Таким образом, цены на промышленную продукцию возросли в 5-7 раз. Так же высоки были цены на товары личного крестьянского потребления<sup>8</sup>.

В результате преобладающая часть крестьянства была не в состоянии покупать промышленные товары, средства производства и инвентарь, что сдерживало производительность их труда и ухудшало уровень жизни. Многие хозяйства вынуждены были возвращаться к деревянной сохе.

Напротив, заготовительные цены на сельскохозяйственные товары государство устанавливало на низком уровне. С 1924 года существовали так называемые лимитные цены, выше которых государственные и кооперативные (вот она экономическая свобода!) заготовители не имели права платить.

Используя грабительское налогообложение и непомерно высокие цены на промышленные товары, государство изымало у крестьянства значительные средства для своих целей. Одновременно оно производило кредитование крестьянства под проценты, близкие к ростовщическим. (До 1925 года краткосрочный кредит выдавался из расчета 12 процентов годовых, долгосрочный — 7 процентов. С ноября 1925 года краткосрочный — 10 процентов, долгосрочный — 6 процентов.<sup>9</sup>) Налоги, цены и кредиты ставили крестьянство в полную экономическую зависимость от государства.

По-прежнему, как и в годы гражданской войны, государство организует и поддерживает в деревне своих агентов в лице пролетарских, полупролетарских и люмпен-пролетарских слоев населения. Им предоставляются различные привилегии и льготы в налогообложении и ценах. Таким образом поощрялись нетрудовые элементы, намеренно тормозился рост доходов самых энергичных и трудоспособных крестьян.

В целом политика государства в деревне в 1921—1927 годах строилась на двух основах — осуществлении полной экономической и политической зависимости крестьян от государства посредством налогов, цен и кредита и ставка на пролетарские, полупролетарские, и люмпен-пролетарские слои сельского населения как на опору государства.

Ставка государства на «пролетарские», зачастую, по сути дела, деклассированные, оторвавшиеся от

крестьянского труда слою сельского населения, противопоставление их настоящим крестьянским труженикам использовались этими слоями для настоящего паразитирования. М. Калинин отмечает характерную черту: «...около власти такая беднота, которая прикрывается ее флагом для своих частных интересов. Беднота формальная. Оглянитесь кругом села или волости: кому попала реквизируемая изба, корова, имущество совхозов? Вам перечислят по пальцам, что самое ценное заполучили довольно далекие от Советской власти элементы. Да и реквизиции-то подвергалась иногда действительная беднота. Пример: старуха — ее сыновья погибли на фронтах — осталась одна в двух пустых избах, от нее берут избу и дают молодцу, который удачно ускользнул с боевой линии, у него действительно не было избы. Сейчас старуха ходит по миру, а цепкий крестьянин пробивается в середняки и выше»<sup>10</sup>.

«Мужики в... (двадцатые годы.— О. П.) недоумевали по поводу нижеследующей, непонятной им, проблематической дилеммы,— отмечал писатель Б. Пильняк.— В непонятности проблемы мужики делились — пятьдесят примерно процентов и пятьдесят. Пятьдесят процентов мужиков вставали в три часа утра и ложились спать в одиннадцать вечера, и работали у них все, от мала до велика, не покладая рук; ежели они покупали телку, они десять раз примеривались, прежде чем купить; хворостину с дороги они тащили в дом; избы у них были исправны, как телеги; скотина сыта и в холе, как сами сыты и в труде по уши; продналоги и прочие повинности они платили государству аккуратно, власти боялись; и считались они: врагами революции, ни более, ни менее того (выделено мной.— О. П.). Другие же проценты мужиков имели по избе, подбитой ветром, по тощей корове и по паршивой овце,— больше ничего не имели; весной им из города от государства давалась семсуда, половину семсуды они поедали, ибо своего хлеба не было,— другую половину рассевали — колос к колосу, как голос от голоса; осенью у них поэтому ничего не родилось,— они объясняли властям недород недостатком навоза от тощих коров и паршивых овец,— государство снимало с них продналог и семсуду,— и они считались: друзьями революции. Мужики из «врагов» по поводу «друзей» утверждали, что процентов тридцать пять друзей — пьяницы (и тут, конечно, трудно установить — нищета ли от пьянства, пьянство ли от нищеты) — процентов пять — не везет (авось не только выручает!) — а шестьдесят процентов — бездельники, го-

воруны, философы, лентяи, недотепы. «Врагов» по деревням всемерно жали, чтобы превратить их в «друзей», а тем самым лишить их возможности платить продналог, из-бы их превращая в состояние, подбитое ветром»<sup>11</sup>.

Демагогические заявления о крестьянской демократии не могли ввести в заблуждение крестьянскую массу, ибо большая часть деревни видела, как преимущественно пролетарские или люмпен-пролетарские элементы, а не настоящие крестьяне на помочах государственных органов вводились в Советы депутатов фактически без права замены. Поэтому преобладающая часть крестьянства не участвовала в выборах в Советы. В 1925 году во многих местах степень участия крестьян в выборах составляла 14 и ниже процентов от всего сельского населения<sup>12</sup>.

Преобладающее настроение крестьян по отношению к политике правящей партии можно выразить двумя словами — «оставьте нас в покое». Американский писатель Т. Драйзер, побывавший в России середины 20-х годов, так и пишет: «Русский крестьянин больше всего хочет, чтобы его оставили в покое, не мешали ему трудиться, как он привык».

Несмотря на активную пропаганду и значительную материальную поддержку, колхозное движение не пользовалось популярностью среди крестьян. Если число колхозов за 1921—1925 годы возрастало, то в 1926—1927 годах стало снижаться. Значение колхозов в сельском хозяйстве было мизерным. В 1924—1925 годах валовая продукция колхозов составляла 1 процент валовой продукции сельского хозяйства. В 1925—1926 годах государству удавалось заготавливать только около половины товарного хлеба страны. Одновременно снизилась общая товарность сельского хозяйства. В 1925-м урожай зерновых достиг довоенного уровня, а товарность сельского хозяйства снизилась с 29,3 до 13,4 процента, то есть в 2,2 раза<sup>13</sup>, упав ниже уровня товарности в эпоху крепостного права. Снижение товарности сельского хозяйства во многом объяснялось невыгодностью для крестьян продажи своих продуктов при установленных соотношениях цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Правительство, делая главную ставку на рабочих городов и армию, обеспечивало их в значительной степени посредством низких закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, фактически перекачивало средства крестьян в пользу этих слоев.

Рост частного предпринимательства во время нэпа носил искусственный и очень ограниченный характер.

Прежде всего — была физически уничтожена бóльшая часть российских предпринимателей и купцов, а те, кто сумел выжить, осели за границей. Прирожденных российских предпринимателей в стране осталось единицы. На их место пришли люди другого сорта и другого профессионального уровня. Как со знанием дела рассказывает тогдашний член Политбюро ЦК ВКП(б) Н. Бухарин: «Во время военного коммунизма мы русскую среднюю и мелкую буржуазию наряду с крупной обчистили... Затем была допущена свободная торговля. Еврейская мелкая и средняя буржуазия заняла позиции мелкой и средней российской буржуазии, вышибленной из седла в период военного коммунизма. Если были маленькие лавчонки, на которых было написано «Иванов», то потом появились в большей пропорции лавчонки, на которых написано «Розенблюм»... Своеобразное положение... заключается в том, что у нас в центральных районах, в центральных городах сосредоточена еврейская буржуазия и еврейская интеллигенция, переселившаяся из западных губерний и из южных городов»<sup>14</sup>. Трудовые ценности этого нового предпринимательского слоя (ни в коем случае его нельзя сводить только к еврейской буржуазии) были несколько иные, чем у дореволюционной буржуазии. Не всегда положительным было и отношение к русскому работнику, что нередко вызывало национальные трения. Да и условия, которые были созданы (огромное налогообложение, ущемления в правах, неуверенность в будущем), совсем не способствовали частному предпринимательству. Поэтому в период нэпа частная предприимчивость нередко превращалась в настоящее мошенничество.

Чистка! Это короткое слово звучало в 20-е годы зловеще. Чистка распространялась на всех работников — беспартийных и партийных — советских учреждений и организаций. Меньше всего здесь учитывались профессиональные качества работника. «Чистили» за сращение (чаще всего мифическое) с кулаками и нэпманами, за извращение советских законов, за саботаж и вредительство (также чаще всего мифические). Для проведения чисток собирался «широкий актив трудящихся», давался свободный ход доносам и анонимкам. Чистка проводилась по «трем категориям».

По «третьей категории» — самой милостивой — человека только понижали в должности, занеся соответствующую запись в послужной список. После чего «виновный», сжав плечи от страха, ждал следующей чистки.

По «второй категории» работника увольняли, но давали возможность получить работу в другом месте. Конечно, уже хуже.

По самой суровой «первой категории» работника увольняли без права получить работу в других советских учреждениях, выселяли из государственной квартиры, лишали пенсии.

В результате таких чисток наряду со сравнительно небольшим числом настоящих лодырей или растратчиков в советских учреждениях с каждым годом оставалось все меньше самостоятельных и инициативных работников, а также профессионалов дореволюционной закваски. Их места заполнялись чаще всего серыми, безынициативными людьми, не посягавшими на самостоятельную мысль, послушно выполнявшими все распоряжения начальства.

До сего дня многие авторы приписывают нэпу особые экономические свободы, невиданные возможности для самостоятельного хозяйствования. На самом деле было не так — свободы были сильно урезанные, возможности ограниченные. Государство одной рукой открывало дверь, а другой — мертвой хваткой душило частную инициативу. Государственная политика подчинения и контроля за всей жизнью страны особо сильно проявлялась в экономической сфере. Мы видели, как государство ликвидировало крестьянское самоуправление, передав власть в деревне пролетарским и босяцким элементам, ненавидящим настоящий крестьянский труд. Аналогичные процессы происходили и в артельном движении. Здесь лишение самостоятельности шло путем создания союзов и советов, которые начинали управлять артелями чисто административными методами, подобными методам, применяемым в государственной промышленности. Уже к 1927 году промысловые артели объединяются в союзы по производственному или территориальному признаку, над которыми возвышался Центральный совет промысловой кооперации. Руководители Центрального совета союзов и многих артелей уже не выбирались демократическим путем, а «добровольно-принудительно» рекомендовались партийными органами. Самостоятельность, предприимчивость, инициатива снизу погибали от прикосновения к ним административной палочки назначенных сверху руководителей, думавших не о процветании артелей и союзов, а о том, как бы угодить власть имущим.

Не в 30-е годы, а сразу после революции родился тип бесплодного администратора, совершенно не зависимого от

народа и даже от результатов своей деятельности, но чутко улавливающего каждое слово, каждый намек вышестоящих «товарищей». Об этом типе советского администратора писал в свое время В. Короленко: «Есть два типа администраторов: один представляет простор всему, что закономерно возникает в жизни; другие полагают, что должно существовать только то, что насаждается и процветает под их непосредственным влиянием. Такие администраторы полагают, что даже растения нужно подтягивать из земли мерами администрации.

Большевизм за все берется сам, потому подходит ко второму типу. Закрывание демократических самоуправлений, попытка все сделать декретами и предписаниями без содействия общественных сил вредит даже лучшим начинаниям этого рода...»

Настоятельную необходимость изменения в государственном механизме, омертвляющем многие общественные начинания, понимали и наверху. На XV съезде ВКП(б), состоявшемся в 1927 году, председатель Совнаркома А. И. Рыков сказал, что «необходимо изменить систему и метод работы наших организаций. Мы имеем огромные центральные организации, работающие в масштабе такой гигантской страны, как наша. Верхушки этих организаций так далеко отстоят от фабрики, завода, деревни, что возможность отрыва от того, что делается внизу, является реальной. На протяжении ряда лет в этих организациях неизбежно складываются элементы рутины и косности, в то время как внизу происходят гигантские сдвиги и изменения, каждый день проявляется и вырастает что-то новое. Мы стоим перед опасностью, что эти сложившиеся, окрепшие, имеющие огромное значение в жизни государства органы, приобретая некоторую рутинность и инерцию, будут давить и сдерживать то новое, живое, революционное и прогрессивное, что вырастает в порых Советского государства и хозяйства».

Таким образом, машина, настроенная на противостояние народным основам, традициям и идеалам, любым живым движениям снизу, возникла еще в период военного коммунизма; в году нэпа машина продолжала благополучно работать — только резко сбавила обороты. Для того чтобы снова набрать скорость, требовалось перевести рычаг в крайнее положение. Это и сделал Сталин (хотя мог сделать и любой другой «машинист»). Чудовищная, всеразрушающая машина на полной скорости врезалась в тело России.

# ВЕЛИКАЯ НАРОДНАЯ ТРАГЕДИЯ

## СТРАХ И ГОЛОД

С конца 20-х годов принуждение, страх, голод становятся главными движущими силами сферы труда, а сам труд приобретает принудительный характер в государственном масштабе.

В популярной в 30-е годы пьесе Н. Афиногенова «Страх» один из персонажей, профессор Бородин, заявляет, что сейчас «общим стимулом поведения 80% всех обследованных (граждан страны.— О. П.) является страх». Остальные двадцать — рабочие-выдвиженцы. Они хозяева страны, им нечего бояться, «за них боится их мозг... Мозг людей физического труда пугается непосильной нагрузки, развивается мания преследования. Они все время стараются догнать и перегнать. И, задыхаясь в непрерывной гонке, мозг сходит с ума или медленно деградирует».

Страх царствует всюду, пропитывает все поры общества, парализуя творчество, самостоятельность, инициативу, предприимчивость. «Молочница,— говорит Бородин,— боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинений в уклоне, научный работник — обвинения в идеализме, работник техники — обвинения во вредительстве. Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отречься от матерей, подделывать социальное происхождение... Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным... Кролик, который увидел удава, не в состоянии двинуться с места... Он покорно ждет, пока удавные кольца сожмут и раздавят его. Мы все кролики. Можно ли после этого работать творчески? Разумеется, нет».

«Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия,— писал в 1934 году в письме к Молотову выдающийся русский ученый Иван Павлов.— Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком без пропусков, со всеми ежедневными подробностями — это была бы ужасающая картина, потрясающее

впечатление от которой на настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами и бесчисленными учеными и учебными заведениями. Когда первая картина заполняет мое внимание, я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью азиатских деспотий»<sup>1</sup>.

По всей стране происходит возвращение к принудительным методам регулирования сферы труда, сходным с методами военного коммунизма, но зашедшим еще дальше. Возвращение это не было случайным, а обуславливалось всей предыдущей политикой и практикой нового режима. О том, что к методам принудительного труда придется вернуться, Сталин не сомневался. «Мы пробовали этот путь,— писал он в 1927 году,— в период военного коммунизма в виде организации трудовых армий. Но на этом пути больших результатов не добились. Мы пошли потом к этой цели обходными путями, и нет основания сомневаться в том, что добьемся в этой области решающих успехов»<sup>2</sup>.

В 1927 году решением ВЦИК и СНК РСФСР вновь вводится «Положение о привлечении населения к трудовой и транспортной повинности», согласно которому по решению административных организаций население может принудительно направляться на любые работы, уклонение от которых преследовалось в судебном порядке и квалифицировалось по статье 61 Уголовного кодекса.

Основной формой привлечения кадров в промышленность стал так называемый организованный набор путем заключения договоров хозяйственных организаций с колхозами, закрепление рабочих за предприятиями на определенные сроки на основе контрактации (постановление ЦИК и Совнаркома СССР «Об отходничестве», 30 июля 1931 года). На практике это было так. Соответствующие органы давали разнарядку на район. Райком спускал эту разнарядку на отдельные колхозы. Колхозы автоматически заключали договора, причем практически не учитывались склонности и интересы самих направляемых колхозников. Бывшие колхозники прикреплялись к тем предприятиям, где, по мнению бюрократических органов, наблюдалась необходимость в них. Бывший колхозник не мог покинуть предприятие, пока не закончится срок контрактации.

Постановлением ЦИК и СНК 27 декабря 1932 года в стране вводится паспортная система, ставшая в тех условиях одной из главных форм принудительного регулирова-



ния рабочей силы. Постановление о паспортах гласило так:

«В целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов, ЦИК и Совнарком СССР постановляют:

1. Установить по СССР единую паспортную систему на основании положения о паспортах.

2. Ввести единую паспортную систему с обязательной пропиской по всему СССР в течение 1933 года, охватить в первую очередь население Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Минска, Ростова-на-Дону, Одессы и Владивостока<sup>3</sup>.

Люди, не имевшие паспортов, а жителям села их не выдавали, не могли устроиться на работу и поэтому пожизненно прикреплялись к тому или иному колхозу. Жители городов не могли устроиться на работу без прописки, а часто и наоборот, не могли получить прописки, не устроившись на работу. Таким образом, устанавливалась принудительная связь между местом работы и жительства.

Кроме паспортного режима, появилась еще знаменитая статья «7-35», по которой получали до 7 лет люди «без определенного места жительства» и «без определенных занятий». По своей свирепости этот закон опередил английский «закон о бродяжничестве», который предусматривал более мягкое наказание.

Вводится драконовский закон, предусматривающий немедленное увольнение хотя бы за один прогул. Постановление ЦИК от 15 ноября 1932 года гласило:

«Установить, что в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин работник подлежит увольнению с предприятия или из учреждения с лишением его права пользования выделенными ему, как работнику данного предприятия или учреждения, продовольственными и промтоварными карточками, а также с лишением его права пользования квартирой, предоставленной ему в домах данного предприятия или учреждения»<sup>4</sup>.

В 1933 году выходит постановление «О порядке отходничества от колхозов», в котором предусматриваются меры административного наказания за самостоятельный уход колхозника на постоянную или временную работу в город.

Разрешение на уход дается только на основе специально зарегистрированного в правлении колхоза договора с хозорганами.

В 30-е годы промышленность ежегодно набирала в «организованном» порядке в колхозах около полутора-двух миллионов человек. Только за годы второй пятилетки было «организовано» и направлено в промышленность и на транспорт около 13 млн. человек — преимущественно колхозников.

Рабочих «добровольно-принудительно» объединяют в ударные бригады, заставляя закрывать глаза на ужасные условия труда и быта. Более того, ударные бригады «добровольно» пересматривают нормы выработки в сторону их повышения, а сдельные расценки — в сторону понижения. Одновременно берутся повышенные против плана задания по производству и по снижению себестоимости. В конце 20—30-х годов нормы выработки в промышленности повысились на 15—50 процентов, а расценки на многие работы снизились.

Рабочие, пока была возможность, пытались переходить на другое предприятие, однако чаще всего и там было то же самое. Тем не менее текучесть рабочей силы, например, в Донбассе в 1930 году доходила до 60—65 процентов. На хлопчатобумажных предприятиях за год сменилось 68 процентов всех рабочих, льняных — 104 процента, кожеобувных — 120 процентов<sup>5</sup>.

Чтобы остановить этот естественный процесс, государством осуществляется целый ряд мероприятий по принудительному закреплению рабочей силы.

В конце 20-х—30-е годы проводится шумная кампания по так называемому самозакреплению кадров. Суть ее состояла в том, что рабочих заставляли «добровольно» подписывать обязательства оставаться на предприятии до конца пятилетки. Нередко отказ от подписи такого обязательства объявляется антисоветским настроением с соответствующими последствиями для того времени. В Ленинграде в 1930 году, например, было закреплено 200 тысяч работников, на Украине — 30% всех металлистов.

Приказом свыше происходит окончательная ломка сложившегося веками трудового ритма — чередования труда, отдыха, праздников. Происходит чудовищное! Вместо обычного календаря в 1929—1930 годах вводится совершенно искусственный производственный табель-календарь, по которому вся человеческая жизнь рассматривается только с позиций производства. Традиционные воскресенья и

праздники были отменены! Перечеркивается весь опыт русского народа, да и всего человечества. Советский производственный табель-календарь состоял из 360 дней, то есть 72 пятидневок. Остальные пять дней было велено считать праздничными. Праздничные дни были приурочены к советским памятным дням и революционным праздникам: 22 января (день смерти Ленина), 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября. По сути дела страна обратилась к древнеегипетскому календарю, времен фараонов и построения пирамид. Разница была только в том, что в египетском календаре все пять праздничных дней были отнесены на конец года.

Официально это мероприятие получило силу закона постановлением от 26 августа 1929 года «О переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях СССР», а в просторечии стало называться «непрерывкой». Согласно этому постановлению работники каждого предприятия и учреждения были разбиты на 5 групп. Каждой группе устанавливался день отдыха в каждую пятидневку на весь год, то есть после четырех дней работы. Семидневная неделя заменяется пятидневной.

«Утопия стала реальным делом,— писал в 1930 году в книге «На злобу дня седьмого» Лев Кассиль.— Непрерывная производственная неделя выбила наше время из календарного седла. С уничтожением сонного провала, которым был седьмой, воскресный день, страна пребывает в постоянном бодрствовании». По данным, приводимым М. Горьким в начале 30-х годов, «непрерывкой» было охвачено 66 процентов рабочих.

Однако сразу стало ясно, что подобная трудовая неделя несостоятельна, хотя бы в силу невозможности запрограммировать в неизменную систему гибкие, меняющиеся процессы жизни. Уже 21 ноября 1931 г. принимается постановление «О прерывной производственной неделе в учреждениях», по которому разрешалось переходить на шестидневную прерывную производственную неделю. Были установлены постоянные выходные дни 6, 12, 18, 24 и 30 числах каждого месяца.

Однако, как и пятидневка, шестидневка полностью нарушала традиционную семидневную неделю с общим выходным днем в воскресенье. Тем не менее подобная противоестественная рабочая неделя просуществовала до 1940 года.

7 августа 1932 года применяется один из самых антинародных законов сталинского времени «Об охране имущества государственных предприятий и кооперации и

укреплении общественной социалистической собственности». Даже за незначительные проступки или просто трагические случайности (рабочий случайно сломал резец, колхозник собрал несколько колосков с убранных поля и т. п.) предполагалось «применение в качестве судебной репрессии и жесточайших наказаний — высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией всего имущества» или «лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества».

Использование широких масс бывших крестьян на работах, которые зачастую не удовлетворяли их, не учитывали их склонности, способности, стремления к инициативе и самостоятельности, затруднение условий смены вида деятельности вызывали чувство пассивного протеста — растут прогулы, различные нарушения трудовой дисциплины, текучесть, падает качество работы.

В борьбе с закономерными в этих условиях явлениями сторонники административно-бюрократической системы пошли по линии дальнейшего «завинчивания гаек», выпуска административных постановлений.

В 1932 году выходит постановление ЦИК и Совнаркома СССР «Об увольнении за прогулы без уважительной причины», в январе 1938-го — постановление «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины...», в июне 1940-го — «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Указывается, что всякое нарушение трудовой дисциплины влечет за собой дисциплинарные взыскания или предание суду. Устанавливается уголовная ответственность за самовольный уход рабочего или служащего с предприятия или учреждения (таким образом люди прикрепляются к месту работы), а также за совершение рабочими и служащими прогула без уважительной причины и некоторые другие нарушения трудовой дисциплины.

С января 1939 года в стране снова, как и в годы военного коммунизма, вводится трудовая книжка, при помощи которой работник закреплялся за предприятием. Устроиться на другую работу можно было только по предъявлению трудовой книжки, которая хранилась у администрации по старому месту работы. Работник приходил в отдел кадров за трудовой книжкой, а там ему говорили, что по производственной необходимости ему следует продолжать работу на этом предприятии — хочет он этого или нет. И ничего не попишешь, согласно законам 30—40-х годов админист-

рация имела право не отпускать работника. Трудовая книжка, как и паспорт, стали средствами закрепощения человека за определенным местом работы.

В 1940 году наркоматам предоставляется по закону право производить организованное перераспределение между предприятиями, независимо от их территориального расположения, кадров — инженеров, техников, экономистов, мастеров и квалифицированных рабочих. Таким образом, администрация наркоматов могла сама устанавливать, где работать тем или иным специалистам, практически без учета их личных интересов.

Директора предприятий получают диктаторские полномочия «казнить или миловать» своих работников — переводить их с места на место без их согласия, увольнять по собственному произволу, отдавать под суд. Хотя вместе с тем сами директора во всем зависели от произвола наркоматов, руководство которых могло в любой момент отдать их под суд даже за незначительные упущения или просто по навету.

В этих условиях многие директора превращались в шкурников, готовых ради собственного благополучия любой ценой делать план, пренебрегая элементарными правилами человеческого общежития. «С самых разных противоположных сторон жизни,— писал в 1930 году Пришвин,— поступают свидетельства о том, что в сердце предприятия советского находится авантюрист и главное зло от него в том, что «цель оправдывает средства», а человека забывают. В этом же и есть, по-видимому, вся суть авантюры: внимание и забота направлены на внешнюю сторону, отрыв от человека — потому несерьезность. Забвение человека ради дела, поставленного авантюристом»<sup>6</sup>. Если нужно ради спасения плана кинуть в ледяную воду сотни человек (прекрасно зная, что часть из них погибнет), такой руководитель не задумываясь сделает это. Если понадобится, такой руководитель заставит работать на неисправной технике, грозящей смертью. Литература 30-х годов полна подобными примерами — только тогда это выдавалось за сознательный героизм.

В 1940 году издается указ «О государственных трудовых резервах СССР», обязывающий председателей колхозов «ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) по 2 человека молодежи мужского пола в возрасте 14—15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16—17 лет — в школы фабрично-заводского обучения на каждые 100 членов колхоза, считая

мужчин и женщин в возрасте от 14 до 55 лет» (Правда, 1940, 3 октября). Городские Советы депутатов трудящихся обязаны ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) молодежь мужского пола в том же возрасте в количестве, которое ежегодно устанавливалось правительством. Позже возраст мужской молодежи, призываемой в школы ФЗО, повышается до 15—17 лет; вместе с тем разрешается призыв в школы ФЗО женщин в возрасте 16—18 лет.

Указ предусматривал ежегодную подготовку для промышленности в ремесленных и железнодорожных училищах и ФЗО до 1 млн. человек городской и сельской молодежи. Молодые люди, окончившие ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО, считались мобилизованными и были обязаны работать 4 года подряд на тех государственных предприятиях, куда они посылались. Уклонение от мобилизации каралось в уголовном порядке. Как в работных домах Англии XVIII—XIX веков, беглым подросткам грозило наказание до полугода тюремного заключения.

В годы войны у нас работало много детей 14—15 лет, заменивших у станков и на полях отцов и братьев, ушедших на войну. Про этих детей, работавших по десять часов,— вспоминает очевидец тех дней,— написано много трогательного и умиленного. И все написанное было правдой. Не написали только о том, что происходило, когда — в силу обстоятельств военного времени — предприятие куда-нибудь эвакуировалось. Конечно, вместе с «рабсилой». Хорошо еще, если на этом же заводе работали мать, сестра, кто-нибудь из родных. Ну, а если мать была ткачихой, а ее девочка точила снаряды? На новом месте было голодно, холодно, неустроенно. Многие дети и подростки не выдерживали этого и, поддавшись естественному инстинкту, сбегали «к маме». И тогда их арестовывали, сажали в тюрьму, судили, давали пять лет и отправляли в лагерь<sup>7</sup>.

Наряду со страхом, порождаемым административно-террористическими методами регулирования труда, превращением его в принудительный и подневольный, другой особенностью эпохи становится голод — прямое последствие государственной политики экономии на человеке и вместе с тем еще один метод управления трудом.

Именно в конце 20-х—30-е годы в практику нашей страны входит порочный, экономически несостоятельный «остаточный» метод распределения ресурсов, идущих на

потребление трудящихся, по сути дела политика «экономики на человеке».

Считалось возможным и даже перспективным снимать ресурсы, предназначенные для потребления и развития человека, и направлять их на строительство заводов, станков, механизмов, а также бесконечное расширение государственного аппарата. Расходы на воспроизводство основных производственных фондов, на технические средства, а также на развитие государственной машины росли значительно быстрее расходов на воспроизводство рабочей силы, на развитие человека. Фонд потребления национального дохода, являющийся суммой жизненных средств трудящегося человека, зачастую рассматривался с позиции государственной благотворительности, он мог относительно произвольно сокращаться в пользу фонда накопления основных производственных фондов, который объявлялся главным источником научно-технического прогресса. Считалось, что строительство новых фабрик и заводов, внедрение дополнительной техники автоматически повысит продуктивность экономики, поднимет уровень жизни. А это было преступное заблуждение зарвавшихся недоучек, ставшее причиной катастрофического падения уровня жизни народа.

Страна еще не оправилась от последствий страшной разрухи, фонд потребления ее составлял не более 60 процентов 1913 года, а уже во второй половине 20-х годов начинает осуществляться централизованная перекачка средств из без того мизерного фонда потребления на развитие промышленности и содержание все возрастающего числа чиновников госаппарата. Доля накопления в национальном доходе сразу после смерти Ленина возросла с 17% до 30—40% в тридцатые годы.

Формами такой перекачки средств трудящихся становится недоплата за труд (снижение доли труда во вновь произведенном продукте), изъятие из доходов трудящихся в виде прямых и косвенных налогов, принудительных займов, чрезмерной эмиссии денег.

Недоплата за труд становится сначала теоретическим постулатом, а позднее входит и в практику. А. Рабинович в книге «Экономика труда», вышедшей в 1926 году, заявляет: «Мы должны неизбежно получать прибавочную ценность... (которая) ...является... условием нашего дальнейшего развития». «Но,— отмечает он,— высокая зарплата механически снижает норму прибавочной ценности». Отсюда вывод о необходимости повышения

прибавочной стоимости за счет снижения заработной платы.

Доля оплаты труда в чистом продукте промышленности, составлявшая в 1908 году 55 процентов, в 1928 году — 58, в 30—40-е годы резко снизилась, а в 1950 году не превышала 33 процента. Таким образом, на каждые три рубля, созданные советским рабочим, два отдавалось им в казну, тогда как даже в США из трех произведенных долларов два доллара рабочий оставлял себе<sup>8</sup>.

Одним из главных орудий перекачки народных средств в пользу промышленности и бюрократического аппарата стал налог с оборота. Академик Струмилин очень удачно назвал его «данью», которой государство обкладывает товары широкого потребления.

«Дань» эта была потяжелее татарской. Если Золотая Орда взимала с побежденных десятую часть дохода, то троцкистско-сталинская система забирала для реализации своих планов только в виде этой «дани» (а были и другие виды) до третьей части всего народного дохода. С «легкой руки» Сталина налог с оборота объявляется частью чистого продукта, созданного обществом и родственного прибыли предприятия. Давным-давно, когда крестьянам значительно недоплачивали за труд, в этом лукавстве Сталина была доля истины. Тогда часть налога с оборота образовывалась из разницы в заготовительных и розничных ценах на сельскохозяйственную продукцию, с учетом стоимости ее переработки. Таким путем государству передавалась часть национального дохода, созданная колхозами и колхозниками. В 1953 году, например, налог с оборота по зерну был равен 85 процентам, по мясу — 75 процентам, то есть до 40 процентов созданного крестьянами продукта уходило в виде дани государству. Но большая часть налога взималась с промышленных товаров — здесь он был косвенным налогом в чистом виде<sup>9</sup>.

С конца 20-х годов вместо обычного во всех странах скромного налога с оборота (не более 3—5 процентов) появляется гигантский налог с оборота, темпы которого опережают все разумные пределы. Его размер с десятой части национального дохода в 1928 году увеличивается до четвертой части в 1931 году и почти третьей части — в 1905-м\*.

«Дань» (налог с оборота) на товары широкого потреб-

---

\* Фактически вновь созданный налог с оборота объединил в себе и другие ранее существовавшие косвенные налоги.



ления назначается в любом размере (в трехкратном, пятикратном, десятикратном) — все зависит от того, будут ли товар покупать потребители. И чем хуже работает экономика и меньше товаров, тем большую «дань» можно собрать. Современная женщина, например, не может обойтись без колготок, и вот приходится ей выплачивать «дань», многократно (раз в десять) превышающую стоимость этого товара первой необходимости. За право владеть цветным телевизором государство взимает в виде «дани» 400 рублей с каждого покупателя. Кстати, ту же экономическую природу носила прибыль от водки, за которую ратовал Сталин. В сентябре 1930 года он писал Молотову: «Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на **МАКСИМАЛЬНОЕ** увеличение производства водки»<sup>10</sup>. Что и было сделано. Потребление спиртных напитков резко возросло, увеличившись еще больше при наследниках Сталина. Если в начале XX века среднестатистическое потребление спиртных напитков составляло около 2—3 литров в год (и было одно из самых низких в мире), то в 30-е годы возросло до 5—6 литров. Превращение водки в важный доходный источник государственного бюджета — одно из главных экономических инструментов сталинизма.

В работах руководителей административной системы в 30-е годы неоднократно подчеркивается необходимость увеличения налогов, принудительных займов (рабочих заставляли покупать облигации займа, равные двух-, четырехнедельному заработку), установления цен на таком уровне, который был бы оптимально выгоден государству<sup>11</sup>. С 1927 по 1932 год налоги и сборы с населения (без налога с оборота) возросли в 3,3 раза, а величина государственных займов — в 5,4 раза<sup>12</sup>.

Тяжелым налогом на население легла чрезмерная эмиссия денег, значительно превышающая рост товарной массы. За 1928—1932 годы денежная масса в обращении увеличилась в 5 раз, тогда как реальный рост промышленного производства составил 24 процента, а уровень сельскохозяйственного производства даже снизился на 19 процентов. По плану за этот период предполагалось выпустить в обращение 1,25 млрд. рублей. Фактически же масса денег в обращении возросла с 1928 по 1932 год примерно на 4 млрд. рублей, а в 1933 году — еще на 2,4 млрд.<sup>13</sup>. За этот счет, указывалось в документах Наркомфина, перекрывался недобор ресурсов обобщественного хозяйства<sup>14</sup>.

Неизбежным результатом такой финансовой политики

стал стремительный рост розничных цен. С 1928 по 1940 года розничные цены в стране выросли в пять раз, а к 1949 году — в десять раз. Постоянное отставание роста товарной массы от выпуска новых денежных знаков, выпуск денег под несуществующие или не пользующиеся спросом (лежащие без движения на складах) товарные ценности, а также пагубное влияние на стабильность денежной массы фиктивной стоимости налога с оборота обеспечили непрекращающийся процесс обесценения, инфляции рубля. Если по отношению к золотому рублю 1913 года по данным Струмилина червонный рубль 1924 года стоил полтинник, то рубль 1932 года — 25 копеек, а рубль 1940-го — несколько копеек.

Еще в 20-е годы цены в стране приобрели «многоэтажный» характер. Самые низкие цены были на продукты, покупаемые по карточкам. Следующим этажом шли так называемые среднеповышенные цены, действующие в рабочих районах, но по этим ценам мало что можно было купить. Потом шли коммерческие цены, которые были значительно выше, зато по ним покупали товары без карточек. На четвертом этаже существовали цены «образцовых магазинов» — универмагов — выше коммерческих. Много горя и беды принесли цены пятого этажа — «торгсинов». Здесь товары продавались за золото (которое насильно заставляли сдавать) или валюту. И наконец, на шестом этаже существовали цены рынков в условиях острого товарного голода, достигавшие фантастических размеров. «Многоэтажье» цен ошарашивало простого труженика, ведь для того, чтобы по-человечески жить в этих условиях, надо было быть разбойником с большой дороги.

В 20—30-е годы изменяется весь набор традиционных мотивов труда. Крестьянское нестяжательство, труд как добродетель, а потом уже как средство достижения материальных благ насильственно сменяются методами внеэкономического принуждения к труду и в лучшем случае примитивными формами материального стимулирования.

Основная масса рабочих и крестьян, привыкших действовать в рамках традиционной трудовой нравственности, столкнулась с разнузданной безнравственностью и бюрократическим произволом различных видов принуждения, описанных нами выше. Разрушается привычная российскому работнику система мотивов к труду. Духовно-нравственные, моральные мотивы вытесняются казенными фаль-

шивыми лозунгами\*, не подкрепляемыми справедливым вознаграждением за труд. Часть продукта, необходимого для поддержания жизненных сил работника, используется для создания новых единиц производственных фондов. Остаточный метод формирования фонда оплаты работников становится государственным принципом. В Большой Советской Энциклопедии 30-х годов буквально декларируется, что «часть совокупного общественного продукта составляет фонд, предназначенный для возмещения израсходованных средств производства, для расширения общественных производственных фондов, для создания резервов... Остальную часть составляет фонд, предназначенный для удовлетворения потребностей социалистического общества в предметах потребления». Кстати говоря, в число первоочередных нужд включались и средства на содержание бюрократического и репрессивного аппарата, что еще больше сужало совокупный фонд оплаты труда. Еще одним принципом объявляется то, что «индивидуальная зарплата, получаемая рабочими, является лишь формой участия в распределении созданного всем классом продукта»<sup>15</sup>. Таким образом обосновывается обезличка и уравнильность.

Основывающаяся на этих принципах оплата труда работников осуществлялась по тарифам, выработанным на самом верху бюрократического аппарата, и почти не учитывала местные и отраслевые особенности. Более того, оплата рабочих, выполнявших один и тот же труд, могла произвольно устанавливаться центром по-разному для разных отраслей или даже отдельных предприятий, исходя из «высших государственных соображений». Слесарь или токарь в машиностроении получал значительно больше, чем в пищевой или легкой промышленности. Использование тарифных документов, не отражающих прямой связи

---

\* Новое время рождало новый трудовой «фольклор». Только он, в отличие от старого, был насквозь фальшив. Этот «фольклор» рождался не в толще народа, а придумывался поставленными для этого интеллигентами. Разница здесь была такая же, как между старыми народными помочами и сталинскими коммунистическими субботниками, древней народной традицией и казенными лозунгами. Вот некоторые примеры этого казенного лозунгового «фольклора»: «Сталинская правда светлее солнца», «Сталинский указ — что отцовский наказ», «Свет советского маяка виден издалека», «Ударная работа человека красит», «По-ударному работать — по-зажиточному жить», «Лодырь ударнику не товарищ», «Велик день для лодыря, а для ударника — мал». Или еще типичное для того времени: «Надо всем знать, как врага распознать», «Прогул на руку врагу», «Прогоульные дни воровству сродни», «Не будь тетерей, боись с потерей».

между затратами и оплатой труда, свело к абсурду саму идею справедливого вознаграждения, материального стимулирования, обуславливало выводиловку, потолок оплаты, уравниловку, обезличку. Все это, конечно, не могло способствовать стимулированию труда.

Огромный вред формированию системы материального стимулирования нанес сложившийся в 30-е годы неэквивалентный обмен между государственным сектором и крестьянством, а также, в меньшей степени, рабочими. За счет значительного косвенного налогообложения рабочим и крестьянам приходилось платить за промышленные товары больше, чем они реально стоили. А как известно, в условиях завышенных цен материальные стимулы для большей части населения работают слабо.

Все попытки изменить порочную систему остаточного принципа и неэквивалентного обмена наталкивались на яростное сопротивление бюрократического аппарата, для которого эта система создавала материальную возможность существования.

Начиная с конца 20-х годов и без того плохие по сравнению с 1913 годом условия труда рабочих становились все хуже и хуже. Как писал в своих воспоминаниях Хрущев, бывший тогда секретарем МК ВКП(б): «Рабочих вербовали (а точнее направляли по разнарядке.— О. П.) из деревни, селили в бараки, там люди жили в невыносимых условиях: грязь, клопы, тараканы и, главное, плохое питание, плохое обеспечение производственной одеждой. Вообще с одеждой было трудно, не купишь. Все это, естественно, вызывало недовольство. Раздражали людей и пересмотры коллективных договоров, связанные с пересмотром норм выработки, расценок. К примеру, была такая-то норма, а потом, после нового года, вдруг на 10—15 процентов выше при тех же расценках и даже меньших»<sup>16</sup>.

Средняя месячная зарплата рабочего позволяла купить в 1913 году 333 кг черного хлеба, в 1936-м — 241 кг, масла — 21 и 13 кг, мяса — 53 и 19 кг, сахара — 83 и 56 кг. В годы нэпа рабочий тратил на питание около 50 процентов своей заработной платы, а в 1935-м — 67,3<sup>17</sup>.

Резко ухудшились жилищные условия рабочих. Если в 1913 году в городах на 1 человека приходилось 7 кв. метров, то в 1928-м — 5,8, а в 1940-м — 4,5. Однако эта статистика за советское время не учитывала бараки. С учетом их условия жилья были еще хуже. Часто семьи из 3—5 человек ютились на площади 6—10 кв. метров.

По официальным данным, заработная плата советского рабочего возросла за 1929—1953 годы почти в 11 раз. Однако эти данные не учитывали гигантского роста стоимости жизни. По расчетам американской ученой Жанет Чепмен, стоимость жизни в СССР по сравнению с 1928 годом возросла в 1937 году в 5 раз, в 1940-м — уже в 7 раз, а в 1952-м — в 11 раз. И эти данные совсем не удивляют, если посмотреть на ценники товаров в разные годы. Цены на печеный ржаной хлеб возросли с 1928 по 1937 год в 10 раз, а к 1952 году — в 19 раз! Цены на говядину 1-го сорта — в 16 и 17 раз; на свинину в 10 и 20 раз; на сахар в 6 и 15 раз; на подсолнечное масло в 28 и 34 раза; на яйца в 11 и 19 раз, на картофель в 5 и 11 раз! Вместе с тем увеличивались суммы обязательной подписки на займы и налоги. В результате в 1952 году уровень заработной платы был ниже уровня 1928 года, хотя и превышал уровень зарплаты предвоенных лет.

Ж. Чепмен производит расчет, сколько продуктов может купить рабочий за 1 час работы в СССР и зарубежных странах. Так вот, если в 1928 году советский рабочий мог купить продуктов в 4 раза меньше, чем американский, и в 2 раза меньше, чем английский, то в 1950-м — уже в семь раз меньше, чем американский, и в четыре раза меньше, чем английский<sup>18</sup>.

В 1929 году снова вводится карточная система: рабочий, провозглашенный хозяином страны, получает 600 г хлеба в день, а члены его семьи — по 300 г, жиров — от 200 г до 1 литра, 1 кг сахара в месяц. В 1930 и 1931 годы размеры выдачи по карточкам снизились. Мясо по карточкам почти не выдавалось, купить его можно было только по рыночным (очень высоким) ценам.

В свое время, рассматривая питание в рабочих артелях, мы обещали вернуться и сравнить его с питанием на стройках социализма. Так вот, данные свидетельствуют, что уровень питания в средней русской артели середины XIX века был в 3—5 раз выше, чем на предприятии в 1930-е годы. Помните, в артелях полагалось на день граммов по 300 мяса, а хлеба и каши сколько съешь, как тогда говорилось — «от пуза».

Писатель Гладков в романе «Энергия» рассказывает о столовой на строительстве Днепровской плотины в 1930-е годы: «Я бываю на фабрике-кухне, и меня тошнит от одного вида гнусного ядева. Я бываю на участках работ, туда пища привозится в термосах. Эта синяя болтушка смердит трупом и выгребной ямой. Рабочие предпочитают

только хлеб с водой». В документах смоленского архива, захваченных немцами и опубликованных после войны на Западе, приводится сообщение агента ОГПУ о жалобах рабочих на питание в столовой: «В том, что они называют щами, с трудом что-нибудь найдешь. Это не щи, а кипяченая вода из-под овощей; без жира, мясо часто плохо вымытое... Однажды в продуктах были обнаружены черви».

## «РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ»

«Коллективизация,— писал в 1929 году русский крестьянин Михаил Петрович. Новиков,— имеющая на верху горы — батраческий коммунизм, есть стремление не вперед, а назад, и может временно удовлетворить лишь забитых нуждою батраков и нищих или попросту — это рай для батрачков-дурачков. Свободные же люди не могут идти в это рабство, как бы их туда ни загоняли, как не могут вообще ходить люди на четвереньках».

Самой характерной чертой русской деревни стало стремительное увеличение числа бедняков. В 1927 году только по официальным данным 35 процентов крестьянских хозяйств числились маломощными, то есть бедными<sup>1</sup>. Фактически их число было еще больше. В 1928 году по доходу на душу населения 45,3 процента составляли пролетарские и бедняцкие слои<sup>2</sup>, причем их численность увеличивалась (в 1913 году — 20—25 процентов).

В 1928—1929 годах в РСФСР 56 процентов крестьянских хозяйств имели доход до 250 рублей<sup>3</sup>. Если взять средний размер крестьянского хозяйства в семь человек, то доход на одного крестьянина будет составлять 36 рублей и ниже. А в переводе в довоенные рубли еще значительно меньше. Напомним, что среднедушевой доход бедных крестьян в 1913 году составлял в ценах этого года 40 рублей.

Более того, в 1926—1927 годах 33 процента крестьянских хозяйств имели доход ниже 150 рублей<sup>4</sup>, то есть это были хозяйства, по довоенным оценкам близкие к нищете.

В 1927 году почти треть крестьянских дворов была лишена средств производства, необходимых для ведения самостоятельного хозяйства. Так, 28,3 процента крестьянских хозяйств не имели рабочего скота, 31,6 процента — пахотного инвентаря<sup>5</sup>.

Таким образом, по сравнению с дореволюционным периодом удельный вес бедных и маломощных крестьян увеличился в 2—2,5 раза.

Надо сказать, что рост числа бедняков обуславливался не только разрухой, но и всей государственной политикой, направленной на разорение зажиточных, трудолюбивых крестьян, политикой поддержки бедноты, опоры на нее как на политический фундамент села. Государственная пропаганда создает настоящий культ бедняка. А это, как писал в 1929 году крестьянин Михаил Петрович Новиков, самое худшее, что у нас есть. Культ бедноты разводит притворщиков, «химиков», как их зовут в деревне, которые в полном сознании, на виду у всех, не заводят себе скота и инвентаря; даже по два года не кроют крыши и живут как самоеды, в гумне. Это же заставляет сильные семьи селиться врозь, чтобы всем сразу же стать бедняками и начать есть тоже чужой хлеб. Стыд и позор должен быть не на так называемых «кулаках» и зажиточных, имеющих свой хлеб, а на тех «химиках», бедняках, которые, имея 10 лет равное со всеми количество земли, все-таки не хотят, как нужно, работать и искусственно поддерживают свою бедноту и голод в надежде на государственную помощь. Разве это не позор! Культ бедноты надо изменить в корне, иначе они, как тощие фараоновы коровы, сожрут всех тучных и сами не пополнеют. Тунеядство и притворство надо вырвать с корнем<sup>6</sup>.

Тощие фараоновы коровы пожирали тучных, значительно сократилось число крестьян, живущих со средним достатком. Удельный вес «середняков» — крестьянских хозяйств с доходом от 250 до 700 рублей (в ценах 1928—1929 годов) — сократился до 42 процентов<sup>7</sup>, тогда как к 1913-му удельный вес «середняков» составлял примерно 55 процентов.

Значительно снизился по сравнению с довоенным уровнем доход богатых и зажиточных крестьян, также сильно сократилось их общее число. В 1928—1929 годах доход свыше 700 рублей (в ценах этих лет) получало около 2 процентов всех крестьянских хозяйств<sup>8</sup> с численностью населения примерно 1,8 млн. человек.

В результате социальной и экономической политики Советской власти только два процента крестьянства могли считаться богатыми и зажиточными, то есть в 10—12 раз меньше, чем их было в довоенный период.

В 1928 году официальная статистика относила к числу «кулаков», то есть зажиточных и богатых крестьян, 5,6 млн. человек<sup>9</sup>. Таким образом, в число «кулаков» (зажиточных и богатых крестьян) совершенно необоснованно включались группы крестьянства с уровнем дохода, не

соответствовавшего даже зажиточности, то есть средним крестьянам.

Все это отражало интенсивно протекающий процесс «раскрестьянивания» или пролетаризации села. Причины его были очевидны. Во-первых, разрушение вековых ценностей крестьянской общины, и, прежде всего, самоуправления и трудовой демократии. В этот период община подпала под диктат пролетарских и люмпен-пролетарских элементов села (поддерживаемых репрессивным аппаратом). Постоянное вмешательство в крестьянские дела армии, партийных и государственных чиновников подрывали самостоятельность, инициативу и предприимчивость сельских тружеников. Во-вторых, порочная ценовая и финансово-кредитная политика государства, создавшая своего рода машину по перекачке созданного крестьянином продукта в город с минимальным вознаграждением затрат. Экономически неравноправный обмен, когда крестьянин вынужден был платить за промышленные товары в несколько раз больше их настоящей стоимости, на корню подрывал возможность эффективного развития сельского хозяйства, снижал жизненный уровень крестьян, превращая многих из них в пролетариев.

...В августе 1942 года между Черчиллем и Сталиным произошла беседа, в которой последний выразил официальную точку зрения на коллективизацию в нашей стране:

«— Политика коллективизации была страшной борьбой,— сказал Сталин.

— Я так и думал, что для вас она была тяжелой. Ведь мы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей...

— С десятью миллионами,— сказал Сталин, подняв руки.— Это было что-то страшное, это длилось четыре года. Чтобы избавиться от периодических голодовок, России необходимо было пахать землю тракторами. Мы были вынуждены пойти на это. Многие крестьяне согласились пойти с нами. Некоторым из тех, кто упорствовал, мы дали землю на Севере для индивидуальной обработки. Но основная часть их была весьма непопулярна и была уничтожена самими батраками...»<sup>10</sup>

Мы недаром привели эту цитату. Ее ценность в том, что она отражает метод, которым была проведена коллективизация, т. е. «раскрестьянивание села» — опираясь на пролетарские, полупролетарские и люмпен-пролетарские слои деревни, опрокинуть сопротивление среднего и зажи-



точного крестьянина, стремившегося сохранить свои традиционные основы жизни.

Крестьяне лишаются возможности свободно перемещаться по стране. В отличие от жителей города, им не выдаются паспорта, а без них в то время нельзя было ступить и шагу. На работу в город их отправляли по разнарядке сверху.

Сущность новых взаимоотношений государства с крестьянством в основном сводилась к созданию колхозов, руководимых безоговорочными сторонниками Советской власти, из числа сельского пролетариата или приезжих горожан, и беспощадным подавлением всех несогласных. Все антиколхозные настроения и выступления крестьян юридически признавались контрреволюционными и подпадали под действие уголовного кодекса (принято в октябре 1929 года).

О том, как проводили коллективизацию, сохранилось великое множество рассказов. Приведем один, очень типичный, записанный Федором Абрамовым на русском Севере. В нем отразилось все характерное для той эпохи — запугивание, лишение самостоятельности, превращение самоуправляющихся трудовых коллективов крестьян в парализованных страхом одиночек.

«Задание было совершенно определенное: в самые сжатые сроки (крайкомом был спущен по районам план-график) коллективизировать деревню...

Активность народа была «высокая». Как только объявили... о собрании, сразу в клуб хлынул народ (активность подстегивалась тем, что одновременно с собранием проводили раскулачивание, люди были запуганы, охвачены страхом, готовы на все).

В клубе собралось народу — нечем дышать. Передние сидели, а их со всех сторон подпирали стоящие.

Председатель сельсовета сделал короткий (15—20 мин.) доклад по железному стандарту тех лет: международное положение, борьба с классовым врагом, необходимость коллективизации.

После доклада посыпались вопросы:

— Что будут обобществлять?

— Все, за исключением построек.

— А что будет тем, которые не запишутся в колхоз?

Будут ли высылать?

— Землю отберет колхоз, а людей... Места на Севере много.

— А как питаться будут?

— В столовой. Крынку с маслом на стол поставят — мажай сколько хочешь.

Таковы были представления о колхозной жизни у самих организаторов колхозов.

Минут пять, наверное, после этого в зале стоял смех. Потом стали записываться на две руки (два списка).

— Кто «против»?

«Против» нет.

— Кто «за»?

— «За» нет.

— Будем записывать.

Заминка.

— Так вы что же — против Советской власти?

Первой поднялась какая-то баба.

— Записывай меня. Все равно деваться некуда (хуже не будет).

Вслед за бабой записывались все остальные.

Председатель сельсовета, закрывая собрание, сказал:

— Есть предложение спеть «Интернационал».

Запели «Интернационал». А в задних рядах заголосили старухи. «Интернационал» и бабы причитанья (не хотят в колхоз, боятся колхоза).

— Что там такое? — спросил председатель.

— Это старухи затосковали.

— Ну, им можно: колхоз — это смерть старому»<sup>11</sup>.

Создаваемым колхозам предоставлялись различные налоговые, финансовые и кредитные льготы, дешевая аренда, сельхозинвентарь и машина, давались лучшие земли, а также имущество, конфискованное у крестьян, несогласных с колхозной политикой.

С другой стороны, крестьяне, которые не соглашались вступать в колхоз, объявлялись «кулаками» или «подкулачниками» и к ним со всех сторон применялись многочисленные репрессивные меры, начиная с грабительского налогообложения и конфискации имущества и кончая выселением в Сибирь и заключением в трудовые лагеря.

Определения, которые применялись при отнесении крестьян к «кулакам», были очень растяжимыми. По этим определениям большая часть среднего крестьянства могла считаться эксплуататорами.

К «кулакам» относились:

а) применявшие наемный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарном промысле и на предприятии;

б) имевшие мельницы, маслобойни, крупорушки, сыроварни, колбасни, кожевни и другие промышленные пред-

приятия, а также механические двигатели или предприятия с прочими двигателями, дающие более 150 рублей дохода в год;

в) сдававшие внаем сельскохозяйственные машины с механическими двигателями или производившие работы в других хозяйствах, а также сдававшие внаем другие сельскохозяйственные машины (конная полусложная молотилка, сноповязалка, жатка и пр.), если доход от них превышает 150 руб.;

г) сдававшие внаем постройки, оборудованные под жилье или предприятие, доход от которых (построек) составлял в сельских местностях более 150 руб., а в городах — более 200 руб. в год;

д) арендовавшие земли с целью торгового и промышленного использования садов и огородов;

е) занимавшиеся торговлей, ростовщичеством, скупкой и перепродажей сельскохозяйственной продукции и скота;

ж) содержавшие постоянные дворы с доходом свыше 200 руб. в год;

з) дававшие деньги, семена, продукты, корма, товары и т. п. в долг под отработку, независимо от количества отработанных дней;

и) применявшие наемный труд при занятии извозом или ямщиной.

Причем уровень дохода, получаемого от видов деятельности, признаваемых «кулацкими», был очень низок (151—201 руб.) и фактически (по дореволюционным меркам) не создавал крестьянской семье значительного достатка.

Наступление на крестьянство со стороны государственных органов совпало со значительным кризисом в процессе хлебозаготовок урожая 1927 года. К началу 1928-го государственными учреждениями было заготовлено только 300 млн. пудов зерна против 428 млн. пудов к январю 1927 года<sup>12</sup>. Значительная часть крестьян не хотела продавать хлеб государству по низким заготовительным ценам, а предпочитала торговать им на свободном рынке, где устанавливались более справедливые цены.

Нежелание крестьян продавать хлеб государству объявлялось «кулацким саботажем», хотя на долю зажиточных и богатых крестьян приходилось не более пятой части производимого ими товарного хлеба\*.

---

\* В 1926—1927 годах 74 процента всего товарного хлеба производилось бедняцкими и средними хозяйствами и только 20 процентов богатыми и зажиточными<sup>13</sup>.

Для того чтобы взять хлеб у крестьян, против них был принят ряд чрезвычайных мер. Этими мерами, сходными с мерами времен гражданской войны, терроризируются широкие слои крестьянства. У них отбирали выращенный их руками хлеб, а чтобы выявить его, пролетарским и люмпен-пролетарским слоям деревни предлагалось доносить на своих односельчан — держателей хлеба — за это полагалось 25 процентов конфискованного зерна. Такая практика поощряла паразитизм определенной части деревни и вызывала значительную вспышку социальной розни.

Налогообложение зажиточных крестьян в 1928 году начинает производиться не по установленным нормам, а в так называемом индивидуальном порядке. «Индивидуальный порядок» налогообложения допускал самый беззастенчивый произвол местных властей, которые начисляли на зажиточных крестьян фантастические налоги, вынуждавшие их не только отдавать значительную часть дохода, но и продавать часть своего имущества, чтобы расплатиться с налогами. В 1928 году в индивидуальном порядке было обложено 890 тыс. зажиточных и богатых крестьянских хозяйств.

В марте 1928 года принимается постановление «О землепользовании лиц, существующих на нетрудовые заработки». Согласно ему значительная часть богатых и зажиточных крестьян лишалась права распоряжаться землей на началах трудового землепользования. У зажиточных и богатых крестьян изымалась большая часть земли.

В конце 1928 года вводится новый закон о земле, который сильно сократил возможности индивидуального хозяйствования. Аренда земли и применение наемного труда для индивидуальных крестьян фактически запрещается.

Сельским Советам, руководимым партийными ячейками, предоставляется право приостанавливать или отменять решения общих собраний (сходов) земельных обществ, которые не соответствовали распоряжениям верховных органов или «нарушали интересы» бедных крестьян. Таким образом, сельские Советы, подбираемые партийными органами, ставились выше всех членов земельного общества, объединявшего все крестьянские дворы.

Зажиточные и богатые крестьяне, а также часть среднего крестьянства лишаются избирательных прав в Совете, то есть теряют право голоса и возможности быть избранными в Совет. Так, значительная часть крестьян лишается элементарных демократических прав и механически ставится вне общества. В дальнейшем специальным

постановлением ЦК ВКП(б) (июнь 1929 года) зажиточные крестьяне лишаются права голоса во всех видах кооперации.

Грабительское налогообложение, конфискация имущества, лишение избирательных прав, просто прямой террор всколыхнули значительную часть крестьянства. По всей стране прокатилась волна выступлений. Только в конце 1928 — начале 1929 года был зарегистрирован 5721 случай крестьянских выступлений, официально именуемых кулацкими<sup>14</sup>.

В середине 1929 года начинается массовая коллективизация. Для ее проведения в деревню в помощь сельским пролетариям направляются десятки тысяч горожан, преимущественно рабочих, ни бельмеса не смысливших в крестьянском труде, но горящих желанием проводить линию партии на «переустройство крестьянской жизни». Многие из этих рабочих особой грамотностью не отличались, но назначались на разные ответственные должности: председателей колхозов, директоров совхозов и МТС, секретарей парткомов и т. д. По сталинской табели о рангах, «звание» рабочий (хотя и не очень грамотный) стояло значительно выше «звания» крестьянин. Ох, и наворотили эти горожане делов в деревне, не зная крестьянской жизни, кромсая по живому — слепые исполнители чужой воли!

В июне 1929 года в РСФСР было принято постановление: «Разрешить сельским Советам в тех случаях, когда общим собранием граждан (сельским сходом) принято постановление о выполнении в порядке самообязательства всем селом хлебозаготовительного плана и в связи с этим произведена раскладка задания между отдельными хозяйствами, налагать на отдельных хозяев, не выполняющих указанных решений и уклоняющихся от сдачи хлеба, штрафы в административном порядке, в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдачи хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц». Из суммы штрафа 25 процентов отчислялись бедным крестьянам и 75 процентов — в распоряжение государства. Такое постановление означало, что крестьянин перестал быть хозяином продуктов своего труда.

Так называемые добровольные самообязательства о выполнении плана заготовок всем селом были обязательными разнарядками, невыполнение которых строго каралось. Делалось это так. Собирались крестьяне, а чаще всего только их часть. От их имени партийный член сельсовета или

другой активист зачитывал типовое самообязательство. Крестьянам предлагалось проголосовать «за», в случае отказа присутствовавшие, как правило, на таком собрании сотрудники карательных органов могли арестовать несогласных. Поэтому самообязательства после «небольшой работы» со стороны административных и карательных органов принимались. Опыт предыдущих лет делал крестьян более «осмотрительными».

Конфискация крестьянского имущества и высылка крестьянских семей в отдаленные места приобрели в 1929 году массовый характер по всей стране. Однако конфискации и выселения крестьян, активно противодействовавших созданию колхозов, особенно усилились в конце 1929 — начале 1930 года.

В конце 1929 года была создана специальная комиссия Политбюро ЦК (возглавляемая Я. А. Яковлевым (Эпштейном)), в январе-феврале 1930-го издаются специальные постановления партийного и правительственных органов по вопросам ликвидации хозяйств зажиточных и богатых крестьян и по колхозному строительству.

Зажиточные и богатые крестьяне делились на категории, к которым рекомендовалось применять дифференцированные меры подавления (отдача под суд вплоть до расстрела, высылка, переселение).

К первой категории относили крестьянский «контрреволюционный» актив, который подлежал изоляции в трудовые лагеря. Для особо активных крестьян предусматривалось физическое уничтожение. Выявление и удаление крестьян первой категории возлагалось на органы НКВД.

Ко второй относился просто крестьянский актив (особенно наиболее богатые и зажиточные крестьяне). Таких крестьян выселяли в отдаленные местности страны. Границы между первой и второй категориями были очень расплывчатыми.

К третьей группе относились хозяйства всех остальных зажиточных и богатых крестьян и «подкулачников». Их предполагалось выселять в пределах своих районов на самые худшие земли. Но на практике их выселяли также в отдаленные места России.

Налогообложение крестьян достигло фантастических цифр. Наряду с сельхозналогом они платили культсбор и так называемое самообложение, которое находилось в прямой пропорциональной зависимости от размеров сельхозналога.

У крестьянских хозяйств с доходом 500 рублей (по до-

военным критериям доход середняков) изымалось 60 процентов созданного продукта. А при доходе в 1500 рублей грабительские налоговые платежи превышали весь доход крестьянского хозяйства и у крестьян изымалась часть имущества, орудий и средств производства. В этих условиях ведение индивидуального крестьянского хозяйства теряло всякий смысл.

Чрезмерная величина налогообложения индивидуально-крестьянства видна при сравнении с налогообложением колхозных дворов. В 1931 году на один колхозный двор приходилось 3 рубля сельхозналога, на одно индивидуальное крестьянское хозяйство — малоимущее или среднее — более 30 рублей, а на одно зажиточное или богатое крестьянское хозяйство — почти 314 рублей<sup>5</sup>.

Кроме грабительского налогообложения, к индивидуальным крестьянским хозяйствам применялись и другие насильственные экономические меры. Значительная часть индивидуальных крестьянских хозяйств облагалась твердыми заданиями по основным видам заготовок сельскохозяйственных продуктов (по низким закупочным государственным ценам). Особое значение имели твердые задания по хлебозаготовкам. Крестьянские хозяйства, не выполнившие эти твердые задания, подвергались репрессиям. Имущество подлежало продаже, а сами крестьяне выселялись в отдаленные районы.

Увеличилось число крестьян, лишенных избирательных прав. В некоторых районах страны избирательных прав были лишены 20—25% крестьян.

Развязав настоящую войну против деревни, троцкистско-сталинский режим запретил самостоятельное переселение и распродажу крестьянского имущества под угрозой полной конфискации. На многих дорогах, станциях, вокзалах организуются специальные заградительные посты и отряды, состоявшие из регулярных войск, милиции, НКВД, партийного и комсомольского актива.

Предшествовавшие выселению крестьянских семей конфискации превращались в настоящую вакханалию грубого произвола и беззакония.

Отбиралось практически все. Оставляли только самое необходимое. Конфискации имущества порой напоминали дележ награбленного среди пролетарских и люмпен-пролетарских слоев села. Последние были лично заинтересованы в как можно большем числе «раскулаченных». Часть имущества зажиточных крестьян попадала в их руки. Это еще больше разжигало низменные страсти пролетарских,

полупролетарских и люмпен-пролетарских слоев деревни. Во многих местах России раскулачивание приобрело злове- щий характер прямого грабежа, надругательства над лич- ностью. Крестьянину некуда было пожаловаться, не на что было опереться, он был поставлен фактически вне закона. Личность крестьянина, называемого «кулаком», представ- лялась официальной пропагандой в виде страшного злодея, грабящего, убивающего, не гнушающегося никакими сред- ствами. Изо дня в день создавался образ врага, которому приписывались все государственные неурядицы и админи- стративная несостоятельность режима. «Кулаком» (или «подкулачником») мог быть назван любой крестьянин, не желавший записываться в колхоз. Вокруг самостоятельного крестьянского хозяйства возникал злове- щий вакуум. Запу- ганные и дезориентированные лживой пропагандой люди шарахались от крестьян-единоличников\*.

Итак, в избу крепкого крестьянина приходили колхоз- ные активисты — представители пролетарских слоев села и «передовых рабочих» из города. Эти люди описывали имущество, инвентарь, скот, нажитые не за один десяток лет. По данным, приведенным в официальном источнике, общая сумма имущества, конфискованного у крестьян и переданного колхозам, составила более чем 400 млн. руб- лей<sup>16</sup>. Однако и в эту цифру не входило имущество, не попавшее в неделимые фонды колхозов и разошедшееся по рукам активистов и сельского пролетариата (просто разво- рованное ими). Значительное распространение имела пере- дача конфискованных домов за символическую плату сель- ским пролетариям. Так, в Березовском районе Одесского округа в начале 1930 года колхозникам предоставляли 165 конфискованных домов, батракам — 105<sup>17</sup>. По на- шим ориентировочным подсчетам, общая стоимость конфи- скованного и расхищенного у раскулаченных крестьян имущества в годы коллективизации составила не менее 1 млрд. рублей. Кроме того, у крестьян конфисковали личные сбережения в сберкассах<sup>18</sup>.

Некоторая часть крепких крестьян, не дожидаясь, пока их раскулачат, бежали сами, часто бросали дом и имуще- ство (ибо продавать его строго запрещалось).

Из данных, приводимых в источниках, следует, что за

---

\* Казенные лозунговые «пословицы» твердили фальшивыми голосо- ми: «Кулаков турнули — спины разогнули»; «Колхозная сила — кула- кам могила»; «Недаром говорится, кулак колхоза боится»; «По справ- кам — бедный, по делам — вредный».



четыре года «коллективизации» в отдаленные районы было выселено около 300 тыс. крестьянских семей<sup>19</sup>, то есть около 1,5 млн. человек.

Эти данные преуменьшены во много раз и, по-видимому, соответствуют общему числу высланных крестьян, размещенных в спецпоселках и в необжитых районах страны, созданных с целью эксплуатации труда сосланных при рудниках, шахтах, строительстве дорог и пр. Однако через спецпоселки прошла только сравнительно небольшая часть крестьян<sup>20</sup>. Кроме того, названная цифра, естественно, не включала крестьян, заключенных в трудовые лагеря и тюрьмы.

Всего же за годы «коллективизации» и «раскулачивания» были сосланы примерно 8—10 млн. крестьян, несколько миллионов — заключены в лагеря и тюрьмы, миллионы — расстреляны. В целом же, учитывая также массовое «самораскулачивание», выразившееся в бегстве из деревни, не дожидаясь официального раскулачивания, общее число лиц, прямо пострадавших в результате политики «раскрестьянивания», достигло не менее 15 млн. человек. Конечно, фактически число пострадавших крестьян было гораздо больше. Разорение хозяйств, резкое снижение уровня жизни вынуждали и широкие крестьянские массы, не опасавшиеся раскулачивания, покидать свою деревню. По данным официальных источников, за 1928—1938 годы покинули деревню и поселились в городе 18,7 млн. крестьян<sup>21</sup>.

Тысячи, миллионы свидетельств о том, как планомерно, последовательно осуществлялось физическое уничтожение (геноцид) русского крестьянства, его древнего уклада, великой трудовой культуры.

1929 год... Раздели, разули, раскулачили, отобрали скот, лошадей и полуголодных повезли в вагонах для перевозки скота в далекую Сибирь.

По приезду на станцию посадили на лошадей и так стали гнать, что если выпадет беременная женщина из саней или маленький ребенок, то никто их уже не подбирал, они оставались в тайге в лесу, а обоз гнали галопом дальше. Выгрузили всех, снег выше пояса; и сказали: стройте себе поселок, постройте — выживете, не постройте — подохнете здесь, и никто о вас не узнает, потому как вы — враги Советской власти<sup>22</sup>.

Даже в официальных докладах, всегда склонных приукрашивать действительность, приводятся воистину вопиющие факты нечеловеческих условий, издевательства

и надругательства над крестьянами-спецпереселенцами<sup>23</sup>.

«Заброска, расселение и использование труда спецпереселенцев,— говорится в докладе наркомюста Н. В. Крыленко,— происходит беспланово и без надлежащего учета. Расселяются спецпереселенцы в местах, непригодных по климатическим и другим природным условиям для ведения сельского хозяйства, а использование труда спецпереселенцев на производстве и в промышленности происходит беспорядочно.

Жилищное строительство ведется крайне медленно, и переселенцы сплошь и рядом находятся в зимнее время в летних казармах и зданиях бывших церквей, банях, шалашах, землянках и палатках, абсолютно перегруженных, и антисанитарное состояние жилищ почти общее явление.

Снабжение переселенцев продуктами питания и товарами находится в плохом состоянии.

Медобслуживание и культурно-просветительная работа поставлена из рук вон плохо...»

Из докладной записки помощника начальника ГУЛАГа ОГПУ Белоногова начальнику ГУЛАГа ОГПУ Когану:

«Все трудоспособные мужчины и женщины, а также часть с пониженной трудоспособностью — старики, подростки и дети — заняты на лесозаготовительных работах. Часть с пониженной трудоспособностью (в основном женщины) заняты на работах по раскорчевке земель, и очень незначительный процент не работает совсем — это престарелые старики и больные. Норма выработки — 4 кубометра.

В связи с отсутствием у хозорганизации кредитов, зарплата не выдавалась. Кооперация прекратила выдачу в кредит продуктов, у самих же спецпереселенцев денег нет и нечего уже стало продавать, так как все, что имелось, ими распродано, и они были поставлены в такое положение, что не могли даже покупать себе хлеба. В поселках, где приходилось быть,— бесконечные вопли: «Дайте хлеба». Из-за отсутствия овощей много случаев заболевания цингой в тяжелой форме, и люди, как рабочая сила, выбывают из строя. Установленная для спецпереселенцев норма продовольствия выдавалась не полностью. Капуста и картофель не выдавались вообще.

Чрезвычайно плохо обстоит вопрос с довольствием детей. Дети чрезвычайно истощены и бледны. Молочных продуктов вообще нет. Ни в одном поселке нет ни одной коровы. В поселках живут дети разного возраста: до

14 лет и меньше — круглые сироты. Работать они не могут, пайков им бесплатно не дают...»

Такое положение было характерно для всех мест расселения крестьянских семей.

Оперуполномоченный ОГПУ по Уралу А. С. Кирюхин и начальник областного комендантского отдела Н. Д. Баранов докладывают:

«За отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев, без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков 2—2,5 кубометра в день, тогда как средняя норма выработки для взрослого рабочего устанавливалась 3 кубометра в день. По этой причине спецпереселенцы, чтобы выполнить нормы выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмораживались, подвергаясь массовым заболеваниям. На складах в это время остались неизрасходованными в значительном количестве телогрейки, полушубки и т. д. Не получая медицинской помощи, надлежащего питания и нормальных жилищных условий, к концу лесозаготовок они окончательно стали нетрудоспособными и в большинстве своем инвалиды.

В силу указанных выше причин выполнение спецпереселенцами норм выработки было, естественно, невозможным. Однако местные партийные и лесозаготовительные организации стали на путь резких репрессий. Для этой цели...(предоставлялись) ...карательные функции в отношении спецпереселенцев даже хозорганам (десятникам и куренным мастерам), как, например, производство ими арестов, уменьшение продпайка и т. д.

Все это создало обстановку и условия произвола и издевательства над спецпереселенцами со стороны работников низового аппарата... Повсеместно в каждом спецпоселке были созданы арестные помещения, куда беспричинно, а зачастую из личных корыстных побуждений заключались переселенцы всех возрастов, содержались там в неоплаченных помещениях, раздетыми по несколько суток и без пищи, там же систематически избивались и подвергались всевозможным истязаниям, что приводило к полному упадку физической деятельности спецпереселенцев и смертным случаям... Все эти беспричинные издевательства в

основном сводились к физическому истреблению переселенцев...»

Таким образом, в спецпоселениях и лагерях погиб цвет русской нации — самые активные, трудолюбивые и способные к сельскому труду крестьяне. Физически были уничтожены лучшие крестьяне и их дети. На многие десятилетия подорван национальный генотип русского народа.

О трагедии села в городах, а тем более за границей, было известно мало, до ушей горожанина доходили только звуки победных фанфар, но не крики обезумевших от жестокости и голода крестьян.

Жена одного советского посла, приехавшая в Москву в 1931 году, рассказывает, как в самом центре столицы возле Никитских ворот увидела «появившегося как из-под земли высокого молодого крестьянина с женщиной, державшей на руках младенца. Двое детей постарше цеплялись за юбку матери. Было в этих людях поразившее меня выражение последнего отчаяния. Крестьянин снял шапку и задыхающимся, умоляющим голосом произнес: «Христа ради, дайте что можете, только скорее, а то нас заберут». Ошеломленная, я спросила: «Откуда вы, чего вы боитесь, кто вас заберет?» — и высыпала на ладонь крестьянина содержимое своего кошелька. Исчезая, он бросил: «Вы тут ничего не знаете. Деревня помирает с голоду. Нас гонят из домов, убивают...»<sup>24</sup>

Основой вновь организуемых колхозов явилось конфискованное имущество «раскулаченных» крестьян. Официально средняя доля имущества «раскулаченных» крестьян в неделимых фондах колхозов составляла 34,4 процента их стоимости<sup>25</sup>. На самом деле доля конфискованного имущества в неделимых фондах достигала до 40 процентов.

Полной ясности — как объединяться в колхозы и как в них хозяйствовать — ни у кого не было. При коллективизации, как правило, полностью обобществлялись все земельные угодья, нередко даже приусадебные участки. Обобществлялся весь сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот, а часто и продуктивный скот. При отсутствии общественных помещений скот оставлялся у владельцев под сохранные расписки. Допускалось пользование лошадьми и для личных целей в свободное от работы в колхозе время.

Подсобное хозяйство колхозников допускалось как временная мера. В будущем предполагалось полное обобществление имущества крестьян, вплоть до жилых построек.

Обобществленные сельскохозяйственный инвентарь, ра-

бочий и продуктивный скот и т. п. у крестьян, вошедших в колхозы, фактически становились одним из видов собственности государства. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года общественная собственность — государственная и так называемая колхозно-кооперативная — объявлялась основой колхозного строя. Имущество колхозов и кооперативных организаций (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. д.) было приравнено по своему значению к государственному имуществу. За использование колхозной собственности в личных целях, а также за расхищение ее были назначены строжайшие кары, вплоть до расстрела.

В период коллективизации осуществляется одно из самых страшных преступлений сталинизма — уничтожается существовавшая с глубокой древности русская крестьянская община. Община ликвидировалась, когда две трети ее членов загонялись в колхоз. Все сельскохозяйственные земли и имущество общего пользования передавались в колхоз, а несельскохозяйственные земли и имущество, предприятия и общественные здания переходили к сельским Советам. Однако нет более нелепого представления о том, что колхозы явились наследниками общины. Нет, колхозы возникли на развалинах общины и являлись ее антиподом, ибо колхозы были организациями принудительного и зачастую почти бесплатного труда, тогда как труд в общине носил свободный, самостоятельный и инициативный характер. В общине крестьянин работал на самого себя, в колхозе он становился чем-то вроде крепостного. Полностью уничтожалось самоуправление, испокон веков существовавшее в общине.

В 30-е годы государство устанавливает твердый контроль над всеми крестьянскими хозяйствами — как общественными, так и единоличными. Все они получают централизованно разработанные плановые задания, являющиеся и для колхозов, и для единоличников строго обязательными. Заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты устанавливались государством в 3 и более раз ниже себестоимости продукции, не возмещали понесенных затрат и вели к убыткам. Экономические отношения между крестьянством и государством были в значительной степени натурализованы.

Система контракций сельскохозяйственных продуктов, а также обязательной поставки их по плану посева этих культур, действующая в 30-е годы, заменяется в 1940 году жесткой системой обязательных поставок с каж-

дого гектара земли, закрепленной за колхозами или находящейся в распоряжении самостоятельного крестьянина. В земли, закрепляемые за колхозами, включались и неосвоенные территории, подлежащие государственному плану освоения путем распашки целины, осушки болот и т. п.

Обязательные поставки колхозами и индивидуальными крестьянами молока, кожевенного сырья, яиц также устанавливались по нормам, исчисляемым с каждого гектара земельной площади. В соответствии с земельной площадью, закрепленной за колхозами, определялся обязательный минимум разведения и выращивания колхозами лошадей, годных для армии. Закупочные и заготовительные цены были по-прежнему низкими, поэтому обязательные поставки являлись скорее продрозверсткой, чем деловыми отношениями. Спускаемые сверху планы обязательных поставок часто носили произвольный характер, не имели серьезного экономического обоснования.

При таком порядке колхозы и отдельные крестьяне принуждались заниматься производством сельскохозяйственной продукции, не отвечающей их профилю и экономической возможности. Планирующий орган не нес никакой ответственности за назначаемые планы, а колхозы и отдельные крестьяне не имели никакого отношения к планированию.

Убытки, которые неизбежно несли колхозы в результате этой системы, ложились «на плечи» колхозников и никак не компенсировались планирующими органами, виновными в этих убытках.

Таким образом, централизованное планирование колхозного хозяйствования вело к неизбежным плановым убыткам, покрывать которые было некому, кроме самих колхозов. В результате этого колхозам приходилось для выполнения спущенных сверху директивных плановых заданий, для сбалансирования своего бюджета все недостатки относить за счет фонда потребления, то есть за счет снижения жизненного уровня крестьян, работающих в колхозе.

Такое положение узаконивалось государственными органами. В постановлении 1 августа 1940 года «Об уборке и заготовке сельскохозяйственных продуктов» колхозам было указано распределять свою продукцию по трудодням между колхозниками только после выполнения плана обязательных поставок и засыпки семян для посева урожая будущего года, создания на случай неурожая страховых семенных, продовольственных и фуражных фондов в опре-

деленных размерах (в процентах от годового потребления в зависимости от района).

В результате во многих колхозах России в отдельные годы колхозники получали по трудодням\* ничтожно мало или совсем не получали. Основная часть продукции, созданная крестьянством, отчуждалась от него и шла в города.

О том, как распределялась валовая продукция сельского хозяйства в 40-е годы, можно судить по распределению валовой продукции колхозов в 1937 году. Более 26 процентов продукции шло на сдачу государству (обязательные поставки, натуральная плата) по крайне низким ценам, не обеспечивавшим покрытие реальной себестоимости, 29 процентов — на производственные нужды, и только 36 процентов распределялось по трудодням. Из денежных фондов, которые в то время были крайне малы (так как их могли иметь только экономически крепкие колхозы, каких было немного), около 20 процентов направлялось на производственные нужды, 14 процентов — в неделимые фонды и примерно 50 процентов распределялось между колхозниками и трактористами. Именно поэтому оплата труда в сельском хозяйстве была крайне низка. Даже в высокоурожайном 1937 году в колхозах ряда областей выдача зерна составляла меньше 2 кг на трудодень, то есть на одного человека в день из расчета семьи в 6 человек (при условии, если все работоспособные члены семьи работают) приходилось 180 г зерна в день. А такие колхозы даже по официальным данным составляли почти треть. Из 400 г зерна можно было получить примерно 200 г выпеченного хлеба, что крайне мало. Денежные доходы были совсем неудовлетворительными (12 процентов колхозов совсем не выдавали денег). На одного человека в колхозной семье приходилось даже в лучший по урожайности год только 17 коп. (2 коп. в ценах 1913 года). И если бы колхозники зависели только от общественного хозяйства, то умерли бы с голоду<sup>26</sup>.

Спасением для крестьян была работа на личных приусадебных участках. Эти участки, занимавшие

---

\* О трудодне чиновные «интеллигенты» сочинили за народ целый ряд пословиц: «Губит лень, спасает трудодень», «У кого много трудодней, тот живет веселей», «Трудодень и поит и кормит», «Трудодни, что огни: светят и греют», «Не жалея спины, будут трудодни», «Не красна изба углами, а красна трудоднями», «У кого много трудодней, у того и в избе светлей». Учитывая, что за трудодень крестьяне получали крохи, эти пословицы звучали просто издевательски.

незначительный процент сельскохозяйственных угодий, давали 28 процентов всей валовой продукции сельского хозяйства. В 1938 году крестьяне имели по праву личного пользования 64 процента общего поголовья крупного рогатого скота, 55 процентов — овец и коз, 65 процентов — свиней<sup>27</sup>. Но и налоговые тяготы на личное подсобное хозяйство были очень велики. Кроме того, приусадебные участки колхозников привлекались к обязательным зернопоставкам по низким заготовительным ценам, по нормам, установленным для единоличных хозяйств соответствующего района. Фактически значительную часть продуктов, созданных на личных участках, крестьяне принуждались отдавать почти бесплатно.

В 1932 году была установлена в порядке налога для всех имеющих коров единоличных хозяйств и колхозных дворов обязательная поставка (сдача) молока государству по назначенным крайне низким государственным ценам. В этом же году были определены для единоличников и отдельных колхозных дворов также имеющие силу налога обязательства поставки (сдачи) мяса государству по установленным государственным ценам. В следующем году были введены имеющие силу налога обязательные поставки картофеля также по ценам, не окупающим издержки производства.

Крестовый поход на крестьянскую корову запечатлен во многих художественных произведениях советской поры. Пример тому — повесть Ф. Абрамова «Дом». «Всю жизнь, сколько он себя помнит (рассуждает крестьянин), войной шли на корову колхозника. Налогами душили — отдай задарма 350 литров молока, — покосов не давали, контрабандой по ночам траву таскали...»<sup>28</sup>

Несмотря на высокие налоги и обязательные поставки, взимаемые с личного крестьянского хозяйства, крестьянам было выгоднее работать в личном, а не в общественном хозяйстве. Крестьяне стремились как можно шире раздвинуть границы своих личных участков за счет общественных земель и даже арендовать их. Однако в 1939 году выпустили специальное постановление, в котором указывалось, что в колхозах должен быть проведен специальный обмен приусадебных земель и все «излишки» изъяты из личного пользования и прирезаны к общественным колхозным землям. В постановлении также указывалось, что колхозники, допускающие сдачу приусадебных участков в аренду, подлежат исключению из колхоза с лишением их приусадебных участков.



Количество трудодней, приходившихся на одного трудоспособного, постоянно возрастало. Если в 1933 году на одного трудоспособного колхозника приходилось 148 трудодней, в 1935-м — 181, в 1937-м — 194, то в 1940 году 254<sup>29</sup>. Таким образом, за 1933—1940 годы число отработанных трудодней возросло на 72 процента. Эти цифры интересно сравнить (хотя они и не совсем сопоставимы) с трудовой нагрузкой за год в индивидуальном крестьянском хозяйстве в 1925 году — 92 человеко-дня.

Кроме обязательного по закону количества дней в году, которое колхозник должен был отработать в общественном хозяйстве, все сельское население страны было обязано участвовать в строительстве и ремонте шоссейных и грунтовых дорог. Законодательно было установлено, что житель сельской местности (колхозник или единоличник) обязан бесплатно отработать на ремонте и строительстве дорог 6 дней в году и предоставить на этот же срок в распоряжение дорожных органов принадлежащие ему живую тягловую силу, гужевой транспорт, инструменты и инвентарь<sup>30</sup>.

Колхозники и прочее сельское население привлекались не только к строительству и ремонту дорог, но использовались и на лесозаготовках, различных видах строительства и т. п. На русском Севере крестьян привлекали к заготовке леса на 3—4 месяца в год и почти бесплатно.

Перед войной осуществляется насильственное сселение крестьян из мелких поселков и хуторов в более крупные села и деревни. Погибают, стираются с лица земли 816 тысяч населенных пунктов<sup>31</sup>.

Общие людские потери крестьянства в годы гражданской войны, насаждения колхозов и раскулачивания, погибших в ссылках и лагерях при подавлении восстаний, умерших от голода и эпидемий составили только за 1917—1939 годы 28 миллионов человек. Погибли самые лучшие, активные, трудолюбивые и самостоятельные крестьяне.

Катастрофически снизился уровень сельскохозяйственного производства и крестьянского потребления, составив в 1928—1938 годах не более 60—70 процентов 1913 года.

Произошло невиданное доселе крушение традиционной крестьянской культуры, народных основ, традиций и идеалов, накопленных многими поколениями крестьян. Однако было бы в корне неверным утверждать, что крестьянская культура погибла безвозвратно. Конечно, она не погибла, а деформировалась и ушла на периферию крестьянского

сознания, так или иначе проявляя себя в повседневной жизни, особенно в критические периоды.

Страшная война с германскими захватчиками показала огромную нравственную силу русского крестьянина, взвалившего на себя, по образному выражению Ф. Абрамова, всю советскую державу. В годы войны на государственном обеспечении постоянно находилось 60—80 миллионов человек, многочисленная армия. Потеря значительной части территории, недостаток, а во многих случаях почти полное отсутствие техники, использование ручного труда, преимущественно женщин, стариков и подростков, отражались на результатах сельскохозяйственного производства. Несмотря на тяжелый и упорный труд крестьян, уровень сельскохозяйственного производства в 1942—1943 годах составлял только 37—38 процентов уровня 1913 года. Величайший подвиг крестьянства состоял в том, что в годы Великой Отечественной войны, вырастив зерна на 43 процента меньше, чем в годы первой мировой войны, они сдали его государству в 3 раза больше, чем в 1914—1917 годах. И все это в условиях трехкратного сокращения (по сравнению с довоенным) уровня крестьянского потребления. Кора, мох, коренья, картофельная шелуха стали неотъемлемой частью рациона российского крестьянина. Да! Сравнительные данные показывают, что ни один из других социальных слоев тогдашней России не принял на себя столь тяжелых испытаний, как крестьянство. Они показали огромную физическую и моральную стойкость русского крестьянина, его высокий национальный патриотизм и ненависть к врагу.

Время, наступившее сразу после войны, стало периодом какого-то радостного облегчения. Неимоверные испытания кончились — наступило расслабление.

И хотя по-прежнему существовали колхозы, обязательные поставки и директивы из центра, а хозяйства лежали в руинах, жизнь казалась лучше. Возвращались мужчины из армии. Жизнь входила в свое русло.

Однако в первые послевоенные годы никаких существенных изменений в организации сельского хозяйства не произошло.

Продолжала развиваться и даже резко усилилась практика принудительного труда. В вышедшем в июне 1947 года Указе Президиума Верховного Совета труд в колхозе объявлялся обязательным для всех проживающих в сельской местности, не работающих на производстве и не служащих в советских учреждениях. Все были обязаны отра-

ботать определенное число трудодней, которое в разных областях варьировалось от 150 до 200. А для тех, кто уклонялся от работы в колхозе или не вырабатывал определенного числа трудодней, безо всякого суда и следствия, только решением местного Совета (а точнее, местной партийной организации) предусматривалась ссылка на пять лет (вместе с членами семьи) в отдаленные места.

«Колхозники,— писал В. Солоухин,— получали на трудодень сущие пустяки... разбегались в города... А кому некуда было бежать, жили грибами, ягодами, картофелем с усадьбы. На колхозную работу не шли. Земля долгие годы не видела навоза... Скотный двор до крыши навозом оброс, а земля истощалась. Коровы давали по 400 литров в год, то есть курам на смех».

По-прежнему существовали условия обязательных поставок и заготовок, а также крайне низкие цены, установленные в 30-х годах. Плановые задания колхозам и совхозам давали централизованно, слабо учитывались местные особенности. Часто добавляли дополнительные трудновыполнимые задания.

Как и раньше, крестьяне были вынуждены отдавать плоды своего труда государству почти бесплатно. Заготовительные цены, значительно не покрывавшие издержки производства еще до войны, в послевоенные годы сильно оторвались от реальной стоимости. Так, например, во многих колхозах производство 1 ц картофеля обходилось в 40 рублей, а заготовительные цены его составляли 3 рубля центнер. Производство практически всех сельскохозяйственных продуктов по заготовительным ценам было убыточно. Особенно сильно это касалось зерна, мяса крупного рогатого скота, свинины и молока. Нередко имели место реквизиции у крестьян личного скота для колхозов и совхозов по низким ценам. Отказ от продажи вел к уголовному преследованию. В результате поголовье крупного рогатого скота в личном подсобном хозяйстве крестьянина сократилось с 28,5 млн. до 24,8 млн. голов. Примерно каждая третья-четвертая крестьянская семья не имела коровы. А это означало, что не могла иметь молока. Купить его было практически негде, так как имевшие коров крестьяне обязаны были большую часть молока сдавать государству (опять же по крайне низким ценам).

Первые радостные послевоенные месяцы сменились для деревни новым горем — страшным неурожаем и голодом. Сотни тысяч крестьян умерли в это время.

Крестьянство обложили огромными налогами. В

большей части хозяйств России они были обязаны сдать значительное количество мяса, картофеля, яиц и прочего. С них не спрашивали, занимаются ли они производством этих продуктов. Если не занимаешься, купи и отдай государству.

Самым тяжелым налогом был налог на мясо. Вот описание вполне характерной картины в повести Ф. Абрамова: «(Мясной налог)... самый тяжелый налог для мужика. Тех, у кого была корова, выручал теленок, а бескоровникам как быть? А бескоровников в деревне не меньше половины. И вот по тридцать-сорок рублей за килограмм платили. Своему же брату-колхознику, тем, у кого оставался излишек от теленка». О том же пишет В. Солоухин: «Брали налоги за каждую яблоню или за каждое вишневое дерево — и деревья вырубались с корнем, чтобы за них не платить. С лица земли исчезли целые сады. Брали налог за корову — и коровы поредели, деревенское стадо состояло почти из одних коз». Кстати, в народе козу называли сталинской коровой.

Общественное хозяйство в эти годы не могло выйти из глубокого кризиса. Производство почти всех видов продукции было ниже довоенного. Очень низка была производительность труда. Дисциплина в колхозах поддерживалась главным образом установлением обязательного минимума трудодней. Однако количество трудодней, отработанных в среднем одним трудоспособным колхозником, к концу пятилетки не достигало уровня 1940 года. Из-за низкой оплаты труда крестьяне не были заинтересованы в его результатах. Создавая весь продукт, крестьяне-колхозники получали из него примерно 10—15 процентов. В 1950 году свыше половины колхозов выдавали работникам на день менее 1 кг зерна<sup>32</sup>.

В этих условиях большим подспорьем для крестьян служил сбор ягод, грибов, орехов.

В конце 40 — начале 50-х годов деревня вела застойное полунищенское существование. Богатых и зажиточных не было, почти всех объединяла общая бедность и нужда. Крестьяне стремились бежать из деревни, несмотря на всевозможные препоны. По-прежнему крестьяне не имели паспортов, а на их получение необходимо было разрешение председателя колхоза и сельсовета. При регистрации браков или разводов крестьяне должны были представить свидетельства о рождении, в которых делались отметки о вступлении в брак или разводе. И под разными предлогами молодежь убегала из деревни. На селе оставались ра-

ботать старики, инвалиды, женщины, составлявшие подавляющее большинство всех трудовых ресурсов деревни\*.

Продолжавшаяся четверть века политика раскрестьянивания принесла страшные плоды — были подорваны или деформированы все основные устои крестьянского хозяйствования: вместо самостоятельного и предприимчивого труда — постоянный окрик и административная накачка; вместо самоуправления и трудовой демократии — мелочная опека и разнарядка сверху; вместо справедливого вознаграждения — внеэкономическое присвоение созданного крестьянином продукта.

Отрыв крестьянина от земли, отсутствие прямой связи с результатами труда вызвали резкое отчуждение труда среди крестьянства. На глазах исчезают такие качества крестьянина, как хозяйственность, самостоятельность, самодеятельность, инициатива. Торжествует казенное отношение к труду.

А что же было с теми, кто по разным причинам покидал деревню, уезжал в города, отрывался от земли и корней? О трагедии этих людей, трагедии традиционной крестьянской культуры с болью в сердце пишет в повести «Чертовое колесо» писатель Георгий Семенов: «Система принудительного коллективного хозяйствования отторгла от себя наиболее самостоятельных мужиков, способных богатеть в одиночку, и они, уходя не по своей воле в ненавистные города, бросая ухоженные поля, родимую землю, зеленые луга, на которых призваны были класть свои силы и душу, употребили эту энергию предков на не свойственную их натурам деятельность. Деятельность эта, понятая мужиками по-своему, обогатила их самих, но не принесла выгоды народу — выгоды, которую они сумели бы с лихвой принести в своей исконно земледельческой жизни. Так случилась переброска народных масс из привычных условий в непривычные; так страна была лишена опытных земледельцев и приобрела неопытных, но очень энергичных руководителей. Их энергия погубила все, что еще оставалось в народе лучшего. Сделавшись слепой, она

---

\* Каким же издевательством казались для крестьян придуманные борзописцами «народные» пословицы о счастливой колхозной жизни! «В колхозе сила, без колхоза могила», «Хороша нива только у коллектива», «На колхозном поле всего вволю», «В колхоз войдем — богато проживем», «Один жил — в лаптях ходил, в колхоз вошел — сапоги надел», «В колхозе что ни год, то большой доход», «Не страшен мороз, когда за спиною колхоз», «За общим столом еда вкусней», «Ни межи, ни краю колхозному урожаю».

наломала дров, не принеся никакой пользы историческому развитию народа, нарушила заповедь — всякому от себя.

...Духовно богатые в своей среде мужики, доведенные до отчаяния, потекли в города и, утратив корни, связывающие их с родовой почвой, порвав пуповину, бросили семена на камень. Не понимая, не чувствуя уклада городской жизни, они бездушно употребили обезличенную энергию на обогащение за счет казны, зарыв свои таланты в покинутой земле предков, с которой их стронула мрачная и непонятная им сила. Совершилась историческая месть, когда не человек со своим разумом, а нечто неизмеримо более властное и сильное перетряхнуло измученный народ и вышибло из него душу.

Административно-террористические методы регулирования крестьянского труда и преобразования сельского хозяйства принесли страшные плоды — погибли десятки миллионов наиболее активных тружеников, упала продуктивность хозяйства и четверть века находилась ниже уровня 1928 года, была исковеркана и деформирована традиционная крестьянская культура, у многих миллионов людей был «отбит» вкус к труду, добросовестному его выполнению, к самостоятельности и предприимчивости. Произошел процесс глубокой деградации и отчуждения труда, выразившийся в предпочтении труда праздностью, безразличным отношением к труду и резким снижением его качества, иждивенчества, бесхозяйственности, неудовлетворенности трудом. По нашим расчетам, степень использования трудового потенциала крестьянина снизилась за 1928—1953 годы в 3—4 раза.

## ЛАГЕРНЫЙ ТРУД

Троцкистско-сталинский режим создавал новую мифологию. На смену народному укладу жизни, выразившемуся в бесчисленных пословицах и поговорках, шла «рационализация жизни» и «реорганизация человека». Новая «героика» труда создается по идеалам героев произведений Максима Горького — деклассированных элементов, босяков, «романтиков дна». В конце 30-х годов «романтизация» «идеалов» нетрудовых элементов находит естественное завершение в прославлении рабского труда заключенных. Суть идеологии нетрудовых элементов проявляется здесь во всей наготе. «Принятая государственным политуправлением исправительно-трудовая политика,— писал

М. Горький в 1934 году, — сведенная в систему воспитания проповедью единой для всех спасительной правды социализма и воспитания общественно-полезным трудом, — еще раз блестяще оправдала себя. Она была оправдана и раньше в многочисленных трудовых колониях и коммунах ГПУ, но эту систему «перековки» людей впервые применили так смело, в таком широком объеме (при строительстве Беломорканала. — *О. П.*)...<sup>1</sup> Одновременно на этой стройке было занято около полумиллиона заключенных, именуемых каналоармейцами, состоявших на 90 процентов из бывших крестьян — «кулаков» и «подкулачников».

Начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ Берман Матвей Давидович так объяснил свою «трудовую» задачу в начале 30-х годов: «Заключенный стоит государству больше 500 рублей в год. С какой стати рабочие и крестьяне должны кормить и поить всю эту ораву тунеядцев, жуликов, вредителей и контрреволюционеров? Мы их пошлем в лагеря и скажем: вот вам орудия производства. Хотите есть — работайте. Это принцип существования в нашей стране. Для вас не будет исключения, лагерями должна руководить такая организация, которая сможет выполнять крупные хозяйственные поручения и начинания Советской власти и освоит ряд новых районов. Эта прямая директива партии и правительства...»<sup>2</sup>

В конце 20-х годов в лагерях создаются военизированные коллективы — роты, фаланги. Однако эта военизация себя не оправдала. И на смену ей по инициативе «снизу» — заключенных Соловецкого лагеря особого назначения — стали возникать так называемые «трудовые коллективы». Они объединяли большинство осужденных и работали на принципах хозрасчета и самоокупаемости. Проявлялись эти формы до 1938 года. После 1953 года множество осужденных вышло на свободу, но в местах заключения осталась сложившаяся за долгие годы попустительства организованная преступность, объединявшая до десяти процентов заключенных<sup>3</sup>.

Многომиллионные массы «трудовых коллективов» заключенных, словно раковая опухоль, разъедали традиционную культуру труда, активно разлагали его духовно-нравственную основу. Большая часть бывших заключенных чувствовала в лагере отчетливо выраженную ненависть к труду. Гнать «туфту», то есть намеренно недобросовестно выполнять работу, становилось жизненным принципом многих, познавших принудительный труд.

«С первой иллюзией,— писал В. Шаламов, прошедший все муки гулаговского ада,— было покончено быстро. Это — иллюзия работы, того самого труда, о котором на воротах всех лагерных отделений находится предписанная лагерным уставом надпись: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Лагерь же мог прививать только ненависть и отвращение к труду»<sup>4</sup>. Миллионы крестьян и рабочих, попавших в лагерь, теряли свой жизненный идеал — труд как добродетель. Для них труд становился самым страшным проклятьем. И вся система лагерей в конечном счете была направлена именно на это — сделать труд проклятьем, дискредитировать высшую жизненную ценность русского крестьянина.

Мифология казенного отношения к труду в условиях сталинского ГУЛАГа формируется в печатных органах мест заключения: «Через труд к свободе», «За темпы и качество» (это в условиях всеобщей «туфты»!), «На штурм», «За шесть условий», «За трудовое перевоспитание», «Перековка» (наиболее распространенный орган среди рабов, строивших каналы), «К трудовой жизни», «Красный кирпич» (газета заключенных, занятых на кирпичном заводе соловецких лагерей — СЛОН), «Кустарь» (СЛОН на Муксомье), «Наш труд» (лесоразработки СЛОН), «Трудовой конд», «Перелом» (журнал трудколони на Соловках), «Трудовой колонист», «За Коммуну» (производственно-бытовой журнал Первой трудовой коммуны ОГПУ), «Борьба за металл» (газета лишенных свободы Магнитогорской ИТК), «Ударник», «За качество», «За качество работы», «За ударную стройку», «За ленинскую исправтрудполитику», «За социалистическое перевоспитание», «К трудовому общежитию», «К труду», «На трудовых путях», «Темпы ударника», «За первенство» (газета ээков и исправтрудработников), «Ударник социалистических полей». Таковы только самые основные органы печати ГУЛАГа, в названии которых упоминалось или подразумевалось слово «труд».

Чтобы глубже понять трагедию народной жизни, получившую название «Архипелаг ГУЛАГ», на некоторое время вернемся в середину XIX века. В местах заключения Российской империи тогда сидело в 100—150 раз меньше заключенных, чем в «Архипелаге ГУЛАГ» 1930-х годов. По существующим правилам, заключенные, приговоренные к срочному содержанию, были обязаны работать. Работы разделялись на черные, серые и белые. Черные работы, состоявшие в обслуживании тюрьмы, пилке дров и в зем-



ляных и огородных работах, были безвозмездные и обязательные до 10 часов в день для всех, не занятых другими работами. Для тех, кто был занят другими работами, обязательные работы по обслуживанию тюрьмы составляли не более двух часов в день. Серые работы состояли в стирке белья, в щипанье пеньки, витье веревок и т. п. За эти работы заключенные получали только третью часть заработной суммы, остальное шло в пользу тюрьмы. Белые работы были, как правило, квалифицированными, требовали знания какого-либо ремесла и мастерства. За них заключенные получали половину заработка и были заинтересованы их выполнять. Заработная плата устанавливалась по ставкам, принятым на вольном рынке. Деньги, заработанные заключенным, записывались в специальную тетрадку, выдаваемую каждому, и хранились у старосты артели заключенных. Половину заработка заключенные использовали в тюрьме, остальное могли получить только по выходе. Заработанные деньги могли быть употреблены только на артельный чай, покупку бумаги и книг, а также (со специального разрешения) на помощь близким заключенного. Нарушение дисциплины влекло понижение заработка на 10 процентов.

История труда в трудовых лагерях советского времени может быть разбита на два этапа. Первый — «доплановый» — развивался с первого года революции до 1929 года. Концлагеря, как мы уже видели выше, возникают летом-осенью 1918 года, а в начале 1919-го Ф. Э. Дзержинский объявляет их «школой труда».

В 1921 году в журнале московской таганской тюрьмы «Тюрьма» рассказывается о том, что «в России... труд заключенных приобретает все большее и большее значение». В московской таганской тюрьме тогда работало 65 процентов заключенных. Московский совет народного хозяйства ставит вопрос «об устройстве мастерских в лагерях принудработ». На местах дело на первых порах обстояло хуже. В Вятском губернском исправительно-трудовом доме в 1923 году работало только 42 процента заключенных. К середине 20-х годов труд заключенных начинает развиваться все шире и шире. В тюремной печати появляются объявления такого содержания: «Минусинский исправительно-трудовой дом исполняет... заказы в своих мастерских... Отпускает кирпич своего кирпичного сарая... Исправительно-трудовой дом принимает на себя выполнение разного рода черных работ. Ассенизация (очищение туалетов) выполняется своим обозом» («Пробуждение за ре-

шеткой», Минусинск, 1927, № 1). «Используя труд заключенных, рабочая часть губернского исправительного дома имеет возможность принимать заказы на 10% дешевле кооперативных цен» («Голос заключенного», Пенза, 1927, № 3). Конечно, более дешевая цена выполняемых работ обеспечивалась за счет недоплаты за труд — эксплуатации заключенных. Заключенных не только эксплуатировали, но и, как скот, сдавали внаем. «Отдел работ Екатеринбургского исправительного дома № 1... производит отпуск рабочей силы — простой и квалифицированной, сдельно и поденно, группами не менее 5 человек... Имеется техническое бюро из опытных инженеров и техников. Принимаются поручения по составлению строительных смет... Цены на 10—25% ниже других предприятий» («Уральский заключенный», 1924, № 1).

Продолжительность рабочего времени до конца 20-х годов составляла 8 часов в мастерских и 10 — в сельхозколониях. Даже на тяжелых и вредных видах работы оплата труда была крайне мизерной. Например, в 1925 году в Витебском домзаке 20 женщин-заключенных за месяц, изготовив 15 тысяч зеркал (производство повышенной вредности), заработали по 15 рублей каждая. Тогда как средняя зарплата вольного рабочего составляла около 50 рублей<sup>5</sup>.

С 1929 года лагерная система входит в новый, «плановый» этап «развития». Труд заключенных включается в государственный план с ежегодным увеличением хозяйственных показателей «от достигнутого». Возникает не просто новая отрасль народного хозяйства, а сверхотрасль — лагерный сектор социалистической экономики, включавшей в себя все виды экономической деятельности. Экономический механизм лагерной системы был «блестяще» налажен группой единомышленников, замечательных по своему «творческому» отношению к делу, от самых чудовищных пыток и истязаний до тонких психологических рассуждений о перековке преступных элементов в убежденных строителей социализма. Имена их достойны упоминания даже в большей степени, чем имя, скажем, Малюты Скуратова, ибо масштабы преступной деятельности последнего были в тысячи раз меньше. Итак, общее руководство экономикой трудовых лагерей осуществлял Ягода Генрих Григорьевич, его ближайшими подручными (заместителями) были Берман Матвей Давидович, Рапопорт Яков Давидович, Фирин Семен Григорьевич, Френкель Нафталий Аронович<sup>6</sup>.

Согласно государственному плану развития народного хозяйства СССР на 1941 год, НКВД обеспечивает 50 процентов заготовок и вывоза леса на Дальнем Востоке, в Карело-Финской АССР и в Коми АССР, более трети в Архангельской и Мурманской областях, от одной пятой до одной четвертой в Ярославской, Горьковской, Молотовской, Свердловской областях и Краснодарском крае. Заключенные «выдавали» 40 процентов общесоюзной добычи хромитовой руды, работали на урановых и угольных шахтах и золотых приисках. Трудно назвать отрасль или вид деятельности, где бы не использовался труд заключенных. Изготовление цемента и буксирных пароходов, морских катеров и барж, автотракторных прицепов и скреперов, тяжелых грейдеров и катков, сельскохозяйственных орудий и мебели, бельевого трикотажа, чулочно-носочных изделий и обуви — всюду мы видим труд заключенных.

Преимущественно принудительным трудом заключенных были построены, в частности, города Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань, Магадан, Норильск, Дудинка, Воркута, Северодвинск, Дубна, сотни поселков; вырыты три гигантских канала — Беломорский, Волжский, Волго-Донский. Самый малый из них Беломорский — 227 километров, 19 шлюзов, 15 плотин, 49 дамб с общим объемом только земляных и скальных работ 21 млн. кубометров, и все это при помощи тачки, кирки и лопаты; проведены тысячи километров железных дорог — Котлас—Воркута, Рикасиха — Молотовск, Караганда — Балхаш, Салехард—Игарка, второй путь Сибирской магистрали (4000 км), Комсомольск—Советская Гавань, начальная часть БАМа от Тайшета до Лены; автомобильное шоссе Москва—Минск; возведены тысячи заводов и предприятий, в том числе такие гиганты, как Балхашский, Соликамский, Березниковский комбинаты; созданы несколько крупных ГЭС, в том числе Куйбышевская, Нижнетуломская, Усть-Каменогорская; осуществлено строительство объектов атомной промышленности и добыча урановой руды. Мы уже не говорим о массовом использовании труда заключенных на лесоповале, на копиях и шахтах и прочих самых тяжелых работах.

Лагерный труд имел не только производственную сферу (физический труд). В «шарашках» — так назывались лагерные научно-исследовательские и проектно-технологические институты — работали многие тысячи заключенных умственного труда — ученые и инженеры, деятели культуры и искусства.

Сегодняшняя статистика не располагает точными данными о численности занятых в тюремном секторе экономики во времена сталинизма. Хотя, исходя из общего объема работ, производимых заключенными, эту цифру можно определить. По самым заниженным ориентировочным оценкам, среднегодовой объем национального дохода, создаваемого в тюремном секторе, составлял в ценах тех лет в 1940 году по крайней мере 30—35 млрд. рублей, то есть больше 10 процентов национального дохода страны. Численность занятых в тюремном секторе достигала не менее 10 миллионов человек или около 15 процентов всех занятых в народном хозяйстве. Естественно, не больше трети созданной в тюремном секторе суммы дохода шло на личное потребление заключенных, основная ее часть пополняла государственную казну.

Главное управление лагерей имело множество внутренних управлений, в подчинении которых находились специальные лагеря, имевшие свой «профиль хозяйственной деятельности».

Лагеря делились на лагпункты, находившиеся рядом с производственным объектом: лесоповалом, рудником, шахтой, совхозом, фабрикой, заводом. Все они, конечно, были затянuty колючей проволокой и тщательно охранялись.

Труд в лагерях организовывался самым варварским способом — главным трудовым мотиватором был голод. Норма, чаще всего чрезмерная, устанавливалась, как условие получения мизерного пайка, обычно не составлявшего даже прожиточного минимума. Выполнивший норму в обыкновенном трудовом лагере получал, например, после войны 400 г плохого хлеба, черпак супа из листьев свеклы. А те, кто мог перевыполнить норму, получали дополнительно немного каши или картофеля. Но горе тому, кто не вырабатывал свою норму. Ему давали штрафной паек, полезность которого была значительно ниже прожиточного минимума. Такой человек был обречен на гибель.

«Хозяйственная деятельность» лагерей составляла высоко прибыльную статью дохода для государства. Прибыль обеспечивалась прежде всего за счет запланированной недоплаты. Яркий пример — лагеря в Воркуте. Здесь существовали две организации по эксплуатации труда заключенных — Главное управление воркутинскими лагерями и трест «Воркутауголь».

Трест «Воркутауголь» выплачивал Главному управлению воркутинскими лагерями за каждого выведенного на шахту заключенного по тарифным ставкам, разрядам и

«производительности труда», соответствовавшим оплате труда вольнонаемных шахтеров Донбасса.

Сами заключенные шахтеры получали от треста «Воркутауголь» по особым гулаговским ставкам. Однако даже те мизерные начисления, которые шли заключенным, на руки им не выдавались. Требовалось специальное разрешение начальника лагеря, который давал его в зависимости от поведения заключенного. В воркутинских лагерях, описывал очевидец, на некоторых шахтах на личные счета заключенных-шахтеров записывалось не более 10—15 процентов той суммы, которую сам лагерь получал за их труд от шахты<sup>7</sup>.

Организация труда заключенных строилась по образцу рабовладельческих плантаций. Огромная роль отводилась нарядчикам из числа самих заключенных, поставленных в привилегированное положение (лучшее питание, лучшая постель и место в бараке, — порой даже специальная кабинка, выгороженная фанерой: «денщики» из заключенных). Нарядчик осуществлял расстановку бригад и отдельных заключенных по местам работы. От них зависело, куда сегодня пошлют бригаду — на легкую или тяжелую работу, на трескучий мороз или оставят в теплом помещении. За распределение в хорошие места нужно было платить, и прежде всего за счет получаемых из дома посылок.

Над всеми нарядчиками стоял старший, который каждый день получал из планово-производственной части пачку бумаг на вывод заключенных, собирал всех своих нарядчиков и распределял между ними задания. За выполнение нарядов они отвечали головой.

Шаламов рассказывает, как заключенные работали по шестнадцать часов при самых напряженных нормах. Если считать, что подъем, завтрак, развод на работу и ходьба к рабочему месту занимают полтора часа минимум, обед — час и ужин вместе со сбором ко сну — полтора часа, то на сон после тяжелой физической работы на воздухе оставалось всего четыре часа. Человек засыпал в ту самую минуту, когда переставал двигаться, умудрялся спать на ходу или стоя. Недостаток сна отнимал больше силы, чем голод. Невыполнение нормы грозило штрафным пайком — 300 г хлеба в день и без баланды. Денег почти не платили. В отдельных случаях их давали некоторым бригадам. Все потому, что нормы были практически не выполнимы для истощенных и голодных людей. Чтобы что-то получить, бригадиры всю выработку бригады записывали на

2—3 человек — получалось перевыполнение — за это давали денежные премии. Остальные члены бригады имели только штрафной паек.

## «КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ»

Таков был наиболее часто повторяемый лозунг 30-х годов\*. Однако за лозунгом заботы о кадрах стояли административно-террористические методы правления ими. За плакатами о трудовом энтузиазме, самодеятельности и инициативе скрывалась практика заорганизованности, многочисленных ограничений самостоятельности, «система» административного «окрика и накачки». За рассуждениями о заботе о труженике стояло массовое попрание человеческого достоинства, чести, справедливости, законности, самого права человека на жизнь. Живое народное понимание содержания труда в новую историческую эпоху подменялось непрерывными догматическими призывами и мертвой словесной шелухой.

Бесстыдные попытки идеологов троцкистско-сталинской системы объявить почти нечеловеческие трудности десятков миллионов наших соотечественников трудовым энтузиазмом являются страшным кощунством, маневром, чтобы закрыть одну из трагических страниц нашей истории, увести внимание от преступных методов регулирования сферы труда.

Да! Революция родила великий энтузиазм во всех сферах человеческого бытия, в том числе и в труде. Но это было до тех пор, пока ее события отвечали народным традициям и идеалам. Однако уже в первые месяцы революции начинается процесс постепенного умертвления энтузиазма как результат паралича самостоятельности, самодеятельности и инициативы. Революционный энтузиазм сменяется фальшивым, казенным лжеэнтузиазмом.

Возьмем хотя бы правильную по своей сути идею социалистического соревнования, имеющую корни в народных основах труда. Идея эта подвергается самому чудовищному выхолащиванию. Формализм, разнарядка, дутые достижения, назначенные «маяки», желание хорошо отчитаться перед начальством любой ценой, игнорируя здравый

---

\* Впрочем, Сталин часто повторял и другой лозунг: «Главный наш капитал — человек».

смысл и хозяйственную целесообразность, подрывали и всячески дискредитировали народные основы социалистического соревнования. Велась фантастическая реклама достижений стахановцев или передовых предприятий, которые на поверку оказывались фальсификацией. Например, в 1937 году много говорили о знаменитом стахановце-комбайнере К. Борине, который во время уборки одним своим агрегатом заменял ежегодно 950 человек, 150 лошадей, 39 веялок, 20 копных молотилок. А вот что об этом рассказывает в наше время сам К. Борин: «Вся страна знала стахановцев. Но о том, как они устанавливали рекорды, говорилось не все. Взять хотя бы те слова, которые посвятил мне Калинин: он не расшифровывает, что значит «агрегат Борина». А это, с учетом двусменной работы, по меньшей мере 15 человек. Трактористы, штурвалыщики, заправщики, водовоз и т. д. Да, я организовал их работу, но успех дела зависел от каждого!.. Вовсе не везде возможны и нужны рекорды... Сколько убытков нанесло желание ретивых начальников — районного и областного масштаба — раньше отрапортовать о досрочном проведении сева или уборки. Что может быть нелепее досрочности в деле, где сроки устанавливает сама природа!»<sup>1</sup>.

А сколько было создано фальшивых «маяков»-предприятий, совхозов, колхозов. Много говорили о применении на этих «маяках» передовых форм труда, а на поверку оказывалось, что этим предприятиям просто создавали особые условия в материально-техническом снабжении, выделении фондов зарплаты и т. д. А ведь работники этих предприятий видели, как создавались фальшивые рекорды, и делали выводы.

Кстати говоря, и так называемым стахановцам создавали исключительные условия. Они пользовались значительными привилегиями в получении жилья, покупке дефицитных товаров, приобретении путевок в дома отдыха и санатории. Зарботки стахановцев в середине 30-х годов достигали 2000—4000 рублей, то есть были порой в 10-20 раз выше зарботков простых рабочих.

Дутые, искусственно созданные результаты работы стахановцев нередко являлись обоснованием повышенных норм (но без повышения оплаты) для рядовых рабочих.

На предприятиях заводятся черные доски, куда заносят лодырей и прогульщиков, вывешивают ежедневно в цехах на подвижных кранах имена и фамилии прогульщиков. А для передовиков заводят красные доски.

Газеты из номера в номер трубят о массовом трудовом

энтузиазме и почти ни слова об условиях труда и быта рабочих.

«Чернодосочники! Боритесь за красную доску!»

«Краснодосочники! Показывайте образцовые примеры трудового энтузиазма! Помогайте чернодосочникам сняться с черной доски!»

Рабочие голодали, жили на скудном пайке, а пропаганда трубила, что они «горят решимостью выполнить и перевыполнить задания правительства и партии. Работают мускулы. Горят глаза рабочих, жаждущих внести свой вклад в дело строительства социализма. Куются новые формы труда. На наших глазах зарождается поистине коммунистический труд»<sup>2</sup>.

Нельзя сказать, что произвол, беззакония, несправедливость трудового человека не вызывали протеста. Протесты были, но подавлялись самым жестоким образом.

Документы смоленского архива (содержавшие, в частности, отчеты секретных сотрудников ОГПУ, захваченные немцами в 1941 году, а затем попавшие в США, где были опубликованы<sup>3</sup>) свидетельствуют о многочисленных протестах рабочих против троцкистско-сталинской системы: «Банда негодяев, довольно вы сосали нашу кровь! 12 лет вы нас агитируете и мутите в голове! Раньше вы все кричали, что фабриканты нас эксплуатируют, но фабриканты не заставляли работать за четверых, а потом тогда магазины были полны...» Рабочие Каменской бумажной фабрики, сообщали в своих отчетах секретные сотрудники ГПУ, говорят между собой: «Соревнование выдумали, чтобы рабочие надрывались. Социалистическое соревнование — это рабство для рабочих и хорошая жизнь для дирекции». Или другое высказывание, запечатленное в анналах ГПУ: «...социалистическое соревнование — это рабство для рабочих, партия жмет нас, как лимон»<sup>4</sup>.

В целях отвлечения внимания народа от виновников разрушения народного уклада жизни фабрикуются сотни и тысячи дел о вредителях в народном хозяйстве. Яркими примерами этого стали «шахтинское дело» и «процесс промпартии», а также процесс над «вредителями» в пищевой промышленности. Идет тотальное нагнетение страха, раздаются призывы выявлять на производстве вредителей среди рабочих. Так, в журнале «Партийное строительство» в 1931 году некто Ж. Меерзон пишет: «На наших предприятиях и сейчас еще находится в среднем от 1 до 2 процентов затесавшихся чуждых, классово враждебных элементов. Довольно значительные слои недостаточно устойчи-



вых, не переварившихся еще в фабричном котле, тесно связанных нередко с мелкобуржуазным хозяйством. Их, считаю, в среднем около четверти состава рабочей массы»<sup>5</sup>.

Свою антинародную сущность сталинский режим ярко проявил в отношении к рабочим забастовкам — они были объявлены вне закона.

Надо напомнить, что свою независимость и самостоятельность русские работники, попавшие в стесненные условия, проявляли по-разному. История доносит до нас многочисленные случаи протестов против неудовлетворительных условий жизни и труда. Волнения, восстания, бунты, забастовки, разгромы и поджоги ненавистных эксплуататоров.

Число забастовок в России постоянно росло. Если в 60-х годах XIX века их было 1—3, максимум 4 в год, то в 70-е годы — десятки в год, в 90-е — сотни, а в начале двадцатого века — тысячи. Количество бастовавших рабочих увеличивалось также в геометрической прогрессии с десятков тысяч в конце XIX века до полутора миллионов забастовщиков в 1914 году.

Кстати, в развитии забастовочного движения Россия показала свою большую организованность в сравнении с западноевропейскими странами, где дух коллективизма и трудовой демократии был развит гораздо слабее. Если численность рабочих в России меньше, чем в Западной Европе и США, то забастовочная активность (число забастовок на одного рабочего в год) в 5 раз выше активности немецких рабочих и в 3 раза — выше американских<sup>6</sup>.

К своему испытанному демократическому средству борьбы рабочие пытались обращаться и в советское время. В начале 20-х годов в Москве было 30—40 забастовок в месяц, а по другим городам пропорционально меньше<sup>7</sup>. Однако уже во второй половине 20-х годов забастовки начинают рассматриваться как чисто контрреволюционные выступления со всеми вытекающими отсюда последствиями и мерами подавления. Единичные случаи забастовочных выступлений подавлялись кровавыми средствами. Как-то в годы войны личный посланник Рузвельта Гопкинс сообщил Сталину, что поставки грузов из США задерживаются из-за забастовок рабочих в американских портах. «А что, у вас нет полиции?» — удивленно спросил Сталин. Таково было его отношение к забастовочному движению рабочих.

Широкое развитие принудительного труда, использование административно-террористических методов его

регулирования сделали «ненужными» многие учреждения труда.

В 1933 году ликвидируется созданный в 1917 году Народный комиссариат труда. Уничтожается Наркомат, задуманный как орган по выработке государственной политики в области труда, регулированию всей сферы труда, разработке трудового законодательства, обеспечению интересов наемных работников, охране труда, разрешению конфликтов между трудящимися и работодателями. После этого шага регулирование человеческих ресурсов практически отдается на откуп отдельным ведомствам.

Наркомтруд сливается с ВЦСПС и местными профсоюзными органами, которые таким образом теряли главное качество профсоюзов — независимость от органов государственного бюрократического аппарата. Фактически происходит огосударствление профсоюзов — сбывается заветная мечта Троцкого.

Соединение профсоюзов и государственной машины в одно целое было символично для эпохи. Интересно привести полностью «декрет», узаконивший этот чудовищный акт.

«Идя навстречу предложениям профсоюзных рабочих организаций и в целях лучшего выполнения возложенных на Народный комиссариат труда Союза ССР обязанностей ЦИК СССР, Совнарком СССР и ВЦСПС постановляют:

1. Слить Народный комиссариат труда Союза ССР со всеми его местными органами, включая и органы социального страхования, с аппаратом ВЦСПС в центре и на местах, возложив на ВЦСПС выполнение обязанностей Народного комиссариата труда и его органов.

2. Предложить ВЦСПС в месячный срок представить в Совнарком СССР проект конкретных мероприятий во исполнение настоящего постановления.

*Председатель ЦИК СССР* М. Калинин

*Председатель СНК СССР* В. Молотов

*Секретарь ВЦСПС* Н. Шверник

Москва, Кремль, 23 июня 1933 г.

Огосударствление профсоюзов означало их окончательную смерть как самостоятельной общественной организации (хотя умирание началось гораздо раньше).

Потакание интересам административно-бюрократической системы, нежелание ее «боссов» и «боссиков» защищать действительные интересы трудящегося населения от административного произвола превратили аппарат профсоюзов в жалкий придаток бюрократической машины, спо-

собствующий исполнению бюрократических решений. Большинство бюрократических мероприятий шло в нарушение прав трудящегося человека. Нам практически неизвестны случаи, когда профсоюзный аппарат 30—40-х — начала 50-х годов вставал на защиту простого труженика. Конечно, определенная работа велась, но она ограничивалась мелкими бытовыми проблемами, не затрагивались вопросы создания эффективного механизма противодействия бюрократическому произволу.

В конце 20-х—30-е годы один за другим ликвидируются созданные после революции институты труда. В 1927 году был закрыт Таганрогский институт научной организации производства. Казанский институт научной организации труда в 1936 году преобразуется в Институт охраны труда. В течение ряда лет Центральный институт труда передается из одного ведомства в другое (Наркомтяжпром, Наркомат оборонной, затем Наркомат авиационной промышленности), а в 1940 году был вообще закрыт (еще ранее его директор был расстрелян<sup>\*</sup>). Образовавшийся в конце 30-х годов Центральный институт труда Наркомлегпрома СССР был также закрыт «как организация, тормозящая своею работой развитие стахановского движения в легкой промышленности». Видимо, по этим же причинам в конце 1935 года Всесоюзный центральный институт экономики, организации и оздоровления труда был реорганизован во Всесоюзный центральный научно-исследовательский институт охраны труда<sup>9</sup>. В течение десятилетий наука о труде рассматривается догматически и начетнически, научная организация труда не преподается, книги и журналы по НОТ не издаются.

Вместе с Институтом труда в 30-е годы ликвидируются Художественный музей труда и Центральный музей охраны труда и социального страхования (ЦМОТ). В Художественном музее труда экспонировалось значительное количество полотен, посвященных различным трудовым процессам (например, художника Н. Касаткина). ЦМОТ занимался собиранием научных материалов по охране труда и здоровья рабочих, по рациональной организации труда.

Почти одновременно с коллективизацией осуществляется полное подчинение промысловых артелей различным промысловым советам и центрам. В короткий срок

---

<sup>\*</sup> Кстати, в эти же годы погибают многие организаторы Наркомтруда, и в частности первые два наркома — А. Г. Шляпников (с 1917 по 1918 год) и В. В. Шмидт (с 1918 по 1928 год).

промысловые артели фактически становятся отраслью государственной промышленности, им спускаются сверху обязательные планы хозяйственной деятельности, а также сверху назначаются руководители. Артели лишаются своего главного преимущества — самостоятельности.

В городах, как и в деревнях, осуществляется коллективизация. Только тут «коллективизировали» кустарей, вынуждая их объединяться в лжекооперативы и лжеартели. Такие «кооперативы-артели» становились частью государственной промышленности, работали по плану, нормам и расценкам, спускаемым сверху, возглавлялись руководителями, назначенными райкомом. Те, кто отказывался «коллективизироваться», облагался непосильным налогом и приравнялся к «кулаку».

В селах, где сельское хозяйство было подсобным занятием, создаются так называемые промколхозы. В начале 30-х годов только в РСФСР их было создано около 700. К 1937 году процесс «коллективизации» среди кустарей в основном завершился. На 1 января 1941 года насчитывалось почти 26 тысяч промысловых сталинских кооперативов, в которые объединялись 2,6 миллиона человек. Подобная «коллективизация» сломала инициативу и самостоятельность кустарей и ремесленников, сделала их зависимыми от государственного плана и государственных бюрократических учреждений.

Не менее тяжелая ситуация складывается в области трудового воспитания. Если в 20-е годы обучение в школе соединялось в той или иной степени с производственным трудом, то уже в начале 30-х годов происходит отход от использования в воспитании молодежи производительного труда. В 1937 году ликвидируется преподавание труда в школьных мастерских.

У значительных слоев преимущественно городской молодежи начинает вырабатываться отрицательное отношение к производительному труду как к чему-то недостойному, малопrestiжному. Судя по художественной литературе, именно тогда унижительное значение приобретает слово «работяга». Незадолго до войны М. И. Калинин писал: «Мы делали революцию, чтобы свергнуть бездельников и тунеядцев, а тут... растут новые бездельники и тунеядцы».

Начиная с 30-х годов в сфере труда происходит процесс, который пермский учитель А. И. Новиков назвал нарушением преемственности поколений в производительном труде: «Когда-то семьи ремесленников, крестьян пред-

ставляли собою своеобразные производственные, трудовые объединения. Родители и дети работали вместе, трудовой и жизненный опыт старших свободно передавался младшим. После индустриализации и коллективизации миллионы семей перестали быть хозяйственными, трудовыми объединениями. Совместный производительный труд в семье стал невозможным, резко ослабилось и трудовое воспитание в семье».

Универсальной моделью трудового воспитания молодежи становятся исправительная колония и армия. Именно эти институты, по мнению Макаренко, обеспечивают создание трудового человека.

Вместо самоуправляемого коллектива Макаренко предполагает военизированный коллектив, управляемый авторитарным образом. Человек в этом коллективе полностью подчиняется руководителю.

Семейная форма передачи производственного опыта и производственных знаний исчезла, а общественная не возникла. Так, в самой решающей области человеческой деятельности — в материальном производстве — создалось положение, какого никогда в истории человечества не было. **Нарушена преемственность поколений в производительном труде.** Представители старшего поколения — рабочие, крестьяне, инженеры, агрономы, другие работники, обладая огромными производственными, техническими знаниями и опытом, трудовыми навыками, лишились возможности передавать их своим детям, молодому поколению<sup>10</sup>.

Административно-террористические методы управления трудом 30—40-х — начала 50-х годов были настоящим преступлением против народа. Проводимые без учета специфики национальной культуры труда, они обусловили деформацию и деградацию накопленных поколениями наших предков трудовых ценностей — трудолюбия, самостоятельности, инициативы, артельности — и внедрению в общественное сознание самых отрицательных качеств, не свойственных нашему народу — казенного бездумного отношения к труду, слепого повиновения администрации, безынициативности, неуверенности в себе.

Коренное крестьянское трудолюбие и старательность формализовались бюрократической структурой в тягостное выполнение своих трудовых функций, самостоятельность и инициатива — в работу «от сих до сих», самодеятельность воспринималась как анархизм и подрыв устоев, умение работать споро и быстро и сосредоточивать свои усилия в короткие промежутки времени превратилось в систему

регулярной штурмовщины, справедливое вознаграждение — в уравниловку, выводиловку, обезличку.

Вплоть до сегодняшнего дня находятся у нас историки, утверждающие, что варварские методы управления трудом, применяемые в 30-е годы, были необходимы и единственно возможны: мол, надо было создать материальную базу, подготовить страну к войне. Однако фактические данные говорят о другом. Деградация труда в результате использования варварских методов управления им привела к невиданному ранее расточению народных ресурсов и в значительной степени подорвала наше военное могущество, что сказалось в первый год войны. Несмотря на огромные вложения в развитие основных производственных фондов, уровень национального дохода возрос за 1928—1940 годы только в полтора раза. Зная же темпы роста основных фондов, легко подсчитать, что степень отдачи трудового потенциала страны снизилась почти в 3 раза.

...В середине семидесятых годов я, тогда аспирант-заочник, работавший в Центральном статистическом управлении СССР, «подпольно» предпринял подсчет числа человеческих потерь, понесенных страной в результате антинародных социально-экономических экспериментов. Год за годом, начиная с 1917-го по середину 50-х годов, я исчислял прирост и естественную убыль населения, исходя из нормальных условий развития. Получились внушительные ряды цифр, итоги которых упрямо и намного не сходились с публикуемыми в отдельные годы официальными данными о численности и естественном приросте населения страны. Суммированное по всем годам расхождение и составляло общую сумму человеческих потерь.

По нашему подсчету, общее число лиц, умерших не своей смертью от массовых репрессий, голода, эпидемий, войн, составило за 1918—1955 годы более 87 миллионов человек. Из них мы вычли число лиц, умерших от голода, эпидемий и в результате военных действий. Оставшиеся 48 миллионов человек, выходит, погибли в результате репрессий в местах заключения и ссылках.

Подробнее покажем, как мы определили людские потери среди крестьянства в довоенный период. По официальным источникам известно, что численность сельского населения страны в 1917 году равнялась 118 миллионам человек, а в 1939 году составила 114 миллионов. Но за период с 1917 по 1939 год в деревне родилось еще 94 миллиона человек, то есть к 118 миллионам, жившим в 1917 году, мы добавляем эти 94 миллиона человек. А из полученного

итога вычитаем число умерших по естественным причинам (50 миллионов) и количество уехавших в город (20 миллионов). Так вот, после этих вычетов и получается гигантская цифра — 28 миллионов человек, умерших не своей смертью<sup>11</sup>. Это и есть людские потери крестьянства в годы гражданской войны, насаждения колхозов и раскулачивания, потери в ссылках и лагерях, при подавлении восстаний, в пересыльных пунктах, умерших от голода и эпидемий.

Итак, за 1918—1955 годы не своей смертью умерли около 87 миллионов человек (в 12 раз больше, чем в дореволюционной России за такой же период времени), или каждый пятый человек, когда-либо живший в нашей стране после революции. Для сравнения скажем, что за 1861—1917 годы удельный вес лиц, умерших не своей смертью, был менее двух процентов, а во Франции, Великобритании, Италии, США в 1920—1960 годы — менее одного процента.

Однако, кроме умерших не своей смертью, в убыль страны пошло пять миллионов жителей, покинувших Россию после 1917 года. Но и это еще не полная сумма человеческих потерь. Ведь умершие раньше времени люди могли иметь детей и внуков и продолжать человеческий род. Самые заниженные подсчеты подсказывают, что «недобор» рождений и «эхо» недобора рождений составит около 64 миллионов человек.

А всего, если сплусовать число лиц, умерших не своей смертью, покинувших родину, а также число детей, которые могли бы родиться у этих людей, то общий людской ущерб страны составит 156 миллионов человек (нынешняя численность населения Англии, Франции, ФРГ, вместе взятых). Таким образом, при ином стечении исторических событий в нашей стране могло бы жить не 280 миллионов человек, как сейчас, а не менее 400—430 миллионов человек.

Причем сегодня уже понятно, что погибла и не смогла дать потомства не просто часть населения, а генетически лучшая его часть — самые активные, честные и трудолюбивые представители коренного крестьянства и рабочих, а также потомственная интеллигенция — главные творцы материальной и духовной культуры страны, носители лучших трудовых традиций и идеалов.

# РАЗРУШЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

## РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ: ВТОРОЙ ЭТАП

Экономическое положение сельского хозяйства в начале 50-х годов было просто катастрофическим. Уровень использования трудового потенциала крестьянского населения снизился в несколько раз по сравнению с дореволюционным, производство основных видов продукции было ниже 1913 года, феодальная эксплуатация крестьян посредством неполной оплаты их труда завела деревню в глубокий тупик. Всем стало ясно, что дальше так развиваться невозможно.

Однако даже в этих катастрофических условиях политика раскрестьянивания отменена не была. Порочная троцкистско-сталинская система организации сельского хозяйства, делающая из крестьянина рабочего «от сих до сих», отрывающего его от земли и результатов своего труда, осталась практически без изменений. Вся «мудрость» хрущевских реформ свелась к технико-организационным мероприятиям и повышению оплаты труда и цен на сельскохозяйственную продукцию.

За 1953—1959 годы заготовительные и закупочные цены на продукцию колхозов были повышены в три раза, а по отдельным продуктам — в 10—12 раз и выше.

Чтобы привлечь крестьян к работе в колхозах и совхозах, вносятся изменения в систему оплаты их труда. В 1953 году было рекомендовано выдавать колхозникам из средств, поступающих от реализации скота и продуктов животноводства, денежные авансы ежеквартально в размере 15 процентов на все трудовые, выработанные в общественном хозяйстве в истекшем квартале, и, кроме того, до 10 процентов на кормодобывание. В марте 1956 года было принято решение «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах», в котором рекомендовалось на эти цели расходовать не менее 25 процентов денежных доходов, полученных от всех отраслей общественного хозяйства, и 50 процентов средств, полученных в виде авансов по контрактации, закупкам и обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции.



В колхозах стали создаваться переходящие денежные и продовольственные фонды, позволяющие в определенной степени гарантировать регулярную оплату труда.

В 1953 году снижаются нормы обязательных поставок сельхозпродуктов с личных подсобных хозяйств, а в 1958-м отменяются полностью.

Повышение оплаты труда, отмена обязательных поставок самым положительным образом сказались на дальнейшем развитии крестьянства. С реформ 50-х годов началось оживление в жизни крестьянства, повышение его материального благосостояния, некоторое повышение качества культурной, духовной жизни. К середине 70-х годов по сравнению с серединой 50-х оплата труда колхозников возросла в сопоставимых ценах примерно в 4 раза, а работников совхозов в 3 раза, хотя значительно отставала от оплаты труда в промышленности.

Несмотря на некоторое повышение материального благосостояния жителей села, процесс раскрестьянивания продолжается, и более того — усилился. Побывавший в Америке Хрущев с восторгом привез оттуда желание распространить у нас опыт организации крупных сельскохозяйственных комплексов (пресловутая кукуруза была в его планах только эпизодом, отражающим его механический подход к зарубежному опыту).

В середине 50-х годов, как и в годы коллективизации, в деревню из города направляются тридцать тысяч «учителей», чтобы возглавлять сельское хозяйство в качестве председателей колхозов и снова учить крестьян жить. «Учителя» эти, как и их предшественники в 30-х годах, не умели отличить пшеницу от ржи. Срок их подготовки определялся правительством в три недели на курсах и двухмесячной стажировкой. Крайне несерьезный легкомысленный подход правительства к этому вопросу характерно отражал уровень государственного мышления на самом верху — примитивное представление о сельскохозяйственном труде как неквалифицированном, выполнять который может каждый чернорабочий, а руководить любой грамотный человек. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами» говорилось, что партийные и советские органы обязаны развернуть работу на предприятиях, в учреждениях и в других организациях по подбору кадров для руководящей работы в колхозах. Одновременно в Обращении ЦК КПСС к народу призывалось оказывать помощь колхозной деревне... направив передовых и

наиболее подготовленных людей города для постоянной работы в качестве председателей колхозов. Много беды принесли в деревню эти передовые люди города! Сколько безграмотных авантюристов село в кресло руководителей колхозов. Не знавшие крестьянской жизни, да и не хотевшие ее понять, они всеми силами громили еще сохранявшийся в то время крестьянский уклад, разрушали традиционную культуру. Именно эти кадры стали приводным ремнем дальнейшей политики раскрестьянивания.

Якобы бесспорным объявляется тезис о том, что «сельское хозяйство будет приближаться к уровню промышленности по технической вооруженности и организации производства, а сельскохозяйственный труд превратится в разновидность промышленного труда» (выделено мной.— О. П.)<sup>1</sup>.

Прежде всего продолжался начатый еще при Сталине процесс механического укрупнения хозяйств путем соединения нескольких в одно. Если в 1945 году у нас было 222 тысячи колхозов, то перед смертью Сталина — 124 тысячи, а после смещения Хрущева — 38 тысяч (при Брежневе — 26 тыс.). Соответственно увеличилось число крестьянских дворов, приходящихся на один колхоз (с 83 в 1945 году до 426 в 1965-м). Наученные горьким опытом колхозники «единогласно» поднимали руки и за соединение колхозов, и за превращение их в совхоз, где колхозная собственность по каким-то высшим юридическим «законам» превращалась в государственную.

Но для такого механического укрупнения хозяйств необходима была и другая структура расселения крестьян, совсем не совпадавшая с исторически сложившейся.

Какое значение при осуществлении «социалистических» преобразований села имело то, что предки крестьян жили на этой земле столетиями, были связаны с ней своими корнями, могилами дедов и отцов, сложившимся традиционным укладом жизни. Механически укрупненным хозяйствам более соответствовали механически укрупненные населенные пункты, а сотни тысяч небольших сел и деревень должны были погибнуть навсегда. Нашлись и ученые, которые «научно» обосновали это чудовищное мероприятие.

Впрочем, эти ученые базировались еще на представлениях о русском крестьянстве как об огромной темной массе, которую необходимо цивилизовать. Кстати, эти представления дожили и до сегодняшнего дня.

Традиция показа русского крестьянина туповатым, ле-

нивым, забитым (а порой, наоборот, каким-то разбойником) стала своего рода стереотипом для некоторых литераторов и различных кино-, теле- и прочих деятелей<sup>2</sup>. Недавний пример — показ широким экраном фильма «Джек Восьмеркин-американец», в котором крестьяне представлены совершеннейшими дураками, тупицами и лентяями.

Ничего удивительного в том, что и современный колхозник воспринимался подобными деятелями прямым наследником этих «темных варваров».

Антикрестьянский (а по сути дела антинародный, антирусский) «пафос» этих деятелей обращается на разрушение русской деревни, сселение десятков миллионов русских крестьян с родных мест, где многие столетия жили их предки. Один из главных авторов псевдонаучной концепции укрупнения сельских населенных пунктов и сселения якобы неперспективных деревень член-корреспондент (ныне академик) Т. Заславская писала в 1970 году: «Необходима активная целенаправленная работа по сселению мелких и мельчайших поселков... Задача заключается главным образом в том, чтобы найти оптимальные формы и методы сселения мелких поселков и благоустройства крупных сел, придать этому процессу планомерный и организованный характер... По нашим расчетам, не менее половины существующих сельских поселков, где проживает до 30% населения, со временем должны быть ликвидированы или превращены в пункты сезонного пользования, а население их должно быть организовано переселено в перспективные села». (Миграция сельского населения. М., 1970. С. 292—293).

А что это означало на практике? Прежде всего усиление миграции крестьян в город. По плану крестьян сселяют из небольших деревень в более крупный сельский пункт, но в реальности иначе. Молодежь обычно просто уезжает в город, а в укрупненные пункты переезжают пожилые люди. Вот характерный пример — старинное село Грибцово Волгоградской области.

«Была в Грибцове пекарня. Ежедневно обеспечивала свежим хлебом все деревни сельсовета. Закрыли пекарню, стали завозить хлеб из райцентра, сначала три раза в неделю, а, к примеру, перед Первомайскими праздниками — вообще на неделю вперед. И мало того, что хлеб черствеет, он еще и плохо выпеченный. Всегда хуже, чем тот, которым торгуют в районном центре. Беден ассортиментом и наш единственный на 27 деревень магазин... Редко заглядывают к нам механики телевизионных ателье: только

когда по деревням накопится пять-шесть требующих ремонта телевизоров. Вот и ждешь неделями. Нелегко у нас починить и стиральную машину, и заказать в районной мастерской пальто, обувь.

...Урезают нам всякое обслуживание, и в том числе культурное. Лекции в сельском Доме культуры теперь бывают раз в полгода, а остальное время только кино. И вполне понятно, что молодежь по-своему, «ногами», реагирует! За последние восемь лет население, и в основном за счет молодежи, убавилось с 560 человек до 325. Из трех школ закрыли две начальные. Да и школа — восьмилетка. Грибцово, имевшее когда-то до 300 учеников, теперь насчитывает 50. Закрылась школа, детей отправляют в интернат, а следом, глядишь, и родители уехали, и ферма закрывается.

А что это значит — ушел человек с земли? Это значит, что из производителя сельскохозяйственной продукции он автоматически превращается в потребителя. А земля, с таким трудом отвоеванная, мало-помалу выпадает из оборота. Больно смотреть, как возле брошенных деревень зарастают кустарником, выходят из сельскохозяйственного оборота земли, добытые, что называется, потом. Сколько участков пашни вокруг Грибцова превратилось в малопродуктивные сенокосы, да сколько лесных, некогда богатых травой полян заросло кустарником, снова ушло под лес. В целом Сокольском районе за непродолжительное время сократилось сельское население вдвое, и главным образом за счет таких, как мы — «неперспективных». И стоит ли удивляться, что валовое производство сельскохозяйственной продукции по району тоже сократилось, вдвое уменьшилось число сельских жителей и во всей Вологодской области, в которой таких сельсоветов, как Грибцовский, не сколько сотен<sup>4</sup>.

Мы привели эту пространную выдержку, потому что пример очень типичен. В Вологодской, Архангельской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Смоленской областях автору этих строк приходилось слышать десятки подобных рассказов, и даже более мрачных.

Однако раскрестьянивание времен Хрущева и Брежнева шло не только путем механического укрупнения хозяйств и механического укрупнения населенных пунктов. Наступление осуществлялось также на остатки того, что делало крестьянина крестьянином — на его приусадебное хозяйство (кусок земли, который крестьянин мог обласкать своими руками) и его скотину. Ведется оголтелая пропаганда,

объявляющая эти последние атрибуты крестьянства пережитками прошлого, от которых надо отказываться, сконцентрировав все силы и энергию на решении задач общественного хозяйства.

«Повышение уровня и устойчивости доходов, получаемых колхозниками от общественного хозяйства... по-новому ставит и вопрос о личном подсобном хозяйстве колхозников... По мере укрепления колхозов и развития их производительных сил ведение примитивного хозяйства становится все менее и менее эффективным»<sup>5</sup>, — писала Т. Заславская в 1960 году. Снова на крестьянина обрушиваются с налогами, урезают участки, ограничивают с кормами, заставляя его вырубать сады и отказываться от содержания личного скота. Если в 1959 году в личном хозяйстве крестьян было 19 миллионов коров, то к 1964-му их число снизилось на шесть миллионов, а к нашему времени сократилось еще на три.

Несмотря на все гонения, в личном хозяйстве крестьян на участках, составлявших менее 1 процента земель колхозов и совхозов, в середине 80-х годов производилось 58 процентов картофеля, 54 — плодов и ягод, 29 — овощей, 26 — мяса, 27 — молока, 26 процентов яиц.

...Неделя за неделей мы шли по Архангельской области, то приближаясь, то удаляясь от реки Онеги. Некогда густо заселенный край сегодня во многих своих частях представлял настоящую пустыню. Иногда десятками километров не встречалось жилья, хотя то тут, то там попадались остатки разрушенных деревень с черными избами без крыш, заросшие сорняками в человеческий рост. Еще в начале XX века эти места были настоящими заповедниками традиционной крестьянской культуры и уникального хозяйственного и трудового опыта. Сегодня уровень сельскохозяйственного производства в Архангельской области, как и, впрочем, в соседней Вологодской, по многим показателям ниже дореволюционного, пустует огромное количество земель и пашен.

А в целом по стране, если сравнить два разных периода — 1861—1913 и 1913—1970 годы получается, что в первый период рост зерновых культур увеличился на 178 процентов, а во втором — на 111. Рост производства картофеля, сахарной свеклы, хлопка-сырца осуществлялся в первый период в 2 раза быстрее, чем во второй. Численность коров вплоть до 1957 года была ниже 1916 года. Если в 1916-м численность коров у нас была 29 миллионов, то в 1988-м — 42 миллиона, то есть рост всего на

44 процента, тогда как население увеличилось почти в два раза.

Если в 1913 году наша страна производила почти треть общемировой продукции зерновых культур, то сегодня — только десятую часть. Из ведущего экспортера сельскохозяйственной продукции, и прежде всего зерна (41 процент мирового экспорта в 1913 году), наша страна стала главным импортером этой продукции. Каждая вторая тонна товарного зерна в первородном или преобразованном виде — поступает по морям, по волнам из стран далеких <sup>6</sup>.

Но самое главное даже не в этом. Произведенные нами ориентировочные расчеты показывают, что начиная с конца 20-х годов наше сельское хозяйство было убыточным для общества. За 1929—1975 годы общие затраты на сельское хозяйство, включая капитальные вложения, расходы на технику, оплату труда сельских тружеников, в 1,5—2 раза превышали общий объем национального дохода, созданного в сельском хозяйстве. При Сталине убыточность сельского хозяйства перекладывалась на плечи крестьян путем значительной недоплаты за их труд. Со второй половины 50-х годов убыточность раскладывается на все население страны через прямые и косвенные налоги, а также компенсируется продажей природных ресурсов за границу. Такова цена раскрестьянивания.

## ДЕГРАДАЦИЯ ТРУДА

В середине 50-х годов в стране резко сокращается репрессивный аппарат и масштабы принудительного труда. Прекращаются принудительные трудовые мобилизации. Новые руководители правительства начинают осознавать бесплодность и расточительность прежних методов управления.

25 апреля 1956 года отменяется драконовский Указ о судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогул без уважительной причины. Судебная ответственность заменяется мерами «дисциплинарного и общественного воздействия».

Через двадцать два года после упразднения Наркомата труда 24 мая 1955 года вновь образуется Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы (Госкомтруд), а при нем научно-исследовательский институт труда.

Однако и после образования Госкомтруда государственной политике в этой области придавалось второстепенное, отнюдь не политическое значение.

Госкомтруд сформировался как своего рода общесоюзный отдел труда и заработной платы (ОТиЗ на предприятии), его стратегическое и политическое значение в сфере труда в самом начале было сведено на нет: к выработке различных инструкций, методик, постановлений, причем без действенного механизма их реализации, при отсутствии долгосрочных стратегических программ. Эти характеристики Госкомтруда, не изменившиеся вплоть до настоящего времени, превратили его в образцовое бюрократическое учреждение, существующее вне зависимости от требований жизни. Политика регулирования трудовых ресурсов осуществлялась преимущественно в рамках отдельных ведомств, монополизировавших в своих интересах общегосударственные процессы формирования и развития рабочей силы.

Во второй половине 50 — начале 60-х годов стала оживать замороженная в предыдущие десятилетия наука о труде. Впервые за многие годы начинают выпускаться работы по научной организации труда, собираются общесоюзные совещания для обсуждения назревших проблем. Однако настоящие глубокие реформы провести тогда не удалось. Попытки вернуться к истинно народным принципам труда наткнулись на противодействие бюрократического аппарата.

Нет, нелегко и непросто происходил отход от порочных и кровавых методов регулирования труда. Противоречивость эпохи подчеркивает тот факт, что первым руководителем комитета по труду стал Лазарь Моисеевич Каганович — «классик» административно-террористических методов регулирования общественной жизни и труда. С самого начала он задал воистину сталинский тон работе комитета по труду. Впрочем, просидел он здесь недолго, хотя некоторые старые сотрудники до сих пор помнят его оскорбления и издевательства.

Каганович и ему подобные наследники Сталина враждебно воспринимали всякую попытку самостоятельного рабочего движения. Порой возникали кровавые рецидивы сталинизма.

Первые попытки рабочих неформально проявить свое право на забастовку окончились трагически. События в Новочеркасске показали, что методы Кагановича живы и по сей день. Очевидец рассказывает, что с января 1962 го-

да на Новочеркасском электровозостроительном заводе в очередной раз снижали расценки до 30—35%. Последним понизили расценки рабочим сталелитейного цеха. Это было уже в мае. А утром 1 июня по центральному радио было объявлено о повышении цен на мясо и масло. На заводе не решалась жилищная проблема, а плата за частные квартиры составляла в ту пору от 35 до 50 рублей в месяц, то есть 20—30% заработка. В магазинах не было мясных продуктов, а на рынке они стоили очень дорого. 1-го числа по дороге на работу люди возмущались повышением цен. В сталыцехе рабочие собирались кучками. В цех пришел директор завода Курочкин и сказал рабочим (что, конечно, всех возмутило): «Не хватает денег на мясо и колбасу — ешьте пирожки с ливером». Эти слова и стали той искрой, которая привела к трагедии. Рабочие включили заводской гудок. К заводу стали стекаться рабочие 2-й и 3-й смен. Началась забастовка. Появились плакаты: «Дайте мясо, масло», «Нам нужны квартиры».

На следующий день около семи тысяч рабочих с красными знаменами, портретом Ленина (как здесь не вспомнить 9 января 1905 года) двинулись на центральную площадь города, где их ждали танки и автоматчики. Мирное шествие было расстреляно, погибло 24 человека, в том числе один школьник, 30 человек получили ранения, убийствами руководили несколько членов Политбюро ЦК КПСС (по-тогдашнему — президиума), находившиеся в Новочеркасске и державшие постоянную связь с Хрущевым<sup>1</sup>. Да, это было «кровавое воскресенье» хрущевского режима.

Еще до расстрела забастовщиков 4 мая 1961 года был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Этот завоевавший печальную известность указ по своей сути был направлен не против тунеядцев, а прежде всего против самостоятельных и предприимчивых членов общества, ведущих независимую от государства индивидуальную трудовую деятельность. Еще раз подрубались корни наиболее активным и предприимчивым людям (крестьянам, выращивавшим свою продукцию на рынок без «разрешения» совхозов-колхозов, рабочим, ремесленникам-кустарям и даже писателям и поэтам). Все должны были состоять в какой-либо государственной или околосредствственной организации, а иначе объявлялись антиобщественными элементами или тунеядцами.



Хрущевская эпоха, вслед за сталинской, создавала новый казенный «фольклор». «У нас в почете, матушка, томсшлак и суперфосфатушко», — печатали в газетах и отдельных сборниках якобы услышанные в народе пословицы. «Дитя любит ласку, а станок — смазку», «Не следи за гудком, а следи за станком», «На нашем заводе брак не в моде».

По своей фальши эти придуманные «народные» пословицы мало чем отличались от сталинских. Да и многое в сфере труда сохранилось еще со сталинских времен.

Прежде всего, не были поколеблены сложившиеся еще при Сталине основополагающие методы управления трудом:

«остаточный принцип», или экономия на воспроизводстве рабочей силы в формировании фонда оплаты и потребления трудящихся, позволяющая безбедно существовать огромному бюрократическому аппарату, а также формировать основной капитал за счет средств на развитие рабочей силы;

вытекающие из остаточного принципа все виды нарушения механизма стимулирования, мотивации к труду. Централизованные тарифы, районные коэффициенты, выводиловки, уравниловки, потолки;

«делегирование» полномочий в формировании и развитии трудового потенциала отдельным ведомствам, стремившимся урвать кусок, каждое в свою пользу, и не думающим об общенародном интересе.

В результате всего этого научные исследования в области труда приобрели односторонний характер с явным уклоном в количественную, технико-организационную сторону. Вопросы комплексные, социально-экономические, психологические серьезно не изучались.

Многие фундаментальные исследования в области труда носили схоластический, начетнический характер и служили обоснованию сложившихся еще в 30-е годы догм, а также оправданию уже принятых решений директивных органов. Как и прежде, экономическая теория рассматривает категорию содержания труда и отдельных составляющих ее элементов только через технико-организационные связи. Духовно-нравственное и социально-экономическое содержание труда по существу отождествляются с его характером. Из такого подхода вытекает, что социализм, как более прогрессивная общественно-экономическая система по сравнению с капитализмом, автоматически обеспечивает высокое

духовно-нравственное и социально-экономическое содержание труда. Подобная догматическая концепция неизбежно оказывала пагубное влияние на одностороннюю направленность научно-технического развития.

Важнейшие вопросы социально-экономического содержания труда обходят стороной, замалчивают, на них наклеивают ярлыки капиталистических методов. Научно-техническая революция, внедрение автоматической, а позднее компьютеризированной техники поднимает во всем мире вопрос о необходимости обогащения содержания труда, его гуманизации, использования действенных моральных мотивов, введения на производственных участках рабочего самоуправления.

Как и в 30-х годах, гипертрафированное внимание уделяется развитию техники и лишь минимальное внимание формированию рабочей силы. Последнее обуславливалось отставанием сфер экономики, связанных с «обслуживанием» человека, социальной инфраструктуры. Производство предметов потребления росло в три раза медленнее производства технических средств. Но из-за несоответствия качества трудовых ресурсов уровню развития техники эффективность использования технических средств с каждым годом снижалась. Из-за «экономии» на развитии человеческого фактора наша страна смогла вовлекать в общественное производство только часть трудового потенциала общества. Большая же часть его оставалась нереализованной. Несбалансированность факторов производства (работник — техника) оборачивалась огромными народнохозяйственными потерями.

Вместо того чтобы привести эти факторы в соответствие друг другу и тем самым прекратить потери, страна продолжала ввергаться в новые необоснованные расходы на основные производственные фонды, опять же за счет человеческого потребления. В результате промышленность стала работать все в большей степени на воспроизводство самой себя — на изготовление техники в ущерб предметам широкого потребления и продуктам питания. Удельный вес производства средств производства возрастал постоянно с 30-х годов, достигнув в середине восьмидесятых фантастической цифры — 75 процентов, а производство предметов потребления снизилось до 25 процентов. Таким образом, на каждый рубль конечного продукта общества, потребляемого непосредственно человеком, производится три рубля промежуточного продукта — вопиющий показатель общественного расточительства (для сравнения: в США соотно-

шение конечного и промежуточного продукта составляет примерно 1:1).

Практика зарубежных стран подсказывает, что автоматизация производства должна происходить параллельно с процессом обогащения духовно-нравственного и социально-экономического содержания труда, иначе неизбежен рост неудовлетворенности трудом и его деградация. Однако в высших сферах нашей экономики и науки эти идеи объявлялись ересью и не воспринимались всерьез. Руководителям нашей бюрократической системы до сих пор больше импонируют механистические теории труда (прежде всего тейлоризм), делающие ставку на конвейерное производство, обеднение содержания труда, предельное расчленение операции, превращение человека в дополнение машины. Вопросы личностных интересов работника, его психологии, желания самостоятельности, инициативы, предприимчивости в расчет практически не принимаются. Официальная методика Госплана в числе факторов роста производительности труда не учитывает человеческого фактора.

В результате такой политики автоматизация производства в нашей стране сопровождалась обеднением содержания труда, ростом числа лиц, не удовлетворенных своей работой, и, как результат, углублением процесса отчуждения труда. В особенно запущенном состоянии оказались проблемы мотивации к труду и материального стимулирования. Здесь вплоть до последнего времени продолжали в чистом виде бытовать подходы и методы 30-х годов.

Продолжалась практика недоплаты работнику за его труд, нарушалось право на экономически обоснованную долю во вновь произведенном продукте. Вплоть до последнего времени удельный вес оплаты труда в стоимости чистого продукта промышленности не превышал 37 процентов (в США 80-х годов — 60—70 процентов)<sup>2</sup>, то есть, как и при Сталине, у рабочего отчуждалось две третьих созданного им продукта\*.

Продолжается и даже усиливается неэквивалентный обмен продуктами труда между работниками и предприятиями, предоставляющими им товары и услуги. Гигантское косвенное налогообложение (равное в среднем почти собственной стоимости товара) в форме налога с оборота нарушило все пропорции трудовой стоимости. Рабочий и

---

\* Специальный опрос, проведенный в Москве, показал, что 51 процент мужчин и 43 процента женщин считали вознаграждение за свою работу не соответствующим трудовому вкладу<sup>3</sup>.

крестьянин должны платить за многие промышленные товары больше, чем они реально стоят. В начале 80-х годов на каждый рубль купленных промышленных товаров в нашем магазине мы отдавали еще один рубль в виде дани государству, и эта дань далеко не компенсировалась дешевыми продуктами питания. Весь послевоенный период на полную мощь работал станок по печатанию денег, не обеспеченных товарами. В 1971—1985 годах количество денег в обращении выросло более чем в три раза, тогда как розничный товароборот увеличился в 2,1 раза. По некоторым оценкам, неудовлетворенный потребительский спрос составляет в денежном выражении от 70 до 140 млрд. рублей<sup>4</sup>. Для сравнения: на сберегательных вкладах — более 300 млрд. рублей. На те деньги, которые находятся в сберкассах и на руках трудящихся, теоретически можно бы всей стране целый год жить не работая (они равны объему годового розничного товарооборота). Однако если бы мы этого захотели на самом деле, то умерли бы с голоду, ибо товаров под имеющиеся у населения деньги нет. В этих условиях даже самые совершенные системы материального стимулирования нормально работать не могут. У рабочего опускаются руки, когда он пытается соразмерить свои трудовые усилия с завышенной ценой товаров, которые хочет получить, например ковров, мебели, бытовой техники, автомашин. Слишком несоразмерны трудовые усилия работника и цена покупаемого им продукта. Так создается питательная среда для нарушения трудовой этики, начинают плодиться любители левого заработка и несуны — своего рода рабочий ответ на урезанные заработки и неэквивалентный обмен.

Реальный фонд оплаты по-прежнему формируется после финансовых изъятий на преимущественное развитие технических средств и содержание государственного аппарата. Урезанный фонд оплаты уже не может распределяться строго по труду — отсюда стремление манипулировать им централизованно, используя различные перераспределения, на долгие годы замораживая заработную плату, делая ее жесткой и статичной.

Заработная плата рабочих и служащих на всех предприятиях строится на единых государственных тарифах, коэффициентах и нормативах, которые крайне слабо учитывают разницу в условиях труда и территориальные особенности, сложность и многообразие работ. По сути дела, с равной меркой подходят к заведомо неравным затратам труда, так как централизованные тарифы и коэффициенты

не могут уловить огромный спектр различий производства на разных предприятиях, а также постоянные изменения техники, технологии и условий работы. Да и назначаемые коэффициенты носят зачастую произвольный характер, отражая степень влияния того или иного ведомства или способность «хозяина» того или иного предприятия выбить себе повышенный районный коэффициент. Нередко бывает так — два предприятия разделены лишь забором, но токарь четвертого разряда на одном из них получает заработную плату на 10—20 процентов больше, чем такой же токарь-сосед. Почему? Предприятия подчинены разным министерствам, у людей неодинаковые районные коэффициенты к заработной плате.

Интересно привести беседу советского журналиста с западногерманским нормировщиком совместного советско-германского предприятия, который на простом примере показал несостоятельность и оторванность от жизни тарифной системы, используемой в нашей стране.

«Взглянув на нас слегка воспаленными глазами, западногерманский нормировщик отодвинул на край стола кипу справочников и инструкций, изданных под тарифом «Госкомтруд СССР», и тут же объяснил свой жест:

— Думаю, это нам будет мешать. Во всяком случае, большой пользы не принесет. Все здесь или почти все перевернуто с ног на голову...

— Коллега! — нарушил паузу директор. — А что конкретно здесь перевернуто?

— Пожалуй, достаточно одного примера, самого яркого. О подметках... — и западногерманский нормировщик с небрежением коснулся отложенной кипы. — Знаете, почему они у вас отлетают? У вас все направлено на то, чтобы выпускать... брак. Много брака. А госпожа Качество? Где она? В таких «гроссбухах» ею и не пахнет!

— Извините, — учтиво заметил Владимир Городний (руководитель совместного предприятия), — у нас во всем четкая система: разряды, тарифы, технически обоснованные нормы...

— Вот именно: абстрактно технические. А не экономические, не потребительские. Потому и говорю, что перевернуто. Количество труда оторвано от его качества... По какому тарифу платят у вас за нанесение клея?

— По самому низкому.

— А ведь это самая ответственная операция! Она больше всех других влияет на качество обуви...

Как правило, это операция первого разряда и

оплачивается крайне низко. И когда наши партнеры на деле столкнулись с ней, то удивились: почему? Потому, что это вроде бы труд неквалифицированный, любого можно с улицы взять. Они ответили: не согласны, вы забываете о главном. Этот труд влияет на качество. А коль так, его нужно соответственно и оплачивать. И людей хорошо обучать. Вот так-то!..

Оказалось, что главное там, где не ждали»<sup>5</sup>.

Принципиальная неспособность централизованных тарифов отразить все многообразие и сложность труда, бесчисленные варианты его условий и видов ответственности ведут к социальной несправедливости, вызывают несоответствие фонда зарплаты и стоимости товаров и услуг, поступающих в обмен на нее, колеблют устойчивость советской валюты. Социальная несправедливость связана с тем, что на одних предприятиях работники получают меньше, чем они заработали, а на других необоснованно больше. Нарушаются социалистические и народные идеалы справедливого вознаграждения за труд, оплаты по труду. Неадекватное отражение трудовых затрат работника в оплате труда ведет к несоответствию фонда зарплаты и стоимости товаров и услуг, а применение в большом размере необоснованных доплат создает условия для инфляционных процессов.

Заработная плата зачастую не имеет непосредственной связи с количеством и качеством труда, что сводит к минимуму ее стимулирующее значение и является основой разных манипуляций администрации предприятий и учреждений. Всеобщее распространение получили необоснованный перевод рабочих на ставки, учитывающие неблагоприятные условия труда, повышение при приеме на работу тарифных разрядов, использование не по назначению существующих доплат и премий, различные виды выводиловки. Во многих случаях премирование становится своего рода гарантированной частью зарплаты. Все это сводит к абсурду саму идею материального стимулирования, вызывает тенденции уравниловки, создает условия незаинтересованности в результатах труда и полной отдаче физических и творческих сил, безынициативности и инертности.

Происходит неуклонное размывание качественных характеристик в оплате, сближение уровней заработной платы инженеров, специалистов и руководителей, с одной стороны, и рабочих — с другой, что вызывает диспропорции в соотношениях качества простого и сложного труда, тормозит развитие сложного труда, особенно нужного в усло-

виях научно-технического прогресса. Если в середине 20-х годов средняя зарплата ИТР была в 2 с лишним раза больше средней зарплаты рабочего, а в середине 50-х — в 1,68 раза, то в середине 80-х годов — в 1,1 раза. Заработная плата мастеров и начальников участков стала заметно ниже, чем у многих даже неквалифицированных рабочих. Большое число инженеров и специалистов с высшим и средним техническим образованием переходит на рабочие профессии и в сферу услуг, выполняя менее сложные виды труда.

В этих условиях нормирование труда превращается в настоящую фикцию. Большинство применяемых норм не соответствует техническому и организационному уровню производства и не выполняет функцию меры труда. Широкое распространение получила практика ослабления напряженности норм, рассчитываемых по отраслевым и межотраслевым нормативам, посредством необоснованного использования поправочных коэффициентов. В фиктивных ненапряженных нормах становятся заинтересованными и рядовые работники, и руководители. Это позволяет рабочим получить оплату, не соответствующую сделанному ими трудовому вкладу, а руководителям — незаслуженные премии. Возникает особый род круговой поруки, когда руководители закрывают глаза на потери рабочего времени и низкую дисциплину, а рабочие терпимо относятся к серьезным недостаткам в организации и управлении и нередкой некомпетенции руководителя.

Деградация системы материального стимулирования, справедливого вознаграждения усиливалась от пятилетки к пятилетке. Но еще более серьезные деформации происходили в системе морального понуждения к труду.

Понятие труда как высокой духовно-нравственной категории, принимаемое как само собой разумеющееся большинством наших дедов и отцов, для новых поколений уходит «на чердаки из личного сознания». Человек, как мера всех вещей, заменяется абстрактным лозунгом, планом, валом. Все шире распространяется формальное, бюрократическое отношение к труду как к мероприятию, которое следует выполнить, поставить галочку, «закрыть», не касаясь его сути, а если есть возможность, то отделаться от него, выполнив кое-как. Самым распространенным типом становится работник с усеченной культурой труда, обладающий раздробленным или неполным набором трудовых ценностей.

Среди довольно широких слоев населения добросовест-

ное отношение к труду, трудолюбие, старательность воспринимаются как старомодные качества. Нередко и специфическое отношение к таким старомодным людям — настороженность, подозрительность — ему что, больше всех надо?

Труд как духовно-нравственная категория, обладающая внутренней самооценностью для настоящего труженика, становится средством удовлетворения всяких других потребностей, как навязанная извне сила, противостоящая человеку. Отчуждение труда, деградация трудовых ценностей — важнейшее препятствие нашего социально-экономического развития, полноценного использования трудового потенциала.

В середине 50-х годов осуществляется наступление государства на остатки промысловых артелей. Мы уже видели выше, что перед войной артели и кооперативы фактически потеряли свою самостоятельность, хотя продолжали существовать как формально независимые по отношению к государству предприятия. Однако даже символическая самостоятельность промысловых артелей была не по душе руководителям «хрущевского режима». Аналогично волюнтаристской экономической политике укрупнения колхозов и совхозов, преобразования колхозов в государственные предприятия и промысловые артели механически присоединяются к государственным промышленным предприятиям. 14 апреля 1956 года выходит постановление «О реорганизации промысловой кооперации». Согласно этому постановлению государственной промышленности передается около 3500 наиболее крупных промысловых артелей, на которых было занято 600 тысяч человек, с общим объемом производимой продукции на сумму 23 миллиарда рублей. Значительная часть артелей была слита с однотипными государственными предприятиями и перестала существовать как самостоятельные организации. Другие — продолжали существовать самостоятельно, но уже не как артели, а как государственные предприятия. Многие из них, особенно предприятия, занятые ремонтом и изготовлением обуви, одежды, трикотажных изделий, мебели по индивидуальным заказам населения, ремонтом металлоизделий, музыкальных инструментов и др., а также парикмахерские и фотографии вошли в систему вновь организованных управлений бытового обслуживания населения. Так государство, не вложив ни копейки, методами сталинской коллективизации создало новую отрасль.

В 1960 году промысловые артели полностью ликвиди-



руются, а это значит, что в государственную промышленность было передано 25,6 тысячи промысловых артелей, выпускавших продукцию на 62,4 миллиарда рублей (в ценах тех лет) и дававших работу 2,6 миллиона человек <sup>6</sup>.

После Сталина не был ликвидирован и разрыв между обучением и производительным трудом. Выпускникам школ не прививали навыков к труду, умения и желания работать. Хотя в принятых в начале 60-х годов «Законе об укреплении связи школы с жизнью...» и постановлении Совмина СССР «Об улучшении производственного обучения учащихся...» и декларировалась задача соединения обучения с производительным трудом, на жизнь школы оно повлияло мало. Организация трудового воспитания в школе имела формальный характер.

Отсутствие производительного труда при обучении и воспитании молодежи создало поколения людей, не привыкших к труду и воспринимающих его в начале взрослой жизни как нечто неприятное и тягостное. Причем для довольно значительной части людей это отношение к труду сохраняется на всю жизнь. Человек, не научившийся с детства трудиться, смотрит на мир иждивенчески, ждет от него значительно больше, чем может дать сам. Отсюда неизбежный конфликт с обществом, коллективом, семьей.

Более того, современные средства массовой информации нередко навязывают молодежи нетрудовые понятия и идеалы мелких дельцов, мошенников, уголовных кооператоров-рвачей, а порой вымогателей и проституток. Низкопробное смакование сцен насилия и секса, слюнявая эстетизация порока (основанная, по-видимому, на комплексе неполноценности ее создателей), откровенные призывы к наживе и стяжательству являются новой формой разрушения народной культуры. Почему «промысел» шлюхи или подонка-вымогателя приобретает эстетизированное название, скажем, «интердевочки» или «рэкетира» и так подробно освещается в средствах массовой информации, становясь своего рода модной профессией? Почему в песнях и передачах довольно часто проповедуют идеи наживы, достижения материального результата любой ценой («Будет все отлично, не жалея наличных денег для себя», — поет группа «Скандал», а другая ей вторит: «Кто проиграл — тот плачет, кто выиграл — на коне»)? Кому это нужно? Только создателям «новой морали», отрицающей всю предшествующую народную культуру. Еще Бунин в «Окаянных днях» описывал такой эпизод рождения новой «морали»: «Был В. Катаев (молодой писатель, будущий автор сусаль-

ной повести «Белеет парус одинокий». — О. П.). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...» И то, что Катаев сказал одному Бунину, сегодня можно услышать по телевидению, вещающему на десятки миллионов человек. Некоторые представители молодежи откровенничали перед экраном в таком духе: «Меня мало интересует моральная сторона, главное, не работая, получать большие «бабки» (деньги)» — «А что, если ради этого придется пойти на преступление?» — «Это вас не касается», — был ответ.

Конечно, эти откровения отражают представления небольшой части молодежи, но, тиражированные на миллионах экранов, они могут повлиять и на других молодых людей, настойчиво ищущих жизненных ориентиров. Ведь от того, насколько молодой человек пропитается мыслями и взглядами своего героя, зависит формирование его нравственных ценностей. И когда в качестве такого «героя» предлагается подонок-вымогатель или шлюха, его дальнейший жизненный путь не трудно предугадать. Эстетизация нетрудовых элементов дорого обходится обществу.

В годы «застоя» сохранялись практически в полном объеме формы организации труда, основанные на административных запретах, мелочных инструкциях, различных ограничениях, сдерживающих самостоятельность, инициативу и предприимчивость работника. Бюрократизированной системе управления требовался не самостоятельный работник, а преимущественно исполнитель «от сих до сих», послушный «механизм», «винтик». Самодеятельность и предприимчивость рассматривались как качества неудобного человека. В этих условиях предприимчивость нередко вырождалась в жульничество, мошенничество.

Писатель Ю. Нагибин отмечает: «Сколько десятков лет людей приучали к сделкам с совестью, к соглашательству, вышибали из них самостоятельность, веру, решительность, насаждали робость, ханжество, вранье и лицемерие. Главное — вранье одуряющее! Которое уже поколение идет через двойную бухгалтерию: жизнь дома и жизнь на работе, в школе, и так — начиная с яслей. Это не способствует возникновению характера решительного, смелого, могущего не только кинуться в огонь, как и было в Чернобыле, — а это часть национального характера, которую за-

душить не удалось и никогда не удастся,— не только совершить в эйфорическом состоянии яркий поступок, но трудиться ежедневно, планомерно, упорно. Нет сил. Веры нет, привыкли к обману. Даже когда дают серьезное, достойное дело, этого не хотят, все привыкли жить так: государство тянет с нас, мы тянем с государства»<sup>8</sup>.

Двойная, а может быть, множественная бухгалтерия нашей жизни сильно сказалась на трудовой этике. Высокие трудовые ценности русского народа продолжают обесцениваться. Осуществляется беззастенчивая эксплуатация высоких моральных понятий с целью компенсации плохой организаторской работы, ошибок, потерь, расточительности, бесхозяйственности. Кустарный уровень управления, неумение работать, постоянные прорывы, штурмовщина\*, прорехи прикрываются броскими лозунгами, а результаты плохой организаторской работы и бесхозяйственности перекладываются на плечи рядовых тружеников.

Вместо того чтобы просто добросовестно организовать работу, хорошо выполнять свои трудовые функции, ретивые администраторы предпочитают организовывать дутое социалистическое соревнование и ударничество, а также фальшивые коммунистические субботники и воскресники и различные виды шефской помощи для заделывания многочисленных прорех.

Долгие годы наши руководители призывали нас к коммунистическому труду, не наполняя этого высокого понятия реальным содержанием. Разрыв между практикой и лозунгами — трагедия многих поколений, посеявшая серьезное недоверие ко многим высоким идеалам.

Возьмем хотя бы субботники, имеющие прообраз в народной культуре труда (например, обычай помочи). В течение года стройка или заводской двор превращаются в свалку, на разгребание которой бросают людей во время субботников. И нерадивые администраторы дожидаются этого дня и относятся к этому как к должному. Или — коммунальные службы, дворники в течение осени и зимы плохо убирают вверенную им территорию, зная, что в апреле нагонят служащих и учащихся и они все очистят. Так ли редки эти случаи? К сожалению, они типичны.

Или так называемая шефская помощь, которая также обосновывается высокими понятиями. Десятилетиями

---

\* Труд потерял равномерность и ритмичность. В начале 80-х годов на многих предприятиях 50—70 процентов месячной работы приходилось на последнюю декаду.

совхозы, колхозы, овощные базы, стройки привыкли регулярно использовать на тяжелых, грязных работах квалифицированных горожан. А так как добровольно желающих заниматься такой помощью, как правило, не оказывается, то используются формы внеэкономического принуждения.

Социалистическое соревнование и ударничество, формализованные, заорганизованные, бюрократизированные, превратились в один из способов выдавать желаемое за действительное, по-чиновнически имитировать бурную деятельность. Десятилетиями падало качество труда, снижались показатели, росли прогулы, текучесть, штурмовщина, а газеты и журналы трубили о росте массового социалистического соревнования за право называться ударником или бригадой коммунистического труда. Трудовые коллективы, районы города, области, республики «соревновались», кто выдаст больше на-гора стахановых, гагановых. Каждой производственной и административно-территориальной единице полагалось по разнарядке иметь определенное количество ударников. Как хочешь, а план по ударникам выполни. Вот и получалось, что случаи настоящего ударничества тонули в море липовых показателей среди шумихи, показухи, шапкозакидательства. Как рассказывала ударница В. И. Гаганова: «И у меня закрадывалось сомнение: не слишком ли все совершается легко и просто? Каждый ли из тех, кто поддержал почин, искренен и честен перед собой и страной? Да и в количестве ли последователей суть дела?.. С годами мы все больше накапливали опыт приукрашивания действительности, умелого сглаживания острых углов. Все должно было развиваться по заданной драматургии... Сколько же было этой показухи!»<sup>9</sup>.

В 60—70-е годы формируются несколько массовых типов нетрудового человека, в лице которых процесс отчуждения труда дошел до крайней точки — презрение к труду, устойчивое предпочтение ему праздности. Честный труд такой человек считает невыгодным, честного труженика рассматривает как помеху своему стремлению жить легкой жизнью. Когда ему говорят о трудолюбии, он может только рассмеяться, так как всерьез полагает, что это понятие из области художественной литературы далекого прошлого. «Есть несколько категорий таких людей,— пишет писатель Е. Сеницын.— Есть демонстративно презирающие труд, есть стойко не любящие труд, есть такие (их особенно много), кто кое-как терпит его, относится к нему как к неизбежной неприятности. Но всем им, кому в большей степени, кому в меньшей степени — родствен ти-

пичный образ нетрудового человека... Этот человек посторонний всему и всем. Он не понимает и не любит людей труда, не знает и не хочет знать цены тому, что создано трудом. Для него нет общественных интересов, общественных забот... у него нет общественных целей и радостей... нет соотечественников и родины тоже нет. Для него родина там, где вкуснее и беззаботнее. Главная черта его характера — беспредельный неуправляемый эгоизм»<sup>10</sup>.

Деформация механизма мотивации к труду, распределения по труду, отсутствие справедливой связи между результатами работы и ее оплатой создают материальную основу для паразитирования нетрудового человека. Более того, пользуясь деформацией этого механизма, наиболее «активная» часть нетрудовых людей, не имея ни средств производства, ни наемной рабочей силы, сколачивает баснословные, по меркам нашего общества, состояния, являющиеся, по сути дела, материализацией неоплаченного труда честных работников.

Нетрудовой человек всем своим существом, образом жизни, мировоззрением разлагающе действует на окружение, особенно на молодежь. Рядом с настоящим нетрудовым человеком формируется промежуточный тип, в котором трудовые ценности еще не вполне погибли. Писатель В. Распутин в повести «Пожар» подмечает: «Обозначился в последние годы особый сорт людей, не совсем бросовых, не потерянных окончательно, которые в своих бесконечных перемещениях не за деньгами гоняются и выпадающие им деньги тут же с легкостью спускают, а гонимы словно бы сектантским отвержением и безразличием ко всякому делу. Такой ни себе помощи не принимает, ни другому ее не подаст, процедуру жизни он исполняет в укороте, не имея ни семьи, ни друзей, ни привязанностей, и с тягостью, точно бы отбывая жизнь как наказание. Про такого раньше говорили: ушибленный мешком из-за угла, теперь можно сказать, что он отсебятился, принял одиночество как присягу. И что в этих душах делается, кому принадлежат эти души — не распознать...»

Сегодня по нашей стране бродят не менее миллиона лиц без определенных занятий, официально именуемых «бомж» (без определенного места жительства) или «борз» (без определенного рода занятий). Труд для этих людей — печальная необходимость, которую они нередко предпочитают заменить воровством. Дальневосточные ученые, исследовавшие тунеядство и бродяжничество в своем регионе, считают, что причина бродяжничества

этих людей в том, что они не получили трудового воспитания или, говоря словами Толстого, «потеряли способность, охоту и привычку зарабатывать свой хлеб». Выборочное статистическое обследование бродяг показало, что две трети из них ранее судимы, более трети — люди 30—39 лет, седьмая часть — женщины, большинство разведено. Преобладающее большинство бродяг имеет детей.

Журналист Алексей Лебедев, проживший среди бродяг около года, считает, что «на некоторую часть бродяг можно взглянуть, как на продукт нашей романтики. Сейчас многие сокрушаются: строили грандиозные гидростанции, заводы, БАМ, не думая о жилье и быте тех, кто строил. Масса героев — покорителей природы — оказалась без крыши над головой (я не имею в виду тесные общежития). Позвали людей в голубые дали: «Ребята, палатка — это прекрасно! Выстроите Зейскую, Бурейскую электростанции — поедете дальше!» Не все выдержали испытания романтикой. Единицы становятся бродягами, а сотни временщиками. Им что тайгу рубить, что дом ломать... Лишь бы платили. Бродяжничество — это, наверное, утрата всякой морали, в том числе и трудовой: забетонировать — разбить, построить — разрушить...»<sup>11</sup>.

Сложившаяся в стране система труда сама воспроизводит лодырей и прогульщиков, постоянно отвлекая людей от места основной, профессиональной работы, направляя их на непрофессиональное выполнение чуждых им видов труда.

В середине 80-х годов ежедневное число лиц, не вышедших на работу без уважительных причин, только по официальным данным, приближалось к 1 миллиону человек, а на самом деле была в 2—4 раза выше (администрация имеет склонность не вносить в статистические данные о действительном числе прогулов и незаконном отсутствии на работе).

Госкомстат СССР сообщает, что затраты предприятий, учреждений и организаций в связи с отвлечением работников от основной деятельности за 1987 год составили в целом по народному хозяйству 1649 миллионов рублей; из них на выплату зарплаты — 1547 миллионов.

По официальным данным, в 1987 году было потеряно около 200 миллионов человеко-дней (а реально — от 400 до 800), из них половина была потрачена на сельскохозяйственные работы, около десятой части — на работу на овощных базах<sup>12</sup>. А ведь труд этот совсем не доброволь-

ный, а скорее принудительный. Но только ли такие виды принудительного труда сохранились в наше время? Факты говорят — нет.

В сфере труда нашей страны кое-где и по сей день бытуют троцкистско-сталинские, административно-репрессивные формы организации труда. Прежде всего это относится к труду в местах заключения и военных «трудовых армиях».

Вот, например, трудовые колонии. На сегодняшний день по объему выпускаемой продукции трудовые колонии, входящие в систему Министерства внутренних дел, занимают шестое место среди производственных министерств страны. Здесь продолжают жить «трудовые» традиции Беломорканала, заложенные Сталиным и Ягодой... Производство ведется на устаревшем оборудовании в тяжелых условиях безо всякой охраны труда. Причем в лагерях по-прежнему существует «трудовая-нетрудовая» иерархия («блатной закон»), согласно которой работу выполняют так называемые «мужики» (люди, как правило, совершившие преступление случайно и желающие побыстрее вернуться к привычной жизни), уголовная же верхушка из «первой пятерки» блатных чаще всего не работает, заставляя свою норму выполнять «мужиков» (а нормы рассчитаны на здоровых, хорошо питающихся людей).

Для выполнения этих норм принимают социалистические обязательства. Так, в колонии 1/3 среди прочих пунктов числится и такой: «Развернуть трудовое соревнование среди осужденных и добиться присвоения шести отрядам и 31-й бригаде звания «Высокопроизводительного труда и примерного поведения». Вот туфта так туфта!

Пятьдесят процентов заработанного осужденными в колонии изымается на содержание правоохранительных органов, а многие осужденные отчисляют средства и на другие цели. На продуктовый ларек разрешается тратить 10—15 рублей в месяц. «И выходит... («мужик») через несколько лет из ворот колонии — потерявший здоровье, без денег, измученный долгой унижительной зависимостью, профессионально ни к чему не пригодный»<sup>13</sup>. А ведь таких «мужиков» сейчас в колониях около 800 тысяч, а в 70-х годах было в два раза больше<sup>14</sup>.

Наряду с принудительным трудом заключенных широкие масштабы имеет принудительный солдатский труд. Солдат, взятый на службу, чтобы защищать Родину, используется министерствами и ведомствами (Минводхоз, Минтрасстрой, Минтяжстрой и мн. др.) как

неквалифицированная рабочая сила, которую можно эксплуатировать выше всяких возможностей и при безразмерном рабочем дне.

Нормировщики военно-строительного отряда в письме в «Правду» пишут, что оплата труда солдат этого отряда «крайне низкая. Обучение воинов профессии поставлено плохо. В основном они заняты на вспомогательных работах, где все инструменты — лом да лопата. Всем воинам-штукатурам, кровельщикам и т. д. присвоен первый (самый низкий) разряд. Без всяких оснований срезаются расценки, тарифные ставки»<sup>15</sup>.

В «военно-трудовых армиях» сегодня работает, по нашим примерным расчетам, не менее миллиона человек. Своим трудом эти армии значительно облегчают жизнь паразитирующим на солдатском труде министерствам и ведомствам. Как правило отмечается, «привлечение солдат к выполнению плановых заданий «развращает» многие наши ведомства, они перестают соразмерять свои желания и возможности: рабочая сила-то ведомству ничего не стоит». Ни соцкультбыт нормальный создавать, ни зарплату человеческую платить солдатам, по мнению руководителей ведомств, не надо. И эксплуатация труда здесь не в меньшей степени, чем у заключенных в трудколониях.

Мосстройкомитет, после того как перекрыли канал поступления лимитчиков, вместо наведения элементарного порядка в строительстве и создания нормальных условий труда выпросил у Совета Министров СССР несколько военно-строительных отрядов и просит еще. Паразитирование на почти бесплатной рабочей силе продолжается, а чиновники Мосстройкомитета рапортуют о выполнении планов.

Очень близка к принудительной форме труда работа так называемых «лимитчиков», вынужденных из-за прописки трудиться на рабочих местах тяжелых, вредных, непривлекательных, с низкой оплатой (служащей основой для беззастенчивой эксплуатации). На наших глазах десятилетиями функционирует система, когда наши соотечественники из Калужской, Рязанской, Тамбовской и многих других областей, имеющие формально равные с нами права, приезжая в Москву, Ленинград и некоторые другие города, вынуждены выполнять самую непрестижную и невыгодную работу, на которую не идут местные, жить в бараках-общежитиях, не смея протестовать против нарушения элементарных условий труда и быта. Условия жизни мно-



гих наших «лимитчиков» хуже, чем положение бесправных иностранных рабочих где-нибудь во Франции или ФРГ\*.

Рабочая сила «лимитчиков» стоит для наших ведомств значительно дешевле, чем рабочая сила жителей, прописанных в больших городах. Нарушаются самые элементарные принципы социальной справедливости, деформируются основополагающие трудовые ценности, труд приобретает принудительный характер. Общая численность лимитчиков в нашей стране составляет многие миллионы человек.

Общее же число людей, занятых на всех видах недобровольного (принудительного) труда — в трудовых колониях, военно-трудовых отрядах (стройбатах), по лимиту в больших городах, привлеченных на работы и другие виды «шефской» помощи,— составляет не менее 6 миллионов человек. Конечно, это меньше, чем было при Сталине. Тем не менее ясно, что троцкистская система принудительного труда не изжила себя до сих пор.

В целом по стране сложилось крайне уродливое соотношение между настоящими тружениками и людьми, работающими, чтобы только отделаться, предпочитающими праздность труду. Обследование, проведенное в середине 80-х годов, показало, что настоящее стремление работать как можно лучше, высокая самодисциплина, инициативность, творческое отношение к своим обязанностям свойственно только 25—35 процентам занятых в нашем народном хозяйстве, причем в основном лицам от сорока лет и старше. Примерно пятая часть работающих — лица с низкой трудовой активностью. Они инертны, работу предпочитают праздности. Нарушают трудовую дисциплину, отличаются слабой продуктивностью и низким качеством труда. Около половины взрослого населения нашей страны хотя и понимают ценность трудолюбия и добросовестного отношения к труду, но не стремятся работать как можно лучше, не обладают высокой сознательной дисциплиной, не относятся инициативно и творчески к своему труду. Получается так, что по крайней мере две трети населения страны трудно отнести к хорошим работникам.

Отчуждение труда, деградация трудовых ценностей, неуклонно продолжавшиеся последние десятилетия, стали главной причиной серьезной деформации многих сторон нашего социально-экономического механизма, ценообразования, планирования, управления. Отсутствие или

---

\* Кстати, иностранные рабочие есть и у нас — вьетнамцы, корейцы, болгары и др. — числом не менее 200 тысяч человек.

имитация деятельности на том месте, где требовался настоящий труд, создавали зияющие пустоты в производстве, обслуживании, структуре цен, заставляли использовать заведомо искаженные пропорции в отдельных народнохозяйственных категориях — потребление, накопление, группа «А», группа «Б» и т. д. Дутые цены создавали, чтобы получить незаслуженную оплату за плохую работу или даже ее отсутствие; фиктивный хозяйственный механизм — чтобы имитировать полезную деятельность; фальшивые производственные отношения — чтобы скрыть глубокое противоречие между тружениками и паразитическими элементами. Создавалась парадоксальная ситуация: чем больше у нас становилось техники, тем хуже ее использовали, фондоотдача снижалась. Если еще в середине 20-х годов нам не хватало технических средств, а трудолюбия, старательности, добросовестности было даже в избытке, то теперь, наоборот, главным дефицитом стала культура добросовестного, самостоятельного, инициативного труда. Именно этот дефицит породил все остальные виды дефицита в нашей стране. Степень отдачи трудового потенциала, начавшая повышаться в конце 50-х годов, с 60-х годов вплоть до настоящего времени неуклонно снижается.

Катастрофически увеличился разрыв в производительности труда в нашей стране и США, в особенности в производительности труда в сельском хозяйстве. Если в конце XIX — начале XX века Россия делала стремительный рывок к сокращению этого разрыва, то в последние 70 лет (за исключением некоторых периодов) наше экономическое отставание становится все более и более явным. Оторвавшись от народных корней, превратив сферу труда в арену всевозможных социальных экспериментов, подменив национальную модель трудовой деятельности набором «временных инструкций» (от «съезда» к «съезду»), отказавшись от народных форм хозяйствования, мы все больше и больше теряем способность к продуктивному творческому труду. К примеру, сравните сами. В конце XIX века Великую Сибирскую дорогу протяженностью 7,5 тысячи км строили 10 лет 7 тысяч членов артелей при помощи кирки и тачки. Сегодняшнюю знаменитую Байкало-Амурскую магистраль (БАМ) протяженностью 3,1 тысячи км во всеоружии современной техники проводили 15 лет не менее 50 тысяч строительных рабочих. Таковы наглядные результаты деградации труда.

## ВЕРНУТЬСЯ К НАРОДНЫМ ОСНОВАМ ТРУДА

Столбовая дорога сегодняшней перестройки — возвращение к народным основам, традициям, идеалам, культурно-историческое возрождение накопленных поколениями наших предков духовно-нравственных ценностей.

Судьба перестройки решается «на стыке» человека, культуры и экономики — в сфере труда. От того, сумеем ли мы остановить и повернуть вспять процессы деградации труда, возродить утраченные или деформированные трудовые ценности, во многом зависит наше будущее.

Главное состоит в том, чтобы найти в себе силы вернуться к народным основам труда, демонтировать порочные, оторванные от народных традиций и обычаев методы управления им, препятствующие развитию самостоятельности, инициативы и предприимчивости трудовых коллективов и отдельных работников.

Ключ к перестройке в сфере труда — в народном понимании его прежде всего как духовно-нравственной, а потом уже экономической и технико-организационной категории. Понимание труда как духовно-нравственной категории предполагает развитие его в соответствии с народными традициями и обычаями, вовлечение в культурный оборот страны тех подлинных трудовых ценностей, которые выработаны многими поколениями предков. Весь опыт современной жизни показывает, что корни традиционной культуры труда, богатейшие трудовые ценности не погибли безвозвратно, а лишь сместились на периферию нашего сознания.

Трудолюбие, добросовестное, старательное отношение к труду, самостоятельность, инициатива, предприимчивость могут возродиться только при создании благоприятных условий, и прежде всего — развития народного самоуправления, трудовой демократии.

Однако на пути перестройки сферы труда стоит зловещая фигура бюрократа, лишенного национального сознания, в последнее десятилетие превратившегося в технокра-

та. Если бюрократ брал простой бумагой, приказом, инструкцией, предписанием, а в случае неповиновения опирался на милиционера, то технократ соединяет безликую силу бумаги и приказа с силой ЭВМ. Из-за своей оторванности от народа и его интересов и неподконтрольности технократ склонен в благоприятных для него условиях идти на сделки и даже «срастаться» с различными мафиозными и уголовными элементами. Во всех случаях его отношение к человеку труда как средству своего благополучия и «легкой жизни» делает технократа безразличным ко всему, кроме своих личных интересов. Поэтому даже если он и начинает перестраивать производство, то главный упор в совершенствовании труда в лучшем случае делает на улучшение технико-организационного содержания труда, вопросы же духовно-нравственного и социально-экономического содержания труда в расчет не принимаются.

Альтернативой бюрократии и технократии являются различные формы трудовой демократии, предусматривающие создание условий свободного развития каждого работника, обеспечение личностного возвышения, совершенствования способностей человека и его полной самореализации. Демократические формы организации и управления труда ориентируются не на некую безликую единицу, а на человеческую личность во всем ее своеобразии и на конкретный коллектив.

Трудовая демократия — неотъемлемая часть психологии и мировоззрения нашего народа, с которой, хотите вы или нет, надо считаться. И это понимали лучшие умы России да и других стран. Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Герцен и Чернышевский, Менделеев и Вернадский, Гакстгаузен и Маркс отмечали глубокий демократизм русского крестьянина, подчеркивали жизненную необходимость сохранения и развития трудовой демократии, общинных, артельных принципов русского народа. «Я глубоко верю в то, что русский мужик... даст настоящую цельную демократию. Вече — это (основа жизни) среди коренного крестьянского населения», — писал великий русский ученый В. И. Вернадский. «Ближайшим русским идеалом, — многократно повторял Д. И. Менделеев, — отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа, является община». Он же считал, что наиболее перспективным путем развития русской промышленности должна быть передача ее предприятий в руки артельно-кооперативного хозяйства, то есть в рабочее самоуправление. Русская община, писал К. Маркс, станет элементом возрождения рус-

ского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя.

Демократические традиции продолжают жить в сознании нашего народа и сегодня. Это показали недавние забастовки шахтеров. Мы видели, как в городах, где шахтеры установили народную власть, основанную на самоуправлении, было обеспечено нормальное жизнеобеспечение предприятий и коммунальных служб, четко функционировали рабочие дружины по поддержанию порядка, сократилось пьянство, резко снизилась преступность.

На наших глазах возрождаются застывшие уже более полувека назад чувства и стремления, которые много сотен лет составляли душу нашего народа. Пока эти чувства не умерли в нем, мы можем быть уверены в своем будущем.

Что такое трудовая демократия сегодня? Это демократия трудящихся и для трудящихся. В ней нет места эксплуататорским и паразитическим элементам, уголовным кооперативам и мафиозным объединениям.

Это самоуправление трудящихся в селах и городах, без вмешательства в жизнь местных обществ центральных органов власти (кроме определенных законом налогов и общественных обязанностей).

Это передача земли в коллективное пользование сельских обществ, конечно, с правом выделения ее в личное пользование, может быть, бессрочное, но не в частную собственность.

Это передача промышленных, транспортных, торговых и других предприятий во владение артельно-кооперативному хозяйству, широкое развитие артельных форм организации труда и производства, создание народных акционерных предприятий.

Необходимо всемерное развитие различных видов кооперации, распространение разнообразных артельных форм организации труда, бригадного и семейного подряда. Формы проявления кооперации могут быть самые разные, но суть одна — объединение в коллектив не ограничивает, а даже поощряет дух свободного развития, самостоятельности и предприимчивости каждого члена.

Некоторые современные «прорабы» экономической перестройки больше думают о технико-организационной стороне дела, сводят все проблемы к решению технических частных вопросов, склоняются к заимствованию, механическому копированию американских или западноевропейских экономических форм как некоему образцу и идеалу (свободный

рынок, безработица, западные формы материального стимулирования и организации производства).

Такое «сползание» к заимствованию западных форм крайне опасно, так как оно вновь отлучает нас от выстраданного веками народного хозяйственного опыта, перечеркивает его как что-то устаревшее и ненужное.

А в нашей истории, как мы видели выше, есть чему поучиться. Взять хотя бы артельно-кооперативные формы хозяйствования. К сожалению, сегодняшнее развитие кооперации далеко от идеала, иногда даже складывается впечатление, что многое делается, чтобы дискредитировать ее развитие. Почему до сих пор не созданы эффективные органы по контролю над ценами и качеством продукции кооперативных предприятий (вот здесь-то как раз есть чему поучиться за рубежом). К сожалению, какая-то часть нынешних кооперативов стала «крышей» для спекулянтов, дельцов и организованной преступности. Преступные капиталы, опираясь на уголовный сброд, могут сильно повредить развитию нашей социальной и экономической системы, пустив его в русло, способствующее процветанию паразитических слоев общества.

Сегодня много говорят о возвращении крестьянину чувства хозяина земли. Это, конечно, главное условие возрождения сельского хозяйства. Но есть и еще одно немаловажное условие, которое следует из народного опыта. Это вопрос об отношении крестьянина к земле. Некоторые, например, предлагают передать землю крестьянину в частную собственность. Многовековой опыт подсказывает другой путь — путь коллективного землепользования сельских обществ или сельских Советов с выделением определенной части земли в государственное централизованное землепользование для сдачи ее в долгосрочную аренду совхозам, артелям, кооперативам и отдельным земледельцам (с правом наследования). Владение землей на условиях коллективного землепользования означает выделение каждой крестьянской семье участка в личное пользование (с правом наследования) для самостоятельной обработки. Получить такой участок может и горожанин, приехавший для самостоятельной обработки земли. Крестьянин, владеющий землей, платит определенную сумму государству и волен сам выбирать, чем он будет заниматься, соединит ли он свой участок с другим, создав кооператив, а, может быть, арендует еще земли из централизованного государственного земельного фонда. Он может добровольно отказаться от своего участка, и тогда земля вернется во владение

ние всего сельского общества и будет перераспределена между его членами. Но никто не имеет права отобрать этот участок у крестьянина (кроме случаев, предусмотренных законом). Колхозы и совхозы должны получать землю на конкурсной основе на равных правах с другими и за плату не ниже арендной платы отдельных сельских тружеников. Конечно, невозможно предусмотреть все многообразие форм землепользования, но в основе их должен лежать принцип общественного самоуправления, справедливости и трудовой демократии.

Всяческое поощрение и развитие самостоятельности, предприимчивости, чувства хозяина, самоуправления, трудовой демократии раскрепостят в душе труженика огромные силы и энергию, позволят на качественно новом уровне обеспечить экономический подъем.

В промышленности трудовая демократия выражается в переходе от жестких авторитарных форм управления трудом к гибким коллективным, артельным формам, расширении прав участия рядового работника в управлении (бригадой, участком, цехом, предприятием), предоставлении ему возможностей широко высказывать свое мнение, участвовать в обсуждении производственных проблем. В условиях развитого бригадного арендного подряда администрация предприятия делегирует бригаде (своего рода артели) ряд функций планирования, контроля, оплаты труда, приема на работу, право самостоятельного выбора бригадира. Все члены такой бригады самостоятельно планируют методы работы, устанавливают ритмичность, осуществляют разделение труда на основе взаимозаменяемости исполнителей, контролируют качество продукции. Каждый член такой бригады заинтересован в более полной отдаче и развитии своего трудового потенциала.

Развитие форм самоуправления и трудовой демократии неизбежно должно сопровождаться процессами обогащения труда — уничтожением монотонности и бессодержательности, объединением разрозненных элементов в работу, более соответствующую требованиям самостоятельной личности, расширением функций труда, увеличением меры ответственности, использованием творческих способностей рабочего. Важно, чтобы работник видел перед собой значительную задачу, к решению которой он самостоятельно может приложить свои способности и получить признание.

Трудовая демократия не единственный путь возрождения трудовых ценностей наших предков. Другой путь — в уничтожении порочной, антинародной системы

мотивации к труду, навязанной нам бюрократическим аппаратом. Современный бюрократ, как и его предшественник, считает, что большая часть людей от природы не любит работы и стремится по мере возможностей ее избегать. Поэтому, считает он, их надо постоянно принуждать к труду, осуществляя жесткий контроль, используя систему наказаний. Эти невежественные представления бюрократа о трудящемся человеке служат обоснованием различных форм внеэкономического принуждения к труду и внедрения примитивных централизованных систем материального стимулирования.

Насаждению рабской психологии и принудилочки следует противопоставить выстраданную многими поколениями наших предков систему моральных стимулов, в основе которой лежит отношение к труду как к духовно-нравственной ценности, разумеется, не забывая и о материальном стимулировании.

В основе моральных стимулов лежит потребность в творческом, интересном, самостоятельном труде, желание проявить себя наилучшим образом.

Есть у нашего народа черта, которая ставит в тупик многих экономистов и социологов,— дух нестяжательства, выражаемый в отсутствии у значительной части трудящихся стремления к материальному богатству, накопительству, энергичному стяжанию материальных ценностей. Дух нестяжательства не означает, конечно, отказ от материальных благ и желания работать бесплатно, а отражает иной приоритет жизненных ценностей, сложившихся в народной культуре, при котором материальные блага не занимают первого места в жизни. До сих пор для преобладающей части наших тружеников деньги не являются главным мотивом труда, многие готовы потерять в зарплате, чтобы иметь возможность выражать себя, работать самостоятельно, заниматься интересным делом. Вместе с тем в сознании труженика дух нестяжательства связан с представлением о справедливом вознаграждении за хороший труд. Однако стремление к справедливому вознаграждению выступает не как прямой материальный интерес, а как своеобразная форма реализации идеала справедливости. Бюрократическая система доводит до абсурда эти черты нашего народа. С одной стороны, делается попытка использовать дух нестяжательства работников без создания условий для его самовыражения, самостоятельности; без справедливого вознаграждения, что неминуемо выражается в пустой лозунг, деформирует интерес к труду.



Возвращение к народным основам труда в данном случае означает максимальное использование духа нестяжательства, в неразрывной связи с созданием условий для самостоятельности и самовыражения и справедливого вознаграждения.

Поражает снобизм некоторых «прорабов» перестройки. По их мнению, народ («человек с улицы») может понять необходимость и привлекательность перестройки только через владение импортным ширпотребом, только материально заинтересовавшись в ее итогах. В этом духовная нищета и несостоятельность «прорабов» перестройки, разговаривающих с народом на разных языках. Можно ли осуществить гигантское дело нашей перестройки, опираясь прежде всего на материальный интерес, на идею «колбасы»? Думается, что нет! Большая часть населения нашей страны исторически имела другую шкалу жизненных ценностей, веками воспитывалась на идеях нестяжательства, да и в последние десятилетия при всей казенщине все-таки нам внушали другие представления. Приоритет материального интереса не свойствен большинству наших соотечественников, и люди, одержимые им, назовем их «колбасниками», составляют меньшую их часть. Почему же мы должны навязывать идеологию «колбасников» всему обществу? Почему эту идеологию мы должны считать более прогрессивной?

Требуется демонтаж бюрократических форм распределения общественного продукта, при которых фонд потребления и фонд оплаты по труду формируются по остаточному принципу, позволяющему бюрократическому аппарату постоянно экономить на человеке, компенсировать неплототворность бюрократической системы путем распределения средств, необходимых на развитие человека, на экстенсивное расширение производственных фондов и безудержный рост числа чиновников госаппарата. Только в 80-е годы на человеке сэкономилось до 100 млрд. рублей ежегодно, что и позволяло промышленности развиваться экстенсивно, а миллионам лишних чиновников госаппарата сидеть на шее народа.

Для улучшения условий жизни людей в ближайшие два десятилетия требуется постепенное увеличение доли потребления в национальном доходе до нормы, принятой в современной мировой практике — 80—85 процентов (кстати, примерно такая же доля потребления наблюдалась и в России начала XX века). Одновременно настоятельно необходимо переориентировать значительную часть

промышленных предприятий с производства средств производства на изготовление предметов потребления (с 25 процентов в начале 80-х до 40 и более процентов к 2000—2010 годам). Темпы роста расходов, связанных с развитием человека, должны опережать темпы роста расходов на производственные фонды.

Необходимо также ликвидировать систему неэквивалентного обмена между населением и предприятиями розничной торговли промышленных товаров. Гигантский косвенный налог (более 100 млрд. рублей) на промышленные товары, покупаемые населением, называемый налогом с оборота, разрушает всю структуру трудовой стоимости, вызывает несоответствие между трудовыми усилиями работника и материальными благами, которые он за них получает. Более того, так как косвенный налог взимается только с населения и не затрагивает промышленные предприятия, он является своего рода дотацией на экстенсивное развитие предприятий, усугубляя несоответствие нетрудовой стоимости. И наконец, самое главное в том, что налог с оборота — фиктивная, несозданная часть общественного продукта и безусловно не должен учитываться в составе национального дохода. Использование налога с оборота — это одновременно и обеспечение легкой жизни бюрократического аппарата, и вместе с тем запланированная девальвация рубля, сводящая на нет его как функцию меры труда. Именно поэтому реформа финансовой системы ценообразования и прежде всего ликвидация налога с оборота — настоятельное требование времени. Она позволит сделать рубль реальной мерой труда и даст толчок развитию товарного обеспечения, то есть создаст основу для эффективного функционирования системы материального стимулирования.

Опыт России XIX — начала XX века и нынешняя практика промышленно развитых зарубежных стран подсказывает, что необходимо наличие развитого ассортимента товаров и услуг, ориентированных на разные группы работников и определенные уровни доходов. Только так создается вещественное обеспечение материального стимулирования, без которого конкретные формы и методы оплаты труда не могут эффективно функционировать. Но до сих пор у нас выбор товаров и услуг народного потребления необычайно беден. Особенно сузился товарный ассортимент на местах из-за

повсеместного упадка местной промышленности и кустарного производства.

Проведение в жизнь народного идеала справедливого вознаграждения за труд можно осуществить путем отказа от практики централизованного установления тарифной системы, передав это право коллективам предприятий. Каждое предприятие должно устанавливать свою собственную тарифную систему и методы премирования, исходя из общегосударственных принципов построения заработной платы, используя индикативные тарифные справочники и статистические данные (ориентиры) об оплате труда.

Предлагаемые очерки — только начало обсуждения наиболее коренных проблем народной культуры труда, многие из которых долгие годы обходили вниманием. Большинству из нас предстоит огромная работа по возрождению в себе полузабытых, но не утраченных трудовых ценностей, воплощенных в народных традициях и обычаях свободного творческого труда. Заклучим нашу книгу словами русского этнографа Вадима Васильевича Пассека:

«Обычаи народа в обширном смысле есть сокровищница его прошедшего, его знаний, философии, медицины, всей его жизни, его особенности и самобытности. Без этой особенности народ был бы бесхарактерен, несчастен, ничтожен. Доколе жив и силен народ, до того времени живы и сильны его обычаи. Они могут выдержать вековую борьбу с противодействием людей, даже природы, и гибель их, без замены другими чисто народными обычаями, служит предвестником гибели народной... Напрасно думают иные писатели уничтожить обычаи — как предрассудки и заблуждения народа. В народе есть высокая философия, которой он учится, правда, не в школах, есть бессознательные знания, которые часто идут впереди наук, как знания магнетизма, предания о переворотах земли и др. ...Худо человеку без собственного характера, горе народу без национальности. Эта национальность, более всего выражаемая и хранимая обычаями, составляет часть жизни целого человечества: каждый народ в этом отношении дополняет один другого, и доколе существует, составляет необходимое звено в неразгаданной цепи человечества».

# ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

## ПРОМЫСЛОВЫЕ АРТЕЛИ

Общие группы артелей (товариществ)	Дальнейшие первичные виды артелей (товариществ)	Осложненные виды артелей (товариществ)
1. Вспомогательные артели (товарищества)	а) подсобные б) сырьевые в) складочные и др.	подсобно-сырьевые складочно-сырьевые складочно-закупочные складочно-подсобные сборно-артельные мастерские
2. Трудовые артели	а) собственно трудовые артели б) артели по предложению услуг, служб	вспомогательно-трудовые (например, по добыче сырья) артели строительные (производственно-трудовые) не из артельного материала
3. Производительно-трудовые артели	производительно-трудовые артели, строительно-производственные артели по постройке зданий из артельного материала	

Таблица 2

### СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ АРТЕЛИ И ТОВАРИЩЕСТВА

Основные группы артелей (товариществ)	Важнейшие первичные виды сельхозартелей (товариществ)	Осложненные виды сельхозартелей (товариществ)
1. Вспомогательные товарищества (артели)	а) супруга б) артели половников в) товарищества для совместных закупок г) товарищества для совместной продажи (зерна и др.)	а) арендно-сырьевые б) товарищества для совместной переработки (товарищеские мельницы)
2. Трудовые товарищества (артели)	а) помочи б) товарищества (артели) сельскохозяйственных рабочих (кустарей, писарские круги) в) артели чередников (пастухов)	в) арендно-трудовые товарищества г) артели табачниц д) производственно-трудовые товарищества
3. Производительно-трудовые товарищества (артели)	а) гуртова (на Украине) б) земледельческие артели (полные)	

Таблица 3

### ОБЩЕЖИТЕЛЬСКИЕ ТОВАРИЩЕСТВА И АРТЕЛИ

Первичные виды артелей и товариществ	Осложненные виды артелей и товариществ
а) продовольственные (харчевые) артели и товарищества б) артельные или товарищеские квартиры	продовольственно-квартирные товарищества и артели

## ПРИМЕЧАНИЯ

### ТРУДОЛЮБИЕ КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ

#### Без труда нет добра

<sup>1</sup> Здесь и далее русские народные пословицы приводятся по книге «Пословицы русского народа». Сборник В. Даля. М., 1957; Русские народные пословицы и поговорки. М., 1958.

<sup>2</sup> См., например: Известия. 1989. 23 мая.

<sup>3</sup> Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 132.

<sup>4</sup> Иловайский Д. И. История России. Спб., 1880. Ч. 2. С. 227.

<sup>5</sup> Ключевский В. О. Курс русской истории (далее — Курс...). М., 1904. Ч. I. С. 385—386.

<sup>6</sup> Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX веков. М.; Л., 1956. С. 97.

<sup>7</sup> Замалеев А. Ф. Философская мысль в Средневековой Руси. Л., 1987. С. 127—128.

<sup>8</sup> Белов В. И. Лад. М.: Мол. гвардия, 1982.

<sup>9</sup> Афанасьев А. Предисловие ко второму изданию русских народных сказок//Народные русские сказки: В 3 т. М., 1985. С. 9.

<sup>10</sup> Ключевский В. О. Курс... Ч. II. С. 331.

<sup>11</sup> Немирович-Данченко В. И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездок с богомольцами. Спб., 1904. С. 90—92.

<sup>12</sup> Сухомлинский В. А. О воспитании. М., 1975. С. 128.

#### Непрерывное образование

<sup>1</sup> Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 8. С. 36. (Далее просто АИТР).

<sup>2</sup> Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1975. С. 290.

<sup>3</sup> Успенский Г. Пермский сборник. Кн. I. М., 1859. С. 33.

<sup>4</sup> АИТР. Кн. 8. С. 3.

#### Дело мастера боится

<sup>1</sup> Рыбаков Б. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 10.

<sup>2</sup> Там же. С. 12.

<sup>3</sup> Приведено у М. М. Громыко. Трудовые традиции. С. 83.

<sup>4</sup> АИТР. Кн. 10. С. 143.

### Неумейки и лодыри

<sup>1</sup> АИТР. Кн. 5. С. 98.

## ТРУДОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ

### Вольность всего дороже

<sup>1</sup> АИТР. Кн. 10. С. 68.

<sup>2</sup> История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 томах. М., 1966. Т. 1. С. 344—345.

<sup>3</sup> Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 297.

<sup>4</sup> АИТР. Кн. 5. С. 62.

<sup>5</sup> Слобожанин М. Историческое развитие идей артельного движения. Боровичи, 1919. С. 22.

<sup>6</sup> Ключевский В. О. Курс... Ч. 1. С. 386.

<sup>7</sup> Белов В. Лад.

<sup>8</sup> Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986. С. 116—117.

<sup>9</sup> Труд в России. Исторический сборник № 2. Пг., 1924. С. 9.

<sup>10</sup> Там же. С. 11.

<sup>11</sup> АИТР. Кн. 8. С. 136.

<sup>12</sup> Слобожанин М. Указ. соч. С. 13.

### Крестьянский мир

<sup>1</sup> Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 259.

<sup>2</sup> Прыжов И. Г. Очерки. Статьи. Письма. М.; Л., 1934. С. 176—177.

<sup>3</sup> Там же. С. 177.

<sup>4</sup> Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 210—211.

<sup>5</sup> Черепнин Л. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 309.

<sup>6</sup> Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986. С. 94.

<sup>7</sup> Златовратский Н. Сочинения. М., 1951.

<sup>8</sup> Русская мысль. 1880. № 5. С. 24.

<sup>9</sup> См. сноску 6.

<sup>10</sup> Громыко М. М. Традиционные нормы... С. 33.

<sup>11</sup> Там же. С. 33.

<sup>12</sup> Там же. С. 38.

<sup>13</sup> Там же. С. 54.

<sup>14</sup> Громыко М. М. Трудовые традиции. С. 79—80.

- 15 С е м е в с к и й М. Очерки из истории крепостного пра-  
ва//Русская мысль. 1880. № 5. С. 119.
- 16 Русская мысль. 1880. № 5. С. 105.
- 17 З л а т о в р а т с к и й Н. Указ. соч.
- 18 Русская мысль. 1880. № 5. С. 114.
- 19 Т а м ж е. С. 100—101.
- 20 Новый мир. 1988. № 5.
- 21 Новый мир. 1988. № 3.
- 22 К о л е с о в В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.,  
1986. С. 109.
- 23 Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 2. С. 238.
- 24 П у ш к и н А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 6. С. 195.
- 25 Г е р ц е н А. И. Указ. соч. С. 263.
- 26 В е р н а д с к и й В. И. Философские мысли натуралиста.  
М., 1988. С. 398.
- 27 М е н д е л е е в Д. И. Собр. соч. М., 1952. Т. 20. С. 326.

### Русская артель

- 1 Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Спб., 1890. Т. 2.  
С. 184.
- 2 Русская мысль. 1880. № 5. С. 19.
- 3 П р ы ж о в И. Г. Указ. соч. С. 175.
- 4 С л о б о ж а н и н М. Указ. соч. С. 69.
- 5 Ш ю л ь ц е-Г е в е р н и ц Г. Очерки общественного хозяй-  
ства и экономической политики России. Спб., 1901. С. 123—124.
- 6 С л о б о ж а н и н М. Указ. соч. С. 6.
- 7 Т а м ж е. С. 14.
- 8 АИТР. Кн. 4. С. 55.
- 9 Труд в России. Исторический сборник. Пг., 1924. С. 37.
- 10 АИТР. Кн. 2. С. 58.
- 11 Н и к о л а е в А. А. Теория и практика кооперативного дви-  
жения. 2-е изд. Т. 1. 1919. С. 78.
- 12 Строительство и архитектура Москвы. 1984. № 5. С. 18.
- 13 АИТР. Кн. 5. С. 30—31.
- 14 АИТР. Кн. 4. С. 25.
- 15 С л о б о ж а н и н М. Указ. соч. С. 48.
- 16 АИТР. Кн. 8. С. 99—100.
- 17 АИТР. Кн. 5. С. 30.
- 18 С т р у м и л и н С. Г. Указ. соч.
- 19 АИТР. Кн. 5. С. 101.
- 20 АИТР. Кн. 10. С. 67.
- 21 АИТР. Кн. 10. С. 71.
- 22 Т а м ж е. С. 69.
- 23 Т а м ж е. С. 23.
- 24 Т а м ж е. С. 70.



- <sup>25</sup> АИТР. Кн. 5. С. 12—14.
- <sup>26</sup> Временник живописной России. 1903. № 106. С. 13.
- <sup>27</sup> Русская мысль. 1914. Кн. 7. С. 16—18.
- <sup>28</sup> Там же. С. 37—38.
- <sup>29</sup> АИТР. Кн. 10. С. 71—72.
- <sup>30</sup> Слобожанин М. Указ. соч. С. 14.

#### Заметки о принудительном труде

- <sup>1</sup> Герцен А. И. Указ. соч. С. 328.
- <sup>2</sup> Там же. С. 262.
- <sup>3</sup> Новый мир. 1988. № 5.
- <sup>4</sup> Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Спб., 1899. Т. 27А.
- <sup>5</sup> Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 365.
- <sup>6</sup> АИТР. Кн. 1. С. 30—31.
- <sup>7</sup> Кучинский Ю. История условий труда во Франции. М., 1950. С. 14.
- <sup>8</sup> Туган — Барановский М. И. Крепостная фабрика//Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 141.

### ИДЕАЛЫ И ИНТЕРЕСЫ

#### Душа всему мера

- <sup>1</sup> Народные русские сказки: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 9.

#### Нестяжательство

- <sup>1</sup> Герцен А. И. Былое и думы. Т. 1.
- <sup>2</sup> Белов В. Указ. соч.
- <sup>3</sup> Москва. 1989. № 3. С. 165.

#### Куда топор и соха ходили

- <sup>1</sup> Русская мысль. 1880. № 6. С. 94.
- <sup>2</sup> Слово. 1878. № 1. С. 154.
- <sup>3</sup> Земельная община Ф. Шербина//Русская мысль. 1880. № 5. С. 15.
- <sup>4</sup> Основа. 1862. № 6. С. 68—69.

#### Сколько зарабатывали наши предки?

- <sup>1</sup> Макарий. История русской церкви. Спб., 1868. Т. 1.
- <sup>2</sup> Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 30—32.
- <sup>3</sup> Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии. Спб., 1899. С. 270, 353.
- <sup>4</sup> Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 62—84.
- <sup>5</sup> Там же. С. 82.
- <sup>6</sup> АИТР. Кн. 9. С. 79.
- <sup>7</sup> АИТР. Кн. 8. С. 71.

- <sup>8</sup> Русская мысль. 1880. № 6. С. 20—34.
- <sup>9</sup> Русская мысль. 1880. № 5. С. 129—130, 136.
- <sup>10</sup> Ч у п р о в А. И. Курс политической экономии. М., 1917. С. 318.
- <sup>11</sup> Струмилин С. Г. Указ. соч., С. 86, 89.
- <sup>12</sup> АИТР. Кн. 9. С. 85—86.
- <sup>13</sup> Там же. С. 92.
- <sup>14</sup> Г а к с т г а у з е н А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 98, 119.
- <sup>15</sup> АИТР. Кн. 9. С. 59.
- <sup>16</sup> Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 122—123.
- <sup>17</sup> США: экономика, идеология, политика. 1988. № 12. С. 13—17.

## НАРОДНЫЙ ТРУДОВОЙ КАЛЕНДАРЬ

### Пахари и мудрецы

- <sup>1</sup> Б е л о в В. Указ. соч.
- <sup>2</sup> Пословицы русского народа//Сборник В. Даля. М., 1957.
- <sup>3</sup> Живописная Россия. Спб., 1899. Т. 6. Ч. 2. С. 27—28.
- <sup>4</sup> Г р о м ы к о М. М. Традиционные нормы... С. 118.
- <sup>5</sup> Там же. С. 87.
- <sup>6</sup> Живописная Россия. С. 27—28.
- <sup>7</sup> Русская мысль. 1880. № 6. С. 2.
- <sup>8</sup> Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник. М., 1904. С. 197.
- <sup>9</sup> Г р о м ы к о М. М. Трудовые традиции. С. 123.
- <sup>10</sup> Ж е г а л о в С. К. Русская народная живопись. М., 1975. С. 6.

### Сколько работали наши предки?

- <sup>1</sup> Временник живописной России. 1903. № 130.
- <sup>2</sup> К а р ы ш е в Н. Труд. Спб., 1897. С. 305.
- <sup>3</sup> АИТР. Кн. 3. С. 97.
- <sup>4</sup> Русская мысль. 1880. № 6. С. 10.
- <sup>5</sup> АИТР. Кн. 4. С. 90.
- <sup>6</sup> Там же. С. 91.
- <sup>7</sup> Временник живописной России. 1903. № 130.

## ПЛОДЫ ТРУДОВ НЕУСТАННЫХ

### Страна городов

- <sup>1</sup> Ч е р е п н и н Л. В. Указ. соч. С. 374.
- <sup>2</sup> Р е й т е н ф е л ь с Я. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1909. С. 95—96.

## От Петра Первого до Петра Столыпина

- <sup>1</sup> К л ю ч е в с к и й В. О. Указ. соч. Ч. 4. С. 284—285.
- <sup>2</sup> АИТР. Кн. 8. С. 136.
- <sup>3</sup> С т р у м и л и н С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 205.
- <sup>4</sup> Б е з о б р а з о в В. П. Народное хозяйство России. Спб., 1882. Ч. 1. С. 206—207.
- <sup>5</sup> Б р о к г а у з и Е ф р о н. Спб., 1904. Т. 82. С. 811.
- <sup>6</sup> С т р у м и л и н С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 426—427.
- <sup>7</sup> Научная организация труда двадцатых годов. Казань, 1965. С. 657.
- <sup>8</sup> М о т ы л е в В. Е. Проблемы темпа развития СССР. С., 1929. С. 87.
- <sup>9</sup> С а р а б ь я н о в В. История русской промышленности. Харьков, 1926. С. 189.
- <sup>10</sup> С т р у м и л и н С. Г. Очерки... С. 426—427.

## НА ПЕРЕЛОМЕ

### Разрушение именем западноевропейской цивилизации

- <sup>1</sup> Д а л ь В. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 8.
- <sup>2</sup> П ы п и н А. Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. 2-е изд. Спб., 1890. С. 292—298.
- <sup>3</sup> С е м е н о в - Т я н - Ш а н с к и й П. П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946. С. 41—42.
- <sup>4</sup> Б е р д я е в Н. Философия неравенства. Париж, б. г.
- <sup>5</sup> Б е з о б р а з о в В. П. Народное хозяйство России. Спб., 1882. Ч. 1. С. 111—112.
- <sup>6</sup> Москва. 1989. № 3. С. 197—198.
- <sup>7</sup> М а к с и м о в С. В. Собр. соч. Спб., 1909. Т. 15. С. 329.
- <sup>8</sup> А н д р е й Б е л ы й. Проблемы творчества. М., 1988. С. 425.
- <sup>9</sup> Новое время. 1897. 20 апр.
- <sup>10</sup> Литературное наследство. Т. 22—24. 1935. С. 779.
- Ч е х о в А. П. ПСС. М., 1977. Т. 9. С. 527.

### Идеология босяков и «романтика» дна

- <sup>1</sup> П р ы ж о в И. Г. Указ. соч. С. 151—152.
- <sup>2</sup> АИТР. Кн. 4, С. 39.
- <sup>3</sup> П р ы ж о в И. Г. Указ. соч. С. 180.
- <sup>4</sup> Б у н и н И. Соч. Т. 6. С. 83.
- <sup>5</sup> Геллер М., Н е к р и ч А. Утопия у власти. Лондон, 1986. С. 126.

- <sup>6</sup> Дружба народов. 1989. № 5.
- <sup>7</sup> Полвека для книги. М., 1916. С. 29—30.
- <sup>8</sup> Дружба народов. 1989. № 5. С. 238.

### Разрушение общины

- <sup>1</sup> Русская мысль. 1880. № 5. С. 113.
- <sup>2</sup> АИТР. Кн. 2. С. 55.
- <sup>3</sup> Герцен А. И. Указ. соч. С. 261—262.
- <sup>4</sup> Временник живописной России. 1903. № 113.
- <sup>5</sup> Менделеев Д. И. Собр. соч. М., 1950. Т. XX. С. 272.
- <sup>6</sup> Ермолов А. Организация полевого хозяйства. Спб., 1914. С. 16—17.
- <sup>7</sup> Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 210.
- <sup>8</sup> Временник живописной России. 1903. № 118. С. 109.
- <sup>9</sup> История СССР. М., 1968. Т. VI. С. 349—350.
- <sup>10</sup> Архив К. Маркса и Ф. Энгельса под ред. Д. Рязанова. Книга первая. М., 1924. С. 265.
- <sup>11</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 251.

### Артель или капитализм?

- <sup>1</sup> АИТР. Кн. 5. С. 98.
- <sup>2</sup> Там же. С. 102.
- <sup>3</sup> Там же. С. 104.
- <sup>4</sup> Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Спб., 1906. С. 11.
- <sup>5</sup> Там же. С. 86—87.
- <sup>6</sup> Там же. С. 110—111.
- <sup>7</sup> Временник живописной России. 1903. № 115. С. 82.
- <sup>8</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 19. С. 410. (курсив наш.— О. П.).
- <sup>9</sup> Менделеев Д. И. Собр. соч. Т. XX. С. 273.

## ОБОРВАННАЯ НИТЬ

### ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ОЖИДАНИЙ

#### Два начала революции

- <sup>1</sup> Бердяев Н. Философия неравенства. Париж, б. г. С. 170.
- <sup>2</sup> Стенограмма II съезда Советов приведена в газете «Советская Россия». 1988. 7 ноября.
- <sup>3</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 98.
- <sup>4</sup> Там же. Т. 45. С. 23.
- <sup>5</sup> Там же. Т. 35. С. 60—61.

- <sup>6</sup> Там же. Т. 39. С. 17.
- <sup>7</sup> Там же. Т. 36. С. 500.
- <sup>8</sup> Там же. Т. 38. С. 55.
- <sup>9</sup> Там же. Т. 38. С. 201.
- <sup>10</sup> Ленин В.И. О литературе и искусстве. М., 1986. С. 448.
- <sup>11</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 315. Т. 36. С. 89, 301.

### Троцкий — терроризм и коммунизм

- <sup>1</sup> Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. М., 1920.
- <sup>2</sup> Родина. 1989. № 7.
- <sup>3</sup> Правда. 1988. 21 окт.

### Большевики или коммунисты?

- <sup>1</sup> Ткачев П. Соч. М., 1976. Т. 2. С. 169.
- <sup>2</sup> Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 120.
- <sup>3</sup> Там же. Т. VIII. С. 210—211.
- <sup>4</sup> Октябрь. 1989. № 7. С. 168.
- <sup>5</sup> Протоколы X съезда РКП(б). М.: Партиздат, 1931. С. 871.
- <sup>6</sup> Гольцман А. Реорганизация человека. М., 1924. С. 35.
- <sup>7</sup> Правда. 1927. 12 янв.
- <sup>8</sup> Октябрь. 1989. № 7. С. 146.
- <sup>9</sup> Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1978. С. 158.
- <sup>10</sup> Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1953. С. 361—362.
- <sup>11</sup> Сталин И. Соч. Т. 11. С. 159.
- <sup>12</sup> Бердяев Н. Философия неравенства. Париж, б.г. С. 87.
- <sup>13</sup> Горький М. Если враг не сдается, то его уничтожают. М., 1938. С. 265.
- <sup>14</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 95—96.

### Направление главного удара

- <sup>1</sup> Красная Новь. 1927. № 2(19). С. 78—88.
- <sup>2</sup> История социалистической экономики СССР (далее — ИСЭ СССР). Т. 1. С. 305. Т. 2. С. 372.
- <sup>3</sup> Калинин М. Вопросы советского строительства. М., 1958. С. 18.
- <sup>4</sup> Ден В. Э. Экономическая география. Л., 1924. С. 217, 367.
- <sup>5</sup> Софинов П. Г. Очерки истории ВЧК. М., 1960. С. 82.
- <sup>6</sup> Лелевич Г. Стрекопытовщина. М., 1923. С. 36.
- <sup>7</sup> Контрреволюция за 4 года. М., 1922. С. 4.
- <sup>8</sup> Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 73.
- <sup>9</sup> ИСЭ СССР. Т. 2. С. 381.
- <sup>10</sup> Память. Париж, 1979. С. 424, 426.
- <sup>11</sup> Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. т. 17. С. 463.

## От всеобщей трудовой повинности до милитаризации труда

- <sup>1</sup> Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 13 января 1918 г. Ст. 215.
- <sup>2</sup> Там же. 13 октября 1918 г. Ст. 792.
- <sup>3</sup> Там же. 10 декабря 1918 г. Ст. 905 (Кодекс законов о труде).
- <sup>4</sup> Там же. 1920. № 61—62. Ст. 276.
- <sup>5</sup> ИСЭ СССР. Т. I. С. 360.
- <sup>6</sup> Из истории ВЧК, 1917—1921. М., 1958. С. 256—257.
- <sup>7</sup> Декреты Советской власти. М., 1965. Т. 4. С. 627.
- <sup>8</sup> М а е в с к и й Л. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957. С. 63.
- <sup>9</sup> С и д о р о в А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 5—6.
- <sup>10</sup> Огонек. 1989. № 17. С. 21.
- <sup>11</sup> Правда о Кронштадте. Прага, 1921. С. 9.

## Н Э П

- <sup>1</sup> Законы о трудовом землепользовании. М., 1922. С. 49.
- <sup>2</sup> Там же. С. 12—13.
- <sup>3</sup> Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 3. С. 474; АИТР. Кн. 10. С. 73—74.
- <sup>4</sup> АИТР. Кн. 10. С. 74.
- <sup>5</sup> Экономическая энциклопедия. Т. 2. С. 252.
- <sup>6</sup> Научная организация труда 20-х годов. Казань, 1965. С. 663.
- <sup>7</sup> Г о р ь к и й М. Если враг не сдается, его уничтожают. М., 1938. С. 251.
- <sup>8</sup> ИСЭ СССР. Т. 2. С. 41.
- <sup>9</sup> Там же. С. 47.
- <sup>10</sup> К а л и н и н М. Вопросы советского строительства. М., 1958. С. 174.
- <sup>11</sup> П и л ь н я к Б. Красное Дерево. Дружба народов. 1989. № 1. С. 146.
- <sup>12</sup> К а л и н и н М. Указ. соч. С. 265.
- <sup>13</sup> ИСЭ СССР. Т. 2. С. 384.
- <sup>14</sup> Правда. 1927. 2 февр.

## ВЕЛИКАЯ НАРОДНАЯ ТРАГЕДИЯ

### Страх и голод

- <sup>1</sup> Советская культура. 1989. 14 янв.
- <sup>2</sup> XV конференция ВКП(б). М.—Л., 1927. С. 719.
- <sup>3</sup> Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1932. 28 дек.
- <sup>4</sup> Там же. 1932. 16 ноября.

- <sup>5</sup> ИСЭ СССР. Т. 3. С. 70.
- <sup>6</sup> Октябрь. 1989. № 7. С. 157.
- <sup>7</sup> Юность. 1989. № 2. С. 54.
- <sup>8</sup> США: экономика, идеология, политика. 1988. № 12. С. 13.
- <sup>9</sup> З в е р е в А. Г. Записки министра. М., 1978. С. 245—246.
- <sup>10</sup> Правда. 1988. 28 окт.
- <sup>11</sup> ИСЭ СССР. Т. 3. С. 98.
- <sup>12</sup> Т а м ж е. С. 102.
- <sup>13</sup> М а л а ф е е в А. И. История ценообразования в СССР. М., 1964. С. 178, 404. К у з ь м и н В. И. Исторический опыт советской индустриализации. М., 1969. С. 72.
- <sup>14</sup> ИСЭ СССР. Т. 3. С. 101.
- <sup>15</sup> Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 55. С. 75; Т. 26. С. 290.
- <sup>16</sup> Знамя. 1989. № 9. С. 22.
- <sup>17</sup> Г е л л е р М., Н е к р и ч А. Утопия у власти. Лондон, 1986. С. 298.
- <sup>18</sup> С h a r m a n J a n e t G. Real Wages in Soviet Russia since 1928 Cambridge Mass, Harvard Univ. Press p.p. 55—57, 139—147, 176.

#### «Раскрестьянивание»

- <sup>1</sup> И в н и ц к и й Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 51.
- <sup>2</sup> С т р у м и л и н С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 256.
- <sup>3</sup> З а л е с с к и й М. Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1970. С. 82.
- <sup>4</sup> Т а м ж е. С. 74.
- <sup>5</sup> ИСЭ СССР. Т. 3. С. 329.
- <sup>6</sup> Горизонт. 1989. № 1. С. 26.
- <sup>7</sup> З а л е с с к и й М. Я. Указ. соч. С. 82.
- <sup>8</sup> Т а м ж е.
- <sup>9</sup> Социалистическое строительство в СССР. Статсборник. М., 1936. С. 30.
- <sup>10</sup> Октябрь. 1988. № 11. С. 101.
- <sup>11</sup> Известия. 1989. 31 марта.
- <sup>12</sup> С т а л и н И. Соч. Т. 11. С. 10.
- <sup>13</sup> ИСЭ СССР. Т. 3. С. 324.
- <sup>14</sup> И в н и ц к и й Н. А. Указ. соч. С. 98.
- <sup>15</sup> З а л е с с к и й М. Я. Указ. соч. С. 98.
- <sup>16</sup> История КПСС. Т. 4. Кн. 2. С. 56.
- <sup>17</sup> Т р и ф о н о в И. Я. Указ. соч. С. 349.
- <sup>18</sup> И в н и ц к и й Н. А. Указ. соч. С. 242.
- <sup>19</sup> Т а м ж е. С. 298—299.
- <sup>20</sup> Т р и ф о н о в И. Я. Указ. соч. С. 371.

- <sup>21</sup> Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1963 г. М., 1964;  
То же, в 1975 г. М., 1976.
- <sup>22</sup> Известия. 1989. 4 марта.
- <sup>23</sup> Родина. 1989. № 8. С. 34—35.
- <sup>24</sup> Минувшее. Париж, 1988. № 7. с. 75.
- <sup>25</sup> И в н и ц к и й Н. А. Указ. соч. С. 240.
- <sup>26</sup> ИСЭ СССР. Т. 4. С. 331.
- <sup>27</sup> Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР. М.—Л., 1939.
- С. 73, 87.
- <sup>28</sup> А б р а м о в Ф. Дом. Роман-газета. 1980. № 6. С. 71.
- <sup>29</sup> ИСЭ СССР. Т. 4. С. 329; Т. 5. С. 114.
- <sup>30</sup> С 3, 11—88.
- <sup>31</sup> Родина. 1988. № 8. С. 35.
- <sup>32</sup> ИСЭ СССР. Т. 6. С. 116.

### Лагерный труд

- Общие сведения. А. И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»
- <sup>1</sup> Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. М., 1934.
- С. 11—12. (Беломор-Канал).
- <sup>2</sup> Т а м ж е.
- <sup>3</sup> Советская культура. 1988. 6 февр.
- <sup>4</sup> Знамя. 1989. № 6. С. 9.
- <sup>5</sup> Память, кн. I. Нью-Йорк, 1978. С. 552.
- <sup>6</sup> Беломор-Канал. С. 12.
- <sup>7</sup> Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1989. № 7.
- С. 329—331.

### Кадры решают всё

- <sup>1</sup> Московские новости. 1988. 20 марта.
- <sup>2</sup> Г о р е в Я., Г у р е в и ч С. Митинг гигантов. Л., 1930.
- С. 20.
- <sup>3</sup> F a i n s o d M. Smolensk a l'heure de Staline. Paris, 1967.
- <sup>4</sup> ibid. P. 344—346.
- <sup>5</sup> Партийное строительство. 1931. № 1. С. 24.
- <sup>6</sup> С т р у м и л и н С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 541.
- <sup>7</sup> XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1922. С. 212.
- <sup>8</sup> Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1933. 24 июня.
- <sup>9</sup> Научная организация труда двадцатых годов. Казань, 1965. С. 16.
- <sup>10</sup> Наш современник. 1988. № 1. С. 15.
- <sup>11</sup> Рассчитано по: Народное хозяйство СССР, 1961. С. 7, 8.

Историческая география СССР. М., 1973. С. 284. Данные о рождаемости и естественной смертности вычислены по ежегодникам «Народное хозяйство» за 1956—1970 годы.



## РАЗРУШЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

### Раскрестьянивание: второй этап

- <sup>1</sup> Основы коммунистического воспитания. М.: Политиздат, 1964. С.571.
- <sup>2</sup> Книжное обозрение. 1988. 20 мая.
- <sup>3</sup> Миграция сельского населения. М., 1970. С. 292—293.
- <sup>4</sup> Известия. 1981. 13 мая.
- <sup>5</sup> З а с л а в с к а я Т. И. Современная экономика колхозов. М., 1960. С. 105.
- <sup>6</sup> Знамя. 1989. № 1. С. 153.

### Деградация труда

- <sup>1</sup> Литературная газета. 1989. 21 июня.
- <sup>2</sup> США: экономика, политика, идеология. 1988. № 12.
- <sup>3</sup> Аргументы и факты. 1988. 22—28 апр.
- <sup>4</sup> Политическое самообразование. 1989. № 1. С. 55.
- <sup>5</sup> Правда. 1989. 4 янв.
- <sup>6</sup> Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М., 1975. Т. 2. С. 253.
- <sup>7</sup> Москва. 1989. № 3.
- <sup>8</sup> Октябрь. 1988. № 2. С. 199.
- <sup>9</sup> Огонек. 1988. № 4.
- <sup>10</sup> Наш современник. 1987. № 6. С. 145.
- <sup>11</sup> Московские новости. 1988. 13 марта.
- <sup>12</sup> Правда. 1988. 8 мая.
- <sup>13</sup> Советская культура. 1989. 9 сент.
- <sup>14</sup> Данные министра МВД Бакатина при назначении его в Верховном Совете СССР.
- <sup>15</sup> Правда. 1989. 26 апр.

# СОДЕРЖАНИЕ

## ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

### ТРУДОЛЮБИЕ КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ

Без труда нет добра .....	4
Непрерывное образование .....	17
Дело мастера боится .....	19
Неумейки и лодыри .....	24

### ТРУДОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Вольность всего дороже .....	27
Крестьянский мир .....	35
Русская артель.....	55
Заметки о принудительном труде .....	80

### ИДЕАЛЫ И ИНТЕРЕСЫ

Душа — всему мера .....	88
Нестыжательство .....	91
Куда топор и соха ходили .....	96
Рядись не стыдись, а работай не ленись .....	98
Сколько зарабатывали наши предки?.....	100

### НАРОДНЫЙ ТРУДОВОЙ КАЛЕНДАРЬ

Пахари и мудрецы .....	108
Сколько работали наши предки? .....	121

### ПЛОДЫ ТРУДОВЫХ НЕУСТАННЫХ

Страна городов .....	124
От Петра Первого до Петра Столыпина .....	130

### НА ПЕРЕЛОМЕ

Разрушение именем западноевропейской цивилизации .....	147
Идеология босняков и «романтика» дна.....	160
Разрушение общины .....	166
Артель или капитализм? .....	174

## ОБОРВАННАЯ НИТЬ

### ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ОЖИДАНИЙ

Два начала революции .....	182
Троцкий — терроризм и коммунизм .....	186
Большевики или коммунисты? .....	191
«Направление главного удара» .....	201

От всеобщей трудовой повинности до милитаризации труда .....	209
Нэп .....	215
<b>ВЕЛИКАЯ НАРОДНАЯ ТРАГЕДИЯ</b>	
Страх и голод .....	227
«Раскрестьянивание» .....	242
Лагерный труд .....	266
«Кадры решают все» .....	274
<b>РАЗРУШЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ</b>	
Раскрестьянивание: второй этап .....	284
Деградация труда .....	290
<b>ВЕРНУТЬСЯ К НАРОДНЫМ ОСНОВАМ ТРУДА.....</b>	311
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ</b> .....	320
<b>ПРИМЕЧАНИЯ</b> .....	322

**Платонов Олег Анатольевич**

**РУССКИЙ ТРУД**

**Редактор Залегина Е. А.**

**Художник Александрова Н. Г.**

**Художественный редактор Никулин А. Ю.**

**Технический редактор Иванова Г. А.**

**Корректор Воротникова Т. М.**

**Издание подготовлено к печати  
по автоматизированной редакционно-издательской  
технологии на персональных ЭВМ**

**Операторы: Левенчук А. С., Меламед Н. И.,  
Воробьева О. Н., Иванова Г. А.**

**ИБ № 6078**

**Сдано в набор 20.08.90. Подписано к печати 05.12.90.  
Формат 84x108/32. Гарнитура Тип. Таймс. Печать высокая.  
Бумага типогр. № 2. Усл. печ. л. 17,64. Усл. краск.-отт. 18,06.  
Уч.-изд. л. 19,18. Тираж 30 000 экз. Заказ 80. Цена 1р. 10к.**

**Издательство «Современник» Министерства печати и массовой  
информации РСФСР и Союза писателей РСФСР  
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62**

**Полиграфическое предприятие «Современник» Министерства  
печати и массовой информации РСФСР  
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30**